СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

ЛЕНИНГРАД · 1952

Вступительная статья
Л. А. Дмитриева и В. Л. Виноградовой
Подготовка текста и комментарии
Л. А. Дмитриева

„СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ“ — ВЕЛИЧАЙШИЙ ПАМЯТНИК МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

1

Советская общественность дважды широко отмечала юбилейные даты, связанные с величайшим произведением древнерусской литературы — „Словом о полку Игореве“: в 1938 году — 750-летие со времени написания „Слова“ и в 1950 году — 150-летие выхода в свет первого печатного издания.

Почти восемь веков прошло с тех пор, когда было написано „Слово“, полтора века — со времени выхода в свет его первого печатного издания, но попрежнему оно волнует читателей и живет полнокровной художественной жизнью Интерес к нему со временем не только не ослаб, но возрос еще больше, а смысл и идейно-политическое значение его получили свою настоящую оценку только в наше время.

Событие, легшее в основу „Слова о полку Игореве“, произошло в 1185 году.

1185 год — конец XII века. Этот век характеризуется все большим и большим феодальным дроблением когда-то единой Киевской Руси на отдельные княжества. Дробление раннефеодального единого государства, формой которого являлась раннефеодальная монархия с единым князем и единым государственным центром — Киевом, связано с ростом крупного землевладения.

Экономическое развитие отдельных княжеств, до этого слабых и подчиненных и экономически и политически Киеву, данниками которого они были, приводило к их усилению и вызывало стремление освободиться от подчиненности Киеву, так как он уже не мог содействовать их развитию, а, наоборот, тормозил его.

Феодальная верхушка каждого отдельного княжества организовывала внутри, у себя, дружины, способные держать в подчинении крестьянские массы. Это приводило к росту военной силы отдельных княжеств, укрепляло независимость их от Киева. Правители вновь возникших крупных земель стремились к подчинению соседних княжеств своей власти. Рост и развитие крупного землевладения (в это время князья становятся владельцами огромных земельных наделов) требовали захвата новых земель, подчинения крупным феодалам как можно большего числа рабочих рук: „Могущество феодальных господ, как и всяких вообще суверенов, определялось не размерами их ренты, а числом их подданных, а это последнее зависит от числа крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство".[1] Это обстоятельство и вызывало бесконечные войны между отдельными княжествами, стремившимися подчинить себе как можно большее число земель и рабочих рук. Войны требовали сильной дружины, вооружения, развития экономической и военной мощи. Стремление отдельных княжеств обособиться, развиваться за счет внутренних ресурсов приводило к широкому развитию в них различных ремесл; рост городов и княжеских дворов во вновь образовавшихся самостоятельных полугосударствах приводил к интенсивному развитию строительного дела. Несмотря на обособленность отдельных княжеств, они все же продолжают вести торговлю и между собой, внутри страны, и с зарубежными странами.

Во второй половине XI века, после смерти Ярослава, на юге Руси княжат три князя, владеющие самыми богатыми и сильными уделами: Святослав Ярославич — в Чернигове, Изяслав Ярославич — в Киеве и Всеволод Ярославич — в Переяславле.

К началу княжения этих трех Ярославичей относится появление на Руси половцев. Половцы — кочевые племена восточной народности, кыпчакы (в западноевропейских хрониках — куманы)— пришли на Русь и заняли степи между Волгой и Днепром. Отсюда они начали совершать систематические набеги на русскую землю.

Таким образом, внутренний процесс феодального дробления Руси осложнялся борьбой страны с внешним врагом — половцами. Половецкая опасность заставляла в отдельных случаях русских князей стремиться к объединению сил для борьбы со степью и не давала угаснуть в народе мысли об объединении отдельных русских княжеств в единое государство, способное противостоять внешней опасности, тяжесть которой в первую очередь ложилась на плечи земледельцев и ремесленников.

---

[1] К. Маркс. Капитал. Госполитиздат. Т. I. 1950. Стр. 722.

Уже между Ярославичами начинаются междоусобные распри, но во времена их детей, по образному выражению „Слова", „въ княжихъ крамолахъ вѣци человекомъ скратишась". Это было время междоусобных войн между Олегом Святославичем (сын Святослава Ярославича, Олег Гориславич „Слова о полку Игореве"), родоначальником черниговской династии князей, и его стрыями (братьями отца) и их сыновьями, и в первую очередь Владимиром Мономахом.

Соперничество и междоусобные распри Олега и Мономаха перешли и к их потомкам.

Одновременно с рассказами о междоусобных войнах мы постоянно читаем в летописях записи о походах русских князей против половцев, о набегах половцев на Русь. Народ, больше всего страдавший и от княжеских распрей и от набегов половцев, в особенно тяжелые годы обращался к князьям с призывом прекратить внутреннюю неурядицу и защитить землю от внешнего врага. Под 1097 годом Лаврентьевская летопись записывает обращение киевлян к Владимиру Мономаху: „Молимся, княже, тобѣ и братома твоима, не мозѣте погубити Русьскыѣ земли. Аще бо възмете рать межю собою, погании имуть радоватися, и возмуть землю нашю, иже бѣша стяжали отци ваши и дѣди ваши трудомъ великимъ и храбрьствомъ, побарающе по Русьскѣй земли, ины земли приискываху, а вы хочете погубити землю Русьскую".

К этому же 1097 году относится и созыв Любечского съезда князей по инициативе Мономаха. Но уже никакой съезд не мог остановить дробления Русской земли на мелкие княжества, не мог прекратить междоусобных войн.

После смерти Олега Святославича Черниговского (в 1115 году) и в 1125 году — Владимира Мономаха происходит борьба как среди Мономаховичей — за Киевский стол, так и среди Ольговичей — за Черниговскую землю. В борьбе молодых Мономаховичей с дядей — Ярополком, севшим на Киевский стол после смерти своего брата Мстислава в 1132 году, младшим Мономаховичам помогают Ольговичи. В результате этой борьбы Ольговичи прочно утвердились в Северской земле, а после смерти Ярополка Всеволод Ольгович сел на Киевский стол. Окончательно обособились и укрепили свою независимость от Киева Черниговское княжество, Галицкое, Полоцкое и Ростово-Суздальское. В Ростово-Суздальской земле княжит сын Владимира Мономаха —Юрий Долгорукий, который все время стремился захватить Киевский стол, но окончательно это ему удается сделать лишь за два года до смерти — в 1156 году. „Княжение Юрия Владимировича с полным правом может быть названо тем

историческим моментом, когда раздробление Руси вполне определилось, причем Киевская земля в системе феодально раздробленной Руси заняла малозаметное место".[1]

Но все же Киев, несмотря на экономический и политический упадок, имел до начала XIII века большое значение в истории Руси, а особенно южной ее части: владение Киевом определяло в какой-то мере старшинство князя в южнорусских землях. В борьбе за независимость от Ростово-Суздальского и Галицкого княжеств, Северские князья были заинтересованы в обладании Киевом, и вторая половина XII века характеризуется постоянной борьбой Ольговичей за Киев.

Святослав Всеволодович (сын Всеволода Ольговича, внук Олега Святославича, двоюродный брат Игоря), как и все его предшественники на Черниговском столе, борется за Киевский стол. В конце концов ему удается овладеть Киевом, но, в сущности, власть его распространяется лишь на самый город, а всей Киевской землей владеет Рюрик Ростиславич (внук Мстислава Владимировича), добровольно отдавший Киев Святославу на каких-то неизвестных нам условиях. После прочного утверждения на Киевском столе Святослава, старшего среди северских князей, изменяется политика Ольговичей по отношению к половцам. Совместное княжение на Киевской земле Ольговича и Мономаховича говорит о временном примирении между этими княжескими династиями. В конце XII века прекращение борьбы с Мономаховичами привело к тому, что Ольговичи начали порывать союзные отношения с половцами, которых до этого они постоянно призывали на помощь в борьбе с Мономаховичами. Вместе с тем, союзные отношения с Мономаховичами требовали от Ольговичей и совместных с ними действий против половцев. И мы видим целый ряд объединенных походов Рюрика и Святослава в половецкую степь.

В 1183 году осуществляется большой успешный поход в степь, во время которого половцам был нанесен сокрушительный удар. Была захвачена богатая добыча, освобождены из половецкого полона русские пленники, был пленен хан Кобяк Карлыевич с сыновьями и еще несколько знатных половцев. В том же 1183 году ходил на половцев Игорь Святославич Новгород-Северский, герой „Слова о полку Игореве", и в степях у Мерла нанес поражение Обовлу Костуковичу.

---

[1] Б. Д. Греков. Русь времен „Слова о полку Игореве". Статья в книге: „А. Югов. Слово о полку Игореве". М 1945. Стр. 22.

После разгрома половцев в 1183 году они, в 1184 году, решают сами нанести удар южнорусским землям и, во главе с ханом Кончаком, подходят к границам Руси. Кончак Отрокович останавливается на Хороле и посылает гонцов в Чернигов к Ярославу Всеволодовичу (брат Святослава Всеволодовича Киевского, князь Черниговский) с предложением заключить союз. Ярослав высылает к Кончаку для переговоров боярина Ольстина Олексича. Только благодаря активному вмешательству Святослава союз между Кончаком и Ярославом заключен не был, но все же Ярослав так и не присоединился к походу русских князей на Кончака. В объединенном походе на Кончака принимали участие Святослав Всеволодович, Рюрик Ростиславич и Владимир Глебович. Внезапным ударом половцы были разбиты, Кончак с основными силами успел скрыться. Игорь не участвовал в этом походе, так как сведения о нем в Новгород-Северском княжестве были получены уже тогда, когда князья с дружинами вышли в половецкую степь и Игорю точное расположение русских войск было неизвестно. Несмотря на это, Игорь все же стремился присоединиться к коалиции трех князей, но этого не удалось осуществить из-за того, что „бяшеть серенъ велик“ (серенъ — гололедица) и конница Игоря не могла выехать в степь.

События 1183 и 1184 гг., окончившиеся удачами русских князей в борьбе со степью, подготовили поход Игоря. В 1185 году Игорь Святославич Новгород-Северский самостоятельно, не известив об этом Киевского князя, предпринимает поход в половецкую степь. К нему присоединились: Владимир Игоревич, его сын, князь Путивльский; Святослав Ольгович, племянник, князь Рыльский; брат Игоря, князь Курский и Трубчевский Всеволод; Черниговский князь Ярослав Всеволодович дал в помощь Игорю отряд черниговских коуев (племенное название наемных войск) под командованием Ольстина Олексича. Подробный исторический рассказ об этом походе помещен в Ипатьевской летописи под 1185 годом.

Кроме Ипатьевской летописи, до нас дошел краткий рассказ об этом же событии, записанный Лаврентьевской летописью. В некоторых деталях он дополняет рассказ летописи Ипатьевской, в отдельных случаях явно искажает факты из-за неприязненного отношения к Новгород-Северскому князю. Мы следуем в своем рассказе об этом походе данным Ипатьевской летописи.

Игорь вышел из Новгорода-Северского 23 апреля 1185 года и двинулся по направлению к Путивлю, от Путивля он пошел на восток, по водоразделу между реками Псел и Сейм, затем через Северский Донец на Изюмскую сакму (дорогу) и по Изюмской

сакме, проходящей между Северским Донцом и Осколом, прямо на юг. Во время переправы через Северский Донец первого мая произошло солнечное затмение. Недалеко от места впадения Оскола в Северский Донец, где образуется лесистый треугольник, защищенный со стороны половецкой степи реками, Игорь ожидал брата Всеволода, который „шелъ инѣмь путемъ изъ Курьска". В районе Сальницы войска перешли через Северский Донец и вошли в половецкие степи. Дозорные предупредили, что враг близко. Ехали всю ночь; утром другого дня, в пятницу, подойдя к реке Сюурлию, увидели на другой стороне реки половцев. Русские построились в боевой порядок, и Игорь, по словам летописца, обратился к дружине с краткими словами: „Братья, сего есмы искалѣ, а потягнемъ". После перестрелки через реку русские войска перешли ее и стали преследовать обратившиеся в бегство отряды врага. Только к вечеру, с богатой добычей, все русские собрались в одно место. Игорь предложил сразу же уходить из степей назад, во избежание встречи с основными половецкими силами. Святослав Ольгович, поддержанный Всеволодом, настоял на том, чтобы остановиться на ночлег тут же, в месте сбора, в степи. На другой день, в субботу, рано утром, „начаша выступати полци половецкыи, акъ борове. Изумѣшася князи Рускии, кому и хъ которому поѣхати, бысть бо ихъ бещисленое множество. И рече Игорь: «се, вѣдаюче, собрахомъ на ся землю всю, Кончака и Козу Бурновича, и Токсобича, Колобича, и Етебича и Терьтробича»... "

Весь день мужественно бились русские. Во время боя Игорь был ранен в левую руку. Битва продолжалась и ночью. На другой день дрогнули черниговские коуи и побежали. Игорь бросился за ними, чтобы остановить их, но уже не смог этого сделать. На обратном пути к своим полкам Игорь был пленен. Он видел, как мужественно бьется его брат Всеволод, „и проси души своеи смерти, яко да бы не виделъ падения брата своего".

Русские были разбиты. Князья пленены, дружина перебита и частично взята в плен.

В это время Святослав Киевский собирал дружины, „хотя ити на половци к Донови на все лѣто". В Новгороде-Северском он узнал о походе Игоря, „и не любо бысть ему". В Чернигове он узнал о поражении Игоря и при этом известии, по словам киевского летописца, сказал со слезами: „О, люба моя братья и сыновѣ и мужѣ землѣ Рускоѣ! далъ ми бяше богъ притомити поганыя, но, не воздержавше уности, отвориша ворота на Русьскую землю. Воля господня да будеть о всемь. Да како жаль ми бяшеть на Игоря, тако нынѣ жалую болми по Игорѣ, братѣ моемь".

Святослав начал энергично готовиться к отражению половцев, двинувшихся на Русь после победы над Игорем. Своих сыновей Олега и Владимира он послал в Посемье. Давид Ростиславич Смоленский своими дружинами прикрыл торговые пути, заняв Треполье и Канев; в Чернигове к обороне от половцев готовился Ярослав Всеволодович. У половецких предводителей не было согласия, на какое княжество бросить все силы: „И бысть у нихъ котора; молвяшеть бо Кончакъ: „поидемъ на Киевьскую сторону, гдѣ суть избита братья наша и великый князь нашь Бонякъ". А Кза молвяшеть: „поидемъ на Семь, гдѣ ся осталѣ жены и дѣти: готовъ намъ полонъ собранъ, емлемъ же городы без опаса". И тако раздѣлишася на двое". Кончак осадил Переяславль. Владимир Глебович, князь Переяславский, мужественно бился во главе дружины, но одни переяславцы одолеть врага не могли, и Владимир призвал на помощь Святослава, Рюрика и Давида. Половцы, не взяв Переяславля, пошли назад, по пути захватили и уничтожили город Римов, уведя всех оставшихся в живых горожан в полон. Из-за задержки, вызванной переговорами между Рюриком и Давидом, который не захотел уходить от Треполя и не пошел в Переяславльское княжество, Святослав и Рюрик уже не успели настигнуть ушедших в степи половцев с большим полоном и богатой добычей.

Гза в это время осадил Путивль, но города взять не смог. Остальное Посемье было им выжжено и опустошено, а большая часть населения уведена в плен.

Находящемуся в плену Игорю половец Лавор предложил бежать на Русь, но Игорь сначала не соглашался, говоря: „Азъ славы дѣля не бѣжахъ тогда от дружины, и нынѣ не славнымъ путемь не имамъ поити". Но вскоре Игорю донесли, что половцы, возвратясь от Переяславля, перебьют всех пленных, и тогда он решил уйти из плена „не славнымъ путемь". Поздно вечером, когда половцы, охранявшие палатку Игоря, пили кумыс и веселились, думая, что их пленник спит, Игорь поднял стену палатки и, прокравшись незаметно в ночной темноте между половецкими вежами, вышел к берегу реки Тора. На другом берегу его уже ожидал Лавор с поводным конем. По пути кони надорвались, их пришлось бросить и итти пешком. „И иде пѣшь 11 денъ до города Донця, и оттолѣ иде во свои Новъгородъ, и обрадовашася ему. Из Новагорода иде ко брату Ярославу къ Чернигову, помощи прося на Посемье. Ярославъ же обрадовася ему и помощь ему дати обѣща. Игорь же оттолѣ ѣха ко Киеву къ великому князю Святославу, и радъ бысть ему Святославъ, такъ же и Рюрикъ сватъ его".

Так рассказывает о походе Игоря летописная повесть. Это

событие явилось темой и для величайшего художественного произведения древнерусской литературы — „Слова о полку Игореве".

Закономерно ли появление „Слова о полку Игореве" в конце XII века как памятника, отражающего определенные социально-политические взгляды той эпохи, и как памятника высокой литературной культуры? Все данные науки, пополняемые новыми достижениями и открытиями, подтверждают положительный ответ на поставленный вопрос.

„Волнующая красота и удивляющая глубина „Слова" — не чудо, а закономерность" (Б. Д. Греков). Появление „Слова" в русской культуре XII века было обусловлено всем ее развитием. Подводя итоги исследованиям в области русской культуры, авторы заключения второго тома „Истории культуры древней Руси" пишут: „Теперь мы можем утверждать, что русская культура X—XIII вв. идет по пути быстрого и самобытного творческого развития, что ее своеобразие определяется ее органической связью с древней культурой восточнославянских племен. Мы можем утверждать, что русская культура до монгольского завоевания достигла высокого уровня и что основой этого прогресса было развитие русской материальной культуры, русского городского ремесла и сельского хозяйства, рост богатых городов. На этой почве расцвели искусства и литература, обогатившие сокровищницу мировой культуры великим вкладом русского гения".[1]

Как показали результаты дискуссии по вопросам периодизации истории СССР на страницах журнала „Вопросы истории",[2] нельзя считать, что на Руси до середины XIII века складывается только система экономической раздробленности. Период XII—XIII вв.— это период развитого феодализма, период, характеризующийся дальнейшим социально-экономическим, политическим и культурным развитием. Исторически, в сравнении с предшествующим временем, это не период деградации и упадка, а дальнейшее развитие страны, более высокий этап исторического движения. Бурный рост и расцвет отдельных княжеств древней Руси приводил к интенсивному развитию в них строительства, ремесленничества, обусловливал развитие искусства. Именно к периоду феодальной раздробленности

---

[1] АН СССР. Институт истории материальной культуры. История культуры древней Руси. Под общей ред. Б. Д. Грекова и М. И. Артамонова. Т. II. Под ред. Н. Н. Воронина, М. К. Каргера. М. - Л. 1951. Стр. 510.

[2] См. итоговую статью: В. Пашуто, Л. Черепнин. О периодизации истории России эпохи феодализма. Вопросы истории. Кн. 2. М. 1951. Стр. 52—80.

относится расцвет когда-то глухого залесского края — Ростово-Суздальского княжества; к этому же периоду относится рост и процветание Галицко-Волынской земли. Не только Киевское государство, но и Русь периода феодальной раздробленности оставила нам замечательные памятники русской культуры, созданные в различных княжествах.

Несмотря на феодальную раздробленность, несмотря на местные особенности в произведениях искусства и ремесла того или иного княжества, мы имеем полное право говорить о единой русской основе культуры той поры. Это единство культуры прежде всего было обусловлено тем, что в основе ее лежала культура единого раннефеодального Киевского государства — культура, бывшая одной из передовых культур средневековья, которая не могла не оказать влияния на все последующее развитие русского искусства. Творцом произведений искусства и ремесла в различных княжествах был русский народ, который говорил на различных диалектах одного и того же языка, религия и верования которого были одинаковы в различных княжествах.

О величии и высоте русской культуры эпохи Киевского государства говорят дошедшие до нас архитектурные сооружения той поры, произведения фресковой живописи, ремесленные изделия, письменные памятники; об этом свидетельствуют и записи, оставленные нам летописцами. О X веке мы можем судить лишь по данным археологических раскопок, но и они дают представление о высоком развитии у нас в это время ремесла, строительного дела. От первой половины XI века до нас дошли архитектурные памятники Киева, Новгорода, Чернигова, Полоцка — Собор Спаса в Чернигове, киевская София, остатки „Золотых ворот" киевской городской стены и др. Фрески и мозаика храмов XI века свидетельствуют о развитии в этот период монументальной живописи. До нашего времени сохранились мозаики киевской Софии и собора Михайловского Златоверхого монастыря. Сохранилась фресковая живопись на стенах киевской Софии и Спасского собора в Чернигове.

Еще большее число архитектурных памятников сохранилось от периода с конца XI до начала XIII века. Архитектурные памятники этой поры от предшествующих отличаются большей скромностью и простотой, но это не означает упадка строительного искусства, а является отражением требований эпохи: мелкие, заинтересованные своей внутренней жизнью княжества не нуждались в больших, грандиозных сооружениях. О высокой художественной ценности памятников этого времени можно судить по таким архитектурным сооружениям, как Борисо-Глебская церковь в Гродно,

церковь Спасо-Евфросиньева монастыря в Полоцке, Николо-Дворищенский собор в Новгороде, Георгиевский собор Юрьева монастыря и ряд других.

Замечательные памятники архитектуры дошли до нас от времени, непосредственно близкого к времени создания „Слова о полку Игореве". В созданных в этот период Благовещенском соборе в Чернигове — по повелению Святослава Всеволодовича, Успенском соборе во Владимире на Клязьме — строителями Всеволода Юрьевича III и соборе в Галиче, столице Галицкого князя Ярослава Осмомысла, по мнению Н. Н. Воронина, „ясно выражено стремление возродить масштабы и величие Ярославова Софийского собора в Киеве".[1]

Великолепны своим совершенством и красотой еще три памятника Ростово-Суздальского зодчества. Два из них сооружены незадолго до написания „Слова" — церковь Покрова на Нерли (1165 год) и Боголюбовский дворец (1158—1165 гг.), а третий — вскоре после появления „Слова", — Димитриевский собор во Владимире (1194—1197 гг.).

Димитриевский собор отличается богатством скульптурных стенных украшений. Необходимо отметить, что резные украшения на стенах этой церкви — это растительный орнамент, изображения зверей, сказочные чудовища и очень немного изображений на религиозные темы.

Разнообразные ремесленные изделия того времени, дошедшие до нас, наглядно свидетельствуют о высоком развитии русского ремесленного искусства. Это тонко и искусно сделанные ювелирные вещи: колты, ожерелья из золота и серебра, золотые диадемы, украшенные эмалью; это отделка предметов вооружения: боевые топорики с золотыми украшениями, чеканка из золота и серебра на шлемах; это, наконец, предметы культового назначения: серебряные кратиры, сделанные новгородскими мастерами Костой и Братилой.

Во время княжеских междоусобиц, набегов половцев, татаро-монгольского нашествия, из-за многочисленных пожаров, погибало громадное количество памятников письменности — книг. И то, что до нас все-таки дошли рукописные книги XI и XII вв., само по себе говорит о богатейшей книжной культуре древней Руси. О том, какое колоссальное количество книг могло погибнуть в те времена, свидетельствует целый ряд летописных записей. Приведем для

---

[1] Н. Н. Воронин. „Слово о полку Игореве" и русское искусство XII—XIII вв. В книге: „Слово о полку Игореве". АН СССР. Серия „Литературные памятники". Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л. 1950. Стр. 326—328.

характеристики лишь один пример: во время Тохтамышева нашествия на Москву в 1382 году „книгъ множество снесено со всего града и съ селъ, в соборныхъ церквахъ многое множество наметано, сохранениа ради спроважено, то все безвѣстно сотвориша (уничтожили татары)" (Никоновская летопись).

Если мы учтем, что основными хранителями древних книг и переписчиками их были монастыри, то можно только удивляться тому, что до нас все же дошли в поздних списках памятники светской литературы.

„Слово о полку Игореве" отличается своим совершенством, но ни в коем случае нельзя считать его единственным высокой ценности литературным произведением древней Руси. Замечательным памятником не только историческим, но и литературным является „Повесть временных лет". До нас дошли образцы древнерусского церковного красноречия, говорящие о высокой культуре и мастерстве слова древней Руси: „Слово о законе и благодати" митрополита Иллариона, проповеди Кирилла Туровского. Мы располагаем такими значительными литературными произведениями той эпохи, как „Сказание о Борисе и Глебе", „Чтение о Борисе и Глебе" Нестора, „Хождение игумена Даниила", „Поучение" Владимира Мономаха.

Таким образом, мы видим, что „Слову о полку Игореве" предшествовала и сопутствовала богатая и высокоразвитая культура. На основе этой культуры появление столь совершенного литературного памятника, как „Слово о полку Игореве", вполне закономерно.

Общеизвестны слова Маркса о „Слове о полку Игореве": „Смысл поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием монголов" (Письмо Маркса к Энгельсу от 5 марта 1856 года).[1] Это определение значения „Слова" характеризует не только идейное содержание его, но и состояние политической мысли той эпохи.

Лучшие люди той поры прекрасно сознавали, что единственная возможность противостоять набегам половцев — это прекратить междоусобные войны и объединиться для борьбы с внешним врагом. Этой мыслью была пронизана деятельность Владимира Мономаха. Не раз мы встречаем ее на страницах летописи. Возможность такого объединения представлялась в виде подчинения отдельных княжеств старшему князю, который должен сидеть на Киевском

---

[1] К. Маркс — Ф. Энгельс. Об искусстве. Изд. „Искусство". М. 1938. Стр. 323.

столе. Сторонником этого убеждения был и автор „Слова о полку Игореве".

Все содержание „Слова" свидетельствует о высокой культуре и прекрасной осведомленности его автора в политической обстановке на Руси как в современный ему период, так и в предшествующее время. Знакомство его с княжескими делами той эпохи говорит о близости автора к князьям — к Святославу Всеволодовичу Киевскому или Игорю Святославичу. Одни исследователи „Слова о полку Игореве" предполагают, что автором памятника был дружинник Игоря, принимавший участие в его походе, попавший в плен и вместе с князем бежавший на Русь. Другие считают, что „Слово" создано придворным певцом Святослава Всеволодовича. Делались попытки на основе летописных данных конкретно указать автора „Слова".

Но кем бы ни был автор „Слова о полку Игореве", совершенно ясно одно — это был страстный патриот, гениальный художник.[1] Его политические интересы и идеалы были шире узкофеодальных интересов того или иного князя, приближенным которого он мог быть И в своем произведении он выражал не столько интересы Северских князей, Ольговичей, сколько интересы общерусские, общенародные, — интересы всей русской земли в целом, представителем которых, по его мнению, должен был стать киевский князь Святослав. Поэтому-то он, вопреки исторической действительности, величает Святослава грозным и великим Киевским князем. И делает он это не из-за своих личных симпатий к нему и к Ольговичам вообще, а выражает этим определенную политическую идею: в интересах Русской земли, по его мнению, в Киеве должен быть сильный и грозный князь, руководящий всеми остальными князьями, и он считает, что таким князем должен стать Святослав.

Идейный смысл „Слова о полку Игореве" раскрывается приведенной нами выше цитатой из письма К. Маркса Ф. Энгельсу.

Как мы видели из исторического обзора предшествующей „Слову о полку Игореве" эпохи и времени написания его, это период интенсивного развития Ростово-Суздальского и Галицкого княжеств и все большего и большего ослабления когда-то самых могущественных княжеств Южной Руси — Киевского, Переяславского,

---

[1] Подробнее об авторе „Слова" и его мировоззрении см. в статье Д. С. Лихачева: „Исторический и политический кругозор автора „Слова о полку Игореве". Слово о полку Игореве. Сборник исследований и статей. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. АН СССР. М.—Л. 1950. Стр. 5—52.

Черниговского. Ослабление южнорусских земель в результате феодального дробления усиливалось набегами половцев.

Именно на протяжении XII века учащаются набеги половцев на Русь. По образному выражению летописца, начинается беспрерывная „рать“ с половецкими силами. Половцы захватили важнейшие торговые пути южнорусских княжеств, пути, по которым когда-то велась внешняя торговля Киевской Руси с Востоком и Юго-Западом. На съезде южных русских князей в 1170 году Мстислав Изяславич говорил о половцах, что они: „...уже у насъ и Гречьский путь изъотимають, и Соляный (Крымский), и Залозный (на Дунай)“.

И вот в этот особенно тяжелый для южнорусских княжеств период раздается страстный призыв „Слова о полку Игореве“, призыв к борьбе с внешней опасностью, с половецкой степью. Он обращен не только к южнорусским князьям, но и к князьям всей русской земли. Автор „Слова“ напоминает Ростово-Суздальскому князю Всеволоду, что Киевский стол для него — отчий стол: „не мыслiши прелетѣти издалеча отня злата стола поблюсти?“, он призывает на защиту Русской земли Галицкого князя Ярослава Осмомысла. Прекрасно понимая, что основная причина ослабления страны — междоусобные княжеские войны, автор осуждает княжеские распри и говорит о необходимости объединения для общей борьбы с внешним врагом. Он ко всем князьям обращается с призывом встать „за землю Русскую, за раны Игоревы, буего Святъславича!“

Это обращение вызвано поражением Игоря, но это не только призыв отомстить за поражение Игоря, нет, — смысл его гораздо шире и глубже. Автор предвидит усиление борьбы внешних врагов с русской землей и прекрасно сознает, что половцы представляют опасность не только для южнорусских княжеств, но и для всех княжеств Русской земли и призывает встать за землю Русскую и Ростово-Суздальского и Галицкого князей и князей других княжеств Руси.

Стиль, характер всего памятника в целом с самого начала его изучения заставили обратить внимание на близость „Слова о полку Игореве“ к народному творчеству. Впервые правильно и наиболее полно вопрос о народности „Слова о полку Игореве“ был поставлен А. С. Пушкиным.

В конце 30-х гг., в 1836 году особенно, Пушкин с большим интересом занимается „Словом о полку Игореве“. Именно к этому периоду относится его статья „Песнь о полку Игореве“ (начало 1836 года). Он читает переводы „Слова“ Жуковского и Вельтмана,

делая многочисленные пометки в их текстах. От этого времени дошла до нас запись Пушкиным украинской песни:

Черна роля заорана.
Гей, гей
Чер. etc.
И кулями засияна,
Билым тилом взволочена.
Гей, гей
И кровию сполощена etc...

Без сомнения, эта запись была сделана для сопоставления ее с поэтическим изображением боя в „Слове" в виде картины земледельческих работ: „Чръна земля подъ копыты костьми была посѣяна, а кровію польяна; тугою взыдоша по Руской земли".[1] Таким образом, вопрос о народности памятника Пушкин разрешает в сопоставлении его с русским народным творчеством. Не подлежит никакому сомнению, что Пушкин воспринимает „Слово о полку Игореве" как глубоко народное произведение. Но он не считает этот памятник произведением устного творчества, так как ставит его при перечислении различных видов литературных произведений между царскими посланиями и Мамаевым побоищем, т. е. между произведениями письменной литературы. В „Плане истории русской литературы" Пушкин писал: „Летописи, сказки, песни, пословицы. Послания царские. Песнь о полку. Побоище Мамаево".

По такому же правильному пути — по пути сравнения и сопоставления памятника с русским и украинским народным творчеством — пошел и М. Максимович. Он пытался выяснить причины, обусловившие близость „Слова о полку Игореве" к народнопоэтическому творчеству. Говоря о том, что автор „Слова" изображает битву „красками земледельческого быта", он ставит вопрос: „Не отзывается ли здесь дух древнего земледельца, потом увлеченного на войну и в ней возмужавшего?"[2] Таким образом, Максимович уже подходил к проблеме сопоставления мировоззрения автора „Слова" с мировоззрением народного певца.

Дореволюционная филологическая наука сделала очень много в подборе параллельных эпизодам „Слова" примеров из произведений народнопоэтического творчества. Но лишь в советской филологической науке вопрос о народности „Слова о полку Игореве"

---

[1] См. подробнее в статье Н. О. Лернера: „Из истории занятий Пушкина „Словом о полку Игореве". В сборн.: „Пушкин, 1834 г.". Л. 1934.

[2] М. Максимович. Собрание сочинений. Т. III. Киев. 1880. Стр. 524.

стал последовательно изучаться в связи с мировоззрением автора в связи с идейным содержанием памятника. Обращение автора „Слова" к народному творчеству стало объясняться теми глубоко прогрессивными и народными задачами, которые он поставил перед собой в своем произведении. Народность „Слова" ни в коем случае не исчерпывается сходством тех или иных мест его с произведениями народного творчества, а, наоборот, самое это сходство находит свое объяснение в идеологии автора, близости его идей и задач к идеям и задачам устнопоэтических произведений.[1]

В науке существовало мнение, что „Слово" — это такой же народнопоэтический памятник, как и былина. Это крайняя и ошибочная точка зрения в вопросе о народности „Слова о полку Игореве", так как „Слово", очень близкое к произведениям народного творчества, во многом существенно от них отличается.

Прежде всего, „Слово о полку Игореве" — произведение строго историческое: в нем имена — имена исторические; события, о которых рассказывает „Слово", носят совершенно конкретный исторический характер. В основе памятников народного творчества также лежат исторические события, но в большинстве дошедших до нас народных эпических произведений события приобретают обобщающий характер, и, кроме очень редких случаев, мы не можем говорить о точном историческом событии, легшем в основу той или иной былины.

В народноэпических произведениях мы видим отражение борьбы народа с иноплеменными захватчиками, отражение классовой борьбы, отражение дум, чаяний, идеалов общенародных, но ни в одном из них нет того страстного обращения к какому-либо определенному историческому лицу, которое характеризует „Слово о полку Игореве". „Слово" носит ярко выраженный публицистический характер. Это не столько рассказ, повествование о происшедших событиях, сколько размышления о происшедшем, совершенно конкретное обращение автора к определенным историческим лицам: „Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами за землю Русскую, за раны Игоревы, буего Святъславлича!" — говорит он русским князьям, называя их по именам одного за другим. В „Слове

[1] См. об этом подробнее в статьях В. П. Адриановой-Перетц: «„Слово о полку Игореве" и русская народная поэзия». Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. IX. Вып. 6. М.—Л. 1950. Стр. 409—418. «„Слово о полку Игореве" и устная народная поэзия». В сборн. „Слово о полку Игореве". Серия „Литературные памятники". АН СССР. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л. 1950. Стр. 291—319.

о полку Игореве“ речь идет об известных исторических деятелях, и „Слово“ представляет их образы с исключительной конкретностью; и даже в тех случаях, когда это делается гиперболически, то гиперболизация используется для того, чтобы подчеркнуть самое характерное, яркое, отличительное этого образа.

Автор „Слова“ очень близок к былинам в целях и задачах своего произведения: и в том и в другом случае мы находим призыв к единению. Но у автора „Слова“ этот призыв выражен конкретно-исторически, в былинах же мысль о единении, пронизывающая все сюжеты, посвященные борьбе с татарами, носит обобщенный характер.

Ряд стилистических особенностей „Слова о полку Игореве“ сближает его с произведениями народного творчества. Но если в последних многие метафоры, эпитеты, символы приобретают подчас характер постоянных приемов, то в „Слове о полку Игореве“ они несут на себе гораздо большую и эмоциональную и идеологическую нагрузку.

В „Слове о полку Игореве“ мы встречаем большое число эпитетов устнопоэтического происхождения, эпитетов, имеющих в народной поэзии характер постоянных: „серый волк“, „шизый орел“, „борзый конь“, „черные тучи“, „чистое поле“, „черная земля“, „синее море“, „светлое солнце“, „зеленая трава“, „красная девица“, „молодой месяц“, „злат стремень“, „золотой шелом“, „каленые стрелы“, „кровавые раны“, „острые мечи“, „студеная роса“. Но в „Слове о полку Игореве“ они уже не являются постоянными эпитетами, природа их иная.

Все они употребляются автором „Слова“ не безразлично, не для поэтического „украшения“, но в точном соответствии с характером содержания того места, где они встречаются; почти в каждом случае мы можем найти реалистическое, конкретное обоснование того — почему в данном случае употреблен именно этот эпитет.

„Серый волк“ — это словосочетание встречается в „Слове“ очень часто. Но когда автор имеет в виду совершенно реалистические картины, то он говорит просто — „волк“, а „серый волк“ встречается либо в поэтических метафорических фразах, либо в тех случаях, когда этим образом автор характеризует быстроту бега (то же самое можно сказать и о „сизом орле“): „Боян... растѣкашется мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы...“, куряне скачут „акы сѣрыи влъци“; но в степи, где идут полки Игоря, — „бѣды его пасетъ птиць по дубію; влъци грозу въсрожатъ по яругамъ; орли клектомъ на кости звѣри зовутъ“...

„Борзый конь" — эпитет „борзый" употреблен автором в тех случаях, когда ему нужно подчеркнуть быстроту бега коня, подчеркнуть, что это конь боевой. „Сѣдлай, брате, свои бързыи комони, а мои ти готови..." — говорит Всеволод Игорю перед отправлением в поход. Игорь обращается к дружине: „Всядемъ, братіе, на свои бързыя комони". В рассказе о бегстве Игоря также употреблен этот эпитет: „вървъжеся (вскочил Игорь) на бръзъ комонь", „...претръгоста (загнали Игорь и Лавор) бо своя бръзая комоня". Но рассказывая о том, как был перевезен с поля боя на Нежатиной Ниве убитый Изяслав (на носилках между конями), автор пишет: „Святоплъкь полелѣя отца своего междю угорьскими иноходьцы", — здесь действительно речи о борзых конях уже не могло быть.

„Чистое поле". — Наряду с этим эпитетом, по отношению к полю в „Слове" встречается еще целый ряд определений: „поля широкие", „великие поля", „поле незнаемо", „безводное поле", просто „поле" и „поле" — в значении степные народы. Это богатство эпитетов по отношению к одному существительному создает яркое, реальное представление о половецкой степи, и в этом ряду постоянный эпитет „чистое поле" приобретает конкретный характер и усиливает характеристику половецкой земли.

„Черная земля". — Выбор этого эпитета определяется смыслом, картинностью фразы, в которой он употреблен: „чръна земля подъ копыты костьми была посѣяна..." Создается яркий зрительный образ: на черной, „вспаханной" конскими копытами земле „посеяны" белые кости.

„Злат стремень". — Этот эпитет встречается дважды, и оба раза речь идет о князьях: „въступи Игорь князь въ златъ стремень", „Вступита, господина, въ злата стремень".

Собственно авторские эпитеты также выразительны, красочны и многозначны: в каждом конкретном случае они либо создают яркую характеристику образа, либо отражают отношение автора к описываемому.

Святослава он называет грозным и великим, говорит о его серебряной седине (это и образ и характеристика авторского отношения к нему). Половцы у него всегда поганые, о русских воинах он говорит: „свѣдоми къмети", „хороброе гнездо", „храбрые полки".

Эпитет „кровавый" создает и цветовую живописную картину и вместе с тем подчеркивает, что речь идет о жестоких и кровопролитных сражениях: перед боем, окончившимся поражением войск Игоря, — „кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ", на поле битвы — „кровавая трава". А вот когда Игорь бежит, то Донец ему стелет

„зелену траву". Рассказывая о бое на реке Немиге, автор говорит: „кровавые берега", а у Донца, который помогает Игорю бежать на родину, „серебряные берега", и т. п.

Все это дает нам право сказать, что автор с большим искусством пользуется в своем произведении приемами народного творчества; в каждом отдельном случае эпитеты, взятые им из народного творчества и принадлежащие ему самому, подчинены общей идее произведения, содержанию и образной структуре тех эпизодов, в которых они встречаются.

Очень широко использованы автором „Слова" символы — метафоры народной поэтики. Но в „Слове о полку Игореве" они предстают перед читателем как бы в двух планах — и как поэтический прием и как совершенно конкретная, реальная картина.

„Чръныя тучя съ моря идутъ, хотятъ прикрыти 4 солнца, а въ нихъ трепещуть синіи млъніи"... Сравнение вражеской силы с черной тучей — символ народной поэтики:

Не пыль в поле пылится,
Не туман с поля подымается,
Не грозна туча накатается,
Не из той тучи маланья сверкает, —
Подымалась силушка злая — неверная
Калина царя, Тугарина... [1]

Далеко в чистом поле рати стретились.
У Тугарина рать — туча чорная,
Княженецкая рать — молонья светлая. [2]

Прежде всего, в „Слове" этот образ дается не в форме отрицательной метафоры, как обычно он встречается в народном творчестве, а как описание картины природы, которую читатель должен переосмыслить сам. Но вместе с тем за этим символическим изображением кроется очень точная реалистическая картина: половцы наступали с юга, т. е. с моря, их было очень много („акъ борове" летописного рассказа) — и отсюда многочисленность и грозность врагов сравнивается с тучей, идущей с моря. 4 солнца — 4 русских князя.

Очень характерно сравнение битвы с земледельческими работами в народном творчестве; с таким же сравнением мы встречаемся и в „Слове": „Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами, погыбашеть жизнь Даждьбожа внука". „На

---

[1] Тихонравов и Миллер. Былины старой и новой записи. № 12. Стр. 48.
[2] Киреевский. Вып. I. Стр. 57.

Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чепи харалужными, на тоцѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костьми рускихъ сыновъ...“ В народном эпическом творчестве:

Тут роспáхана была пашня:
Не плугом и не сохами —
Добрых коней копытами;
Посеяна была пашня
Еще теми же драгунскими телами;
Взборонована была пашня
Еще теми же мурзавецкими копьями;
Поливана была пашня
Тою ли християнской кровью...[1]

Но в „Слове“ этот образ — поле битвы — вспаханная и засеянная пашня — насыщен, без сомнения, резкими „обличительными“ красками. Им автор „Слова“ пользуется преимущественно в тех случаях, когда речь идет о княжеских междоусобных войнах. Этим символом народной поэзии — битва — пашня — автор подчеркивает трагизм княжеских междоусобиц: от этих войн, происходящих только на русской земле, в первую очередь страдает крестьянин, и поля, которые должны засеваться „бологом“, засеваются костьми русских людей.

Очень интересно использован автором „Слова“ символический образ народной поэзии — сравнение битвы со свадебным пиром.

Как и в ряде других случаев, этот образ дается уже в претворенном виде. Как известно, в народной поэзии смерть на бою очень часто сравнивается с женитьбой:

Расскажи, ворон, словесно,
Что женился мальчик на другой:
Взял себе он жену тиху-скромну
В чистом поле под кустом,
Что венчала остра сабля,
Разлучила пуля нас.[2]

Сравнивая битву со свадебным пиром, автор как бы вспоминает и этот образ народной поэзии: смерть на бою — женитьба и создает целую композицию: „Ту пиръ докончаша храбріи русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую“. Битва — пир, русские воины обручаются со смертью, и отсюда враги их, которые сватают их со смертью, т. е. убивают, названы сватами. В „Слове“

---

[1] Киреевский. Вып. 8. Стр. 127—128.
[2] А. Васнецов. Песни Северо-Восточной России. М. 1894. Стр. 59.

в данном месте идет речь о всех воинах: „храбрии русичи сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую“, а во время битвы полегли простые воины (все князья были пленены и остались живы). Эти воины главным образом — молодежь. Словами „сватов напоили, а сами полегли“ автор подчеркивает тяжесть войны, тяжесть поражения: вместо радостного брачного пира — пир битвы, на котором молодежь полегла за землю Русскую. Но полегла она с честью, „напоив“ как следует своих „сватов“.

Вспоминается более поздний памятник — „Повесть о разорении Рязани Батыем“, где хотя и не говорится о сватах, но, близко к „Слову“, рассказывается о том, как русские „напоили“ своих врагов: плененные воины Евпатия Коловрата говорят Батыю: „...Да не подиви, царю, не успевати наливати чаш на великую силу — рать татарьскую“.

Так же, как и в народнопоэтических произведениях, в „Слове“ часто встречаются гиперболические сравнения. Но большинство из них, являясь поэтическим приемом, в то же самое время отражает вполне реальные факты. Особенно это показательно для характеристик, даваемых автором русским князьям. Всеволод так силен, что может Волгу раскропить веслами, а Дон вычерпать шлемами. За этим гиперболическим изображением могущества князя кроется и реальная картина — намек на удачный поход Всеволода против волжских болгар.

Такие же реалии мы можем обнаружить и за гиперболической характеристикой Галицкого Ярослава Осмомысла: „златокованный стол“ — Галицкое княжество отличалось своим богатством и пышностью княжеского двора; „подперъ горы угорскыи своими желѣзными плъки“ — граница Галицкого княжества проходила по венгерским (Карпаты) горам, и, боясь могущества и силы Ярослава, никто из его соседей не осмелился выступать против этого сильного, с большой и мужественной дружиной князя: „стрѣляеши съ отня злата стола салътани за землями“ — здесь автор имеет в виду приглашение Барбароссой Ярослава Галицкого принять участие в готовящемся третьем крестовом походе в Палестину.

Или образ „буй-тура“ Всеволода во время битвы: „...прыщеши на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужными! Камо туръ поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежатъ поганыя головы половецкыя“. Это же почти образ былинного богатыря, побивающего врагов! Но вместе с тем все здесь реально, нет ничего невероятного, и, как известно и из летописи, Всеволод особенно мужественно бился с половцами.

Целый ряд народнопоэтических символов, которые берутся

автором лишь для поэтической яркости, используются им по-своему, более тонко, поэтически совершенно.

Символический образ: мутно-текущая река — печаль, горе, несчастье, символ прихода вражеских войск, передается автором „Слова" в одном месте так, как и в памятниках народного творчества: „Земля тутнетъ, рѣкы мутно текуть, пороси поля прикрываютъ" („Ой ты наш батюшка тихий Дон! Ой что же ты, тихий Дон, Мутнехонек течешь?.."), а в другом более развернуто и с большим лиризмом: „Уже бо Сула не течетъ сребреными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ".

Таким образом, автор „Слова о полку Игореве" всегда творчески воспринимает фольклор и подчиняет его идейно-художественному замыслу своего произведения.

Как гениального художника, большого мастера слова характеризуют автора памятника и его описания природы.

Автор „Слова" — прекрасный знаток природы, — он знает повадки и обычаи зверей, птиц; охотничья терминология, умело используемая им, говорит о его знакомстве с охотой, говорит о нем как о человеке, в быту которого она была обычным делом; его зарисовки пейзажа всегда сочны, выразительны и до мелочей правдивы.

Сравнение героев с соколом, часто встречающееся в „Слове о полку Игореве", характерно и для народной поэтики, но у автора „Слова" это сравнение не только поэтический символ (с соколом он сравнивает лишь русских воинов и князей, а татар — только с черными воронами), — оно всегда имеет оттенок конкретности, которая говорит о прекрасном знании автором повадок сокола, о знании соколиной охоты.

О плененных Игоре и Всеволоде бояре говорят Святославу: „Уже соколома крильца припѣшали поганыхъ саблями, а самаю опуташа въ путины желѣзны". „Припешить крылья" — термин соколиной охоты, — подрезать соколу крылья, чтобы он не мог улететь. „Коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ: не дастъ гнѣзда своего въ обиду": „быть в мытех" — значит линять, и именно в этот период сокол становится особенно отважен и силен, защищая свое гнездо.

Особенно замечательно изображена природа в рассказе о бегстве Игоря из плена. Все в природе помогает бегству Игоря — это символический, глубоко поэтический образ; но и за ним стоят очень тонко схваченные реальные картины природы южнорусских степей и лесов. Во время бегства Игоря из плена „. . .врани не граахуть,

галици помлъкоша, сорокы не троскоташа, по лозію ползоша только. Дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ, соловіи веселыми пѣсньми свѣтъ повѣдаютъ...“ Перед нами поэтическая картина, изображающая сочувствие птиц бегущему из плена Игорю. Но тут не только поэтические образы. Когда человек идет по лесу, то по пути его следования кричат птицы, особенно сороки, и по этому птичьему гомону можно преследовать беглеца и не видя его. Поэтому-то и молчат птицы на пути следования Игоря, — они этим сбивают с пути его преследователей.

А вот когда автор говорит о Гзе и Кончаке, ищущих беглеца, то, употребляя отрицательное сравнение, он создает такую картину: „А не сорокы втроскоташа,— на слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ“. То есть сороки там, где едут Гза и Кончак, на самом деле „втроскоташа“, но отрицательной формулой автор подчеркивает, что важно не то, что сороки стрекочут, а самый факт преследования Игоря Гзой и Кончаком.

Природа играет в „Слове о полку Игореве“ огромную роль: из наблюдений над нею автор черпает целый ряд образов, сравнений, эпитетов, метафор; все повествование о походе Игоря, воспоминания о княжеских усобицах, рассказы о различных исторических событиях даются на фоне картины природы. Но это не холодная декорация, а живая одухотворенная природа, которая живет единой жизнью с героями произведения. В повествовании автора „Слова“ она не просто сопутствует тем или иным событиям, но принимает в них активное участие. Солнце предупреждает Игоря об опасности, о несчастии, которое его ожидает. Птицы и звери настороженно подстерегают предстоящие русским бедствия: „Уже бо бѣды его пасетъ птиць по дубію; влъци грозу въсрожатъ по яругамъ; орли клектомъ на кости звѣри зовутъ; лисици брешутъ на чръленыя щиты“. Но после победы „поганых“ половцев над русскими вся природа грустит: „Ничить трава жалощами, а древо с тугою къ земли преклонилось“.

Ярославна в своем плаче-заклинании упрекает и ветер и солнце за то, что они „воям“ ее „лады“ не помогли во время битвы с врагами русской земли. Она просит Днепр „прилелеять“ к ней ее мужа. Река — только не Днепр, а Донец — помогает Игорю во время его бегства: она лелеет князя на своих волнах, постилает ему на своих берегах зеленую траву, одевает его „теплыми мъглами подъ сѣнію зелену древу“, стережет его „гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чрьнядьми на ветрѣхъ“.

За этим глубоко поэтическим эпизодом, который является ярким примером одухотворения природы (разговор с рекой и ха-

рактеристика реки как живого существа, помогающего человеку), стоит реальная действительность: Игорь с Лавором идут по берегу реки, отдыхают на траве ее берегов, водоплавающие птицы — гоголи, чайки и чернеди — „стерегут" покой князя и его спутника, так как по поведению этих птиц беглецы могут узнать о приближении и людей и крупных зверей.

Мы не отрицаем возможности в какой-то мере анимистических представлений у автора „Слова". Он был человеком своего времени. К. Маркс сказал о „Слове о полку Игореве": „Вся песнь носит христиански-героический характер, хотя языческие элементы выступают еще весьма заметно".[1] Без сомнения, автор „Слова", как человек своего времени, видел в затмении солнца зловещее предзнаменование, но не осмыслял его с религиозной точки зрения, и он не осуждал князя, пренебрегшего этим предзнаменованием. Отголоски языческих представлений выступают у автора „Слова" и в рассказе его о князе-оборотне Всеславе. Композиционное расположение плача Ярославны и его характер говорят о том, что это плач-заклинание: сразу же после него рассказывается об успешном бегстве Игоря из плена. В этом также нельзя не видеть каких-то элементов языческого миропонимания.

Но, наряду с возможными анимистическими представлениями, картины одухотворенной природы в „Слове о полку Игореве" — образы поэтические.

В летописной повести о походе Игоря на половцев все поступки ее героя, все события, происходящие на Русской земле, оцениваются с точки зрения церковно-религиозной морали: несчастья Игоря, несчастья Русской земли — это божья кара за грехи, и в летописной повести по Ипатьевскому списку мы так и читаем: „И се богъ казня ны грѣхъ ради нашихъ наведе на ны поганыя, не акы милуя ихъ, но насъ казня, и обращая ны къ покаянью, да быхом ся востягнули отъ злыхъ своихъ дѣлъ; и симъ казнить ны нахожениемь поганыхъ, да некли смиривошеся воспомянемь ся отъ злаго пути".

Автор „Слова о полку Игореве" совершенно иначе оценивает происходящие события — не с религиозной точки зрения. Он подходит к описываемым им событиям реалистически, как политик и историк. Он прекрасно видит и понимает, что причина трагедии Игоря не в том, что он когда-то союзничал с половцами, как считает летописец, а в том, что Русская земля в течение десятилетий

[1] Письмо Маркса к Энгельсу от 5 марта 1856 года. К. Маркс — Ф. Энгельс. Об искусстве. Изд. „Искусство". М. 1938. Стр. 323.

ослабевала от княжеских междоусобиц. Для него поражение Игоря — результат этого ослабления Русской земли, результат разделения князей и княжеств. Как трезвый историк, раздумывающий о происходящем и ищущий корни его в реальной действительности, автор „Слова" рассматривает события прошлого, чтобы выяснить — где же причина современного ему положения в Русской земле. Отсюда его многочисленные воспоминания о прежних событиях. При рассказе о неравной и жестокой битве Игоря с половцами автор вспоминает прошлое: „Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля, были плъци Олговы..." Он подробно останавливается на рассказе об Олеге, подчеркивая, что именно во времена Олега начались междоусобные войны: „Тъй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше..." Заканчивает он этот экскурс в прошлое рассуждением о тяжести княжьих крамол для Руси: „...погыбашеть жизнь (богатство, достояние) Даждьбожа внука; въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомъ скратишась. Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть..." Совершенно ясна мысль автора: рассказывая о битве, в которой русские потерпели поражение от поганых, он вспоминает предшествующие годы, когда в княжеских междоусобицах начала слабеть и приходить в упадок Русская земля. В конце рассказа о поражении Игоря автор горестно восклицает: „Усобица княземъ на поганыя погыбе, рекоста бо братъ брату: „се мое, а то мое же". И начяша князи про малое „се великое" млъвити, а сами на себѣ крамолу ковати. А поганіи съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую..." Оканчивая призыв к современным ему русским князьям встать на защиту Русской земли, автор восклицает с горечью: „О! стонати Руской земли, помянувше пръвую годину и пръвыхъ князей! Того стараго Владиміра нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ киевьскымъ. Сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзіи — Давидовы, нъ розно ся имъ хоботы пашутъ". Очевидно, здесь под Владимиром нужно видеть Владимира I. Автор говорит, что Владимира нельзя было „пригвоздить" к Киеву, так как этот князь почти всю жизнь провел в походах, борясь с врагами Русской земли. В те „первые времена" Русь была сильной и могучей, так как был один великий князь — Владимир, а у нынешних князей знамена их предка разделились и „розно ся имъ хоботы пашутъ" — нет между ними согласия, — о какой же силе и могуществе тут может итти речь!

Такое историческое понимание событий сегодняшнего дня (причина происходящего лежит в реальных фактах прошлой истории) ставило автора „Слова" неизмеримо выше летописцев.

Но автор „Слова" не только историк — он еще и политик.

Он осуждает существующий порядок вещей. И хотя идеалы его обращены в далекое прошлое (он мечтает о „первых“ князьях, княживших в Киеве и державших в своем подчинении остальные области Русской земли, и сейчас он хочет видеть в Киеве „грозного великого Святослава“), его призыв к русским князьям накануне татаро-монгольского нашествия объединиться был глубоко прогрессивным и патриотическим делом. Эта политическая злободневность „Слова“ проявилась не только в том, что автор его взывает к реальным, княжившим в его время князьям, но и в том, что он осуждает их. Не избежали его упреков и самые могущественные князья той поры: Всеволода он обвиняет за то, что этот сильный князь не хочет „отня злата стола поблюсти“, Ярославу Осмомыслу он бросает упрек в том, что тот „стреляет“ „салътани за землями“, в то время когда нужно встать на защиту Русской земли. Автор так и говорит ему: „Стрѣляй, господине, Кончака, поганого кощея, за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святъславлича!“ Как правильно заметил И. П. Еремин,[1] политическая злободневность „Слова о полку Игореве“ особенно ярко проявляется в обращении с упреком князя Святослава к черниговскому князю Ярославу. Всей своей деятельностью Ярослав зарекомендовал себя как князь, очень неохотно принимающий участие в совместных походах против половцев, и не раз по его вине походы в степь срывались. Как раз в то время, когда писалось „Слово“ — в 1187 году, — по вине Ярослава был сорван поход против половцев.

Если подходить к автору „Слова о полку Игореве“ как к историку и политику, то станет понятным и его отношение к своему герою — к Игорю. Он всячески стремится показать храбрость и мужество Игоря, он восхищается отвагой этого русского князя. Это мы видим в самом начале, в рассказе о солнечном затмении. В „Слове о полку Игореве“ солнечное затмение не только рассказ о реальном факте, но и художественный прием для характеристики мужества и отваги Игоря. Автор „Слова“ переносит солнечное затмение, вопреки исторической действительности, на время перед началом похода Игоря, когда еще не поздно было отложить поход, но Игорю „жалость“ даже „знамение заступи“ (ревностное, страстное желание воинского подвига оказалось сильнее, чем зловещее „знамение“). Ничто не могло остановить храброго князя. Автор не

---

[1] И. П. Еремин. „Слово о полку Игореве“ как памятник политического красноречия. Слово о полку Игореве. Сборн. исследований и статей. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л. 1950. Стр. 97 — 99.

осуждает Игоря за то, что тот пренебрег знамением, он этим подчеркивает удаль и отвагу его. Он осудит его за другое — за сепаратизм Игоря в действиях против половцев. Вина Игоря заключается в том, что он вместе с Всеволодом „уже лжу убудиста, которую то бяше успилъ отецъ ихъ Святъславь грозный великый Кіевскый грозою...“ И вот за этот сепаратизм, за то, что Игорь своими действиями нанес вред общему делу — взбудоражил половцев, которые были утихомирены Святославом, и осуждает автор своего героя, осуждает как человека, мужеством которого он гордится и которому горячо сочувствует.

Что представляет собою „Слово о полку Игореве“ как литературное произведение? Прозаическое оно или стихотворное? К какому жанру оно может быть отнесено?

В отдельных местах „Слова о полку Игореве“ мы определенно чувствуем правильный ритм. Эта ритмичность, достигаемая различными приемами (чередование предложений одной и той же синтаксической конструкции, чередование при одном подлежащем нескольких сказуемых с одинаковыми окончаниями, повторы одного и того же слова в стоящих рядом предложениях и т. п.), и высокие поэтические достоинства всего памятника вообще обусловили то, что вскоре же по выходе в свет первого издания „Слова“ встал вопрос — стихотворное это произведение или прозаическое? Многочисленные исследования ритмической структуры „Слова о полку Игореве“ привели к заключению, что отдельные ритмические части „Слова“ не могут быть объединены в единую закономерную систему. Это говорит о прозаическом характере его.

Спорным является и вопрос о жанре „Слова“. Существовали и существуют различные точки зрения по этому вопросу. Наиболее обоснованной гипотезой в этой области изучения „Слова“ является гипотеза И. П. Еремина, который определяет „Слово о полку Игореве“ как произведение политического красноречия.

Прежде всего необходимо сказать, что в средние века понятие красноречия отличалось от современного представления об этом жанре: красноречие было одним из литературных жанров; предназначенное для публичного чтения произведение красноречия предварительно писалось и отделывалось, как и любое литературное произведение. О большом распространении этого жанра в древней Руси XI—XII вв. говорят дошедшие до нас от той поры произведения церковно-ораторской прозы, из которых „Слово о законе и благодати“ митрополита Иллариона по праву занимает одно из первых мест среди памятников древнерусской культуры вообще.

Идейное содержание „Слова“, его политическая заостренность,

его назначение — „призыв к русским князьям“ (К. Маркс)[1] — говорит о том, что „Слово“ носит характер ораторского произведения. Риторичность, которую мы наблюдаем на протяжении всего памятника (постоянные обращения к слушателям — „братие“, риторические вопросы и т. п.); план произведения — вступление риторического характера, затем повествовательная часть — рассказ о походе Игоря, сон и „злато слово“ Святослава, плач Ярославны и бегство Игоря из плена, и заключение памятника — „слава“ Игорю, Всеволоду, Владимиру Игоревичу и дружине; терминология в самом памятнике, который автор называет одновременно и словом, и повестью, и песнью (такая тройная терминология — характерная черта произведений красноречия) и, наконец, ритмичность прозы — все это позволило И. П. Еремину сделать такое заключение в своем исследовании: «„Слово о полку Игореве“ — величайший известный нам памятник политического красноречия Киевской Руси и всей древнерусской литературы в целом».[2]

Время написания „Слова о полку Игореве“ определяется довольно точно. Оно не могло быть написано позднее 1187 года, так как в „Слове“ как живые упоминаются князья Владимир Глебович Переяславский (умер 18 апреля 1187 года) и Ярослав Осмомысл (умер 1 октября 1187 года). Но вместе с тем оно не могло быть написано и ранее этого года, так как в числе возвратившихся на Русь князей упоминается и Владимир Игоревич, который вернулся на Русь из плена осенью 1187 года.

О жизни и значении „Слова о полку Игореве“ в древнерусской культуре ярче всего свидетельствует произведение конца XIV — начала XV века „Задонщина“, рассказывающее о разгроме на Куликовом поле татарских полчищ Мамая. С. К. Шамбинаго, много занимавшийся изучением этого произведения, очень удачно охарактеризовал связь его со „Словом“: „Если великая лирическая поэма „Слово о полку Игореве“ была лебединой песней для Киевской Руси, то она воскресла как победный клич в Московском государстве“.[3]

„Задонщина“ в ряде мест дословно совпадает со „Словом о полку Игореве“, но это ни в коем случае не умаляет ее значения

---

[1] Письмо Маркса к Энгельсу от 5 марта 1856 года. К. Маркс — Ф. Энгельс. Об искусстве. Изд. „Искусство“. М. 1938. Стр. 323.

[2] И. П. Еремин. „Слово о полку Игореве“ как памятник политического красноречия. Слово о полку Игореве. Сборн. исследований и статей. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л. 1950. Стр. 129.

[3] Газета „Рабочая Москва“. 26 мая 1938 года.

и поэтических достоинств. Пользуясь при рассказе о событии 1380 года поэтическими средствами и образами „Слова о полку Игореве“, Софоний, автор „Задонщины“, тем самым подчеркивал для своих современников, хорошо знавших „Слово“, значение объединения русских княжеств вокруг Москвы.

Более ранним, чем „Задонщина“, свидетельством знакомства древнерусского читателя со „Словом о полку Игореве“ является запись, сделанная переписчиком псковского Апостола 1307 года. Описывая современные события, борьбу Московского князя Юрия Даниловича с Михаилом Тверским, переписчик Апостола сделал это фразой из „Слова о полку Игореве“. Приводим для сравнения выписку из „Апостола“ и соответствующего места „Слова“:

Апостол 1307 года	Слово о полку Игореве
При сихъ князехъ сѣяшется и ростяше усобицами, гыняше жизнь наша, въ князѣхъ которы и вѣци скоротишася человѣкомъ.	Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами, погыбашеть жизнь Даждьбожа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣци в человѣкомъ скратишась.

После открытия в конце XVIII века рукописи с текстом „Слова о полку Игореве“ и выхода в свет первого печатного издания его это произведение древнерусской литературы возродилось для новой жизни.

„Слово о полку Игореве“ с 1800 года, года первого издания, и до наших дней вдохновляло и вдохновляет писателей, художников, композиторов, ученых.

Мы имеем многочисленные переводы „Слова о полку Игореве“, начиная с перевода первых издателей памятника и кончая переводами писателей – наших современников. Кроме этого, образы и поэтические картины „Слова о полку Игореве“ встречаются в художественных произведениях многих русских писателей и поэтов.

По мотивам „Слова о полку Игореве“ созданы не только иллюстрации к нему, но и большие полотна. На сюжет „Слова“ написана одна из лучших русских опер — „Князь Игорь“ Бородина. „Слову о полку Игореве“ посвящены сотни исследований не только филологов и историков, но и ученых других специальностей.

В наше время „Слово о полку Игореве“ пользуется любовью всех народов Советского Союза. Оно переведено на многие языки различных народностей СССР.

Для нас „Слово о полку Игореве“ ценно не только как памятник древнерусской общественной мысли и культуры. Оно и в наши

дни живет действенной и активной жизнью. Академик С. И. Вавилов во время торжественного заседания, посвященного 150-летнему юбилею первого издания „Слова", ярко подчеркнул эту современность „Слова" нашим дням, сказав: „наряду с „Полтавой" Пушкина, „Войной и миром" Толстого, „Слово о полку Игореве" действенно помогает формированию патриотических чувств молодого советского гражданина, учит его любить свою Родину и ценить ее богатейшее культурное наследство".[1]

2

Проблема перевода „Слова о полку Игореве" возникла сразу после его открытия, так как памятник не мог быть доступным всем современным читателям вследствие архаического своего языка. Перед переводчиками вставали трудности: передача лексики оригинала и его ритмического строя. Лексика „Слова" весьма неоднородна. По степени трудности перевода в памятнике можно наметить четыре группы слов, которые в течение веков претерпели разные изменения и требуют к себе различного подхода.

1. Главная часть словаря „Слова о полку Игореве" дошла до нас без изменений смысловых значений и формы. Это доказывает правильность учения Сталина об устойчивости основного словарного фонда. Эта группа слов не требовала перевода.

2. Слова, которые сохранили свои основные значения, но сузили или утратили побочные. Сузили значения: „жестокий" (утрачены значения — крепкий, твердый, сильный); „веселие" (утрачены — свадьба, пир); „жир" (исчезли — богатство, довольство).

3. Большая категория слов, где утратились некоторые из основных значений. Например: „труд" выражало в языке XII века множество понятий. Однако в современном литературном языке мы находим: работа, старание, забота; остальные значения — болезнь, боль, скорбь, горе, страдание, беспокойство, подвиг — потеряны. „Полк" в древней Руси — битва, поход, войско; сейчас лишь — войско, или количественно — определенная часть войска и т. п.

4. В „Слове о полку Игореве" встречаются лексические элементы, которые совершенно утеряли древние значения: „красный" — прекрасный, красивый, приятный, ясный, ценный, дорогой, почетный;

---

[1] Из вступительной речи Президента Академии наук СССР С. И. Вавилова 11 декабря 1950 года на торжественном заседании в Москве, посвященном 150-летию со времени выхода первого издания „Слова о полку Игореве". „Вопросы истории". 1951. № 2. Стр. 10.

теперь — красный цвет; „живот“ в древнерусском языке — жизнь, животное, имение, имущество; теперь — часть тела.

Последние три группы представляют собой особую трудность для переводчиков, так как многие слова, сохраняя внешнюю форму, употребляются теперь с совершенно иным смысловым содержанием.

Вторая трудность перевода „Слова“ заключается в том, что долгое время не были точно установлены ни жанр, ни ритм его. Некоторые исследователи и переводчики памятника — Востоков, Полевой, Максимович, Дубенский, Барсов, Корш и др. — пытались разложить текст „Слова“ на стихи. Однако первые же неудачи в этом направлении вынудили Востокова уже в 1812 году признать, что „Слово о полку Игореве“ написано ритмической прозой, в которой чередуются стихотворные и прозаические отрывки.[1] Но попытки определить ритм памятника продолжались в течение всего XIX века. Одни сближали „Слово“ с украинскими думами (Максимович), другие (Корш) — с русскими былинами и т. д.

В зависимости от взгляда исследователей и переводчиков на „Слово“ как на стихи или как на прозу, появилось два типа переводов памятника: стихотворные и прозаические. Мы остановимся на стихотворных переводах его.

Первый стихотворный перевод „Слова о полку Игореве“ появился в 1803 году, вскоре после опубликования оригинала. Это был перевод И. Серякова, в художественном отношении довольно слабый. С этого времени начинается увлечение „Словом“ как поэтическим памятником Руси. Это увлечение особенно усиливается во втором десятилетии XIX века. Поэтов привлекали глубина идейного содержания, яркость образов, риторический стиль, удачное сочетание фольклорной и литературной стихий произведения. За первую половину XIX века насчитывалось уже 26 переводов (и переложений) „Слова“ и „Плача Ярославны“.

В XIX веке большинство переводов „Слова“ еще очень произвольно. И. Серяков, Н. Язвицкий и И. Левитский подражали псевдонародной манере сказки Карамзина „Илья Муромец“; М. Де ля Рю перевел „Слово“ гекзаметром, А. Н. Майков — „сербским“ пятистопным хореем. В угоду избранному размеру переводчики допускали частые инверсии и искажали синтаксис „Слова о полку Игореве“. Однако были авторы, которые стремились угадать размер оригинала. Первым лучшим образцом такого перевода является перевод В. А. Жуковского.

---

[1] Востоков. Опыт о русском стихосложении. „Санктпетербургский вестник“. Т. II. 1812. Стр. 283—284.

Вообще переводы „Слова о полку Игореве“ прошлого века можно разделить на две группы: вольных переложений и собственно переводов. Авторы первой группы, как, например, И. Серяков, Н. Язвитский, Н. Левитский, Д. Минаев, Л. Мей, Н. Гербель, издавали собственные вариации на темы „Слова“. В этих „переводах“, при выдержанной, в основном, композиции, много добавлений, особенно у Д. Минаева и Н. Гербеля. Перевод Д. Минаева по обрисовке образов и языку очень противоречив. На фоне подражания народным песням появляются замысловатые обороты: „С онемевших веков // Распахну я туман“ и т. д. Образ Бояна рисуется в духе современного романтизма. „Я увижу тебя // С вдохновенным челом! // Взор твой полон огня; // Речи творческой гром...“ Перевод Л. Мея более последовательно выдержан в тоне севернорусских стихов „про веселых молодцов новгородских“.[1] Он применил в своем переводе все излюбленные средства фольклора. Однако чрезмерными фольклоризмами Мей подчас искажает „Слово“. Например: „и стрелами литься дождику“. Этим переводам свойственна не всегда оправданная замена одного эпитета оригинала другим. У Мея мы находим: „могучий полк князя Игоря“ вместо „Храбрые полки“; у Гербеля вместо „златого стремени“ — „чеканное“ и т. д. Часто одна фраза подлинника превращается у этих переводчиков в целую тираду. Вольные переложения „Слова“ Минаева и особенно Гербеля, несмотря на максимальную удаленность от подлинника и художественную слабость, пользовались огромным успехом у современников. Но в серьезной критике они нашли должную оценку. Так, общеизвестен отрицательный отзыв В. Г. Белинского о переводе Минаева;[2] что же касается перевода Гербеля, то он был подробно разобран в статье известного исследователя „Слова о полку Игореве“ М. А. Максимовича, который, между прочим, писал: „В переводе г. Гербеля не один раз встретите прибавления к подлиннику, которыми нарушается верность или исторической действительности, или картины, нарисованной певцом“.[3]

Несколько особняком в этой группе стоит перевод А. Майкова. Его отличает от переводов Минаева, Мея, Гербеля и др. то, что он выступил в передаче оригинала не только как поэт, но и как исследователь. Но значение перевода Майкова снижается тем, что в толковании отдельных мест „Слова“ он испытал влияние работ мифологов. Например, в выражении „растѣкашется мыслію по

---

[1] М. А. Максимович. Собрание сочинений. Т. III Киев. 1880.
[2] В. Г. Белинский. Взгляд на русскую литературу 1846 года.
[3] М. А. Максимович. Собрание сочинений. Т. III. Киев. 1880. Стр. 581.

древу", „древо" он представлял мифологическим деревом, росшим в царстве богов. Кроме этого, перевод Майкова, хотя и в меньшей степени, чем другие переводы XIX века, тоже характеризуется наличием разного рода вставок и добавок, которые ослабляют силу подлинника. Например: „Не добра ждать, — говорят в дружине // Старики поникли головами: — // Быть убитым нам или плененным". Перевод Майкова имеет фольклорный оттенок, порой переходящий в подражание песням западных славян: ...„солнце — что двурогий месяц // А в рогах был словно угль горящий".

Создателем первого по-настоящему поэтического перевода „Слова о полку Игореве" явился В. А. Жуковский. Если бы перевод „Слова" Жуковского был опубликован непосредственно после его создания в 1817 — 1819 гг., он бы, несомненно, оказал решающее влияние на последующие переводы памятника и направил бы переводчиков по верному пути поисков ритма, близкого к подлиннику. К сожалению, перевод увидел свет только в 1882 году. Барсов, найдя его в бумагах А. С. Пушкина (с его пометками на полях), ошибочно причислил перевод к трудам великого поэта. Однако ошибка вскоре была обнаружена. По поводу перевода „Слова" Жуковского Е. В. Барсов писал: „Перевод (этот) стоит ближе к тексту „Слова", чем даже перевод дословный первых издателей... Но чем особенно дорог этот перевод, то именно тем, что представляет в себе опыт Пушкина (т. е. Жуковского. — *В. В.*) разложить текст „Слова" на стихи и угадать его поэтический размер". Барсов прав. Жуковский впервые в истории переводов „Слова о полку Игореве" стремился передать не только каждую смысловую единицу подлинника, но и угадать размер исходя из самого „Слова". За основу деления текста на строки он положил логическое ударение (цезуру). Так как „Слово" написано ритмической прозой, в которую вкраплены стихотворные отрывки, то в переводе Жуковского также длинные строки чередуются с короткими. Ритм подлинника все же не был Жуковским вполне найден. Об этом свидетельствуют очень частые перестановки внутри строк. Они заметно изменяют синтаксис памятника.

Жуковский почти безупречно точен в передаче смысловой стороны „Слова". В своем переводе он не пропустил ни одной лексически значимой единицы „Слова о полку Игореве". Нет в переводе Жуковского и значительных добавлений. Встречаются лишь иногда добавления титула к имени — „Ты галицкий князь Осмомысл Ярослав"...

В передаче архаизмов Жуковский проявил большой такт. Он перевел почти все слова, которые были для современников непо-

нятны или безнадежно устарели: „туга“ — печаль, горе: „буесть“ — отважное дело (Высоко взлетаете вы на дело отважное); „харалужный“ — булатный; „тулы“ — колчаны. Но в замене этими эквивалентами непонятных слов подлинника Жуковский почему-то не всегда последователен. Например: „трещат харалужные копья“ и „мечами булатными“, „молотят цепами булатными“; „тулы отворены“ и „заточило им тулы печалью“, но „сыпали мне пустыми колчанами“. Оставлено без перевода „червленый“: („Лисицы брешут на червленые щиты“). Встречаются слова: сей, лоно, одр, рек, глаголют. Устаревшие теперь, они для современников Жуковского не были архаизмами. Непоследовательность замечается в переводе полногласных и неполногласных вариантов, что делал Жуковский в зависимости от ритма. Это вполне оправдывается и временем написания перевода и романтическим мировоззрением Жуковского. В стихах поэта тоже свободно использованы: „золото — злато“, „ворон и вран“, „берег — брег“, „ворота — врата“ и т. д. В основном же оставление Жуковским в переводе немногочисленных архаизмов диктуется стремлением поэта точнее передать колорит эпохи „Слова о полку Игореве“. Почти все краткие прилагательные Жуковский перевел полными, что, конечно, не всегда следует делать, особенно там, где они составляют фольклорную стихию произведения: „Тогда Игорь вступил в златое стремя“, „золотой престол“ и т. п. Патетика „Слова о полку Игореве“ в переводе Жуковского не только не ослабляется, но усиливается при помощи повторений и анафор:

„Но горе, горе! князья мне не в помощь“...
„Вступите, вступите в стремя златое
За честь сего времени, за Русскую землю...“

Или:

„Дон тебя, князя, кличет,
Дон зовет князей на победу“.

В толковании „темных мест“ Жуковский следовал авторитетным конъектурам того времени, например: „упуди жирня времена“ („упуди“ вместо „убуди“ предложил читать Н. Грамматин) поэт перевел: „прошли времена благоденствия“; „обѣсися синѣ мглѣ“ — „синею мглою обвешанный“ и т. д.

Несмотря на точность перевода Жуковского, на полях копии Пушкина были сделаны рукой самого Жуковского и Пушкина замечания, еще более уточнявшие перевод. Например: в рукописи: ...„О красной Глебовне, милом своем желании свычае и обычае“ в копии лучше: „О свычае и обычае милой супруги своей Глебовны

красныя". В рукописи: (Обида) „встрепенула крыльями лебедиными"...; в копии точнее: „всплеснула..."

Перевод „Слова о полку Игореве" Жуковского до сих пор заслуженно считается одним из лучших по точности и художественности.

Переводы „Плача Ярославны" в XIX веке представляли собой, по большей части, свободное переложение. Размер выбирался произвольно: четырех-пятистопный ямб — излюбленный размер русской поэзии прошлого столетия (у И. Козлова — рефрен, у Шкляревского, Загорского); четырехстопный хорей (у Белюстина, Миллера Козлова — остальная часть „Плача"), иногда анапест (Берг). Большинство из этих переводов „Плача" рифмовано. Лишь немногие авторы (Шкляревский, Белюстин) переложили „Плач Ярославны" белым стихом. Несмотря на сохранение общей композиции „Плача", все упомянутые переводы далеки от подлинника. Древнерусская лаконичность „Плача" заменяется у этих переводчиков расплывчатостью, обрамлением почти каждого слова сентиментальными эпитетами, например: „Не пошлю к нему слез безотрадных, горючих" (Берг). Конкретность подлинника в этих переводах часто оказывается утраченной. Так, вместо „Каялы" у Берга встречаем просто реку („Омочу я в реке мой бобровый рукав"). Образ Ярославны от сравнений ее с горлицей, голубкой, ласточкой искажался. Вероятно, отчасти это объясняется неясным пониманием переводчиками XIX века слова „зегзица". Впрочем, Козлов в „Плаче Ярославны" перевел: „То не кукушка в роще темной // Кукует рано на заре"... В обращении Ярославны к солнцу некоторые авторы (Загорский, Миллер) слишком удаляются от подлинника, стремясь чисто реалистически раскрыть его смысл, забывая о большой художественной сложности этого образа:

> Ах! зачем своим ты огненным лучом
> Раскаляешь друга милого шелом?
> И полки его, ослабленные зноем,
> В диком поле приуныли перед боем.
>
> *(Ф. Миллер)*

Во второй половине XIX века стали появляться и украинские поэтические переводы и переложения „Слова о полку Игореве". В 1857 году вышло в свет стихотворное переложение Максимовича.[1] Переложение явилось подтверждением мысли Максимовича, которую он высказал еще в 1833 году, — о сходстве „Слова о полку Игореве" с украинскими думами.

---

[1] М. Максимович. Песнь о полку Игореве. Киев. 1857.

Максимовичем широко использована в переложении „Слова“ стилистика народных украинских дум и русского устного творчества: эпитеты — лихой земле Половецкой, Гориславич лютый, ясный сокол, лебедка белая, тихий Дон; конструкции — И по чистому вон полю // еде, проезжае и т. д.

Максимовичу последовали Ст. Руданський и П. Мирный, которые тоже создали вариации в стиле украинских народных дум.

Во главе представителей передовых демократических кругов, интересовавшихся „Словом“, в украинской литературе стоял Т. Г. Шевченко.

Еще в ссылке его все время привлекала мысль перевести „Слово о полку Игореве“ на украинский язык — „на наш задушевный, прекрасный язык“ (из письма А. Козачковскому). Но к выполнению своего намерения Т. Г. Шевченко смог обратиться лишь в 1860 году. Он перевел стихами „Плач Ярославны“ и один из центральных эпизодов „Слова“ — бой на реке Каяле.

Самый выбор этих отрывков из „Слова“ в высшей мере характерен для всего творчества Т. Г. Шевченко. В „Слове о полку Игореве“ его прежде всего привлекли лирические и трагические эпизоды. Он почувствовал, что именно в них ярче всего отражена вся тяжесть разорений и несчастий народа, которые несли с собою непрерывные войны с половецкой степью. Для стиля переводов Т. Г. Шевченко, особенно второго отрывка, характерна передача близости „Слова о полку Игореве“ к народнопоэтической стихии. Поэт и в этом остается глубоко самостоятельным и индивидуальным: замечательно удачно он находит в украинской народной поэзии и язык и образы, адэкватные языку и образам „Слова“, истоками которых было современное автору „Слова“ народнопоэтическое творчество.

Таким образом, художественная передача „Слова о полку Игореве“ на современный русский язык в XIX веке заключалась главным образом в создании поэтами собственных вариаций на темы памятника. Проблема точного художественного перевода „Слова о полку Игореве“ в XIX веке не была разрешена. Она была только поставлена гениальным Пушкиным в его статье и замечаниях на переводы „Слова“ и частично решена Жуковским.

По-новому встал вопрос о переводах „Слова“ в наше время. Высокое развитие науки и культуры советского народа побудило переводчиков стремиться к научной и художественной точности в передаче смысловой стороны и ритмики оригинала. По этому пути идет большинство советских переводчиков. Таковы Г. Шторм, С. Шервинский, И. Новиков, А. Югов, В. Стеллецкий. Есть переводы,

в которых излишне увеличена фольклорная стихия памятника. Эту традицию подражания устному народному творчеству, идущую от Мея, продолжили Багов-Верхоянцев и Никифоров. Переложениям „Слова", которые имели такое распространение и успех в XIX веке, в советской литературе отведено очень скромное место. Лучшие из них — переложения Семеновского и Заболоцкого.

Первый советский поэтический перевод „Слова о полку Игореве" принадлежит перу Шторма.[1] Он был напечатан в 1934 году. После этого перевод Шторма с небольшими изменениями выдержал еще пять изданий, а также вошел в школьные хрестоматии. Шторм перевел „Слово о полку Игореве" свободными дольниками, в основу деления которых легла логическая цезура. В дословной передаче оригинала Шторм очень точен: он допускает в тексте лишь несколько вставок. Но иногда это стремление к точности снижает качество перевода: сохраняются архаизмы, непонятные современному читателю; фольклорная струя подлинника оказывается излишне подчеркнутой и т. п. В ряде случаев, наоборот, — в переводе Г. Шторма можно встретить элементы, чуждые лексике подлинника, иногда исторически неоправданные. Например: „Если бы ты был (здесь), // то была бы рабыня по ногате, // а х о л о п по резани". Само собой разумеется, что значение слова „кощей" не передается словом „холоп".

Одновременно с Г. Штормом „Слово о полку Игореве" перевел С. Шервинский. К. Чуковский правильно оценил этот перевод, говоря, что С. Шервинский „дал совершенно иной перевод, резко отличающийся от перевода Георгия Шторма: более женственный, более лиричный и, я бы сказал, более музыкальный".[2]

„Стихи" Шервинского более размеренны и кратки, чем в переводе Шторма, а фразы глаже и музыкальнее.

В 1938 году, ко дню 750-летия существования „Слова о полку Игореве", сделал свой художественный перевод писатель Иван Новиков. „Задачей нашего перевода мы ставили себе дать текст совершенно понятный, точный и поэтически организованный", — писал Новиков в предисловии к переводу.[3]

И. А. Новиков считает, что выбор ритма перевода является естественным следствием всей работы переводчика над текстом „Слова". Этот выбор обусловлен оригинальным поэтическим восприятием подлинника, необходимостью замены старых слов новыми с тем же значением, новым синтаксическим строем перевода и т. п.

---

[1] Г. Ш т о р м. Слово о полку Игореве. Учпедгиз. М. 1934.

[2] К. Ч у к о в с к и й. Искусство перевода. Academia. 1936.

[3] Слово о полку Игореве. Перевод, предисловие и пояснения И. Новикова, ГИХЛ. 1938. Стр. 21—22.

В своей совокупности все это определяет собою новый ритм перевода, как говорит И. А. Новиков — „внутреннюю музыку его".

Перевод сделан короткими дольками и делится на абзацы, которые часто замыкаются концовкой в одно-два слова. Изменение ритмики „Слова" достигается у Новикова путем частых перестановок и инверсий. И. Новиков сохраняет ряд слов с устаревшими окончаниями, которые придают напевность переводу: „концом к о п и я вскормлены", „Велит п о с л у ш а т и // Земле незнаемой" и т. п. Но многих лексических архаизмов, удержанных Новиковым, на наш взгляд, следовало бы избежать (глава, враны, древо и т. п.).

Особый интерес представляет то, какими средствами И. Новиков подчеркивает исконную близость „Слова о полку Игореве" народнопоэтическому творчеству. Исходя из тенденции самого подлинника, он достигает этого при помощи зачинов в стиле народных сказов, употреблением народнопесенного удвоения („к р у ч и н а - т о с к а сыну Глебову!". Ср. подлинник: „Туга и тоска сыну Глебову!"), повторениями предлога и изредка удачной вставкой слов живой народной речи.

Перевод Стеллецкого появился в печати в 1944 году в сборнике „Героическая поэзия древней Руси". Если в этом переводе „Слова" Стеллецкий принял за основу его ритма традиционное деление текста на короткие строки по методу Корша, то в последующих изданиях он заново наметил ритмическую канву, руководствуясь своими новыми представлениями о ритмическом строе „Слова" (см. об этом ниже, в авторском примечании, стр. 303—305).

Большим достоинством перевода Стеллецкого является его стремление к максимальной смысловой точности перевода „Слова о полку Игореве". В первой редакции перевода он пропустил лишь одно выражение: „Коли его опутаем красною девицею, // Не будет и красной девицы..." (подлинник: „Аще его опутаевѣ красною дѣвицею, н и н а м а б у д е т ь с о к о л ь ц а, ни нама красны д ѣ вице..."). Первый вариант перевода далеко не удовлетворил переводчика, и он подверг его коренной переработке. Несмотря на большую близость к оригиналу, в переводе „Слова о полку Игореве" Стеллецкого нет излишней архаизации. Архаизмы в нем встречаются те, которые нужны для сохранения колорита эпохи или не имеют эквивалентов в русском языке: буй-тур, яр-тур, резана, ногата и пр. Остается, однако, непонятным, почему переводчик, найдя довольно удачные эквиваленты к незнакомым современному читателю словам, в некоторых случаях оставляет их без перевода. Например: „мечи харалужными" передано „мечами харалужными", но вместе с тем — „копия булатные" (в подлиннике: „копіа харалужныя"). То же

самое можно сказать и о слове „лада" — в одном случае это слово переводится, а в другом нет. В переводе Стеллецкого встречаются перестановки и инверсии, причем среди них есть и такие, вследствие которых тускнеет поэтическое звучание подлинника. Такова, например, передвижка глагола с конца строки: „Боян же, братья, не десять соколов пускал на стадо лебединое, // но свои вещие персти возлагал на живые струны"... (в подлиннике: „Боянъ же, братіе, не 10 соколовь на стадо лебедѣй пущаше, нъ своя вѣщіа прьсты на живая струны въскладаше"), или: „Тогда по русской земле редко пахари кликали, // но часто вороны каркали, // мертвечину деля меж собою, // а галки вели свои речи..." (в подлиннике: „Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нъ часто врани граяхуть, трупіа себѣ дѣляче; а галици свою рѣчь говоряхуть") и т. п.

Перевод „Слова о полку Игореве" А. К. Югова был приурочен к 150-летию открытия рукописи памятника; он напечатан в 1945 году.[1] Полемически заостренные высказывания А. К. Югова по вопросам перевода „Слова о полку Игореве" и его толкования отдельных мест вызвали целый ряд возражений со стороны ученых и переводчиков.

Литературно-художественные достоинства перевода А. К. Югова отчасти снижаются отношением автора к вопросам лексики современного русского литературного языка. Он считает, что в современном языке вполне закономерно употреблять не только лексику, известную нам лишь по древнерусским памятникам, но и вышедшие из употребления синтаксические конструкции. Такой взгляд на развитие языка проявился в переводе „Слова" Югова, прежде всего, нарушением стилистической канвы подлинника. В текст вкрапливаются сентиментально-романтические эпитеты и метафоры, чуждые „Слову о полку Игореве": „лебеди терзаемые"; „и у воинов души затмились"; „Цветы почернели от скорби" и т. п. В переводе Югова можно обнаружить обороты, словно взятые из произведений русского классицизма XVIII века: „праотцев древние войны"; „десятерица вещих перстов" и т. д. Тут же попадаются просторечия: (Всеслав) „ухватил сине облако"; „воют трубы в Гродно // по убиту" и пр. В отношении архаизмов „Слова" А. Югов умерен. Он оставляет лишь некоторые из них для сохранения колорита эпохи „Слова": „зегзица", „лада", „кычет", „яруги" и пр.

В 1938 году вышел перевод „Слова" Басова-Верхоянцева. „Моя

---

[1] А. Югов. Слово о полку Игореве. „Советский писатель". 1945.
[2] Там же. Стр. 9.

цель, — писал автор, — открыть гениальную 700-летнюю поэму пониманию самых широких читательских масс, сделать ее доступной и интересной в чтении. Почти не прибегая к переработке ритма „Слова“, я старался лишь приблизить „старые словеса“ к словарю современных народных песен и сказов“.[1] Целым рядом стилистических приемов — зачинами в духе народноэпических произведений („Так-то, братья...“), удвоением слов („Кричит Див-птица“ „тоской-печалью“), отрицательными параллелизмами („Не кукушечка тоскует // Над Дунаем // На утренней заре, — // По муже плачет Ярославна“), фразеологическими оборотами типа „под ним конь-огонь“ и т. п. автор добивается выполнения поставленной перед собой задачи.

Для перевода Басова-Верхоянцева характерна расшифровка многих мест памятника. Одни из них в известной мере оправданы, так как позволяют читателю понять события той эпохи: „Кинул Всеслав жребий // О девице ему любой, — // О Стольном Киеве“. Другие снижают поэтические достоинства текста: „Половцы // Кликом // Поля перегородили“ (в подлиннике: „Дети бѣсови...“).

Как видно из краткого обзора переводов „Слова о полку Игореве“, в наше время по-новому встала проблема изучения памятника и его переводов, проблема изучения языка „Слова“.

Гениальные труды И. В. Сталина по вопросам языкознания дают правильную методологическую основу в решении целого ряда проблем, связанных с переводом „Слова о полку Игореве“ на современный русский язык.

Советские переводы отличаются стремлением как можно точнее передать текст подлинника. Лучшие переводы наших поэтов сочетают в себе творческую художественную работу переводчика с научным анализом памятника.

Образы „Слова о полку Игореве“ нашли широкое отражение в русской литературе. Самым ранним опытом в этом направлении были „Песни древние, петые на состязаниях в честь древним славянским божествам“, написанные А. Радищевым в 1802 году. Первый русский революционер своим обращением к „Слову о полку Игореве“ утверждает героическое прошлое русского народа.

В. А. Жуковский в „Певце во стане русских воинов“ обращается к образу Бояна, как к символическому образу певца, воспевавшего доблесть Руси. Выбор этот обусловила тематика

---

[1] Слово о полку Игореве. Сборн. „Советский писатель“. 1938. Стр. 351.

произведения — прославление русских воинов Отечественной войны 1812 года.

В поэзии декабристов, и в первую очередь в поэзии Рылеева, Боян выступает в роли певца, который песнями о героическом прошлом русского народа призывает к борьбе за свободу.[1]

„Воспой деянья предков нам!“ —
Бояну витязи вещали.

(„Рогнеда“)

Бояна пламенным словам
Герои с жадностью внимали
И, праотцев чудясь делам,
В восторге пылком трепетали.

(Там же)

Таким национальным героем, вдохновляющим на борьбу образами славных предков, выступает Боян в трех стихотворениях Рылеева: „Боян“, „Владимир Святой“, „Рогнеда“. Кроме того, Рылеев в 1821—1822 гг. переложил два отрывка „Слова“, в которых ярко прозвучали его гражданские свободолюбивые мотивы. Те же гражданские чувства проявились и у Языкова, который в своем раннем творчестве был связан с декабристами (в стихотворениях „Песнь Бояна“, „Песнь Барда во время владычества татар в России“, „Боян к русскому воину при Дмитрии Донском, прежде знаменитого сражения при Непрядве“). Особенно сильны революционные призывы у Языкова в стихотворении „Боян к русскому воину“:

На бой! на бой! и жар Боянов
С народной славой оживет,
И арфа смелых пропоет
Конец владычеству тиранов!

Символический образ певца-поэта далекого прошлого Бояна нашел отражение в первом большом произведении А. С. Пушкина — „Руслан и Людмила“:

...Но вдруг раздался глас приятный
И звонких гуслей беглый звук;
Все смолкли, слушают Бояна:
И славит сладостный певец
Людмилу-прелесть и Руслана
И Лелем свитый им венец.

Здесь же Пушкин употребляет имя Бояна в нарицательном значении — певца вообще:

---

[1] Ю. В. Панышева. „Слово о полку Игореве“ в русской и украинской поэзии XIX—XX вв. Ученые записки Ленинградского государственного университета, 1939. № 47. Вып. 4. Стр. 304—313.

Быть может, на холме немом
Поставят тихий гроб Русланов,
И струны громкие боянов
Не будут говорить о нем!

С большим художественным мастерством использованы образы „Слова“ в „Снегурочке“ А. Н. Островского. Глубокий политический смысл — апофеоз мира, которым проникнуто „Слово“ — нашел свое отражение в песне слепых гусляров. Заимствуя из памятника образы кровавой войны, Островский противопоставляет их мирной и солнечной стране Берендеев:

Прыщут
Стрелы дождем по щитам вороненым,
Гремлят мечи о шеломы стальные,
Сулицы скрозь прободают доспехи.
Чести и славы князьям добывая,
Ломят и гонят дружины дружины,
Топчут комонями, копьями нижут.
Лижут
Звери лесные кровавые трупы,
Крыльями птицы прикрыли побитых,
Тугою поникли деревья и травы.
Веселы грады в стране берендеев,
Радостны песни по рощам и долам,
Миром красна Берендея держава.
Слава
В роды и роды блюстителю мира!
Струны боянов греметь не престанут
Славу злотому столу Берендея.

„Слово о полку Игореве“ оказало немалое влияние и на советскую литературу. Не все литературные произведения, в которых нашел отражение памятник, имеют одинаковое значение в развитии нашей литературы. Советские писатели, обращающиеся к „Слову“, идут в основном по двум направлениям: или они, интерпретируя по-разному „Слово“, создают свои сочинения на его темы, или обновляют образы и символику памятника в показе советской действительности.

В 1938 году И. Новиков посвятил неизвестному автору „Слова о полку Игореве“ повесть „Сын тысяцкого“. Эта повесть основана на предположении И. Новикова, что автором „Слова“ был молодой сын тысяцкого Рагуила Тимофей. Тимофей, по Новикову, был участником похода Игоря на половцев и сотоварищем его по плену. Во время похода и в плену слагалось в сознании поэта „Слово о полку Игореве“. Новиков сильно преувеличил наличие лирического момента в „Слове“, — даже „Плач Ярославны“ он представил

не реальным плачем жены по мужу, а голосом, звучащим в душе поэта. Обрисовывая личность автора „Слова", Новиков неоднократно подчеркивает основную идею произведения — единение Русской земли, прекращение княжеских междоусобиц.

В 1939 году вышла в свет повесть о походе Игоря „Иду на вы" Троицкого.[1] Автор „Слова" — здесь Славята — как и у Новикова, — участник похода Игоря на половцев. В повести широко использованы образы „Слова" и его стилистика. Такова характеристика кметей, буй-тура Всеволода, образы Дива, Обиды, ветров — Стрибожьих внуков и т. п. Вызывает недоумение то, что в повести „Иду на вы", автор которой задался целью рассказать о походе Игоря на половцев, слабо отражена основная идея „Слова о полку Игореве" — идея единения Руси. Из-за этого недостатка в „Иду на вы" теряется ощущение эпохи и утрачивается поучительный для всех веков смысл „Слова".

Пьеса Е. Пермяка „Шумите, ратные знамена" на темы „Слова о полку Игореве" написана белым стихом и тоже дополнена событиями из летописи (действующим лицом является Ольстин — воевода Черниговский, предводитель ковуев, и т. д.). Образ Игоря дан по летописи и „Слову". Основная идея древнерусского памятника вложена Пермяком в уста самого Игоря в момент его пленения:

И впрямь я брежу.
Я Киев видел, красный стол,
И все князья и княжьи дети
Клялись друг другу в вечной дружбе...

Неисчерпаемые силы народа, его стремления и уверенность в победе над врагами звучат у автора в оптимистическом конце пьесы: Святослав собирает всех князей в новый поход на половцев. Художественная лексика „Слова о полку Игореве" в пьесе „Шумите, ратные знамена" использована мало.

Целый ряд советских писателей претворяет образы „Слова о полку Игореве" в произведениях, посвященных нашей действительности. В них его художественные образы, символика и тематика переосмысляются и оживают в событиях новой эпохи. Впервые в молодой советской литературе зазвучало „Слово о полку Игореве" в произведениях на темы гражданской войны. В повести „Кровный узел"[2] Б. Лавренев использует образы „Слова" при описании со-

---

[1] „Звено". Сборн. стихов и рассказов. „Советский писатель". Москва. 1939. Стр. 67—149.

[2] Б. Лавренев. Кровный узел. Сборн. „Полынь-трава". „Прибой". Л. 1925.

временных событий. Мифическая птица Див у Лавренева — предсказательница жестоких битв в степях великого Дона между белыми и Красной Армией. Образы белогвардейцев — это образы половцев: „Дышали дни нерукотворными легендами о черноусом Семене Буденном, что, наполнясь ратного духа, повел полки свои на разбойничью землю половецкую за красную Русь"; в духе „Слова" описывает он разруху страны: „И тогда по русской земле редко выходили на ниву пахари, но часто каркали вороны, деля меж собой трупы, а поднимали стрекот галки, собираясь лететь на покормку"... и т. д.

Благотворное влияние „Слова о полку Игореве" испытала на себе „Дума про Опанаса" Э. Багрицкого. Основной конфликт эпохи — борьба старого и нового мира — раскрывается здесь наряду с другими художественными средствами при помощи образов „Слова о полку Игореве".

Украинский поэт П. Тычина написал в 1923 году два стихотворения под общим заголовком — „Плач Ярославны".[1] В первом он акцентировал свое внимание на социальной стороне, на том, что Ярославна была княгиней. У него Ярославна является представительницей разрушенного самодержавия. Такое снижение прекрасного образа „Слова о полку Игореве", естественно, не получило отклика в советской литературе. Второй „Плач Ярославны" посвящен победе пролетариата в нашей стране. В стихотворении использован мотив памятника — „Что ми шумить, что ми звенить далече рано предъ зорями?":

> Що шумить — дзвенить верхами?
> Що там трусить порохами
> Вранці на зорі?
> То тікаючи туманять
> Королі и царі,
> То за ними отоманять
> Скрізь пролетарі.

Второй этап жизни „Слова" в советской литературе связан с юбилеем памятника — 750-летием его существования, который широко отмечала вся страна. Это были предвоенные годы, когда Германия готовилась к войне с Советским Союзом.

Л. Первомайский в „Плаче Ярославны" выразил уверенность в непобедимости нашей родины. У А. Прокофьева образ Ярославны — символ русской женщины, олицетворение Родины.

Великая Отечественная война с немецкими захватчиками заставила по-новому осмыслить „Слово о полку Игореве". Его призыв „Загородити Полю ворота своими острыми стрѣлами за землю

---

[1] П. Тичина. Вітер з України. „Червоный шлях". 1924.

Русскую!" — зазвучал как символ борьбы советского народа с немецким фашизмом. С первого же года войны образы „Слова" Игорь и Ярославна, перевоплощенные в советского воина и его бесстрашную подругу, которая помогает ему отстоять от врагов свою землю, с новой силой ожили в нашей литературе и публицистике.

У Максима Рыльского в стихотворении „Слово о матери-родине"[1] легко заметить влияние „Слова о полку Игореве". Он пишет, что в ответ на нападение врага

Народ, как лев, рычит от гнева,
Лисицы брешут на щиты,
И кличет Див с вершины древа.

Упоминанием о Бояне Рыльский бросает вызов врагу:

Кто посмеется над струной,
Где скрыта память о Бояне!..
Рокочет Днепр, шумит Сула,
В Карпатах отзвук отдается.
И зов подольского села
К Путивлю древнему несется.

Кончается „Слово о матери-родине" уверенностью в победе:

Лисицы брешут на щиты,
Но солнце брезжит на востоке.

(Перев. с укр. под ред. Турганова)

Советская Ярославна приобретает новые черты: она принимает активное участие в борьбе с немецкими оккупантами и выходит победительницей. Так рисуют ее в очерке „Голос Ярославны" братья Тур.[2] Скромная учительница ладожского села Ольга Ивановна Несторович читает своим ученикам „Слово о полку Игореве" в то время, когда в село входят немцы. А через несколько дней она сама, рискуя жизнью, переплывает замерзающую реку под вражеским обстрелом, чтобы сообщить советскому командованию важные сведения. „Ее хоронили у фронтовой дороги, под низким зимним небом, древним русским небом, под которым было сложено еще „Слово о полку Игореве"... Отгремят выстрелы, пройдут танки и времена, и, как сказано в вещем „Слове": „Дружины поганых птицы крыльями прикроют, а звери кровь их вылижут".

А память об учительнице Несторович будет стоять во временах, как голос Ярославны!"

---

[1] М. Рыльский. Лирика. „Советский писатель". Москва. 1944.
[2] Журнал „Красноармеец". 1941. № 23—24.

В лирике военных и послевоенных лет Ярославна — далекая подруга воина, вдохновляющая солдата на подвиги, символ женской верности, помощницы воина. Именно таким предстоит образ Ярославны в стихотворении белорусского поэта Киреенко „Ты — моя Ярославна“, Л. Татьяничевой „Ярославна“, в стихотворениях В. Зотова, А. Малышко, П. Воронько.

Таким образом, „Слово о полку Игореве“ не является лишь предметом исторического изучения, оно активно живет в наше время, — в годы войны оно было созвучно происходящим событиям воспеванием доблести и патриотизма русских воинов в далекие годы нашей прошлой истории. Образом Ярославны „...начинается та длинная галерея прекрасных женских типов в русской литературе, которая значительно обогатилась героическими образами советских женщин в наше время“.[1]

В годы мирного строительства, в годы борьбы за мир „Слово“, глубоко оптимистический памятник древней Руси, особенно ярко выступает как призыв к единению для борьбы за мирный труд, борьбы с темными силами за светлое будущее. „Слово о полку Игореве“ — это народная поэма о мире и войне. Оно противопоставляет мир войне, созидательный, творческий труд народа — разрушающим стремлениям. „Слово о полку Игореве“ — апофеоз мира и гимн героическим борцам за свободу родной страны“.[2]

Патриотизм памятника, его героика, раскрытые в мужественных и лирических образах русских людей, объясняют интерес к этому произведению русской культуры всех народов нашей страны. „Слово о полку Игореве“ в наше время переведено на многие языки народов СССР.

---

[1] Акад. В. В. Виноградов. „Слово о полку Игореве“ и русская культура. Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. Вып. VIII. М.—Л. 1951. Стр. 15—16.

[2] Там же. Стр. 15.

I

ИРОИЧЕСКАЯ ПѢСНЬ
О
ПОХОДѢ НА ПОЛОВЦОВЪ
УДѢЛЬНАГО КНЯЗЯ НОВАГОРОДА-СѢВЕРСКАГО
ИГОРЯ СВЯТОСЛАВИЧА,

писанная

СТАРИННЫМЪ РУССКИМЪ ЯЗЫКОМЪ

ВЪ ИСХОДѢ XII СТОЛѢТІЯ

съ переложеніемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе.

МОСКВА
Въ Сенатской Типографіи,
1800.

СЪ ДОЗВОЛЕНІЯ МОСКОВСКОЙ ЦЕНСУРЫ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНІЕ ПѢСНИ.

Удѣльный Князь Новагорода-Сѣверскаго *Игорь Святославичь*, не здѣлавъ сношенія съ старѣйшимъ Великимъ Княземъ *Кіевскимъ*, рѣшился въ 1185 году отмстить самъ собою *Половцамъ* за раззореніе подвластныхъ ему владѣній и пріобрѣсть себѣ чрезъ то славу. Къ сему наступленію уговорилъ онъ роднаго брата своего *Трубчевскаго* Князя *Всеволода*, племянника своего *Рыльскаго* Князя *Святослава Ольговича*, и сына своего Князя *Владиміра*, имѣвшаго удѣлъ свой въ *Путивлѣ*; и съ симъ немноголюднымъ, но храбрымъ войскомъ, выступилъ въ походъ противъ обидившихъ его.

Маія 1го, когда пришелъ онъ на *Донецъ* и располагалъ на берегу лагерь свой, сдѣлалось такое необычайное затмѣніе солнца, что днемъ звѣзды оказались.

Суевѣры всячески убѣждали Князя *Игоря* оставить свое предпрїятїе; онъ не послушалъ ихъ, и отвѣчалъ на то: что одни только трусы боятся чрезвычайностей, что онъ назадъ никакъ не возвратится, и что *стыдъ ему тяжгае смерти*. На другой день пошли впередъ: но предубѣжденные несчастнымъ знаменїемъ воины *Игоревы* едва только увидѣли непрїятеля, всѣ прїуныли. Отважный Князь уговаривалъ ихъ, и даже приказывалъ, чтобъ тѣ, которые не хотятъ биться за него, возвратились въ свои домы; однакожъ никто оставить его не хотѣлъ. Встрѣтились *Половцы*, и первое сраженїе съ ними было весьма удачно для *Россїянъ*; они разбили ихъ, и даже овладѣли всѣмъ обозомъ ихъ и богатствами. При сей удачѣ молодые Князья *Святославъ Ольговичь* и *Владимїръ Игоревичь*, подстрѣкаемы будучи неопытною храбростїю и удальствомъ своимъ, безъ совѣта старѣйшихъ отдѣлились за рѣку *Сууглu* (*) для погони за непрїятелемъ.

(*) Рѣка сїя въ Половецкихъ кочевьяхъ. Войски Русскїя шли отъ *Донца* къ рѣкѣ *Осколу*, отъ *Оскола* къ рѣкѣ *Сальницѣ* отъ *Сальницы* шли всю ночь, и наутро около обѣда пришли къ рѣкѣ *Сууглu*, гдѣ и встрѣтились съ *Половцами* — *Татищ*. Книга III. стр, 262.

Половцы, получивъ себѣ подкрѣпленіе, тотчасъ воспользовались раздробленіемъ Россійскихъ полковъ, обскакали со всѣхъ сторонъ Князя *Игоря*, и бились безпрестанно два дни. Сей Князь былъ раненъ; а потомъ и въ плѣнъ взятъ со всѣми бывшими съ нимъ Князьями. Пять тысячь оставшагося его войска равномѣрно принуждены были здаться превосходной силѣ непріятельской. *Половцами* предводительствовали тогда Князья ихъ *Кончакъ* и *Гзакъ* (*). Сочинитель сравнивая сіе несчастное пораженіе, (приведшее всю *Россію* въ уныніе) съ прежними побѣдами, надъ *Половцами* одержанными, припоминаетъ нѣкоторыя достопамятныя произшествія и славныя дѣла многихъ Россійскихъ Князей. Отъ сей побѣды, говоритъ онъ, *Половцы* сдѣлались дерзновеннѣе и усугубили свои грабительства и разоренія повсюду. Великій Князь Кіевскій *Святославъ Всеволодовичь* весьма сѣтовалъ о племянникахъ своихъ *Игорѣ* и *Всеволодѣ Святославичахъ*, общественно всѣми любимыхъ. Онъ въ горести своей жалуется на свою старость, препятствующую ему выручить ихъ изъ неволи и взываетъ ко всѣмъ современнымъ Князьямъ

(*) См. Исторію *Татищева* книгу III стр. 260 — 265.

о вспоможенiи. Русскiя жены оплакиваютъ смерть и плѣнъ мужей своихъ. *Игорева* супруга Княгиня *Ефросинiя* (дочь Князя *Ярослава Владимiровича Галичскаго*) оставшись въ *Путивлѣ*, возноситъ жалобный голосъ свой то къ вѣтру, то къ солнцу, то къ рѣкѣ Днѣпру. Пѣснь сiя оканчивается возвращенiемъ Князя *Игоря* въ свое отечество. Ибо по причинѣ сдѣланныхъ *Половцами* затрудненiй въ выкупѣ его, онъ принужденъ былъ спастись оттуда бѣгствомъ.

Любители Россiйской словесности согласятся, что въ семъ оставшемся намъ отъ минувшихъ вѣковъ сочиненiи видѣнъ духъ *Оссiановъ*; слѣдовательно и наши древнiе герои имѣли своихъ *Бардовъ*, воспѣвавшихъ имъ хвалу. Жаль только, что имя Сочинителя неизвѣстнымъ осталось. Нѣтъ нужды замѣчать возвышенныхъ и коренныхъ въ сей Поэмѣ выраженiй, могущихъ навсегда послужить образцемъ витiйства; благоразумный Читатель самъ отличитъ оныя отъ нѣкоторыхъ мѣлочныхъ подробностей, въ тогдашнемъ вѣкѣ терпимыхъ, и отъ вкравшихся при перепискѣ непонятностей.

Подлинная рукопись, по своему почерку весьма древняя, принадлежитЪ Издателю сего (*), который чрезЪ старанія свои и прозьбы кЪ знающимЪ достаточно Россійской языкЪ доводилЪ чрезЪ нѣсколько лѣтЪ приложен-

(*) Г. Дѣйствительному Тайному Совѣтнику и Кавалеру Графу Алексѣю Ивановичу Мусину-Пушкину. ВЪ его Библіотекѣ хранится рукопись оная вЪ книгѣ, писанной вЪ листЪ, подЪ № 323. Книга же сія содержатЪ слѣдующія, по ихЪ оглавленіямЪ, матеріи.

1) *„Книга глаголемая Гранаграфъ (Хронографъ), рекше нага„ло писменомъ царскихъ родовъ отъ многихъ лѣтописецъ; „прежде о бытіи, о сотвореніи міра, отъ книгъ Моисеовыхъ „и отъ Iисуса Навина, и отъ Судей Iудѣйскихъ, и отъ ге„тырехъ Царствъ, такъ же и о Асирійскихъ Царехъ, и отъ „Александрія, и отъ Римскихъ Царей, Еллинъ же благогес„тивыхъ, и отъ Руских лѣтописецъ, Сербскихъ и Болгар„скихъ.*

2) *„Временникъ еже нарицается лѣтописаніе Русскихъ Князей „и земля Рускыя.*

3) *„Сказаніе о Индіи богатой.*

4) *„Синагрилъ Царь Адоровъ, Иналивскія страны.*

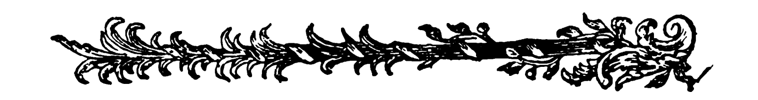
5) *„Слово о плъку Игоревѣ, Игоря Святъславля, внука Ольгова.*

6) *„Дѣяніе прежнихъ временъ храбрыхъ геловѣкъ о бръзости, „и о силѣ, и о храбрости.*

7) *„Сказаніе о Филипатѣ, и о Максимѣ и о храбрости ихъ.*

8) *„Аще думно есь слышати о свадѣбѣ Девгѣевѣ, и о всъхы„щеніи Стратиговнѣ.*

ный переводъ до желанной ясности, и нынѣ по убѣжденїю прїятелей рѣшился издать оной на свѣтъ. Но какъ при всемъ томъ остались еще нѣкоторыя мѣста невразумительными, то и проситъ всѣхъ благонамѣренныхъ Читателей сообщить ему свои примѣчанїя для объясненїя сего древняго отрывка Россїйской словесности.

СЛОВО

О ПЛЪКУ ИГОРЕВѢ, (а)

ИГОРЯ СЫНА СВЯТЪСЛАВЛЯ,

ВНУКА ОЛЬГОВА.

Не лѣполи ны бяшетъ, братіе, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстій о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича! начяти же ся тъй пѣсни по

ПѢСНЬ

О ПОХОДѢ ИГОРЯ,

СЫНА СВЯТОСЛАВОВА,

ВНУКА ОЛЬГОВА.

Пріятно намъ, братцы, начать древнимъ слогомъ прискорбную повѣсть о походѣ *Игоря*, сына *Святославова!* начать же сію пѣснь по бытіямъ того времени, а не по

(а) *Игорь Святославичь* родился 15 Апрѣля 1151 года; во Святомъ Крещеніи нареченъ *Георгіемъ*; женился въ 1184 году на Княжнѣ *Евфросиніи*, дочери Князя *Ярослава* Володимировича *Галицкаго* въ 1185 году имѣлъ онъ сраженіе съ Половцами, а въ 1201 году скончался, оставивъ послѣ себя пять сыновей.

былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню (6). *Боянъ бо вѣщій,* вымысланъ *Бояновымъ*. Ибо когда мудрый *Боянъ* хотѣлъ прославлять кого, то но-

(6) Такъ назывался славнѣйшій въ древности стихотворецъ Русской, которой служилъ образцемъ для бывшихъ послѣ него писателей. Изъ нѣкоторыхъ въ примѣръ здѣсь приведенныхъ словъ его явствуетъ, что *Боянъ* воспѣвалъ всегда важныя произшествія и изъяснялъ мысли свои возвышенно. Когда и при которомъ Государѣ гремѣла лира его, ни по чему узнать не льзя; ибо не осталось намъ никакого отрывка, прежде великаго Князя *Владиміра Святославича* писаннаго. Отъ временъ же его дошла до насъ между прочими слѣдующая народная пѣсня, въ которой находимъ уже правильное удареніе, *кадансомъ* въ Стихотворствѣ называемое; но вѣроятно, что и та въ послѣдствіи переправлена:

Во славномъ городѣ Кіевѣ
У Князя у Владиміра,
У солнышка Святославича,
Было пированіе почетное,
Почетное и похвальное
Про Князей и про Бояръ,
Про сильныхъ могучихъ богатырей,
Про всю Поляницу удалую.
Въ полъ-сыта баря наѣдалися,
Въ полъ-пьяна баря напивалися.
Послѣдняя ѣства на столъ пошла,
Послѣдняя ѣства лебединая:
Стали бояре тутъ хвастати: и *проч.*

аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы. Помняшеть бо речь първыхъ временъ усобіцѣ; тогда пущашеть і соколовь на стадо лебедѣй, который дотечаше, та преди пѣсь пояше, старому Ярославу (в), *храброму Мстиславу* (г), *иже зарѣза Редедю предъ*

сился мыслію по деревьямъ, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаками. Памятно намъ по древнимъ преданіямъ, что повѣдая о какомъ-либо сраженіи, примѣняли оное къ десяти соколамъ, на стадо лебедей пущеннымъ: чей соколъ скорѣе долеталъ, тому прежде и пѣснь начиналася, либо старому Ярославу, либо храброму Мстиславу, поразившему Редедю предъ

(в) Чрезъ стараго *Ярослава* Сочинитель разумѣетъ здѣсь Великаго Князя *Ярослава Владимировича*, давшаго Новогородцамъ законы, подъ именемъ *Русской Правды* до нынѣ извѣстные. Онъ былъ прапрадѣдъ *Игорю Святославичу*, которому воспѣвается пѣснь сія.

(г) Храбрый *Мстиславъ*, также сынъ Великаго Князя Владиміра Святославича, родный братъ *Ярославу* I. Будучи на удѣлѣ въ Тьмутараканскомъ Княжествѣ 1022 года, выступилъ онъ въ походъ противъ Косоговъ. Князь Косожскій *Редедя*, понадѣясь на крѣпость мышцъ своихъ, будтобъ для пощады съ обѣихъ сторонъ воиновъ отъ напраснаго кровопролитія, предложилъ ему

хълкы Касожьскыми, красному Романови (д) *Святъславличю. Боянъ же, братїе, не ї соколовъ на стадо лебедѣй пущаше, нъ своя вѣщїа пръсты на живая струны въскладаше; они же сами Княземъ славу рокотаху.*

полками Косожскими, или красному Роману Святославичу. А *Боянъ*, братцы! не десять соколовъ на стадо лебедей пускалъ: но какъ скоро прикасался искусными своими перстами къ живымъ струнамъ, то сїи уже сами славу Князей гласили.

поединокъ. *Мстиславъ* охотно на сїе согласясь, сразился съ нимъ, и одолѣвъ своего сопротивника, лишилъ его жизни. По зделанному предварительно въ пользу побѣдителя условїю вступивъ во владѣнїе Косоговъ, наложилъ онъ на нихъ дань, завладѣлъ всѣмъ богатствомъ Княжескимъ, а жену и дѣтей его увелъ въ плѣнъ за собою.

Отъ сыновей сего побѣжденнаго Князя *Косожскаго* произошли извѣстныя въ Россїи фамилїи: *Добрынскихъ*, *Зайцовыхъ*, *Бирдюковыхъ*, *Поджегиныхъ*, *Гусевыхъ*, *Елизаровыхъ*, *Симскихъ*, *Хобаровыхъ* и *Глѣбовыхъ*.

(*д*) *Романъ*, сынъ Князя *Святослава Ярославича*, былъ на удѣлѣ Княженїя Черниговскаго въ Курскѣ. Въ 1079 году согласясь съ Половцами, онъ хотѣлъ отнять Переяславль у Великаго Князя *Всеволода Ярославича*: но наемные союзники его измѣнили ему и заключили особенный миръ съ Великимъ Княземъ *Кїевскимъ*. Когда онъ за сїю измѣну сталъ упрекать Половцевъ, то произошла изъ того ссора, въ которой онъ былъ отъ нихъ убитъ.

Почнемъ же, братїе, повѣсть сїю отъ стараго Владимера (е) до нынѣшняго Игоря; иже истягну умь крѣпостїю своею, и поостри сердца своего мужествомъ, наплѣнився ратнаго духа, наведе своя храбрыя плѣкы на землю Половѣцькую за землю Руськую. Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты, и рече Игорь къ дружинѣ (ж) своей: братїе и дружино! луцежъ бы потяту быти, неже полонену быти: а всядемъ, братїе, на свои бръзыя комони, да

Начнемъ же, братцы, повѣсть сїю отъ стараго Владимїра до нынѣшняго Игоря. Сей Игорь напрягши умъ свой крѣпостїю, поощривъ сердце свое мужествомъ и исполнясь духа ратнаго, вступилъ съ храбрымъ своимъ воинствомъ въ землю Половецкую для отмщенїя за землю Русскую. Тогда взглянулъ онъ на солнце свѣтлое, и увидѣвъ мракомъ покрытое все войско свое, произнесъ къ дружинѣ своей: „Братья и друзья! „лучше намъ быть изрубленнымъ, нежели достаться „въ плѣнъ. Сядемъ на „своихъ борзыхъ коней,

(е) Равно Апостольный Великїй Князь *Владимїръ Святославичь*, просвѣтившїй Русскую землю Святымъ крещенїемъ.

(ж) *Дружиною* называлися отборные и приближенные воины, сопровождавшие Государей во всѣхъ походахъ.

позримъ синего Дону. Спала Князю умь похоти, и жалость ему знаменіе заступи, искусити Дону великаго. Хощу бо, рече, копіе приломити конецъ поля Половецкаго съ вами Русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону. О Бояне, соловію стараго времени! абы ты сіа плъкы ущекоталъ, скача славію по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню (3) чресъ поля на горы. Пѣти было пѣсь Игореви, того (Олга) внуку. Не буря

„и посмотримъ на синій Донъ„. Пришло Князю на мысль пренебречь худое предвѣщаніе и извѣдать щастья на Дону великомъ. „Хочу, сказалъ онъ, съ вами, Россіяне! переломить копье на „томъ краю поля Половецкаго; хочу или голову свою положить, или шлемомъ изъ „Дону воды достать.„ О Боянъ! соловей древнихъ лѣтъ! тебѣ бы надлежало провозгласить о сихъ подвигахъ, скача соловьемъ мысленно по дереву, летая умомъ подъ облаками, сравнивая славу древнюю съ нынѣшнимъ временемъ, мчась по слѣдамъ Трояновымъ чрезъ поля на горы. Тебѣ бы пѣть пѣснь Игорю

(3) Четыре раза упоминается въ сей пѣсни о *Троянѣ*, т. е. *тропа Трояня*, *вѣчи Трояни*, *земля Трояня*, и *седмый вѣкъ Трояновъ*: но кто сей *Троянъ*, догадаться ни по чему не возможно.

соколы занесе чрезъ поля широкая; галици стады бѣжать къ дону великому; чили въспѣти было вѣщей Бояне, Велесовъ (н) внуче! Комони ржуть за Сулою; звенить слава въ Кыевѣ; трубы трубять въ Новѣградѣ; стоять стязи въ Путивлѣ; Игорь ждетъ мила брата Всеволода. И рече ему Буй Туръ (і) Всеволодъ: одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты Игорю, оба есвѣ Святъславличя; сѣдлай, брате, свои бръзыи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска на пере-

внуку *Ольгову*. Не буря соколовъ занесла чрезъ поля широкія, слетаются галки стадами къ Дону великому. Тебѣ бы, мудрый *Боянъ*, внукъ *Велесовъ!* сіе воспѣть. Ржутъ кони за *Сулою*, гремитъ слава въ *Кіевѣ*, трубятъ трубы въ *Новѣгородѣ*, развѣваютъ знамена въ *Путивлѣ*, ждетъ *Игорь* милаго брата *Всеволода*. Богатырь же *Всеволодъ* вѣщаетъ къ нему: „О *Игорь!* „ты одинъ у меня братъ! „ты одинъ у меня ясный „свѣтъ! и мы оба сыновья „*Святославовы;* ты сѣдлай, „братъ, своихъ борзыхъ ко-.

(н) *Велесъ*, Славянскій въ язычествѣ Богъ, покровитель стадъ Его считали вторымъ послѣ *Перуна*. По названію *Бояна* внукомъ Велесовымъ, кажется, что онъ жилъ до принятія въ Россіи Христіянской вѣры.

(і) *Буй* значитъ *дикій*, а *туръ* вола. И такъ *Буйтуромъ*, или Буйволомъ, называется здѣсь *Всеволодъ* въ смыслѣ Метафори-

ди; а мои ти Куряни свѣдоми къ мети, подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяны, конець копія въскръмлени, пути имь вѣдоми, яругы имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени, сами скачють акы сѣрыи влъци въ полѣ, ищучи себе чти, а Князю славѣ. Тогда въступи Игорь Князь въ златъ стремень, и поѣха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше; нощь стонущи ему грозою птичь

„ней, а мои для тебя приготовлены и давно у *Курска* осѣдланы. Мои *Курчане* вѣ цѣль стрѣлять знающи, подѣ звукомѣ трубѣ „они повиты, подѣ шлемами возлелѣяны, концомѣ „копья вскормлены; всѣ пути имѣ свѣдомы, всѣ овраги знаемы, луки у нихѣ натянуты, колчаны отворены, „сабли изострены; они скачутѣ вѣ полѣ какѣ волки „сѣрые, ища себѣ чести, „а Князю славы.„ Тогда Князь *Игорь*, вступя вѣ золотое стремя, поѣхалѣ по чистому полю. Солнце своимѣ затмѣніемѣ преграждаетѣ путь ему, грозная возстав-

ческомъ, въ разсужденіи силы и храбрости его. — Вѣроятно, что изъ сихъ двухъ словъ составилось потомъ названіе *богатыря*, ибо другаго произведенія оному слову до сихъ поръ не найдено.

убуди; свистъ звѣринъ въ стазби; дивъ кличетъ връху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ, влъзѣ, и по морїю, и по Сулїю, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ Тьмутораканьскый блъванъ. А Половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону Великому; крычатъ тѣлѣгы полунощы, рци лебеди роспущени. Игорь къ Дону вои ведетъ: уже бо бѣды его пасетъ птиць; подобїю влъци грозу въсрожатъ, по яругамъ: орли клектомъ на кости звѣри зовутъ (к), лисици

шая ночью буря пробуждаетъ птицъ; ревутъ звѣри стадами; кричитъ филинъ на вершинѣ дерева, чтобъ слышали голосъ его въ землѣ незнаемой, по Волгѣ и по морю, по Сулѣ, по Суражу въ Корсунѣ и у тебя, Тмутараканскїй истуканъ! Половцы бѣгутъ неготовыми дорогами къ Дону великому; скрыпятъ возы въ полуночи, какъ лебеди скликаяся. Игорь къ Дону войска ведетъ; уже птицы бѣду ему предрекаютъ, волки по оврагамъ вытьемъ своимъ страхъ наводятъ; орлы звѣрей на трупы сзы-

Всеволодъ Святославичь меньшїй братъ *Игоревъ* превосходилъ всѣхъ своего времени Князей нетокмо возрастомъ тѣла и видомъ, которому подобнаго не было, но храбростїю и всѣми душевными добродѣтелями прославлялся повсюду — *Татищ.* истор. Часть III. стр: 320.

(к) Птичїй полетъ издавна былъ у многихъ народовъ предзнаменованїемъ щастїя или нещастїя въ предпрїятомъ намѣренїи; и Рим-

брешутъ на чрълены щиты. О руская земле! уже за Шеломянемъ (л) еси. Длъго. Ночь мркнетъ, заря свѣтъ запала, мъгла поля покрыла, щекотъ славій успе, говоръ галичь убуди. Русичи великая поля чрьлеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а Князю славы.

ваютъ, а лисицы лаютъ на багряные щиты. О Рускіе люди! далеко уже вы за Шелоненемъ. Ночь меркнетъ, свѣтъ зари погасаетъ, мглою поля устилаются, пѣснь соловьиная умолкаетъ, говоръ галокъ начинается. Преградили Россіяне багряными щитами широкія поля, ища себѣ чести, а Князю славы.

Съ заранія въ пяткъ потопташа поганыя плъкы Половецкыя; и рассушясь стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвкы Половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и дра-

На зарѣ въ Пятницу разбили они Половецкіе нечестивые полки, и разсыпавшись какъ стрѣлы по полю, увезли красныхъ Половецкихъ дѣвицъ, а съ ними золото, богатыя

ляне гадали по птицамъ. Размомѣрно примѣчали, въ которую сторону слетались хищныя птицы, и тамъ неминумой предполагали быть гибели людской. Волчій вой также предвѣщалъ кровопролитную войну.

(л) Русское село въ области Переяславской на границѣ къ Половцамъ лежащее близъ рѣки *Ольты*. *Татищ.* Часть III. стр. 120.

чыя оксамиты; орьтъмами и японгицами, и кожухы начашя мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякыми узорочьи Половѣцкыми. Чрьленъ стягъ, бѣла хорюговь, чрьлена чолка, сребрено стружїе (м) храброму Святьславличю. Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо далече залетѣло; небылонъ обидѣ порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ чрьный воронъ, поганый Половчине. Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ; Кончакъ (н) ему слѣдъ править къ Дону великому.

ткани, и дорогія бархаты. Охабнями, плащами, шубами и всякими Половецкими нарядами, по болотамъ и грязнымъ мѣстамъ начали мосты мостить. Багряное знамя, бѣлая хоругвь, багряная чолка и серебреное древко достались отважному Святославичу. Дремлетъ въ полѣ Ольгово храброе гнѣздо, далеко залетѣвъ. Не родилось оно обидѣ терпѣть ни отъ сокола, ни отъ кречета, ни отъ тебя, черный воронъ, нечестивый Половчанинъ! Бѣжитъ Гзакъ сѣрымъ волкомъ, а въ слѣдъ за нимъ и Кончакъ спѣшитъ къ Дону великому.

(*м*) Воинскїе почетные доспѣхи.

(*н*) *Гзакъ* и *Кончакъ*, оба Половецкїе Князья, предводительствовавшїе тогда войскомъ своимъ противъ Князя *Игоря*.

Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ; чръныя тучя съ моря идутъ, хотятъ прикрыти д҃ солнца: а въ нихъ трепещуть синїи млънїи, быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону великаго: ту ся копїемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти о шеломы Половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великаго. О Руская землѣ! уже не Шеломянемъ еси. Се вѣтри, Стрибожи (о) *внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя плъкы Игоревы! земля тутнетъ, рѣкы мутно текуть; пороси поля прикрываютъ; стязи глаго-*

На другой день весьма рано, заря съ кровавымъ свѣтомъ появляется, находятъ съ моря тучи черныя, хотятъ закрыть четыре солнца; сверкаетъ въ нихъ молнія, быть грому страшному, литься дождю стрѣлами съ Дона великаго. Тутъ-то копьямъ поломаться, тутъ-то саблямъ притупиться объ шлемы Половецкіе, на рѣкѣ Каялѣ, у Дону великаго. О Русскіе люди! уже вы за Шеломенемъ. Уже вѣтры, внуки Стрибога, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрые полки Игоревы; топотъ по землѣ раздается, вода въ рѣкахъ мутится, пыль столбомъ въ полѣ подымается,

(о) Стрибогъ (Славенскій Еолъ) кумиръ во время язычества въ Кіевѣ Боготворимый; ему приписывали власть надъ вѣтрами.

лютъ, Половци идуть отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ. Рускыя плъкы отступиша. Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбріи Русици преградиша чрълеными щиты. Яръ туре Всеволодѣ! стоиши на борони, прыщеши на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужными. Камо Туръ поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежатъ поганыя головы Половецкыя; поскепаны саблями калеными шеломы Оварьскыя отъ тебе Яръ Туре Всеволоде. Кая раны дорога, братіе, забывъ чти и живота, и града Чрънигова,

знамена шумятъ, идутъ Половцы отъ Дона, и отъ моря, и со всѣхъ сторонъ: войско Русское подалось назадъ. Бѣсовы дѣти оградили станъ свой крикомъ, а храбрые Россіяне багряными щитами. О богатырь Всеволодъ! ты стоя на сторожѣ, градомъ пускаешь стрѣлы на враговъ своихъ, а булатными мечами гремишь объ шлемы ихъ. Гдѣ ты, богатырь, ни появишся, блистая золотымъ своимъ шлемомъ, тамъ лежатъ нечестивыя головы Половецкія, и разсѣчены булатными саблями Оварскіе шлемы ихъ отъ тебя, храбрый Всеволодъ! Какими, братцы, ранами подорожитъ онъ, забывъ почести и веселую жизнь, городъ Черниговъ,

отня злата стола, и своя милыя хоти красныя Глѣбовны (л) *свычая и обычая? Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля* (р); *были плъци Олговы* (с),

отеческой золотой престолъ, всѣ милыя прихоти, обычаи и привѣтливость прекрасной своей супруги Глѣбовны! Прошли съѣзды Трояновы, протекли лѣта Ярославовы, миновались брани Олеговы,

(л) Супруга *Всеволода Святославича*, брата *Игорева*, дочь Князя *Глѣба Юрьевича* Переяславскаго.

(р) Тритцати-пяти-лѣтнее Государствованіе *Ярослава I* надолго оставалось памятнымъ для Россіянъ. Храбрость его превозносима была за одержанныя имъ многократныя побѣды надъ братоубійцею *Святополкомъ* и надъ *Тьмутараканскимъ* Княземъ *Мстиславомъ*, за отобраніе у Польскаго Короля *Болеслава* принадлежавшихъ Россіи *Червенскихъ* городовъ и за покореніе *Лифляндіи* и *Эстляндіи*. Не менѣе того и мудрость *Ярославова* славилась въ потомствѣ: онъ построилъ по рѣкѣ *Реи* и за *Днѣпромъ* многіе города, населивъ пришельцами и плѣнниками; набожностію своею укоренилъ онъ въ Россіи православную вѣру, родителемъ его насажденную, и старался распространить ученость, приказавъ съ Греческаго переводить лучшія книги и нѣсколько оныхъ для народа по Русски сочинить.

(с) Князь *Олегъ Святославичь*, бывшій съ 1065 по 1114 годъ на Тьмутараканскомъ Княженіи. Безпокойный нравъ его и склонность къ возмущеніямъ много навлекли зла на землю Рускую. Половцы всегда были орудіемъ замысловъ его. Онъ многократно приглашалъ ихъ на разореніе своего отечества, и вмѣсто платы за вспоможеніе, попускалъ имъ опустошать и грабить повсюду. Въ 1096 году Русскіе Князья рѣшились усмирить его, и соединенно выступили противъ него со многочисленнымъ войскомъ; но по причинѣ всегда вѣроломныхъ съ его стороны примиреній едва могли удержать алчность его, предписавъ ему съ братьями

Ольга Святьславлича. *Тьй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше, и стрѣлы по земли сѣяше. Ступаетъ въ златъ стремень въ градѣ Тьмутороканѣ. Тоже звонъ слыша давный великый Ярославь* (т) *сынъ Всеволожь: а Владимiръ* (у) *по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ; Бориса же Вячеславлича* (ф) *слава*	*Олега Святославича.* Сей-то *Олегъ* мечемъ крамолу ковалъ и стрѣлы по землѣ сѣялъ. Онъ ступалъ въ золотое стремя въ городѣ *Тмуторокани*; звукъ побѣдъ его слышалъ старый великiй *Ярославъ* сынъ *Всеволодовъ*: но *Владимiръ* затыкалъ себѣ уши всякое утро въ Черниговѣ; *Бориса* же *Вячеславича* слава

своими довольствоваться владѣнiемъ *Чернигова, Сѣверы, Вятичей, Мурома* и *Тмутаракани*, которыя состояли за отцемъ его

(т) Князь *Ярославъ*, сынъ Князя *Всеволода Ольговича*, съ 1174 по 1200 годъ Княжествомъ *Черниговскимъ* обладавшiй.

(у) Князь *Владимиръ Всеволодовичъ*, бывшiй потомъ Великимъ Княземъ Кiевскимъ и прозванiе *Мономаха* получившiй, въ 1094 году лишась Черниговскаго Престола отъ вышеупомянутаго Тьмутараканскаго Князя *Ольга Святославича*, принужденъ былъ остаться на удѣлъ въ *Переяславлѣ*.

(ф) Сей *Борисъ* по Ростовской и Никоновской лѣтописямъ *Вячеславичемъ*, а у Нестора и Татищева *Святославичемъ* названъ, и въ поколѣнной I. росписи Г. Стриттера Исторiи Россiйскаго

на судъ приведе, и на канину зелену паполому постла, за обиду Олгову храбра и млада Князя. Съ тояже Каялы Святоплъкъ (х) повелѣя отца своего междю Угорьскими иноходьцы ко Святѣй Софіи къ Кіеву. Тогда при Олзѣ Гориславличи (ц) сѣяшется и растяшеть усобицами; погибашеть жизнь

на судъ привела; онъ положенъ на конскую попону зеленую за обиду молодаго храбраго Князя *Олега.* Съ той же Каялы велъ *Святополкъ* войски отца своего сквозь Венгерскую конницу въ Кіевъ ко святой Софіи. Тогда при *Олегѣ Гориславичѣ* сѣялись и возрастали междоусобія, была гибель

Государства въ 7 степени показанъ *Борисомъ Вячеславичемъ.* Но по чему онъ призыванъ былъ на судъ Великаго Князя, Лѣтописи о семъ умолчали.

Обрядъ же съѣздовъ для суда *Татищевъ* (Исторіи своей въ Томѣ 2. на стр. 195 и 196) изъясняетъ слѣдующимъ образомъ: что обвиняемый призыванъ былъ въ шатеръ, гдѣ всѣ Князья сидѣли на коврѣ, и по обыкновенномъ поздравленіи сажали его на такой же коверъ. По томъ всѣ Князья вышедъ изъ шатра, садились на коней, и раздѣлясь, каждой Князь особо разсуждалъ съ своими Боярами, а судимый оставался одинъ, по тому что никто его къ себѣ не допускалъ.

(х) Пять исчисляется *Святополковъ*; до котораго же изъ нихъ касается сіе обстоятельство, ничѣмъ не объяснено.

(ц) Неизвѣстенъ.

Даждь-Божа (с) внука, въ Княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомь скратишась. Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть: нъ часто врани граяхуть, трупіа себѣ дѣляче; а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедіе. То было въ ты рати, и съ ты плъкы; а сице и рати не слышано: съ зараніа до вечера, съ вечера до свѣта летятъ стрѣлы каленыя; гримлютъ сабли о шеломы; трещатъ копіа харалужныя, въ полѣ незнаемѣ среди земли Половецкыи. Чръна земля подъ копыты, костьми

Даждь-Божевымъ внукамъ, жизнь людей въ Княжескихъ ссорахъ прекращалася, и въ Русской землѣ рѣдко веселіе земледѣльцовъ раздавалося: но часто каркали вороны, дѣля между собою трупы; галки же отлетая на мѣсто покормки, перекликалися. Такъ бывало во время прежнихъ браней и отъ тогдашнихъ войскъ; а такого сраженія еще и не слыхано, чтобъ съ утра до вечера, съ вечера до свѣта летали стрѣлы каленыя, гремѣли сабли объ шлемы, трещали копья булатныя, въ полѣ незнаемомъ среди земли Половецкой. Черная земля подъ копытами

(с) Кумиръ, въ Кіевѣ боготворимый, — податель всякихъ благъ. Пользующіеся благоденствіемъ, какъ даромъ Даждь-божевымъ, названы его внуками

была посѣяна, а кровїю польяна; тугою взыдоша по Руской земли. Что ми шумить, что ми звенить давеча рано предъ зорями? Игорь плъкы заворочаетъ; жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася другый: третьяго дни къ полуднїю падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы. Ту кроваваго вина недоста; ту пиръ докончаша храбрїи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую (ш). *Ничить трава жало-*

костьми была посѣяна, а кровїю полита, и по всей Русской землѣ возрасла бѣда. Но что за шумъ, что за звукъ такъ рано, до зари утренней? Игорь двигнулся съ своими полками: жаль ему милаго брата *Всеволода*. Билися день, бились другой, а на третїй передъ полуднемъ пали знамена *Игоревы*. Тутъ братья разлучилися на берегу быстрой *Каялы*. Не достало у нихъ вина кроваваго; храбрые Руссы тамъ пиръ свой кончили, сватовъ попоили, а сами полегли за землю Русскую. Увяла трава отъ жалости, наклонились

(*ш*) *Половцы* возгордясь побѣдою и взятїемъ въ плѣнъ Игоря съ товарищи, прислали къ Великому Князю Святославу купцовъ Русскихъ съ росписью, сколько за кого требовали окупа. За *Игоря* положили они цѣну по тогдашнему времени несносную, а именно 2000 гривенъ (фунтовъ) серебра; и хотя Великїй Князь Кїевскїй, любя его, хотѣлъ выкупить, но *Половцы* инако на сїе не согла-

щами, а древо стугою къ земли преклонилось. Уже бо, братїе, не веселая година въстала, уже пустыни силу прикрыла. Въстала обида въ силахъ Дажь-Божа внука. Вступилъ дѣвою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крылы на синѣмъ море у Дону плещучи, убуди жирня времена. Усобица Княземъ на поганыя погыбе, рекоста бо братъ брату: се мое, а то моеже; и начяша Князи про малое, се великое млъвити, а сами на себѣ крамолу ковати: а поганїи съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую. О! да-

деревья отъ печали. Невеселая уже, братцы, пора пришла: пала въ пустынѣ сила многая, возстала обида Даждь-Божевымъ внукамъ. Она вступивъ дѣвою на землю *Троянову*, восплескала крылами лебедиными, на синемъ морѣ у Дону купаючись, разбудила времена тяжкїя. Перестали Князья нападать на невѣрныхъ, братъ брату сталъ говорить: „сїе мое, и то моеже„ Начали Князья за малое, какъ будто бы за великое, ссориться и сами на себя крамолу ковать. Тѣмъ временемъ нечестивые со всѣхъ сторонъ стекалися на одолѣнїе Русской земли. О!

шались, какъ требуя, дабы прежде младшїе Князья всѣ и Воеводы были выкуплены по назначенной въ росписи цѣнѣ. — *Татищ*. III стр. 266, 269.

лече зайде соколъ, птиць бья къ морю: а Игорева храбраго плъку не крѣсити (щ). За нимъ кликну Карна и Жля (ъ), поскочи по Руской земли, смагу (ы) мычючи въ пламянѣ розѣ. Жены Рускія въсплакашась аркучи: уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслїю смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати. А въстона бо, братїе, Кїевъ тугою, а Черниговъ напастьми; тоска разлїяся по Руской земли; печаль жирна тече средь земли

далеко залетѣлъ ты соколъ, побивая птицъ у моря; а Игорева храбраго войска уже не воскресити! Воскликнули тогда Карня и Жля, и прискакавъ въ землю Русскую стали томить людей огнемъ и мечемъ. Зарыдали тутъ жены Русскїя, приговаривая: „уже намъ объ ми„лыхъ своихъ ни мыслїю „взмыслити, ни думою взду„мати, ни глазами ихъ уви„дѣть, а золота и серебра не „возвратить„. Возстеналъ, братцы, Кіевъ отъ печали, а Черниговъ отъ напасти; разлилась тоска по всей Русской земли; тяжкая пе-

(щ) Ясное здѣсь знаменованїе глагола *крешу* доказываетъ, что слово *Воскресеніе* точно отъ того происходитъ.

(ъ) *Карня* и *Жля* предводители хищныхъ Половцевъ, безъ милосердія разорявшихъ тогда землю Русскую.

(ы) *Смага*, Малороссійское названїе, *жажда*, и отъ того говорится: сохнетъ, *смягнетъ во рту*.

Рускый; а Князи сами на себе крамолу коваху; а поганіи сами побѣдами нарищуще на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора. Тіи бо два храбрая Святъславлича, Игорь и Всеволодъ уже лжу убуди, которую то бяше услилъ отецъ ихъ Святъславь грозный Великый Кіевскый. Грозою бящеть; притрепеталъ своими сильными плъкы и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую; притопта хлъми и яругы; взмути рѣки и озеры; иссуши потоки и болота, а поганаго Кобяка (ь) изъ

чаль постигла Русскихъ людей. Князья между собой враждовали, а нечестивые рыская по землѣ Русской, брали дань по бѣлкѣ со двора. Сіи - то два храбрые Святославичи, Игорь и Всеволодъ, возобновили злобу, которую прекратилъ было отецъ ихъ, грозный Святославъ, Великій Князь Кіевскій. Онъ былъ страшенъ всѣмъ, отъ сильнаго воинства и отъ булатныхъ мечей его всѣ трепетали, наступилъ онъ на землю Половецкую, притопталъ холмы и бураки, помутилъ воду въ рѣкахъ и озерахъ, изсушилъ источники и болота, а нечестиваго Кобяка изъ луки мор-

(ь) *Кобякъ* Князь Половецкій, котораго Великій Князь *Святославъ* III. въ 1184 году не подалеку рѣки *Орла* побѣдилъ на сраженіи, взялъ его самаго въ плѣнъ съ двумя сыновьями и съ другими Князьями и семь тысячь войска его.

луку (ѣ) моря отъ железныхъ великихъ плъковъ Половецкихъ, яко вихръ выторже: и падеся Кобякъ въ градѣ Кіевѣ, въ гридницѣ Святъславли. Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поютъ славу Святъславлю, кають Князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы рѣкы Половецкія, Рускаго злата насыпаша. Ту Игорь Князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло Кощіево (э); уныша бо градомъ забралы, а веселіе пониче. А

ской, изъ средины желѣзныхъ великихъ полковъ Половецкихъ, подобно вихрю, исторгнулъ; и очутился Кобякъ въ городѣ Кіевѣ во дворцѣ Святославовомъ. Тамъ Нѣмцы и Венеціане, тамъ Греки и Моравцы воспѣваютъ славу Святославу и охуждаютъ Князя Игоря, погрузившаго силу на дно Каялы, рѣки Половецкія, и потопившаго въ ней Руское золото. Тогда Игорь Князь изъ своего золотаго сѣдла пересѣлъ въ сѣдло Кащеево. Уныли въ то время городскія стѣны, помрачилося веселіе. Святославу же

(ѣ) *Лука*, кривизна, излучина.

(э) О *Кощеѣ* упоминается въ Исторіи Татищева Том. III. на стр. 159: что онъ въ 1168 году, когда Великій Князь Мстиславъ II отправился съ войскомъ противъ Половцевъ, перебѣжалъ къ нимъ и предварилъ ихъ о семъ наступленіи.

Святъславь (ю) мутенъ сонъ виде: въ Кіевѣ на горахъ си ногь съ вечера одѣвахъте мя, рече, чрьною паполомою, на кроваты тисовѣ. Чрьпахуть ми синее вино съ трудомь смѣшено; сыпахутьми тъщими тулы поганыхъ тльковинъ великый женчюгь на лоно, и нѣгуютъ мя;' уже дьскы безъ кнѣса вмоемъ теремѣ златоврьсѣмъ. Всю ношь съ вечера босуви вранн възграяху, у Плѣсньска (я) на болони (ө) бѣша дебрь Ки-

худой сонъ привидѣлся: „на горахъ Кіевскихъ въ ночь сію съ вечера одѣвали вы меня (онъ Боярамъ разсказывалъ) чернымъ покровомъ на тесовой кровати; подносили мнѣ синее вино съ ядомъ смѣшанное; сыпали изъ пустыхъ колчановъ на лоно мое крупный жемчугъ въ нечистыхъ раковинахъ, и меня нѣжили. На златоверхомъ моемъ теремѣ будтобъ всѣ доски безъ верхней перекладины; будтобъ во всю ночь съ вечера до свѣта вороны каркали, усѣвшись у Плѣнска на выгонѣ въ дебри

(*ю*) Великій Князь Святославъ III, сынъ Всеволода II, обладавшій Кіевомъ во время случившагося съ Княземъ Игоремъ нещастія.

(*я*) Городъ Галичскаго Княженія, смежный съ Владимірскимъ на Волынѣ — *Татищ*. Часть III. стр. 287 и 288.

(ө) *Болтинъ* въ критич. примѣч. на 2 Томъ Исторіи Кн. Щербатова на стр. 194 и 195 извѣщаетъ: „Болонье значитъ порожжее

саню, и не сошлю къ синему морю. И ркоша бояре Князю: уже Княже туга умь полонила; се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата, поискати града Тьмутороканя (v), а любо испити шеломомь Дону. Уже соколома крильца припѣшали поганыхъ саблями, а самаю опустоша вѣ путины желѣзны.

Кисановой, и не полетѣли къ морю синему. „Бояре Князю отвѣчали: „одолѣла печаль умы наши! сонъ сей значитъ: что слетѣли два сокола съ золотаго родительскаго Престола доставать города Тьмутаракани, или шлемомъ изъ Дона напиться воды, и что тѣмъ соколамъ обрублены крылья саблями нечестивыхъ, и сами они попались въ опутины желѣзныя,,.

„пространство между валовъ, окрестность города составляю„щихъ, которое служило для выгону скота, для огородовъ, а „иногда и нѣкоторые строенія бывали тамъ дѣланы,, — Въ Кіевѣ, въ Нижнемъ городѣ выгонная за валомъ земля, по дорогѣ къ бывшему Межигорскому монастырю, и по нынѣ называется Оболонье.

v) Тьмутараканское Княженіе до тѣхъ только поръ состояло въ полной власти и принадлежало Россіи, пока единоначаліе имѣло еще нѣкоторую силу; но какъ скоро междоусобія и неподчиненность удѣльныхъ Князей къ первопрестольному Кіевскому Князю превзошли мѣру то Половцы, усилившись отъ сихъ несогласій, завладѣли Тьмутараканью. — Смотри Истор. Изслѣд. о Тьмутараканскомъ Княженія, печат. въ С. Петербургѣ 1794.

Темно бо бѣ въ г҃ день: два солнца помѣркоста, оба багряная стлъпа погасоста, и съ нимъ молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ тъмою ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла: по Руской земли прострошася Половци, аки пардуже гнѣздо, и въ морѣ погрузиста, и великое буйство подасть Хинови. Уже снесеся хула на хвалу; уже тресну нужда на волю; уже връжеса дивь на землю. Се бо Готскія (а) красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю. Звоня Рускымъ златомъ, поютъ время Бу-

Темно стало на третій день: два солнца померкли, оба багряные столпа погасли, а съ ними и молодые мѣсяцы, *Олегъ* и *Святославъ*, помрачилися. На рѣкѣ Каялѣ свѣтъ въ тьму превратился; разсыпались Половцы по Русской землѣ, какъ леопарды изъ логовища вышедшіе; погрузили въ безднѣ силу Русскую и придали Хану ихъ великое буйство. Уже хула превзошла хвалу; уже насиліе возстало на вольность; уже филинъ спустился на землю. Раздаются пѣсни Готфскихъ красныхъ дѣвицъ по берегамъ моря синяго. Звеня Русскимъ золотомъ, воспѣваютъ онѣ времена Бу-

(*а*) По какой связи сія одержанная Половцами побѣда могла доставить Готфскимъ дѣвамъ Русское золото, сообразить невозможно.

сово, лелѣютъ месть Шароканю (6) *А мы уже дружина жадни веселія. Тогда Великїй Святславъ изрони злато слово слезами смѣшено, и рече: о моя сыновча Игорю и Всеволоде! рано веста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати. Нъ нечестно одолѣсте: нечестно бо кровь поганую пролїясте. Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буести закалена. Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ! А уже не вижду власти сильнаго, и богатаго и многовои брата моего*

совы, славятъ мщенїе Шураканово. А намъ уже, братцы, нѣтъ веселїя! Тогда Великїй Князь *Святославъ* вымолвилъ золотое слово, со слезами смѣшанное: „О! „кровные мои, *Игорь* и *Всево*„*лодъ!* рано вы начали вое„вать землю Половецкую, а „себѣ славы искать. Нечест„но ваше одолѣнїе, не пра„ведно пролита вами кровь не„прїятельская. Ваши храбрыя „сердца изъ крѣпкаго булата „скованы и въ буйствѣ зака„лены. Сего ли я ожидалъ отъ „васъ при сребристой сѣ„динѣ моей! Я уже не вижу „власти сильнаго, богатаго „и многовойнаго брата моего

(6) Кто былъ *Бусъ*, не извѣстно; а о *Шураканѣ*, въ Лѣтописяхъ подъ 1107 годомъ упоминается, что по имени сего *Князя* названъ былъ Половецкїй на рѣкѣ Донцѣ городъ, съ котораго въ 1111 году Руссkїе взяли окупъ. *Татищ*. част. II стран. 204.

*Ярослава съ Черниговьски-
ми былями, съ Могуты и
съ Татраны и съ Шельбиры,
и съ Топчакы, исъ Ревугы,
и съ Ольберы. Тіи бо бес щи-
товь съ засапожникы кли-
комъ плъкы побѣждаютъ,
звонячи въ прадѣднюю сла-
ву. Нъ рекосте му жа имѣ-
ся сами, преднюю славу
сами похитимъ, а заднюю
ся сами подѣлимъ. А чи
диво ся братіе стару по-
молодити? Коли соколъ
въ мытехъ бываетъ, вы-
соко птицъ възбиваетъ;
не дастъ гнѣзда своего въ
обиду. Нъ се зло Княже
ми непособіе; на ниче
ся годины обратиша. Се
Уримъ (в) кричатъ подъ
саблями Половецкыми, а*

„*Ярослава* съ Черниговскими
„Боярами, съ Могутами и съ
„Татранами, съ Шелбирами
„и съ Топчаками, съ Ревугами
„и съ Ольберами. Они безъ
„щитовъ съ кинжалами, од-
„нимъ крикомъ побѣждаютъ
„войска, гремя славою пра-
„дѣдовъ. Не говорятъ они,
„мы де сами предстоящую
„славу похитимъ, а про-
„шедшею съ другими подѣ-
„лимся. Но мудрено ли, брат-
„цы, и старому помолодѣть?
„Когда соколъ перелиняетъ,
„тогда онъ птицъ высоко
„загоняетъ и не даетъ въ
„обиду гнѣзда своего. Но то
„бѣда, что мнѣ Князья не въ
„пособіе; время все переиначи-
„ло„. Уже кричитъ Уримъ
подъ саблями Половецкими, а

(в) Одинъ изъ Воеводъ, или изъ союзниковъ Князя Игоря, въ семъ сраженіи участвовавшій.

Володимиръ подъ ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову (г). *Великый Княже Всеволоде* (д)! *не мыслїю ти прелетѣти издалеча, отня злата стола поблюсти? Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти. Аже бы ты былъ, то была бы Чага по ногатѣ, а Кощей* (е) *по резанѣ* (ж).

Володимїръ подъ ранами. Горе и печаль сыну *Глѣбову!* О великїй Князь *Всеволодъ!* почто не помыслишь ты прилетѣть издалека для защиты отеческаго золотаго Престола? Ты можешь Волгу веслами разбрызгать, а Донъ шлемами вычерпать. Когда бы ты здѣсь былъ, тобъ были *Чага* по ногатѣ, а *Кощей* по резани. Ты можешь

(г) Кого сочинитель сей поэмы разумѣетъ подъ именемъ сына *Глѣбова*, рѣшительно сказать не льзя; ибо изъ современниковъ сему произшествїю сыновья, отъ Князей Глѣбовыхъ рожденные, были: *Владимiръ*, сынъ Князя Глѣба Юрьевича, княжившаго въ Переяславлѣ; *Ростиславъ*, сынъ Князя Глѣба Всеславича, княжившаго въ Полоцкѣ; *Романъ*, сынъ Князя Глѣба Ростиславича, княжившаго въ Рязанѣ.

(д) Сїе относится къ Великому Князю *Всеволоду* III. сыну Князя *Ольга Святославича* Тьмутараканскаго.

(е) О *Кощеѣ* предъ симъ уже упомянуто; а *Чага* уповательно тоже что и *Кончакъ* Князь Половецкїй (о коемъ ниже упомянется) уменшителнымъ либо презрителнымъ именемъ названный.

(ж) *Ногата* ходячая монета, коихъ въ кунѣ было 4, а въ гривнѣ кунами 80. — *Рязань* также самая мѣлкая монета изъ ходячихъ, и по соображенїю кажется состояло ихъ въ векошѣ 4, а векошей въ ногатѣ 2. — *Правда Русская* стр. 18.

Ты бо можеши посуху живыми шереширы (з) *стрѣляти удалыми сыны Глѣбовы. Ты буй Рюриче и Давыде* (и), *не ваю ли злачеными шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкают аки тури, ранены саблями калеными, на полѣ незнаемѣ? Вступита Господина въ злата стремень за обиду сего*

на сухомъ пути живыми шереширами стрѣлять чрезъ удалыхъ сыновъ *Глѣбовыхъ*. О вы храбрые *Рюрикъ* и *Давидъ*! Не ваши ли позлащенные шлемы въ крови плавали? Не ваша ли храбрая дружина рыкаетъ, подобно воламъ израненымъ саблями булатными въ полѣ незнаемомъ? Вступите, Государи, въ свои златыя стремена за обиду сего времени, за

(з) Неизвѣстный уже нынѣ воинскій снарядъ. Можетъ быть, родъ пращи, которою каменья метали, или какое либо огнестрѣльное орудіе; ибо въ Лѣтописяхъ сего времени упоминается: „что „въ 1185 году *Кончакъ* Князь Половецкій собравъ войско вели- „кое, пошелъ на предѣлы Русскіе, имѣя съ собою мужа умѣюща- „го стрѣлять огнемъ, у коего были самострѣльныя туги такъ „велики, что едва восемь человѣкъ могли натягивать, и укрѣ- „пленъ былъ на возу великомъ, чемъ онъ могъ бросать и ка- „менія въ средину града въ подъемъ человѣку: а для метанія „огня имѣлъ особый малѣйшій возъ. — *Татищ*. Часть III. стр. 259.

(и) Современные сему произшествію Князья *Рюрикъ* и *Давыдъ*, сыновья Великаго Князя *Ростислава Мстиславича*.

времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, буего Святславлича! Галичкы Осмомыслѣ Ярославе (ї) высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ. Подперъ горы Угорскыи своими желѣзными плъки, заступивъ Королеви путь, затвори въ Дунаю ворота, меча времены чрезъ облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ; оттворяеши Кіеву врата; стрѣляеши съ отня злата стола Салтани за землями. Стрѣляй Господине Кончака, поганого Кощея за землю Русскую, за раны Игоревы буего Святславлича.

землю Русскую, за раны *Игоря*, храбраго *Святославича*. А ты Осмомыслъ *Ярославъ Галицкїй!* высоко сидишь на своемъ златокованномъ Престолѣ. Ты подперъ горы Венгерскїя своими полками желѣзными, ты заградилъ путь Королю, ты затворилъ Дунаю ворота, бросая тягости чрезъ облака, и простирая власть свою до той рѣки! Грозное имя твое разнеслось по всѣмъ землямъ; отверзтъ тебѣ путь къ Кіеву, стрѣляешь ты съ отеческаго золотаго Престола на Солтановъ въ земли дальнїя. Стрѣляй, о Государь! въ *Кончака* и въ невѣрнаго *Кощея* за землю Русскую, за раны храбраго *Игоря Святославича*.

(ї) Князь *Ярославъ*, сынъ Князя Владимїра Володарича Галичскаго.

А ты буй Романе и Мстиславе (к)! храбрая мысль носитъ васъ умъ на дѣло. Высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрехъ ширяяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. Суть бо у ваю

А вы, о храбрые *Романъ* и *Мстиславъ!* ваша мысль твердая возноситъ умъ на подвиги. Вы отважно возвышаетесь въ предпріятіяхъ своихъ подобно соколу, на вѣтрахъ ширящемуся и къ одолѣнію птицы быстро стремящемуся. У васъ латы

(к) Великій Князь *Романъ*, сынъ Великаго Князя Ростислава Мстиславича. Сей Князь въ 1173 году, въ продолженіе войны своей противъ Литвы, такой страхъ и опустошеніе распространилъ тамо, что никто не смѣлъ противостать ему. Литовцы бѣгая отъ него, укрывались въ лѣсахъ. По возвращеніи изъ похода своего, множество плѣнныхъ роздалъ онъ по селамъ въ работы и приказалъ ими пахать. Отъ сего произошла въ Литвѣ пословица: *зле, Романе! робишь, что Литвиномъ орешь. Татищ.* Часть III. стр. 183.

Подъ именемъ же *Мстислава* здѣсь разумѣть должно Князя *Мстислава Ростиславича*, роднаго брата вышепомянутому Князю *Роману*. Онъ равномѣрно явилъ опыты храбрости своей противъ Великаго Князя *Андрея Юрьевича Боголюбскаго*. Ибо осажденъ будучи въ Вышеградѣ многочисленнымъ войскомъ и находясь въ крайней опасности, такъ благоразумно и отважно принялъ свои мѣры, что войско непріятелей своихъ, въ которомъ находилось до двадцати союзныхъ Князей, разбилъ и прогналъ.

желѣзныи папорзи подъ шеломы латинскими. Тѣми тресну земля, и многи страны Хинова. Литва, Ятвязи, Деремела, и Половци сулици своя повръгоша, а главы своя поклониша подъ тыи мечи харалужныи. Нъ уже Княже Игорю, утрпѣ солнцю свѣтъ, а древо не бологомъ листвіе срони: по Рсіи, по Сули гради подѣлиша; а Игорева храбраго плъку не крѣсити. Донъ ти Княже кличетъ, и зоветь Князи на побѣду. Олговичи (л) храбрыи Князи доспѣли на брань. Инъгварь и Всеволодъ, и вси три Мстиславичи (м), не худа гнѣзда

желѣзныя подъ шлемами Латинскими. Потряслась отъ нихъ земля, и многія страны Ханскія. Литва, Ятвяги, Деремела и Половцы повергнувъ свои копья, подклонили свои головы подъ тѣ мечи булатные. Но для Князя *Игоря* помрачился уже свѣтъ солнечный; не отъ добра опали съ деревъ листы. По Роси и по Сулѣ города въ раздѣлъ пошли; а *Игореву* храброму полку не воскреснути! О Князь! Донъ тебя кличетъ и Князей на побѣду созываетъ. Храбрые Князи *Ольговичи* на брань поспѣшили. *Ингварь* и *Всеволодъ*, и всѣ трое *Мстиславичи*, не худаго

(*л*) Князья, отъ Князя *Ольга Святославича* поколѣніе свое ведущіе.

(*м*) Потомки Великаго Князя *Мстислава Владиміровича*, *Мономахова* сына, У *Мстислава* было пять сыновей.

шестокрилци, непобѣдными жребіи собѣ власти расхытисте? Кое ваши златыи шеломы и сулицы Ляцкіи и щиты! Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами за землю Русскую, за раны Игоревы буегоСвятъславлича. Уже бо Сула не течетъ сребреными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ Полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ. Единъ же Изяславъ (н) *сынъ Васильковъ позвони своими острыми мечи о шеломы Литовскія; притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подъ чрълеными щиты на кро-*

гнѣзда шестокрилицы, не побѣдамиль жребій власти вы себѣ доставили? Къ чему же вамъ золотые шлемы, копья и щиты Польскіе! Заградите въ поле ворота стрѣлами своими острыми, вступитесь за землю Русскую, за раны храбраго *Игоря Святославича.* Уже Сула не течетъ серебристыми струями къ городу Переяславлю; Двина уже болотомъ течетъ къ тѣмъ грознымъ Половчанамъ при восклицаніи нечестивыхъ. Одинъ только *Изьяславъ* сынъ *Васильковъ* позвенѣлъ своими острыми мечами по шлемамъ Литовскимъ; помрачилъ славу дѣда своего *Всеслава,* и самъ подъ багряными щитами на

(н) О бѣдственной участи Князя *Изяслава* лѣтописатели Русскіе умолчали.

вавѣ травѣ притрепанъ Литовскыми мечи. И схоти ю на кровать, и рекъ: дружину твою, Княже, птиць крилы пріодѣ, а звѣри кровь полизаша. Не бысь ту брата Брячислава, ни другаго Всеволода; единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла, чресъ злато ожереліе. Уныли голоси, поничи веселіе. Трубы трубятъ Городеньскіи. Ярославе, и вси внуце Всеславли (о) уже понизить стязи свои, вонзить свои мечи вережени; уже бо выскочисте изъ дѣдней

окровавленной травѣ погибъ отъ мечей Литовскихъ. На семъ-то одрѣ лежа, произнесъ онъ: „Дружину твою, „Князь, птицы пріодѣли „крыльями, а звѣри кровь „полизали„. Не было тутъ братьевъ ни *Брячислава*, ни *Всеволода*; онъ одинъ испустилъ жемчужную свою душу чрезъ золотое ожерелье изъ храбраго тѣла. Уныли голоса; поникло веселіе. Затрубили трубы Городенскія. О *Ярославъ* и всѣ внуки *Всеславовы!* теперь приклоните вы свои знамена, вложите въ ножны мечи ваши поврежденные; далеко уже отстали вы

(о) Много было внуковъ Всеславовыхъ: *Рогвольдъ* сынъ Князя Бориса Всеславича, имѣвшій удѣлъ въ Полоцкѣ. *Володарь* и *Ростиславъ*, сыновья Глѣба Всеславича: первый такъ же удѣломъ въ Полоцкѣ пользовался, а другой въ Минскѣ. *Брячиславъ* сынъ Князя Мстислава Всеславича, и *Всеславъ* сынъ Князя Давыда Всеславича.

славѣ. Вы бо своими крамолами начясте наводити поганыя на землю Рускую, на жизнь Всеславлю. Которое бо бѣше насилїе отъ земли Половецкыи! На седьмомъ вѣцѣ Трояни връже Всеславъ жребїй о дѣвицю себѣ любу. Тъй клюками подпръся о кони, и скочи къ граду Кыеву, и дотчеся стружїемъ злата стола Кїевскаго. Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи, изъ Бѣла-града, обѣсися синѣ мьглѣ, утръ же вознзи стрикусы (п) оттвори врата Нову-граду, разшибе славу Ярославу, скочи влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ.

отъ славы дѣда вашего. Вы своими крамолами начали наводить невѣрныхъ на землю Русскую, на жизнь *Всеславову*. Былоль какое насилїе отъ земли Половецкой? На седьмомъ вѣкѣ Трояновомъ метнулъ *Всеславъ* жребїй о милой ему дѣвицѣ. Онъ подпершись клюками сѣлъ на коней, поскакалъ къ городу Кїеву и коснулся древкомъ копья своего до золотаго престола Кїевскаго; потомъ побѣжалъ онъ лютымъ звѣремъ въ полуночи изъ Бѣла-города, закрывшись мглою синею; по утру же вонзивъ стрикусы, отворилъ онъ ворота Новгородскїя, попралъ славу *Ярослава*, и съ Дудушокъ пустился какъ волкъ до Немиги.

(п.) По смыслу рѣчи *стрикусъ* не иное что какъ стѣнобитное орудїе, или родъ тарана при осадѣ городскихъ воротъ употребляемаго.

На Немизѣ (р) сноны стелютъ головами, молотятъ чели харалужными, на тоцѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костьми Рускихъ сыновъ. Всеславъ Князь людемъ судяше, Князѣмъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше; изъ Кыева дорискаше до Куръ Тмутороканя; великому хръсови влъкомъ путь прерыскаше (с). Тому въ Полотскѣ позвониша заутреню рано у Святыя Софеи въ колоколы: а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша. Аще и вѣща душа

На Немегѣ вмѣсто сноповъ стелютъ головы, молотятъ цѣпами булатными, на токѣ жизнь кладутъ, и вѣютъ душу отъ тѣла. Окровавленные Немигскіе берега не быліемъ были засѣяны, засѣяны костьми Русскихъ сыновъ. Князь *Всеславъ* людей судилъ, Князьямъ города раздавалъ, а самъ по ночамъ какъ волкъ рыскалъ изъ Кіева до Курска и до Тиутораканы. Для него въ Полоцкѣ рано позвонили въ колокола къ заутрени у Святой Софіи: а онъ въ Кіевѣ звонъ слышалъ. Хотя и мудрая была душа въ неутомимомъ

(р) *Немига*, что нынѣ *Неменъ*, между *Минска* и *Полоцка*. — *Татищ*. II. Част. 119 стр.

(с) Не вразумительно.

въ друзѣ тѣлѣ, нъ часто бѣды страдаше. Тому вѣщей Боянъ и пръвое припѣвку смысленый рече: ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду, суда Божіа не минути (т). О! стонати Руской земли, помянувше пръвую годину, и пръвыхъ Князей. Того стараго Владиміра не лзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевскимъ: сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзіи Давидовы; нъ рози нося имъ хоботы пашутъ, копіа поютъ на Дунаи.

Ярославнынъ гласъ слышитъ: зегзицею незнаемь, рано кычеть: полe-

его тѣлѣ, но онъ часто отъ бѣдъ страдалъ. Для таких-то мудрый *Боянъ* издавна составилъ сей разумный припѣвъ: „какъ бы кто „хитръ, какъ бы кто уменъ „ни былъ, хоть бы птицей „леталъ, но суда Божія не „минетъ„. О! стонать тебѣ, земля Русская, вспоминая прежнія времена и прежнихъ Князей своихъ. Стараго *Владиміра* не льзя было приковать къ горамъ Кіевскимъ. Теперь знамена его достались одни *Рюрику*, а другія *Давыду*; ихъ носятъ на рогахъ, вспахивая землю; копья же на Дунаѣ славятся.

Ярославнинъ голосъ слышится; она, какъ оставленная горлица, по утрамъ воркуетъ: „полечу

(т) Вѣроятно что сей припѣвъ подлинникомъ внесенъ сюда изъ *Бояновыхъ* пѣсней.

чю, рече, зегзицею по Дунаеви; омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру Князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ. Ярославна (у) *рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: о вѣтрѣ! вѣтрило! чему Господине насильно вѣеши? Чему мычеши Хиновьскыя стрѣлкы на своею не трудною крилцю на моея лады вои? Мало ли ти бяшетъ горъ подъ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему Господине мое веселїе по ковылїю развѣя? Ярославна рано плачеть Путивлю городу на забороли, аркучи: о Днепре*

„я, говоритъ, горлицею „по Дунаю, обмочу бобровой рукавъ въ рѣкѣ Каялѣ, оботру Князю кровавыя раны на твердомъ его „тѣлѣ„. *Ярославна* по утру плачетъ въ Путивлѣ на городской стѣнѣ приговаривая: „О вѣтеръ! вѣтрило! къ чему ты такъ сильно вѣешь? „къ чему навѣваешь легкими „своими крылами Хиновскїя „стрѣлы на милыхъ мнѣ вои„новъ? или мало тебѣ горъ „подъ облаками? Развѣвай ты „тамо, лелѣя корабли на си„немъ морѣ! Но за что развѣ„ялъ ты, какъ траву ковыль, „мое веселїе?„ *Ярославна* по утру плачетъ, и сидя на городской стѣнѣ въ Путивлѣ приговариваетъ: „О славный „Днѣпръ! ты пробилъ горы

(у) Супруга Князя *Игоря Святославича*, дочь Князя *Ярослава Владимїровича* Галичскаго.

словутицю! ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую. Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли носады до плъку Кобякова: възлелѣй господине мою ладу къ мнѣ, а быхъ неслала къ нему слезъ на море рано. Ярославна рано плачетъ къ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: свѣтлое и тресвѣтлое слънце! всѣмъ тепло и красно еси: чему господине простре горячюю свою лучю на ладѣ вои? въ полѣ безводнѣ жаждею имь лучи съпряже, тугою имъ тули затче.

Прысну море полунощи; идутъ сморци мьглами; Игореви Князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую,

„каменныя сквозь землю По„ловецкую; ты носилъ на се„бѣ *Святослововы* военныя „суда до стану *Кобякова:* „принеси же и ко мнѣ моего ми„лаго, чтобъ непосылать мнѣ „къ нему слезъ своихъ по ут„рамъ на море.„ *Ярославна* плачетъ поутру въ Путивлѣ, и сидя на городской стѣнѣ приговариваетъ: „О свѣтлое „и пресвѣтлое солнце! для „всѣхъ ты тепло и красно: „но къ чему ты такъ уперло „знойные лучи свои на милыхъ „мнѣ воиновъ? Къ чему въ полѣ „безводномъ, муча ихъ жаж„дою, засушило ихъ луки, и „къ горести колчаны ихъ за„крѣпило?„

Взволновалось море въ полуночи; мгла столбомъ подымается; Князю *Игорю* Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой въ землю Русскую,

къ отню злату столу. Погасоша вечеру зари: Игорь спитъ, Игорь бдитъ, Игорь мыслїю поля мѣритъ отъ великаго Дону до малаго Донца. Комонь въ полуночи. Овлуръ (ф) свисну за рѣкою; велить Князю разумѣти. Князю Игорю не быть: кликну стукну земля; вѣшумѣ трава. Вежи ся Половецкїи подвизашася; а Игорь Князь поскочи горнастаемъ къ тростїю, и бѣлымъ

къ золотому престолу отеческому. Погасла заря вечерняя; *Игорь* лежитъ, *Игорь* не спитъ, *Игорь* мысленно измѣряетъ поля отъ великаго Дона до малаго Донца. Къ полуночи приготовленъ конь. *Овлуръ* свиснулъ за рѣкою, чтобъ Князь догадался. Князю *Игорю* тамо не быть. Застонала земля, зашумѣла трава; двинулись заставы Половецкїя, а *Игорь* Князь горностаемъ побѣжалъ къ тростнику, и бѣлымъ

(ф) Въ Россїйскихъ лѣтописяхъ онъ названъ *Лаверъ*, чиновникъ Половецкїй; его мать была Русская. Когда *Лаверъ* здѣлалъ предложенїе Князю *Игорю* способствовать ему въ побѣгѣ, то онъ сперва не понадѣялся на него; но послѣ будучи удостовѣренъ отъ конюшаго своего и отъ Тысяцкаго въ честности и расторопности его, согласился уйти съ нимъ. И такъ въ назначенный день *Игорь* напоивъ до пьяна приставленную къ нему стражу когда всѣ погружены были въ крѣпкомъ снѣ, прошелъ тихо чрезъ Половецкїя заставы, и переплывъ чрезъ рѣку, ускакалъ на приготовленномъ ему отъ *Лавра* конѣ. *Татищ.* Часть III. стр. 270.

гоголемъ (*x*) *на воду; въвръжеся на бръзъ комонь, и скочи съ него босымъ влъкомъ, и потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подъ мьглами избивая гуси и лебеди, завтроку, и обѣду и ужинѣ. Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влуръ влъкомъ потече, труся собою студеную росу; претръгоста бо своя бръзая комоня. Донецъ рече: Княже Игорю! не мало ти величія, а Кончаку нелюбія, а Руской земли веселіа. Игорь рече, о Донце! не мало ти величія,*

гоголемъ пустился по водѣ. Онъ помчался на борзомъ конѣ, и скочивъ съ него босымъ волкомъ побѣжалъ къ лугу Донецкому; летѣлъ соколомъ подъ облаками, побивая гусей и лебедей къ завтраку, къ обѣду и къ ужину. Когда *Игорь* соколомъ полетѣлъ, тогда *Овлуръ* (*Лаверъ*) волкомъ побѣжалъ, отрясая съ себя росу холодную; ибо утомили они своихъ борзыхъ коней. „О! „Князь *Игорь*,„ вѣщаетъ ему рѣка *Донецъ*, „не мало для „тебя славы, для *Кончака* „досады, а для Русской зе-„мли веселія.„ *Игорь* въ отвѣтъ къ рѣкѣ сказалъ: „О „*Донецъ!* не мала и для

(*x*) Красивая утка съ хохломъ, питающаяся раковинами, за которыми она отмѣнно предъ прочими ныряетъ.

лелѣявшу Князя на влънахъ, стлавшу ему зелѣну траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыми мъглами подъ сѣнїю зелену древу; стрежаше е гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, Чрьнядьми на ветрѣхъ. Не тако ли, рече, рѣка Стугна худу струю имѣя, пожрьши чужи ручьи, и стругы ростре на кусту? Уношу Князю Ростиславу затвори Днѣпрь темнѣ березѣ. Плачется мати Ростиславя (ц) по уноши Князи Ростиславѣ. Уныша

„тебя слава, нося Князя по „волнамъ своимъ, постилая „ему зеленую траву на своихъ сребристыхъ берегахъ, одѣвая его теплыми „мглами подъ тѣнью дерева зеленаго, и охраняя его „какъ гоголя на водѣ, какъ „чайку на струяхъ, какъ, „Чернядей на вѣтрахъ. Не „такова, примолвилъ онъ, „рѣка Стугна! Она пагубными струями пожираетъ „чужїя ручьи, и разбиваетъ „струги у кустовъ.„ Юному Князю *Ростиславу* затворилъ *Днѣпръ* берега темныя. Плачется мать *Ростиславова* по юномъ Князѣ *Ростиславѣ*. Увяли

(ц) Юный Князь *Ростиславъ* сынъ Великаго Князя *Всеволода* I и Великїя Княгини *Анны*, дочери Половецкаго Князя утонулъ на рѣкѣ *Стугнѣ* 1093 года, когда тамъ разбиты были Россїйскїя войска отъ Половцевъ.

цвѣты жалобою, и древо стугою къ земли прѣклонило, а не сорокы втроскоташа. На слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда врани не граахуть, галици помлъкоша, сорокы не троскоташа, полозію ползоша только, дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ, соловіи веселыми пѣсьми свѣтъ повѣдаютъ. Млъвитъ Гзакъ Кончакови: аже соколъ къ гнѣзду летитъ, соколича рострѣляевѣ своими злачеными стрѣлами. Рече Кончакъ ко Гзѣ: аже соколъ къ гнѣзду летитъ, а вѣ соколца опутаевѣ красною дивицею (г). И рече

цвѣты отъ жалости, преклонились къ землѣ деревья отъ печали. Не сороки стрекочутъ, ѣздитъ по слѣдамъ Игоревымъ *Гзакъ* и *Кончакъ*. Тогда вороны не каркали, галки умолкли, сороки не стрекотали, но двигались только по сучьямъ; дятлы долбя, къ рѣкѣ путь показывали; соловьи веселымъ пѣніемъ свѣтъ повѣдали. Молвилъ *Гзакъ Кончаку*: „когда соколъ къ гнѣзду летитъ, „то мы разстрѣляемъ соколенка позолоченными своими „стрѣлами.„ *Кончакъ* Гзаку отвѣтствовалъ: „естьли „соколъ къ гнѣзду полетѣлъ, то мы опутаемъ „соколика красною дѣви„цею.„ Въ отвѣтъ на сіе

(г) Сіи слова Половецкихъ Князей касались до *Игорева* сына Князя *Владиміра*, которой оставался еще у нихъ въ полону. Онъ

Гзакъ къ Кончакови: аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвице, то почнутъ наю птици бити въ полѣ Половецкомъ.

Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пѣстворца стараго времени Ярославля Ольгова Коганя хоти: тяжко ти головы, кромѣ плечю; зло ти тѣлу, кромѣ головы: Руской земли безъ Игоря. Солнце свѣтится на небесѣ. Игорь Князь въ Руской земли. Дѣвици поютъ

Гзакъ сказалъ *Кончаку*: „когда его опутаемъ красною „дѣвицею, то не будетъ у „насъ ни соколика, ни красной „дѣвицы, и станутъ насъ „бить птицы въ полѣ По„ловецкомъ.

Сказалъ сїе *Боянъ*, и о походахъ, воспѣтыхъ имъ въ прежнїя времена Князей *Святослава*, *Ярослава* и *Ольга* симъ кончилъ: „тяжело „быть головѣ безъ плечь; „худо и тѣлу безъ головы: „а Русской землѣ безъ *Иго*„*ря*.„ Свѣтитъ Солнце на небѣ: *Игорь* Князь уже въ Русской землѣ. Поютъ дѣвицы на Дунаѣ; раздаются

влюбился тамъ въ дочь Князя *Кричака*, и когда Половцы освободили его, то онъ привезши ее въ Россїю, крестилъ и съ дитятею, и назвавъ *Свободою*, обвѣнчался съ нею: *Татищ*. Книга III, стр. 283.

на Дунаи. Вьются голоси чрезъ море до Кіева. Игорь ѣдетъ по Боричеву (ш) къ Святѣй Богородици Пирогощей (щ). Страны	голоса ихъ чрезъ море до *Кіева. Игорь* ѣдетъ по *Боричеву* къ Пресвятой Богородицѣ *Пирогощей.*

(ш) Урочище въ самомъ городѣ *Кіевѣ* находящееся, по свидѣтельству *Нестора*. Было оное на горѣ къ Подолу на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ церковь *Андрея Первозваннаго*, или близь оной. Тутъ *Владиміромъ* поставленъ былъ на холмѣ идолъ Перунъ. Прежде красивое сіе мѣсто было внѣ града, и пространство между кумиромъ и Кіевомъ помѣщало множество народа для торжественныхъ жертвоприношеній стекавшагося На сей площади былъ теремный дворецъ Велико-княжескій Подъ самою горою *Днѣпръ* прежде имѣлъ свое теченіе; но по времени столько занесло оной пескомъ, что построено тутъ цѣлое предмѣстіе, *Подоломъ* нынѣ называемое. — См. *Татищ.* Кн. II. стр. 36.

(щ) Образъ *Владимірской* Богородицы, который нынѣ въ *Успенскомъ* Соборѣ въ *Москвѣ* возлѣ царскихъ вратъ на лѣвой сторонѣ въ кіотѣ. Его въ древности *Богородицею Пирогощею* называли по тому, что изъ *Царя-града* привезенъ былъ въ *Кіевъ* гостемъ, прозывавшимся *Пирогощею*. Великій Князь *Андрей Юрьевичь Боголюбскій* въ 1160 году взялъ сію Святую икону отъ отца своего Великаго Князя *Юрья владиміровича* и перенесъ оную въ новопостроенный тогда на *Клязмѣ* городъ *Владиміръ*: въ *Москву же* оная принесена въ 1395 году, и съ тѣхъ поръ уже именуется *Владимірскою*. *Татищ.* Томъ III. стр. 97 и 127. и въ примѣчаніяхъ стр. 487.

ради, гради весели, пѣвше пѣснь старымъ Княземъ, а по томъ молодымъ. Пѣти слава Игорю Святъ-славлича. Буй туру Всеволодѣ, Владимiру Игоревичу. Здрави Князи и дружина, побарая за христьяны на поганыя плъки. Княземъ слава, а дружинѣ Аминь.

Радость въ народѣ, веселье въ городахъ. Воспѣта пѣснь Князьямъ старымъ, а потомъ молодымъ. Пѣта слава *Игорю Святославичу*, богатырю *Всеволоду* и *Владимiру Игоревичу*. Да здравствуютъ Князи и ихъ дружина, поборая за христiянъ на воинство невѣрныхъ! Слава Князьямъ и дружинѣ!

КОНЕЦЪ.

ПОГРѢШНОСТИ

напечатано			читай
Стран.	Строки		
15	24	*Борисѣ Вячеславичѣ*	*Князѣ Всеславичѣ*
36	12	Кі-ва	*Кіева*
39	3	*Святослововы*	*Святославовы*
42	18	темныя.	темные.

ПОКОЛѢННАЯ РОСПИСЬ

РОССІЙСКИХЪ ВЕЛИКИХЪ и УДѢЛЬНЫХЪ КНЯЗЕЙ, ВЪ СЕЙ ПѢСНИ УПОМИНАЕМЫХЪ,

Съ показаніемъ въ низу подъ чертою *буквами* страницъ, гдѣ о которомъ сказано.

а. Вел. Кн. Св. Владиміръ I Святославичь + 1015.

б. Мстиславъ Кн. Тмутараканскій и Черниговскій + 1033.

в. Великій Кн. Ярославъ I. + 1054.

г. Изяславъ Кн. Полоцкій + 1003.

д. Владиміръ Кн. Новгородскій + 1052.

е. Святославъ II. Вел. Кн. + 1076.

ж. Вячеславъ Кн. Смоленскій + 1087.

з. Вел. Кн. Всеволодъ I. въ крещеніи Андрей + 1092. 1. Супруга Царевна Греческая *и.* 2. Княжня Половецкая.

к. Брячиславъ Кн. Полоцкій + 1044.

л. Ростиславъ Кн. Тмутараканскій + 1065.

м. Ярославъ Кн. Черниговскій + 1129.

н. Олегъ Кн. Тмутараканскій и Муромскій + 1096.

о. Романъ Кн. Тмутараканскій убитъ 1079.

п. Борисъ убитъ 1078.

р. Вел. Кн. Владиміръ II. Мономахъ + 1126.

с. Ростиславъ Кн. Переяславскій утонулъ 1093.

т. Всеславъ Кн. Полоцкій + 1101.

у. Володарь Кн. Тмутараканскій + 1124.

ф. Ростиславъ Князь Рязанскій, упом. 1153.

х. Всеволодъ II. Вел. Кн. + 1146.

ц. Глѣбъ Кн. Курскій + 1138.

ч. Игорь Кн. Новгор. Сѣверскій + 1147.

ш. Святославъ Кн. Черниговскій + 1164. Супруга его дочь Половецкаго Князя.

щ. Мстиславъ I. Вел. Кн. + 1132.

ъ. Юрій I Долгорукій Вел. Кн. + 1157. женатъ на дочери Половецк. Князя

ы. Василько.

ь. Владимірко Кн. Галицкій, женатъ на дочери Венгерск. Короля Стефана II. + 1153.

ѣ. Глѣбъ Кн. Рязанскій + 1178.

ю. Святославъ III. Вел. Кн. + 1194.

я. Ярославъ Кн. Черниговскій + 1200.

ѳ. Олегъ Кн. Новгор. Сѣверск. + 1165.

ѵ. Всеволодъ Кн. Трубчевскій + 1196. *аа.* Супруга его Кн. Ольга Глѣбовна.

бб. Игорь Кн. Новгород. Сѣверск. + 1202. *вв.* Супруга его Кн. Ефросинія Ярославовна.

гг. Всеволодъ Кн. Новгор. + 1138.

дд. Изяславъ II. Вел. Кн. + 1154.

ее. Ростиславъ I. Вел. Кн. + 1168.

жж. Владиміръ III Вел. Кн. + 1173.

зз. Святополкъ Кн. Полоцкій + 1154.

ии. Изяславъ.

іі. Брячиславъ Кн. Витебскій.

кк. Всеволодъ.

лл. Ярославъ Кн. Галицкій + 1188.

мм. Всеволодъ Князь Пронскій + 1203.

нн. Романъ Кн. Разанск. + 1216

оо. Игорь + 1194.

пп. Владиміръ упом. 1280.

рр. Ярополкъ упом. 1177.

сс. Всеволодъ III. Черьмный Вел. Кн. + 1215.

тт. Святославъ или Борисъ Кн. Рыльскій + 1186.

уу. Владиміръ въ крещеніи Петръ Кн. Галицкій + 1212. Супруга его Свобода Кричаковна Кн. Половецкая.

фф. Давидъ Кн. Смоленскій + 1198.

хх. Иванъ Берладникъ Кн. Галицкій упомин. 1144.

цц. Святославъ Кн. Новгородскій + 1171.

чч. Романъ Вел. Кн. + 1180.

шш. Рюрикъ Кн. Новгородскій + 1211, женатъ на дочери Половецк. Князя.

щщ. Мстиславъ Кн. Смоленскій и Новгородскій + 1180.

а. на стран. 5. 37. подъ именемъ *стараго Владиміра.*
б. 3. подъ именемъ *храбраго Мстислава.*
в. 3. 14. подъ именемъ *стараго Ярослава.*
и. 42. подъ именемъ *мати Ростиславя.*
н. 7. 11. 14. 15. 16.
о. 4. подъ именемъ *Краснаго Романа.*
п. 15.
р. 15.

с. 42. подъ именемъ *юнаго Князя Ростислава.*
т. 33. 35. 36.
х. 28.
ш. 1. 7. 21. 22. подъ именемъ *грознаго Ростислава.*
щ. 32.
ы. 33.
ѣ. 28. 29.

ю. 23. 26.
я. 27.
ѵ. 7. 13. 18. 21. 26. 46. подъ именемъ *Буй-Тура.*
аа. 14. подъ именемъ *Глѣбовны.*
бб. Герой пѣсни во многихъ мѣстахъ.
вв. 37. 38. 39. подъ именемъ *Ярославны.*
ии. 33.
іі. *кк.* 34. 34.

лл. 30. подъ именемъ *Осмомысла.*
мм. *нн.* *оо.* *пп.* *рр.* 29. подъ именемъ *удалыхъ сыновъ Глѣбовыхъ.*
пп. 28. подъ именемъ *сына Глѣбова.*
уу. 43. подъ именемъ *околенка* 46.
фф. *шш.* 29. 37. подъ именемъ *Буй-Рюрика.*
чч. 31. подъ именемъ *Буй-Романа.*
шш. 29. 37.
щщ. 31.

СЛОВО О ПЛЪКУ[1] ИГОРЕВѢ, ИГОРЯ СЫНА СВЯТЪСЛАВЛЯ, ВНУКА ОЛЬГОВА

Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, начяти[2] старыми словесы трудныхъ повѣстій о пълку[3] Игоревѣ, Игоря Святъславлича[4]? Начати же ся тъй[5] пѣсни по былинамь[6] сего времени, а не по замышленію Бояню. Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь[7] творити, то растѣкашется[8] мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ[9] по земли, шизымъ орломъ подъ облакы. Помняшеть[10] бо, рече[11], първыхъ[12] временъ усобіцѣ[13]. Тогда пущашеть ї[14] соколовь[15] на стадо лебедѣй[16]; который[17] дотечаше, та преди пѣснь[18] пояше старому Ярославу[19], храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы[20] Касожьскыми[21], красному Романови Святъславличю. Боянъ же, братіе, не ї[22] соколовь[23] на стадо лебедѣй[24] пущаше, нъ своя вѣщіа пръсты на живая струны въскладаше, они же сами княземъ славу рокотаху.

Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря, иже истягну умь[25] крѣпостію своею и поостри сердца своего мужествомъ наплънився[26] ратнаго духа, наведе своя храбрыя плъкы[27] на землю Половѣцькую[28] за землю Руськую.

---

[1] *П; К* — полку [2] *П; К* — начати [3] *П; К* — полку [4] *П; К* — Святъславича [5] *П; К* — тъ [6] *П; К* — былинамъ [7] *П; К* — пѣснѣ [8] *П; К* — растекашется [9] *П; К* — волкомъ [10] *П; К* — помняшетъ [11] *П* — речь; *К* — рѣчь [12] *П; К* — первыхъ [13] *П; К* — усобицѣ [14] *П; К* — 10 [15] *П; К* — соколовъ [16] *П; К* — лебедей [17] *П К* — который [18] *П* — пѣсь; *К* — пѣснѣ [19] *К; П* — Ярослову [20] *П; К* — полкы [21] *П; К* — косожьскыми [22] *П; К* — 10 [23] *П; К* — соколовъ [24] *П; К* — лебедей [25] *П; К* — умъ [26] *П; К* — наполнився [27] *П; К* — полкы [28] *П; К* — Половецькую

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты. И рече Игорь къ дружинѣ своей: „Братіе и дружино! луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти, а всядемъ, братіе, на свои бръзыя[1] комони, да позримъ синего Дону". Спала князю у[2] умь[3] похоть[4] и жалость ему знаменіе заступи искусити Дону великаго. „Хощу бо, рече, копіе приломити конець поля Половецкаго[5]; съ вами, Русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону".

О, Бояне, соловію стараго[6] времени! абы ты сіа плъкы[7] ущекоталъ, скача, славію, по мыслену древу, летая умомъ[8] подъ облакы; свивая славы оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы! Пѣти было пѣснь[9] Игореви того[10] внуку: „Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая; галици стады бѣжать къ Дону великому". Чи ли въспѣти было, вѣщей Бояне, Велесовъ[11] внуче: „Комони ржуть за Сулою, звенить слава въ Кыевѣ, трубы трубять въ Новѣградѣ, стоять стязи въ Путивлѣ!"

Игорь ждетъ мила брата Всеволода. И рече[12] ему буй туръ Всеволодъ: „Одинъ братъ, одинъ[13] свѣтъ свѣтлый ты, Игорю, оба есвѣ Святъславличя! Сѣдлай, брате, свои бръзыи[14] комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди. А мои ти Куряни свѣдоми къмети: подъ трубами повити, подъ шеломы възлѣлѣяни[15], конець копія въскръмлени; пути имъ[16] вѣдоми, яругы имъ[17] знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени[18], сами скачють[19], акы сѣрыи влъци[20] въ полѣ, ищучи себе[21] чти, а князю славѣ".

Тогда въступи[22] Игорь князь въ златъ стремень, и поѣха по чистому полю. Солнце ему тъмою[23] путь заступаше; нощь стонущи ему грозою птичь убуди; свистъ звѣринъ въста, збися[24] Дивъ, кличетъ[25] връху древа: велить послушати земли незнаемѣ, Влъзѣ, и Поморію,

---

[1] *П; К* — бързыя [2] *П К* — у *нет* [3] *П; К* — умъ [4] *П* — похоти; *К* — по хоти [5] *П; К* — половецкого [6] *П; К* — старого [7] *П; К* — полкы [8] *П; К* — умо^{м} [9] *П* — пѣсь; *К* — пѣснѣ [10] *в* П *и* К *после* того *в скобках стоит* — *в П* — Олга, *в К* — Ольга [11] *К; П* — Велесовь [12] *П; К* — речь [13] *П; К* — оди^{н} [14] *П; К* — бързыи [15] *К; П* — възлелѣяны [16] *К; П* — имь [17] *П; К* — имь [18] *П; К* — изострени [19] *П; К* — скачютъ [20] *П; К* — вълци [21] *П; К* — себѣ [22] *П; К* — вступи [23] *П; К* — тмою [24] *П* — въ стазби, *К* — *слов* „свистъ звѣринъ въ стазби" — *нет* [25] *П; К* — кличеть

и Посулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ Тьмутораканьскый[1] блъванъ! А Половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону великому; крычатъ тѣлѣгы[2] полунощы[3], рци, лебеди роспужени[4]. Игорь къ Дону вои ведетъ. Уже бо бѣды его пасетъ[5] птиць по дубію[6]; влъци[7] грозу въсрожатъ[8] по яругамъ[9]; орли клектомъ на кости звѣри зовутъ; лисици брешутъ на чръленыя[10] щиты. О, Руская земле! уже за шеломянемъ[11] еси!

Длъго[12] ночь мрькнетъ[13]. Заря свѣтъ запала, мъгла[14] поля покрыла; щекотъ славій успе, говоръ галичь убудися[15]. Русичи великая поля чрьлеными[16] щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а князю славы.

Съ[17] заранія въ пятокъ[18] потопташа поганыя плъкы[19] Половецкыя, и рассушясь[20] стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвкы Половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты. Орьтъмами[21] и япончицами и кожухы начашя[22] мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякыми узорочьи Половѣцкыми[23]. Чрьленъ[24] стягъ, бѣла хорюговь, чрьлена[25] чолка, сребрено стружіе храброму Святъславличю[26]. Дремлетъ[27] въ полѣ Ольгово[28] хороброе гнѣздо. Далече залетѣло[29]! Не было оно[30] обидѣ порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръный[31] воронъ, поганый Половчине! Гзакъ бѣжитъ[32] сѣрымъ влъкомъ[33], Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону великому.

Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ[34]; чръныя[35] тучя[36] съ моря идутъ[37], хотятъ[38] прикрыти д̃[39] солнца, а въ нихъ трепещуть[40] синіи млъніи[41]. Быти грому великому! Итти дождю стрѣлами съ Дону великаго[42]! Ту ся копіемъ приламати, ту ся

---

[1] *П; К* — Тъмутороканьскый [2] *П;К* — телѣгы [3] *П; К* — полунощи [4] *П К* — роспущени [5] *П; К* — пасеть [6] *П К* — подобію [7] *П; К* — волци [8] *П; К* — възрожать [9] *П; К* — яругамь [10] *П; К* — чрленыя [11] *П;К* — шоломянемъ [12] *П;К* — долго [13] *К; П* — мркнеть [14] *П; К* — мьгла [15] *П К* — убуди [16] *П;К* — чрълеными [17] *П;К* — с [18] *П* — пяткъ; *К* — пякъ [19] *П; К* — полкы [20] *П; К* — рассушась [21] *П; К* — орътмами [22] *П; К* — начаша [23] *П; К* — половецкыми [24] *П; К* — чрълень [25] *П; К* — чръвлена [26] *К; П* — Святьславличю [27] *П;К* — дремлеть [28] *П; К* — Олгово [29] *П;К* — залѣтѣло [30] *П К* — нъ [31] *П;К* — черный [32] *П;К* — бѣжить [33] *П;К* — волкомъ [34] *П; К* — повѣдают [35] *П; К* — черныя [36] *П; К* — туча [37] *П; К* — идуть [38] *П; К* — хотять [39] *П; К* — 4 [40] *П; К* — трепещуть [41] *П; К* — молніи [42] *П; К* — великого

саблямъ потручяти[1] о шеломы Половецкыя на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великаго[2]. О, Руская землѣ[3]! уже за[4] шеломянемъ еси!

Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами[5] на храбрыя плъкы[6] Игоревы. Земля тутнетъ, рѣкы мутно текуть[7]; пороси поля прикрываютъ[8], стязи глаголютъ. Половци идуть отъ Дона, и отъ[9] моря, и отъ всѣхъ странъ Рускыя плъкы[10] оступиша[11]. Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбріи Русици преградиша чрьлеными[12] щиты.

Яръ туре Всеволодѣ[13]! стоиши на борони, прыщеши на вои стрѣлами[14], гремлеши о шеломы мечи харалужными. Камо туръ поскочяше[15], своимъ златымъ[16] шеломомъ[17] посвѣчивая, тамо лежатъ[18] поганыя головы Половецкыя. Поскепаны саблями калеными шеломы Оварьскыя отъ тебе, яръ туре Всеволоде! Кая рана[19] дорога, братіе, забывъ[20] чти и живота, и града Чрънигова[21], отня злата стола, и своя милыя хоти, красныя Глѣбовны свычая и обычая!

Были вѣчи Трояни[22], минула лѣта Ярославля; были плъци[23] Олговы, Ольга[24] Святьславличя[25]. Тъй[26] бо Олегъ мечемъ[27] крамолу коваше и стрѣлы[28] по земли сѣяше. Ступаетъ въ златъ стремень въ градѣ Тьмутороканѣ[29], той же[30] звонъ слыша давный великый Ярославль[31] сынъ Всеволодъ[32], а Владиміръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ. Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе, и на Канину зелену паполому постла, за обиду Олгову, храбра и млада князя. Съ тоя же Каялы Святоплъкь[33] полелѣя[34] отца своего междю Угорьскими иноходьцы[35] ко святѣй Софіи къ Кіеву. Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами, погыбашеть[36] жизнь Даждьбожа внука; въ княжихъ крамо-

---

[1] *П; К* — потручати [2] *П; К* — великого [3] *П; К* — земле [4] *П К* — не [5] *П; К* — стрелами [6] *П; К* — полки [7] *П; К* — текутъ [8] *П; К* — прикрывають [9] *П; К* — от [10] *П; К* — полки [11] *П К* — отступиша [12] *П; К* — чръвлеными [13] *П; К* — Всеволоде [14] *П; К* — стрелами [15] *П; К* — поскочаше [16] *П; К* — златымъ [17] *П; К* — шеломом [18] *П; К* — лежать [19] *П К* — раны [20] *П; К* — забывь [21] *П; К* — Чернигова [22] *П; К* — Зояни [23] *П; К* — полци [24] *П; К* — Олга [25] *П; К* — Святъславлича [26] *П; К* — той [27] *П; К* — мечемь [28] *П; К* — стрелы [29] *П; К* — Тмутороканѣ [30] *П К* — тоже [31] *П К* — Ярославь [32] *П К* — Всеволожь [33] *П; К* — Святополкъ [34] *П К* — повелѣя [35] *П; К* — иноходцы [36] *К; П* — погибашеть

лахъ вѣци человѣкомъ[1] скратишась. Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нъ часто врани граяхуть, трупіа себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти[2] на уедіе. То было въ ты рати, и въ ты плъкы[3], а сицеи рати не слышано.

Съ зараніа до вечера, съ вечера до свѣта летятъ[4] стрѣлы[5] каленыя, гримлютъ[6] сабли о шеломы, трещатъ[7] копіа харалужныя въ полѣ незнаемѣ, среди земли Половецкыи. Чръна[8] земля подъ копыты костьми была посѣяна, а кровію польяна; тугою взыдоша по Руской земли.

Что ми шумить, что ми звенить далече[9] рано предъ зорями? Игорь плъкы[10] заворочаетъ[11]: жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася[12] другый; третьяго дни къ полуднію падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы; ту кроваваго вина не доста; ту пиръ докончаша храбріи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую. Ничить трава жалощами, а древо с тугою къ земли преклонилось.

Уже бо, братіе, не веселая година въстала, уже пустыни силу прикрыла! Въстала Обида въ силахъ Дажьбожа внука, вступила[13] дѣвою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крылы[14] на синѣмъ[15] море[16] у Дону; плещучи, упуди[17] жирня времена. Усобица княземъ[18] на поганыя погыбе, рекоста бо братъ брату: „се мое, а то мое же". И начяша[19] князи про малое „се великое" млъвити[20], а сами на себѣ[21] крамолу ковати. А поганіи съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую.

О! далече зайде соколъ, птиць бья, къ морю! А Игорева храбраго[22] плъку[23] не крѣсити[24]! За нимъ[25] кликну Карна и Жля, поскочи по Руской земли, смагу людемъ[26] мычючи въ пламянѣ розѣ. Жены Рускыя[27]

---

[1] *К; П* — человѣкомь [2] *П; К* — полѣтѣти [3] *П; К* — полкы [4] *П; К* — летять [5] *П; К* — стрелы [6] *П; К* — гримлють [7] *П; К* — трещать [8] *П; К* — черна [9] *П* — давечя; *К* — давеча [10] *П, К* — полкы [11] *П; К* — заворочаеть [12] *П; К* — бишась [13] *П К* — вступилъ [14] *П; К* — крилы [15] *П; К* — синемь [16] *П; К* — морѣ [17] *П К* – убуди [18] *П; К* — княземь [19] *П; К* — начаша [20] *П; К* молвити [21] *П; К* — себе [22] *П; К* — храброго [23] *П; К* — полку [24] *П; К* — кресити [25] *П; К* — нимь [26] *К; П* — людемъ — *нет* [27] *К; П* —рускія

въсплакашась, аркучи: „Уже намъ[1] своихъ милыхъ ладъ ни мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни очима[2] съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати!“ А въстона бо, братіе, Кіевъ тугою, а Черниговъ[3] напастьми. Тоска разліяся по Руской земли, печаль жирна тече[4] средь[5] земли Рускыи[6]. А князи сами на себе крамолу коваху; а погани сами побѣдами нарищуще на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора.

Тіи бо два храбрая Святъславличя[7], Игорь и Всеволодъ, уже лжу убудиста[8], которую то бяше успилъ отецъ[9] ихъ Святъславь грозный[10] великый[11] Кіевьскый[12] грозою. Бяшеть притрепалъ[13] своими сильными[14] плъкы[15] и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую; притопта хлъми и яругы; взмути[16] рѣкы[17] и озеры; иссуши потокы[18] и болота. А поганаго[19] Кобяка изъ луку моря отъ желѣзныхъ[20] великихъ[21] плъковъ[22] Половецкыхъ[23], яко вихръ, выторже: и падеся Кобякъ въ градѣ Кіевѣ, въ гридницѣ Святъславли. Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поютъ славу Святъславлю, каютъ[24] князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы, рѣкы Половецкыя[25], Рускаго злата насыпаша. Ту Игорь князь высѣдѣ[26] изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощіево. Уныша бо градомъ забралы, а веселіе пониче.

А Святъславъ[27] мутенъ сонъ[28] видѣ[29] въ Кіевѣ на горахъ. „Си ночь съ вечера одѣвахуть[30] мя, рече, чръною[31] паполомою на кровати[32] тисовѣ; чръпахуть ми синее вино съ трудомь[33] смѣшено; сыпахуть ми тъщими тулы поганыхъ тльковинъ[34] великый женчюгь на лоно, и нѣгуютъ[35] мя. Уже дьскы[36] безъ кнѣса въ[37] моемъ теремѣ златовръсѣмъ[38]. Всю нощь съ вечера босуви врани възграяху.

---

[1] *П;К* — намь [2] *П;К* — оочима [3] *П;К* — Черниговь [4] *П;К* — утече [5] *П;К* — средѣ [6] *К;П* — Рускый [7] *К;П* — Святъславлича [8] *П К* — убуди [9] *П;К* — отецъ [10] *П;К* — гроздный [11] *П;К* — выликый [12] *К;П* — Кіевскый [13] *П К* — притрепеталъ [14] *П;К* — силными [15] *П;К* — полкы [16] *П;К* — в'змути [17] *К;П* — рѣки [18] *К;П* — потоки [19] *П;К* — поганого [20] *П;К* — желѣзны(х) [21] *П;К* — великыхъ [22] *П;К* — полковъ [23] *К;П* — Половецкихъ [24] *К;П* — каюmь [25] *К;П* — Половецкія [26] *П;К* — высѣде [27] *К;П* — Святъславь [28] *П;К* — $со^{н}$ [29] *П;К* — виде [30] *П К* — одѣвахъте [31] *П;К* — черною [32] *К;П* — кроваты [33] *П;К* — $трудо^{м}$ [34] *П;К* — тлъковинъ [35] *П;К* — нѣгують; [36] *П;К* — дъскы [37] *К;П* — в [38] *П;К* — златоврьсемъ

У Плѣсньска[1] на болони бѣша дебрь Киянь и несо̂шася[2] къ синему морю".

И ркоша бояре князю: „Уже, княже, туга умь полонила: се бо два сокола слѣтѣста[3] съ отня стола злата поискати града Тьмутороканя[4], а любо испити шеломомь Дону. Уже соколома крильца[5] припѣшали поганыхъ саблями, а самаю[6] опуташа[7] въ путины желѣзны. Темно бо бѣ въ г҃[8] день: два солнца помѣркоста[9], оба багряная стлъпа погасоста, и съ нима[10] молодая мѣсяца[11], тъмою[12] ся поволокоста и въ морѣ ся[13] погрузиста, и великое буйство подаста[14] Хинови*. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла: по Руской земли прострошася Половци, акы[15] пардуже гнѣздо. Уже снесеся хула на хвалу; уже тресну нужда на волю; уже връжеса Дивъ[16] на землю. Се бо Готьскыя[17] красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю, звоня Рускымъ златомъ, поютъ[18] время Бусово, лелѣютъ месть Шароканю. А мы уже, дружина, жадни веселія[19]".

Тогда великый[20] Святъславъ[21] изрони злато слово с[22] слезами смѣшено, и рече: „О, моя сыновчя[23], Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати; нъ нечестно одолѣсте, нечестно бо кровь поганую проліясте[24]. Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ[25] харалузѣ скована, а въ буести закалена. Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ! А уже не вижду власти сильнаго и богатаго и многовоя[26] брата моего Ярослава съ Черниговьскими былями, съ Могуты и съ Татраны, и съ Шельбиры[27], и съ Топчакы, и съ Ревугы, и съ Ольберы[28]: тіи бо бес[29] щитовь[30] съ засапожникы кликомъ плъкы[31] побѣждаютъ[32], звонячи въ[33] прадѣднюю славу. Нъ рекосте: „мужаимѣ ся сами,

---

[1] *П; К* — Плѣньска [2] *П К* — дебрь Кисаню и не сошлю [3] *П; К* — слетѣста [4] *П; К* — Тмутороканя [5] *П; К* — крилца [6] *П· К* — самого [7] *К; П* — опустоша [8] *П; К* — 3и [9] *П; К* — померкоста [10] *П К* — нимъ [11] *П К* — *после слова* „мѣсяца" *вставлено* — „Олегъ и Святъславъ" [12] *П; К* — тмою [13] *П К* — ся — *нет* [14] *П К* — подасть *Слова — „и въ морѣ — Хинови" *в П К стояли между словами* „гнѣздо" *и* „уже снесеся" [15] *К; П* — аки [16] *К; П* — дивь [17] *К; П* — Готскія [18] *П; К* — поють [19] *П;К* — веселіа [20] *К; П* — Великій [21] *К; П* — Святславъ [22] *П К* — с — *нет* [23] *П;К* — сыновча [24] *П; К* — пролъясте [25] *П; К* — жестоцѣмъ [26] *П К* — многовои [27] *П; К* — шелъбиры [28] *П; К* — Олбѣры [29] *П; К* — бесъ [30] *П; К* — щитовъ [31] *П; К* — полкы [32] *П; К* — побѣждають [33] *П; К* — в

преднюю славу сами похытимь[1], а заднюю си[2] сами подѣлимъ[3]!“ А чи диво ся, братіе, стару помолодити? Коли соколъ въ мытехъ[4] бываетъ[5], высоко птицъ[6] възбиваетъ[7], не дастъ[8] гнѣзда своего въ обиду. Нъ се зло: княже ми непособіе. Наниче ся годины обратиша“.

Се у Римѣ[9] кричатъ подъ саблями Половецкыми, а Володимиръ[10] подъ ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову!

Великый княже Всеволоде! не мысліши[11] прелетѣти издалеча отня злата стола поблюсти? Ты бо можеши Волгу веслы раскропити[12], а Донъ шеломы выльяти! Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ. Ты бо можеши посуху живыми[13] шереширы стрѣляти[14] — удалыми сыны Глѣбовы.

Ты, буй Рюриче и Давыде! Не ваю ли вои[15] злачеными шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкаютъ[16] акы[17] тури ранены саблями калеными на полѣ незнаемѣ? Вступита, господина[18], въ злата стремень за обиду сего времени, за[19] землю Русскую, за раны Игоревы, буего Святъславлича[20].

Галичкы Осмомыслѣ[21] Ярославе! высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ[22] столѣ, подперъ горы Угорскыи[23] своими желѣзными плъки[24], заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча бремены[25] чрезъ облакы[26], суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ[27]; отворяеши[28] Кіеву врата; стрѣляеши[29] съ отня злата стола салътани[30] за землями. Стрѣляй[31], господине, Кончака, поганого кощея, за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святъславича[32]!

А ты, буй Романе и Мстиславе! храбрая мысль носитъ[33] вашъ[34] умъ[35] на дѣло. Высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрехъ[36] ширяяся, хотя птицю

---

[1] *К; П* — похитимъ [2] *П К* — ся [3] *П; К* — подѣлимь [4] *П; К* — мытѣхъ [5] *П; К* — бываеть [6] *П; К* — птиць [7] *П; К* — възбиваеть [8] *П; К* — дасть [9] *П* — Уримъ; *К* — ури^м^ [10] *П; К* — Володиміръ [11] *П К* — мыслію ти [12] *П; К* — роскропити [13] *П; К* — *слова* „живыми“ — *нет* [14] *П; К* — стреляти [15] *П К* — вои — *нет* [16] *П; К* — рыкають [17] *П; К* — аки [18] *П; К* — г҃на [19] *П; К* — зане [20] *К; П* — Святславлича [21] *П; К* — Осмомысле [22] *П; К* — златокованнемъ [23] *П; К* — угорьскыи [24] *П; К* — полки [25] *П К* — времены [26] *К; П* — облаки [27] *П; К* — текуть [28] *К; П* — отворяеши [29] *П; К* — стреляеши [30] *К; П* — салтани [31] *П; К* — стреляй [32] *К; П* — Святславлича [33] *П; К* — носить [34] *П К* — васъ [35] *П; К* — умь [36] *П; К* — вѣтрѣхъ

въ буйствѣ одолѣти. Суть бо у ваю желѣзныи[1] папорзи подъ шеломы латиньскыми[2]. Тѣми тресну земля, и многы[3] страны: Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела и Половци сулици своя повръгоша[4], а главы своя подклониша[5] подъ тыи мечи харалужныи. Нъ уже, княже, Игорю утръпѣ[6] солнцю свѣтъ, а древо не бологомъ[7] листвіе срони. По Рсі и[8] по Сули гради подѣлиша. А Игорева храбраго плъку[9] не крѣсити[10]! Донъ ти, княже, кличетъ[11], и зоветь[12] князи на побѣду. Олговичи, храбрыи князи, доспѣли на брань!

Инъгварь[13] и Всеволодъ, и вси три Мстиславичи[14], не худа гнѣзда шестокрилци[15]! не побѣдными жребіи собѣ власти расхытисте? Кое ваши златыи шеломы и сулицы Ляцкіи[16] и щиты? Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами[17] за землю Русскую[18], за раны Игоревы, буего Святъславлича!

Уже бо Сула не течетъ[19] сребреными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ[20] течетъ онымъ грознымъ Полочаномъ[21] подъ кликомъ поганыхъ. Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ[22], позвони своими острыми мечи о шеломы Литовьскыя[23], притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подъ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ Литовскыми мечи, и схоти ю на кровать, и рекъ: „дружину твою, княже, птиць крилы пріодѣ, а звѣри[24] кровь полизаша“. Не бысть[25] ту брата Брячяслава[26], ни другаго Всеволода: единъ же изрони жемчюжну[27] душу изъ храбра тѣла, чресъ[28] злато ожереліе. Уныли[29] голоси, пониче веселіе, трубы трубятъ Городеньскіи.

Ярославе, и вси внуце Всеславли! Уже понизите[30] стязи свои, вонзите[31] свои мечи вережени; уже бо выскочисте изъ дѣдней славѣ. Вы бо своими крамолами начясте[32] наводити поганыя на землю Рускую, на жизнь

---

[1] *П; К* — желѣзніи [2] *К; П* — латинскими [3] *К; П* — многи [4] *К; П* — повръгоща [5] *П К* — поклониша [6] *К; П* — утрпѣ [7] *П; К* — бологомь [8] *П; К* — Роси [9] *П; К* — полку [10] *П; К* — кресити [11] *П; К* — кличеть [12] *П; К* — зоветъ [13] *П; К* — Ингварь [14] *П; К* — Мстиславличи [15] *П; К* — шестокрильци [16] *П;К* — ляцкыи [17] *П;К* — стрелами [18] *П; К* — Рускую [19] *П; К* — течеть [20] *П; К* — болотомь [21] *П; К* — полочяномъ [22] *П; К* — Васильковь [23] *К; П* — Литовскія [24] *П; К* — звери [25] *П* — бысь, *К* — бы [26] *П;К* — Брячаслава [27] *П; К* — жемчужну [28] *П; К* — чрезъ [29] *К; П* — унылы [30] *П К* — понизить [31] *П К* — вонзить [32] *П; К* — начасте

Всеславлю; которою[1] бо бѣше насиліе отъ земли Половецкыи!

На седьмомъ[2] вѣцѣ Трояни[3] връже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу. Тъй[4] клюками подпръ ся окони и скочи къ граду Кыеву и дотчеся стружіемъ злата стола Кіевьскаго[5]. Скочи отъ[6] нихъ[7] лютымъ звѣремъ[8] въ плъночи[9] изъ Бѣлаграда, обѣсися синѣ[10] мьглѣ, утрѣ же[11] вознзи[12] стрикусы, отвори[13] врата Новуграду, разшибе[14] славу Ярославу, скочи влъкомъ[15] до Немиги съ Дудутокъ. На Немизѣ снопы стелютъ[16] головами, молотятъ чепи харалужными[17], на тоцѣ животъ[18] кладутъ[19], вѣютъ душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костьми Рускихъ сыновъ[20]. Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше[21], а самъ въ ночь влъкомъ[22] рыскаше: изъ[23] Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя; великому Хръсови влъкомъ[24] путь прерыскаше. Тому въ Полотьскѣ[25] позвониша заутренюю рано у святыя Софеи въ колоколы, а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша. Аще и вѣща душа въ дръзѣ[26] тѣлѣ, нъ часто бѣды страдаше. Тому вѣщей Боянъ и пръвое[27] припѣвку, смысленый, рече: „ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду, суда божіа не минути!“

О! стонати Руской земли, помянувше пръвую[28] годину и пръвыхъ[29] князей! Того стараго Владиміра нельзѣ[30] бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевьскымъ[31]. Сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзіи — Давидовы, нъ розно ся[32] имъ хоботы пашутъ[33]. Копіа поютъ!

На Дунаи Ярославнынъ[34] гласъ ся[35] слышитъ[36], зегзицею незнаема[37] рано кычеть: „Полечю, рече, зегзицею по Дунаеви, омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ

---

[1] *П К* — которое [2] *П; К* — седмомъ [3] *П; К* — Зояни [4] *П; К* — тъ [5] *К; П* — Кіевскаго [6] *П; К* — от [7] *П; К* — ныхъ [8] *П; К* — зверем [9] *П; К* — полночи [10] *П; К* — сине [11] *П К* — утръ же [12] *П* — воззни; *К* — вазни [13] *К; П* — оттвори [14] *П; К* — разшибѣ [15] *П; К* — волком [16] *П; К* — стелють [17] *П; К* — халужными [18] *П; К* — животь [19] *П; К* — кладуть [20] *П; К* — сыновь [21] *П; К* — радяше [22] *П; К* — волкомь [23] *П; К* — исъ [24] *П; К* — волкомь [25] *К; П* — Полотскѣ [26] *П К* — друзѣ [27] *П; К* — первое [28] *П; К* — первую [29] *П; К* — первых [30] *П; К* — нелзѣ [31] *К; П* — Кіевскимъ [32] *П К* — рози нося [33] *П; К* — пашуть [34] *П; К* — Ярославнымъ [35] *П К* — ся — *нет* [36] *П; К* — слышнть [37] *П К* — незнаемь

рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ". Ярославна рано плачетъ[1] въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: „О, вѣтрѣ[2], вѣтрило! Чему, господине[3], насильно вѣеши? Чему мычеши Хиновьскыя стрѣлкы на своею нетрудною крилцю на моея лады вои? Мало ли ти бяшетъ[4] горѣ[5] подъ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему, господине, мое веселіе по ковылію развѣя?" Ярославна рано плачеть Путивлю городу на заборолѣ, аркучи: „О! Днепре Словутицю! Ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую. Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли насады[6] до плъку[7] Кобякова. Възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на море[8] рано". Ярославна рано[9] плачетъ[10] въ[11] Путивлѣ на забралѣ, аркучи: „Свѣтлое и тресвѣтлое слънце[12]! Всѣмъ[13] тепло и красно еси. Чему, господине[14], простре горячюю свою лучю на ладѣ вои? Въ полѣ безводнѣ жаждею имь лучи съпряже, тугою имъ тули затче".

Прысну море полунощи; идутъ[15] сморци мьглами. Игореви князю богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую, къ отню злату столу. Погасоша вечеру зари. Игорь спитъ[16], Игорь бдитъ[17], Игорь мыслію поля мѣритъ[18] отъ великаго[19] Дону до малаго Донца. Комонь въ полуночи Овлуръ свисну за рѣкою; велить князю разумѣти: князю Игорю не быть пленну[20]. Стукну земля, въшумѣ трава, вежи ся Половецкіи подвизашася. А Игорь князь поскочи[21] горнастаемъ къ тростію и бѣлымъ гоголемъ на воду. Въвръжеся[22] на бръзъ[23] комонь и скочи съ него босымъ[24] влъкомъ[25]. И потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подъ мьглами[26], избивая гуси и лебеди завтроку и обѣду и ужинѣ. Коли Игорь соколомъ[27] полетѣ, тогда Влуръ влъкомъ[28] потече, труся собою студеную росу: претръгоста бо своя бръзая[29] комоня.

---

[1] *П; К* — плачеть [2] *П; К* — вѣтре [3] *П; К* — гн҃е [4] *П; К* — бяшеть [5] *П К* — горъ [6] *П К* — носады [7] *П; К* — полку [8] *П; К* — морѣ [9] *П;К* — на морѣ [10] *П; К* — плачеть [11] *П К* — къ [12] *П; К* — солнце [13] *П; К* — всемъ [14] *П; К* — гн҃е [15] *П; К* — идуть [16] *П; К* — спить [17] *П; К* — бдить [18] *П; К* — мѣрить [19] *П; К* — великого [20] *П К* — кликну [21] *П; К* — поскачи [22] *П; К* — въвержеся [23] *П; К* — борзъ [24] *П; К* — босы(м) [25] *П; К* — волкомъ [26] *П;К* — мглами [27] *П;К* — сокол(ом) [28] *П; К* — волкомъ [29] *П;К* — борзая

Донецъ[1] рече: „Княже Игорю, не мало ти величія, а Кончаку нелюбія, а Руской земли веселіа“. Игорь рече: „О, Донче! не мало ти величія, лелѣявшу князя на влънахъ[2], стлавшу ему зелѣну[3] траву на своихъ[4] сребреныхъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыми мъглами[5] подъ сѣнію зелену древу; стрежаше его[6] гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чрьнядьми на ветрѣхъ[7]“. Не тако ти[8], рече, рѣка Стугна: худу струю имѣя, пожръши чужи ручьи и стругы, ростреңа къ устью[9], уношу князю Ростиславу затвори Днѣпрь темнѣ березѣ. Плачется мати Ростиславля[10] по уноши князи Ростиславѣ. Уныша цвѣты жалобою, и древо с тугою къ земли прѣклонилось[11].

А не сорокы втроскоташа, — на слѣду Игоревѣ ѣздитъ[12] Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда врани не граахуть, галици помлъкоша[13], сорокы не троскоташа, по лозію ползоша[14] только[15]. Дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ[16], соловіи веселыми пѣсньми[17] свѣтъ повѣдаютъ. Млъвитъ[18] Гзакъ Кончакови: „Аже соколъ къ гнѣзду летитъ[19], соколича рострѣляевѣ своими злачеными стрѣлами[20]. Рече[21] Кончакъ ко Гзѣ: „Аже соколъ къ гнѣзду летитъ[22], а вѣ соколца опутаевѣ красною дѣвицею[23]“. И рече[24] Гзакъ къ Кончакови: „Аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвице, то почнутъ наю птици бити въ полѣ Половецкомъ“.

Рекъ Боянъ исходьны[25] Святъславля, пѣснотворца[26] стараго времени Ярославля, Ольгова, коганя: „Хоть и[27] тяжко ти, головы, кромѣ плечю; зло ти, тѣлу, кромѣ головы“; Руской земли безъ Игоря. Солнце свѣтится на небесѣ[28], Игорь князь въ Руской земли. Дѣвици поютъ на Дунаи, вьются голоси чрезъ[29] море до Кіева. Игорь ѣдетъ по Боричеву къ святѣй Богородици Пирогощей. Страны ради, гради весели.

---

[1] *П; К* — Донець [2] *П; К* — волнахъ [3] *П; К* — зелену [4] *П; К* — свои(х) [5] *П; К* — мглами [6] *П К* — е [7] *П; К* — вѣтрѣхъ [8] *П К* — ли [9] *П К* — ростре на кусту [10] *К; П* — Ростиславя [11] *П К* — прѣклонило [12] *П; К* — ѣздить [13] *П; К* — помолкоша [14] *П; К* — ползаша [15] *П; К* — толко [16] *П; К* — кажуть [17] *К; П* — пѣсьми [18] *П; К* — молвить [19] *П; К* — летит [20] *П; К* — стрелами [21] *П; К* — речь [22] *П; К* — летить [23] *К; П* — дивицею [24] *П; К* — рекъ [25] *П К* — и ходы на [26] *К; П* — пѣстворца [27] *П К* — хоти [28] *П; К* — небесе [29] *П; К* — чресъ

Пѣвше пѣснь старымъ княземъ,[1] а потомъ молодымъ[2] пѣти: Слава Игорю Святъславличу[3], буй туру Всеволоду[4], Владимiру Игоревичу[5]. Здрави князи и дружина, побарая за христьяны[6] на поганыя плъки[7]! Княземъ слава а дружинѣ! Аминь.

---

[1] *П; К* — княземь [2] *П; К* — молоды(м) [3] *П* — Святъславлича; *К* — Святъславличь [4] *П* — Всеволодѣ; *К* — Всеволоде [5] *П; К* — Игоревичь [6] *П; К* — христьаны [7] *П; К* — полки

Акад. А. С. Орлов

ПОВЕСТЬ О ПОХОДЕ ИГОРЕВОМ, ИГОРЯ, СЫНА СВЯТОСЛАВОВА, ВНУКА ОЛЕГОВА

Не следовало ли нам, братья, начать старинными словами печальную повесть о походе Игоревом, Игоря Святославича? Пусть же начнется та песнь по (действительным) событиям этого времени, а не по замышлению Боянову. Ведь Боян вещий, если хотел кому сложить песнь, то растекался мыслью по дереву, серым волком по земле, сизым орлом под облаками. Поминал он, говорят, прежних времен усобицы: тогда пускал десять соколов на стадо лебедей, и (который из них) догонял какую, та первая (и) пела песнь старинному Ярославу, храброму Мстиславу, который зарезал Редедю перед полками Касожскими, прекрасному Роману Святославичу. Боян же, братья, не десять соколов пускал на стадо лебедей, но свои вещие персты возлагал на живые струны; они же сами князьям славу рокотали.

Начнем же, братья, эту повесть от старинного Владимира до нынешнего Игоря, который возбудил ум крепостью своею и поострил (его) мужеством своего сердца; исполнившись воинственного духа, навел свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую.

Тогда Игорь взглянул на светлое солнце и увидел, (что) все его воины покрыты от него тьмою. И сказал Игорь своей дружине: „Братья и дружина! лучше, ведь, быть зарубленным, чем плененным; так сядем, братья, на своих борзых коней и поглядим на синий Дон“. Скло-

нился у князя ум к страстному желанию,[1] и охота отведать великого Дона заслонила ему знамение: „Хочу я, сказал (он), сломать копье на границе степи Половецкой, с вами, сыны Русские, хочу (или) сложить свою голову, или напиться шлемом из Дона“.

О Боян, соловей старинного времени! если бы ты воспел (соловьиным) щекотом эти полки, скача, соловей, по дереву мысли, летая умом под облаками, свивая, соловей, обе половины этого времени.[2] Рыская в путь Троянов, через поля на горы, (пришлось бы) внуку его воспеть песнь Игорю (так): „Не буря соколов занесла через поля широкие, галки стадами спешат к Дону великому“. „Или (так бы) воспеть, (о) вещий Боян, Велесов внук: „Кони ржут за Сулою, звенит слава в Киеве“.

Трубы трубят в Новгороде, стоят стяги в Путивле,[3] Игорь ждет милого брата, Всеволода. И сказал ему буй тур Всеволод: „Один (ты у меня) брат, один свет светлый — ты, Игорь! Оба мы — Святославичи. Седлай, брат, своих борзых коней, а мои ведь готовы, оседланы у Курска впереди; а мои ведь Куряне — известные воины, под трубами пеленаны, под шлемами укачены, концом копья вскормлены, дороги им известны, овраги им знакомы, луки у них натянуты, колчаны открыты, сабли наострены, сами скачут, как серые волки в поле, ища себе чести, а князю — славы“.

Тогда ступил Игорь князь в золотое стремя и поехал по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заграждало; ночь, стоня ему грозою, пробудила птиц; свист звериный поднялся; Див кричит на вершине дерева,[4] велит прислушаться земле неведомой, Волге, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, Тьмутороканский идол! А Половцы непроторенными дорогами бежали к Дону великому; кричат телеги (их) в полночь,

---

[1] Запало князю в душу страстное желание...

[2] ...свивая славу обеих половин этого времени.

[3] Фразу „Трубы трубят в Новгороде, стоят стяги в Путивле“ мы относим к предыдущей, заключенной в кавычки. Новый абзац должен начинаться со слов: „Игорь ждет милого брата, Всеволода...“

[4] ...свист звериный поднялся; встрепенулся Див, кричит на вершине дерева...

скажешь — лебеди распуганные. Игорь к Дону воинов ведет.

Уже, ведь, беды его стережет птица по дубам, волки по оврагам (воем) возбуждают ужас, орлы клектом на трупы зверей зовут, лисицы лают на красные щиты. О Русская земля! уже ты за холмом!

Долго ночь темнеет; заря зажгла свет; мгла поля покрыла; щекот соловьиный уснул, говор галок пробудился. Русские сыны великие поля красными щитами перегородили, ища себе чести, а князю — славы.

Спозаранок в пятницу растоптали[1] (они) поганые полки половецкие и рассыпались, как стрелы по полю, помчали красавиц девушек половецких, а с ними золото, ткани и дорогие атласы; ортмами, япончицами и кожухами стали мосты мостить по болотам и топким местам, и всякими нарядами половецкими. Красный стяг с белой хоруговью, красная челка на серебряном древке — храброму Святославичу!

Дремлет в поле Олегово храброе гнездо. Далеко залетело! Не было оно рождено в обиду ни соколу, ни кречету, ни тебе, черный ворон, поганый Половец! Гзак бежит серым волком, Кончак ему след прокладывает к Дону великому.

На другой день очень рано кровавые зори свет возвещают, черные тучи с моря идут, хотят прикрыть четыре солнца, а в них трепещут синие молнии; быть грому великому, итти дождю стрелами с Дона великого: тут копьям приламаться, тут саблями побиться о шлемы половецкие, на реке Каяле у Дона великого. О Русская земля! уже ты за холмом!

Вот ветры, Стрибожьи внуки, веют с моря стрелами на храбрые полки Игоревы; земля гудит, реки мутно текут, прах поля покрывает, стяги говорят,— Половцы идут от Дона, и от моря, и со всех сторон Русские полки обступили. Дети бесовы кликом поля перегородили, а храбрые сыны Русские перегородили (поля) красными щитами.

Ярый тур Всеволод! стоишь ты в (самом) бою, сыплешь на воинов стрелами, гремишь о шлемы мечами булатными. Куда (ты), тур, ни поскачешь, своим золо-

---

[1] рассеяли

тым шлёмом поблескивая, там лежат поганые головы половецкие; рассечены саблями закаленными шлемы аварские тобою, ярый тур Всеволод! Какая рана дорога, братья, (тому, кто) забыл почесть и жизнь, и город Чернигов, золотой престол отцовский, и своей милой возлюбленной, красавицы Глебовны, привязанность и привычку?!

Были века Трояновы, прошли лета Ярославовы; были походы Олеговы, Олега Святославича. Тот, ведь, Олег мечом крамолу ковал и стрелы по земле сеял. Ступает (он) в золотое стремя в городе Тьмуторокани, а этот звон услышал давнишний великий Ярославов сын Всеволод, а Владимир каждое утро уши (себе) затыкал в Чернигове; Бориса же Вячеславича слава на суд привела и на зелену траву (?) покрывало постлала за обиду Олегову, храброго и молодого князя[1]. С той же Каялы Святополк укачал отца своего между венгерскими иноходцами ко святой Софии к Киеву. Тогда, при Олеге Гориславиче, сеялось и росло усобицами, погибало достояние Даждьбожьего внука, в княжеских крамолах веки людям сократились. Тогда по Русской земле редко пахари покрикивали, но часто вороны граяли, деля себе трупы, а галки свою речь говорили, хотят они полететь на кормлю.

То было в те рати и в походы; а такой рати не слыхано: с раннего утра до вечера, с вечера до рассвета летят стрелы закаленные, гремят сабли о шлемы, трещат копья булатные в поле неведомом, посреди земли Половецкой. Черная земля под копытами костями была посеяна, а кровью полита: горем взошли они по Русской земле.

Что (это) мне шумит, что мне звенит из далека рано перед зорями? Игорь полки оборачивает: жалко ему милого брата Всеволода. Бились день, бились другой; на третий день к полудню пали стяги Игоревы. Тут братья разлучились на берегу быстрой Каялы. Тут кровавого вина недостало, тут пир окончили храбрые сыны Русские, сватов напоили, и сами полегли за землю

---

[1] Бориса же Вячеславича, храброго и молодого князя, слава на суд привела и на реке Канине зеленый саван постлала за обиду Олегову.

Русскую. Никнет трава от жалости, а дерево с горем к земле приклонилось.

Уже, ведь, братья невеселое время настало, уже пустыня силу прикрыла. Поднялась обида в силах Даждь-божьего внука, ступила девою на землю Троянову, восплескала лебедиными крыльями на синем море, у Дона; плеская, прогнала времена обилия. Борьба князей против поганых прекратилась, потому что сказал брат брату: „это мое и то мое же“. И стали князья про малое говорить: „это великое“, и сами на себя крамолу ковать; а поганые со всех сторон приходили с победами на землю Русскую.

О, далеко залетел сокол, избивая птиц, — к морю! А Игорева храброго полка не воскресить! — За ним крикнула Карна, и Жля поскакала по Русской земле, размыкивая пламень в огненном роге. Жены русские восплакались, говоря: „Уже нам о своих милых любимых ни мыслью не промыслить, ни думою не придумать, ни глазами не повидать, а золота и серебра (и в руках) даже не подержать!“

И застонал, братья, Киев от горя, а Чернигов от напастей; тоска разлилась по Русской земле; печаль обильная пошла посреди земли Русской. Князья же сами на себя крамолу ковали, а поганые сами, победоносно набегая на Русскую землю, брали дань по белке с (каждого) двора.

Ведь, те два храбрых Святославича, Игорь и Всеволод, уже коварство пробудили раздорами, а его усыпил было отец их, Святослав грозный великий Киевский грозою [1], прибил своими сильными полками и булатными мечами, наступил на землю Половецкую, притоптал холмы и овраги, замутил реки и озера, иссушил потоки и болота; а поганого Кобяка от залива морского из железных великих полков половецких исторг, как вихрь, и упал Кобяк в городе Киеве, в гриднице Святослововой. Тут Немцы и Венециане, тут Греки и Мораване поют славу Святославову, корят князя Игоря, который погрузил обилие на дно Каялы, реки половецкой, рус-

---

[1] Ведь, те два храбрых Святославича, Игорь и Всеволод, беду половецкую пробудили, которую усыпил отец их, Святослав грозный великий киевский, грозою.

ского золота насыпали. Тут Игорь князь высадился из седла золотого в седло рабское. Уныли у городов стены и веселье поникло.

А Святослав смутный сон видел в Киеве на горах. „В эту ночь, с вечера одевали меня, сказал (он), черным покрывалом на кровати тисовой; черпали мне синее вино, с горем смешанное; сыпали мне пустыми колчанами поганых великий жемчуг на грудь и нежат меня; уже доски без князька в моем тереме златоверхом; всю ночь с вечера бесовы вороны граяли; у Плесньска в предградье были в расселинах змеи и понеслись к синему морю[1].

И сказали бояре князю: „Уже, князь, горе ум полонило; ведь, вот два сокола слетели с отцова престола золотого, чтобы добыть город Тьмуторокань или попить шлемом из Дона. Уже соколам крыльица подсекли саблями поганых, а самих опутали железными путами.

Темно было в тот день:[2] два солнца померкли, оба багряные снопа (лучей) погасли, и с ними два молодца месяца, Олег и Святослав, тьмою заволоклись и в море погрузились[3] и великую смелость возбудили в Хинове. На реке на Каяле тьма свет покрыла; по Русской земле распространились Половцы, как выводок барсов.[4] Уже спустился позор на славу; уже ударило насилие на свободу; уже бросился Див на землю. И, вот, Готские прекрасные девы запели на берегу синего моря: звоня русским золотом, поют (они) о времени Бусовом, лелеют месть Шаруканову. А мы, дружина, уже (напрасно) жаждем веселья!“

Тогда великий Святослав обронил золотое слово, со слезами смешанное; он сказал: „О мои братья, Игорь и Всеволод! рано начали вы досаждать мечами земле Половецкой, а себе — искать славы. Но без славы (для себя) вы одолели, без славы, ведь, кровь поганую пролили. Храбрые сердца у вас из крепкого булата выкованы, а в смелости закалены. И что сотворили (вы)

---

[1] ...Всю ночь с вечера вещие вороны граяли у Плесньска в предградье, (где) была дебрь Кияня, и улетали к синему морю.

[2] Темно было в третий день...

[3] ...и с ними два молодца месяца тьмою заволоклись и в море погрузились ..

[4] ...как выводок гепардов.

моей серебряной седине! Я уже не вижу волости сильного, богатого и обильного воинами брата моего, Ярослава, с Черниговскими боярами и воеводами и с Татранами, и с Шельбирами, и с Топчаками, и с Ревугами, и с Ольберами. Те, ведь, без щитов, с одними засапожными ножами, кликом полки побеждают, звеня прадедовской славой. Но вы сказали: „Помужаемся сами, будущую славу сами похитим и бывшую сами поделим". А разве удивительно, братья, (и) старому помолодеть? Когда сокол (весною) перья меняет, высоко (он) птиц взбивает, не даст гнезда своего в обиду. Но вот беда — от князей мне нет помощи: времена на худшее повернулись. Вот уже в Римове кричат под саблями Половецкими, а Владимир (князь) под ударами: горе и тоска сыну Глебову!

Великий князь Всеволод! (неужели) и мыслью тебе не перелететь издалека, отцов золотой престол постороржить?[1] Ведь ты можешь Волгу расплескать веслами, а Дон шлемами вычерпать. Если бы ты был (здесь), то была бы невольница по ногате, а раб — по резани. Ведь, ты можешь (и) посуху метать живыми копьями — удалыми сыновьями Глебовыми!

Ты, буйный Рюрик, и Давид! не у вас ли воины золочеными шлемами по крови плавали? Не у вас ли храбрая дружина рыкает, как туры, раненные саблями закаленными, на поле неведомом? Ступите, господа, в золотое стремя за обиду настоящего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, буйного Святославича!

Галицкий Осмомысл Ярослав! высоко сидишь ты на своем златокованном престоле. Подпер ты горы венгерские своими железными полками, загородив Королю путь, затворив Дунаю ворота, переметывая тяжести через облака, наводя суд (свой) до Дуная. Грозы твои идут по землям, ты отворяешь Киеву ворота, стреляешь с отцова золотого престола салтанов за странами. Расстреляй же, господин, Кончака, поганого раба, за землю Русскую, за раны Игоревы, буйного Святославича!

И ты, буйный Роман, и Мстислав! храбрая мысль увлекает ваш ум на подвиг. Высоко ты паришь на по-

---

[1] Великий князь Всеволод! не думаешь (ли) прилететь издалека отцов золотой престол посторожить?

двиг с отвагою, как сокол, плавающий на ветрах, желая птицу в смелости одолеть. Ведь, у вас железные молодцы под шлемами латинскими:[1] от них загудела земля, и многие страны — Хинова, Литва, Ятваги, Деремела — и половцы сулицы свои побросали и головы свои склонили под те мечи булатные.

Но уже, о князь Игорь, померк у солнца свет, а дерево не ко благу сронило листву:[2] по Роси и по Суле города поделили. А Игорева храброго полка не воскресить! Дон тебя, князь, кличет и зовет князей на победу. Ольговичи, храбрые князья, уже пришли на брань.

Ингварь и Всеволод и все трое Мстиславичей, не плохого гнезда ястребы, вы расхитили себе волости не по жребию побед! Где же ваши золотые шлемы и сулицы Лядские и щиты? Загородите степи ворота своими острыми стрелами за землю Русскую, за раны Игоревы, буйного Святославича!

Уже, ведь, Сула не течет серебряными струями к городу Переяславлю, и Двина течет как болото у тех грозных Полочан, под криком поганых. Один Изяслав, сын Васильков, позвенел своими острыми мечами о шлемы Литовские, побил славу деда своего Всеслава, а сам был побит под красными щитами на кровавой траве мечами литовскими и с возлюбленною... на кровать и сказал: „Дружину твою, князь, птица крыльями приодела, а звери кровь полизали!" Не было тут ни брата, Брячислава, ни другого (брата) — Всеволода. Так, одиноко выронил (он) жемчужную душу из храброго тела через золотое ожерелье. Голоса уныли, веселье поникло. Трубы трубят Городенские.

Ярослав и все внуки Всеславовы! уже склоните свои стяги и вложите (в ножны) свои мечи поврежденные; уже, ведь, вы лишились дедовской славы. Ибо вы своими крамолами стали приводить поганых на землю Русскую, на богатство Всеславово. Из-за раздора стало насилие от земли Половецкой.

На седьмом веке Трояновом кинул Всеслав жребий

---

[1] Ведь у вас железные панцыри (защитники) под шлемами латинскими.

[2] Но уже, о князь (Роман), Игорю померк солнца свет, а дерево не ко благу сронило листву...

о девице, ему милой. Тот клюками оперся о коня и скакнул к городу Киеву и коснулся древком золотого престола Киевского. Скакнул от них лютым зверем в полночь из Бела-города, завесившись синей мглой, поутру же вонзил..., отворил ворота Нову-городу, разбил славу Ярославову, скакнул волком до Немиги от Дудуток.

На Немиге снопы стелют из голов, молотят цепами булатными, на току жизнь кладут, отвевают душу от тела. У Немиги кровавые берега не благом были посеяны: посеяны костями русских сыновей.

Всеслав князь людям суд правил, князьям города рядил, а сам ночью волком рыскал: из Киева дорыскивал ранее (пенья) петухов до Тьмутороканя, великому Хорсу волком путь перебегал. Ему в Полотске рано прозвонили в колокола заутреню у святой Софии, а он звон (тот) услышал в Киеве.

Хоть и вещая душа (была у него) в отважном теле, но часто он страдал от бед. Ему вещий Боян и прежде припевку, разумный, сказал: „Ни хитрому, ни умелому, ни птице опытной суда божьего не миновать".

О, стонать Русской земле, вспомнив прежнее время и прежних князей! Того старинного Владимира нельзя было пригвоздить к горам Киевским: его стяги стали теперь Рюриковы, а другие — Давыдовы, но врозь у них развеваются знамена. Копья поют.

На Дунае слышен голос Ярославны, кукушкою в безвестьи рано (она) кукует:

„Полечу, — сказала, — кукушкою по Дунаю, смочу бобровый рукав в Каяле реке, оботру князю кровавые его раны на крепком его теле".

Ярославна рано плачет в Путивле на стене, говоря:

„О ветер, вихорь! зачем ты, господин, бурно веешь, зачем мчишь Хиновские стрелки на своих легких крыльицах на воинов моего милого? Разве мало тебе было в вышине под облаками веять, качая корабли на синем море? Зачем, господин, развеял ты по ковылю мое веселье?"

Ярославна рано плачет в Путивле городе на стене, говоря:

„О Днепр Словутич! Ты пробил каменные горы через землю Половецкую; ты качал на себе

Святославовы лодки до полка Кобякова: прилелей, господин, моего милого ко мне, чтобы не слала я к нему слез на море рано".

Ярославна рано плачет в Путивле на стене, говоря:

„Светлое и пресветлое солнце! Для всех ты тепло и прекрасно: зачем, владыка, простерло ты свои горячие лучи на воинов милого? В поле безводном жаждою им луки согнуло, горем им колчаны заткнуло?"

Заплескало море в полночь; идут смерчи туманами: Игорю князю бог путь кажет из земли Половецкой в землю Русскую к отцову золотому престолу. Погасли вечером зори. Игорь спит (и) не спит, Игорь мыслью размеряет поля от великого Дона до малого Донца. В полночь Овлур свистнул коня за рекою, велит князю разуметь; (но) князю Игорю (понять) не пришлось; (тогда Овлур) крикнул, стукнула земля, зашумела трава, двинулись (кочевые) шатры Половецкие. [1] А Игорь князь поскакал горностаем к тростнику и белым гоголем (пал) на воду; бросился на борзого коня и соскочил с него босым волком и побежал к лугу Донца, и полетел соколом под туманами, избивая гусей и лебедей к завтраку, обеду и ужину. Когда Игорь соколом полетел, тогда Овлур волком побежал, стряхивая собою студеную росу: (оба), ведь, надорвали своих борзых коней.

Донец сказал: „(О) князь Игорь, немало тебе величия, а Кончаку досады, и Русской земле веселия!"

Игорь сказал: „О Донец! не мало величия тебе, качавшему князя на волнах, постилавшему для него зеленую траву на своих серебряных берегах, одевавшему его теплыми туманами под тенью зеленого дерева; ты стерег его гоголем на воде, чайками на волнах, утками в воздухе". Не такова, говорят, река Стугна; имея мелкое течение, поглотив чужие ручьи и потоки, расширенная к устью, заключила она на дне у темного берега юношу князя Ростислава. Горюет мать Ростиславова по юноше князе Ростиславе, уныли цветы от сожаления и дерево с горем к земле приклонилось.

А не сороки застрекотали, — по следу Игоревом

---

[1] В полночь Овлур свистнул коня за рекою, велит (этим) князю разуметь — князю Игорю не быть пленну. Стукнула земля, зашумела трава, заколебались шатры половецкие.

едут Гзак с Кончаком. Тогда вороны не граяли, галки примолкли, сороки не стрекотали, по ветвям ползали, только дятлы стуком кажут путь к реке да соловьи веселыми песнями возвещают рассвет.

Говорит Гзак Кончаку: „Если сокол к гнезду летит, расстреляем соколенка своими золочеными стрелами". Говорит Кончак Гзе: „Если сокол к гнезду летит, а мы соколенка опутаем прекрасною девицею". И сказал Гзак Кончаку: „Если опутаем его прекрасною девицею, не будет у нас ни соколенка, ни прекрасной девицы, и станут бить нас птицы (даже) в степи Половецкой".

Сказал Боян и конец для (меня) веснотворца Святославова, песнотворец Ярославова старого времени, Олегова княжеского:[1] „Хоть и тяжко, ведь, голове без плеч, беда, ведь, телу без головы", (так и) Русской земле без Игоря. Солнце светит на небе, — Игорь князь в Русской земле. Девицы поют на Дунае, вьются (их) голоса через море до Киева. Игорь едет (уже) по Боричеву к святой Богородице Пирогощей. Страны рады, города веселы.

Певши песнь старым князьям, потом и молодым (надо) петь: слава Игорю Святославичу, буй туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу! (Будьте) здоровы, князья и дружина, борясь за христиан против поганых полков! Слава князьям и дружине! Аминь.

---

[1] Принимая поправку М. В. Щепкиной, читаем: „Сказал Боян исходный (стих), песнотворец старого времени княжеского, Олега Святославича (внука) Ярославова"...

II

ПОЭТИЧЕСКИЕ ПЕРЕВОДЫ „СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ“ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

И. А. Новиков

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

1

ЗАПЕВКА О БОЯНЕ

Не ладно ли было бы,
Братия,
Песню нам начать —
Ратных повестей
Словесами старинными —
О полку Игореве,
Игоря Святославича?

Нет, начаться же песне той
По былинам нашего времени,
А не по замышлению
Боянову.

Если вещий Боян
Кому хотел песнь творить,
То носилася мысль его —
Летягою-векшей по дереву,
Серым волком по-земи,
Сизым орлом под облаки;
Пел, вспоминал
Начальных времен
Усобицы,

И пускал тогда он
Десять соколов
На стаю на лебединую:
Досягнет сокол до лебеди —
Та и песнь поет первая:

О старом поет Ярославе;
О храбром Мстиславе,
Что зарезал Редедю
Пред полками касогов,
О красном Романе
Святославиче.

Но Боян-то,
Братия, —
Он пускал не десять соколов
На стаю на лебединую:
Он персты свои вещие
На живые струны клал —
И струны те сами
Славу князьям
Рокотали.

2

ИГОРЬ ГОТОВИТСЯ К ПОХОДУ

Так почнем же,
Братия,
Повесть сию —
От Владимира старого
До нынешнего Игоря,
Что мысль напряг
Крепостию своею
И поострил ее
Сердца своего мужеством,
И, ратного духа исполнившись,
Направил полки свои храбрые
На землю на Половецкую —
За Землю Русскую.

—

И на светлое солнце тогда
Игорь воззрел,
И видел,
Как тьмой от него
Все его войско
Прикрыто.

И сказал Игорь
Дружине своей:

„О братия
И дружина моя!
Лучше убиту быти,
Нежели полонену быти.
А сядем мы,
Братия,
На своих борзых коней
Да поглядим
Синего Дону“.

Спáла у князя и думка
О милой жене своей,
И сáмое знамение
Заслонилось в нем
Жаждою —
Испытать великого Дону.
И сказал:
„С вами я, Русичи,
Хочу копие преломить
На конце половецкого поля,
И хочу я —
Либо главу свою положить,
А либо шеломом испить
Дону“.

О Боян,
Соловей старого времени!
Кабы сам ты
Походы те,
Звонкою трелью
Воспел, —

Скача, соловей,
По мысленну древу,
Летая умом
Под облаки,
Свивая вокруг сего времени
Славу,
Рыща Троянскою тро́пою
Через поля
И на горы!

Так бы песнь
И для Игоря спеть —
Олегова внука:
„То не буря
Занесла соколов
За поля
За широкие:
Это галки
Стадами бегут
К Дону великому...“

А разве не так ли
Надо было б воспеть,
О вещий Боян,
О Велесов внук:
„Кони ржут за Су́лою,
Звенит слава в Киеве.
Трубы трубят в Новегороде,
Стяги в Путивле стоят;
Игорь милого брата ждет —
Всеволода...“

3

ИГОРЬ И ВСЕВОЛОД ВЫСТУПАЮТ В ПОХОД

И сказал ему
Буй-тур Всеволод:

„Один брат, один свет-светлый —
Ты, Игорь:

Оба мы — Святославичи!
    Седлай, брат,
Своих борзых коней,
А мои тебе уж готовы,
У Курска оседланы —
    Наперед твоих.
А моим-то Курянам —
    Поведано —
Куда им итти!

Под трубами они повиты,
Под шеломами всхолены,
Концом копия вскормлены:
Пути им ведомы,
Родники по оврагам знаемы;
Луки у них натянуты,
Колчаны отворены,
Сабли изострены;
Сами скачут,
Будто серые волки по полю,
    Князю славы ища,
    Чести — себе".

И вступил Игорь-князь
В злат-стремень тогда
И поехал по чистому полю.

Тьмою солнце ему
Путь заступало;
Ночь, стеная,
    Грозою —
Птиц пробудила;
Свист звери́ный
    Восстал.

Див встрепенулся,
И с дре́вка он кличет,
Велит послушати
Земле незнаемой:
Волге и Поморию,
И Посулию,

И Сурожу,
И Корсуни,
И тебе,
Тмутороканский болван!

    А половцы
Дорогами ненаезженными
Побежали к Дону великому:
Телеги в полуночи
Криком кричат —
    Скажи:
Лебеди распуганные...
Игорь к Дону войско ведет,
А птицеподобный
    Пасет его,
От беды охраняет.

Волки по оврагам
    Накликают грозу;
Клекотом на кости орлы
    Зверье зовут;
Брешут лисицы
На багряный щит...

О Земля моя Русская!
Уже за холмами ты!

Долго ночь меркнет,
Но вот свет-заря —
    Погасла,
Туманы поля покрыли.
Щекот соловий затих,
Галочий говор
Проснулся.
Поля великие
Русичи
Щитами багряными
Прегородили:
    Князю славы ища,
    Чести — себе.

4

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ БИТВЫ. НОЧНОЙ ОТДЫХ И НОВЫЙ БОЙ

Утром в пятницу рано
Потоптали поганое
Половецкое войско;
И, рассыпавшись стрелами по полю,
Красных дев половецких —
　　Помчали...
А с ними и злато,
И паволоки,
И оксамиты драгие.

Епанчами да покрывалами,
Да кожухами,
И иными узорочьями
Половецкими —
Стали мосты мостить
По болотам, по грязи.
Багрян стяг,
Бела хоругвь;
Багряна чолка,
Серебряно древко —
Храброму Святославичу!

―――

Дремлет в поле
Олегово
Хороброе гнездо:
Залетело далече!
Не было оно
Обиде обречено:
Ни соколу,
Ни кречету,
Ни тебе,
Черный ворон,
Половчанин поганый!

А уж Гза серым волком бежит,
Кончак ему след указует —
　　К Дону великому.

―――

А на другой день поутру
Ранним-рано
Кровавые зори
Возвещают рассвет;
И черные тучи
Надвигаются с моря
И прикрыть хотят
Все четыре солнца —
А трепещут в тех тучах
Синии молнии:
Быть грому великому!
Итти дождю стрелами
С Дона великого!
И копиям
Преломиться тут,
И саблям
Потупиться тут
О шеломы о половецкие
На реке на Каяле,
У Дона великого.

О Земля моя Русская!
    Уже за холмами ты!

    И ветры,
Стрибожии внуки,
Стрелами с моря веют
На храбрые полки
    Игоревы.
Земля гудёт,
Реки мутны текут,
Пыль поля застилает,
Стяги глаголют:
То половцы идут от Дона,
Идут от моря,
И русские полки обступили —
    Кругом.
И поля преградили:
Дети бесовы —
Кликом,
А храбрые русские —
Щитами багряными.

Яр-тур Всеволод!
Стоишь, отбиваясь,
Прыщешь на воинов стрелами,
Гремишь о шеломы
Мечами булатными!
Куда, тур, поскачешь,
Златом шелома посвечивая,
Там и ложатся
Поганые
Половецкие головы...
Каленою саблей расщеплены
Шеломы оварские —
Тобой,
Яр-тур Всеволод!

О ранах ли думать,
Братия,
Тому,
Кто и сан забыл,
И жизнь забыл,
И город Чернигов свой,
И отчий злат-престол,
И милой жены своей,
Красавицы Глебовны —
Свычаи да обычаи!

5

ВОСПОМИНАНИЕ О ПОХОДАХ ОЛЕГА СВЯТОСЛАВИЧА

Были сечи Троянские,
Минули годы Ярославовы;
Были походы Олеговы,
Олега Святославича.

Тот Олег
Мечом крамолу ковал,
Засевал землю стрелами:
Как ступит, бывало,
Во злат-стремень
В Тмуторокани-городе, —

Так уж слышит тот звон
Великого, древнего
Ярослава сын —
Всеволод,
А Владимир в Чернигове
Всякое утро
Уши себе закладал.

А Бориса Вячеславича,
Молодого князя и храброго,
Слава на суд привела
    И наказала:
Ниву зеленую,
Как саван, постлала,
За обиду Олегову.

Да и с той же Каялы
Князь Святополк
Повелел отца своего
Между иноходцами
Угорскими
Ко святой Софии
В Киев повезть.

Так было втапоры
При Олеге Гориславиче:
Сеялось и возрастало
Усобицами
И погибало в них
Достояние
Дажбожьего внука:
В княжьих крамолах
Век человеческий
    Укорачивался.

И по Русской земле тогда
Редко пахари
Перекликалися,
Но часто зато
Граяли враны,
Трупы между собою деля;

Да и галки
По-своему переговаривались:
Куда б полететь на еду?

Так было и в сечи те,
И в походы те,
А такого боя
Не слышано!

6

ПОРАЖЕНИЕ РУССКИХ И ВЕЛИКАЯ ПЕЧАЛЬ РУССКОЙ ЗЕМЛИ

От раннего утра до вечера
И от вечера до́ света
Стрелы летят каленые,
Сабли о шеломы гремят,
Копия́ трещат булатные, —
В поле незнаемом,
Середи земли
Половецкой.

И черная земля
Под копытами
Костями была засеяна,
А кровию по́лита:
Кручиною они повсходили
По Русской земле.

Что мне шумит,
Что мне звенит —
Там, далече,
Перед зорями, рано?
То Игорь полки
Поворачивает:
Жаль ему милого брата —
Всеволода.

Бились так день,
Бились другой,

А к полудню на третий день
Пали знамена
Игоревы.

Тут-то братья
И разлучилися —
У быстрой Каялы
На берегу.

И вина кровавого тут
Недостало;
Тут и пир тот докончили
Храбрые русичи:
Сватов напоили,
А сами легли
За Русскую землю.

Никнет трава от жалости,
А древо с кручиною
К земле приклонилось.

Так-то,
О братия,
Невеселая година настала,
Ратную силу
Пустыня прикрыла.

Поднялась Обида
В силах Дажбожия внука,
Девой вступила
На землю Троянскую;
Крылом лебединым
Всплескала —
На море синем
У Дону;
И, плещучи так,
Тоску пробудила
О довольстве былом;

Между князьями усобица,
Нам же поганые —
Гибель!

Ибо князья
Стали брат брату:
    „Это мое.
    А то — тоже мое!“ —
Говорить,
И стали про малое
Молвить:
    „Это великое!“
И начали сами себе
    Крамо̀лу ковать,
А поганые
На Русскую землю
Со всех сторон приходили
    С победами!

О, далече сокол зашел,
    Птиц бия,
    К морю!
А Игорева храброго по́лку
    Не воскресить!

И по Русской земле
Горе вскричало,
И понеслись, поскакали
Скорбные вести
    И жалобы —
От одного человека
    К другому;
И были уста людей
    Горячи,
И скорбь, как смола,
Прикипала на них.

Русские жены восплакались,
    Так причитая:

„Уж как нам своих милых,
    Любимых —
Ни мыслию смыслить,
Ни думою сдумать,
Ни очами увидеть,

А злата и серебра
И вовсе не нáшивать!"

И восстонал,
    Братия,
Киев кручиною,
А Чернигов напастями,
И тоска разлилась
По Русской земле,
И густая печаль течет
По Земле Русской.

А князья сами себе
Крамолу ковали.
А поганые сами,
С победами рыская
По Русской земле,
Дань взимали:
Со всякого двора —
    Белку.

Так-то двое они,
Игорь да Всеволод,
Храбрые Святославичи,
Самовольством своим
Старое лихо
Вновь пробудили,
А его усыпил было
Их отец Святослав,
Грозный, великий
Князь Киевский.

    Грозою —
Притрепал он поганых:
Полками могучими,
Мечами булатными —
Наступил на землю
Половецкую;
Притоптал там
Холмы и овраги;
Возмутил
Озера и реки;

Иссушил
Потоки, болота...

А Кобяка поганого
Из лукоморья,
От железных, великих
Полков половецких,
Словно вихрь, отторг.
И пал Кобяк
В граде во Киеве,
В гриднице Святославовой.

Тут немцы
И венецейцы,
Тут и моравцы,
И греки —
Славу поют Святославову,
Осуждают, жалея,
Игоря князя,
Что погрузил добро,
Русского злата насыпавши,
На дно половецкой
    Каялы-реки.

Тут-то и пересел
Игорь-князь
Из златого седла
    В рабье седло.

7

СОН СВЯТОСЛАВА И БЕСЕДА ЕГО С БОЯРАМИ

И уныли стены
    Городские,
А веселье и в домах
    Поникло,
Смутный сон приснился
    Святославу
В городе во Киеве —
    На го̀рах.

„В ночь сию, с вечера
Одевали меня
(Так говорил)
Саваном черным
На кровати из тиса —
Красного дерева;
И вино мне черпали —
    Синее,
С горечью смешанное;
Из тощих колчанов
Поганых толковников,
Переводчиков —
Скатный сыпали жемчуг
    На лоно мое,
И всяко меня
    Ублажали.

И вот доски
В тереме моем златоверхом —
Уже без князька;
И уже с вечера
На целую ночь
Сизо-бурые
Взграяли враны,
Там, на слободе,
Внизу у поречья,
И были в ущельи,
И понеслись —
К синему морю".

    И промолвили
    Князю бояре:

„Уже, княже,
Кручина
Ум полонила:
Это два сокола
Отлетели от злата стола
Отцовского —
Града Тмутороканя
Себе поискать,
А либо шеломом
Дону испить.

Уже поганскими саблями
Соколиные крылья
Приземлйли,
Припешили,
Да и самих соколов тех
Опутали
В путы железные.

И было тёмно в тот день.
Два солнца померкли,
И оба столпа багряные погасли,
А с ним,
С Игорем-князем,
И два молодых его месяца —
Святослав и Олег —
Тьмою заволоклись.
Так на реке на Каяле
Тьма свет покрыла,

А на Русскую землю
Хлынули половцы,
Как пардусов стая,
И затопили,
Как морем, ее,
И буйство поганых тех
Возросло еще боле.

Уже бесчестие
Славу сменило,
Уже насела
Неволя на волю,
Уже низвергся
Нá-землю Див,
А готские красные девы
Воспели на бреге
Синего моря,
Русским златом звеня;
Седую поют старину:
Славят месть Шаруканову.

А мы-то, дружина,
По веселию мы —
Стосковались".

8

ЗЛАТО СЛОВО СВЯТОСЛАВА, ПРИЗЫВЫ К ЕДИНЕНИЮ КНЯЗЕЙ

И великий Святослав тогда
Изронил Злато Слово,
Со слезами смешанное,
И сказал:

„О мои сыновцы —
Игорь и Всеволод.
Рано вы начали
Половецкую землю
Мечами дразнить,
А себе славы искать.
Но нечестно было
Со мною соперничать,
И бесславно
Вы кровь их пролили
Поганую.

Пусть сердца ваши храбрые
Твердым булатом окованы,
А закалены отвагою,
Да то ли вы сотворили
Серебряной моей седине?

А уж не вижу я
Мощи сильного и богатого
Брата моего Ярослава
С его множеством воинов:
С боярами черниговскими,
Со знатью, да и с горцами,
И с шатунами, с бродягами,
И с крикунами,
Да с их атаманами:
Эти-то и без щитов,
С ножами за голенищами,
Криком полки побеждают,
Звоня в прадедову славу.

А вы сказали:
Мужаемся сами,
Грядущую славу
Одни мы похитим,
А прошедшую славу
Одни мы поделим!

    А что,
Уж такое ли, братия, диво:
Старому да помолодеть?
Коли сокол линяет,
Птиц высоко взбивает,
Не даст гнезда своего в обиду!
    Да вот зло:
Кня́зи мне не помога...

Плачевно года обернулись:
У Римова вот —
Под саблями кричат
Половецкими,
А Володимир
Под ранами...
Кручина-тоска
Сыну Глебову!

О великий князь
Всеволод!
А не мыслишь ли ты
Прилететь издалеча —
Отчий злат-стол
Поберечь?..
А ведь можешь ты Волгу
Веслами всю раскропить,
Дон шеломами
Вычерпать!
Коли был бы ты там,
Так была бы у нас —
По дешевке рабыня,
А совсем за бесценок —
    И раб.

Ты же можешь и посуху
Живыми стрелять
Самострелами,
Удалыми сынами
Глебовыми!

Ты, буй-Рюрик,
И ты, Давид!
Не у вас ли шеломы золоченые
По крови плавали?
Не у вас ли дружина храбрая
Рыкает, как туры, израненные
Саблями булатными
На поле незнаемом?

Так вступите же, князи,
Во злат стремень:
За обиду нашего времени —
За Землю Русскую,
За раны Игоревы —
Храброго Святославича!

Галицкий Осмомысл Ярослав!
Высоко сидишь ты
На престоле своем
Златокованном,
Горы подпер Угорские
Своими полками,
В железо одетыми,
Заградив путь королю,
Затворив Дунаю ворота,
Перекидывая громады войск
Через облаки,
Суды до Дуная рядя.

Грозы твои по зе́млям текут:
Отворяешь врата Киеву,
Стреляешь
Со злата-стола о́тчего
Султанов за зе́млями...

Стреляй Кончака, господине,
Поганого кощея стреляй —
    За землю Русскую,
    За раны Игоревы —
Храброго Святославича!

    А ты, буй-Роман,
    Со Мстиславом!
Мысль ваша храбрая
Влечет ум на подвиги,
И высоко ты
Соколом плаваешь
В буйной отваге своей:
На ветрах ширяяся,
Птицу в буйстве ее
Норовя одолеть.

Ибо есть у вас
Наплывы железные
Под шеломами
Латынскими,
И от воинов тех
Земля сама треснула...
И многие страны поганые —
    И Хи́нова
    И Литва,
    И Ятвяги,
    И Деремела,
    И Половцы —
Копия повергли свои,
А главы свои преклонили
Под мечи те булатные...

Но вот уже, княже,
Померкнул для Игоря
Солнечный свет,
А древо листву обронило
Не по доброй воле своей:
По Ро́си-реке,
По Су́ле-реке
Города поделили,

А Игорева храброго полку
    Не воскресить.

Дон тебя, княже, кличет
И зовет князей
На победу:
Ведь одни только Ольговичи,
Храбрые князи, —
    Доспели на брань...

    Ингвар
    И Всеволод,
    И все вы,
    Трое Мстиславичей, —
Не плохого гнезда
Шестикрыльцы.
Не в боях вы грады поделили,
Так к чему же златы-шлемы ваши
И щиты,
И копия́ из Польши?

Заградите Полю ворота
Острыми стрелами —
    За землю Русскую,
    За раны Игоревы —
Храброго Святославича!"

9

ПЕЧАЛЬНАЯ ПЕСНЯ О КНЯЖЬИХ РАЗДОРАХ

Уж и Су́ла-река не течет
Струями серебряными
К городу Переяславлю;
И болотом Двина течет
К полочанам тем грозным —
Под кликом поганых!

Лишь один Изяслав,
Сын Васильков,
Острым мечом своим
Позвонил
О шеломы литовские,

Славу тем притрепав
Своему деду Всеславу,
Но и сам под багряным щитом
На кровавой траве
Мечами литовскими
Притрепан был.
И, на смертном одре возлежа,
Так говорил:
„Княже!
А дружину твою
Крылья птиц приодели!
А кровь ее
Зверь полизал!“

Ни брата его не было тут —
Брячислава,
Ни друга его —
Всеволода:
Один —
Из храброго тела
Чрез ожерелье златое
Жемчужную душу
Он изронил.

Голоса приуныли,
Поникло веселье,
Трубы трубят
Городенские...

О вы, Ярославичи,
И вы, внуки Всеслава!
Приспустите знамена свои,
В ножны вложите мечи
Притупившиеся,
Ибо уж выпали вы
Из дедовской славы;
Ибо своими крамолами
Начали вы наводить
Поганых
На Русскую землю,
На достоянье Всеславово:

Из-за ваших раздоров
И было насилие
От земли Половецкой!

На седьмом веке Троянском
Метал Всеслав жребий
О девице ему любой,
И с превеликими хитростями
Оперся о коней
И скакал
К граду Киеву,
И доткнулся древком копья
До злата-стола
Киевского,
И потом отсель
Лютым зверем скакал;
А в полночь из Бел-города
Скрылся, окутанный
Синею мглою;
Наутро ж,
Ударив секирами,
Отворил врата
В Нове-городе,
Славу —
Ярославу расшиб;
До Немиги с Дудуток
Волком скакал...

А на Немиге
Снопы стелют
Головами,
Молотят цепами
Булатными,
Жизнь на току кладут,
Веют душу от тела.
И кровавые берега
Немиги той
Не добром были посеяны:
Костями посеяны
Русских сынов!

Всеслав-князь
Людей судил,
Князьям города рядил,
А сам в ночи́
Волком рыскал;
Из Киева дорыскивал
В Тмуторокань —
До петухов:
Великому Хорсу
Волком
Путь перерыскивал.
А тому Всеславу
Позвонят в Полоцке
Заутреню раннюю
У святыя Софии
В колоколы,
А он уже слышит звон
    В Киеве.

Хоть и была прозорлива душа
В теле отважном,
Но часто страдал он
    От бед.
И князю тому
Вещий, мудрый Боян
Впервые такую
Припевку сказал:

„Ни хитрому,
Ни гораздому,
Ни по птице гораздому
Суда божия не миновать!“

О, стонать Русской земле,
Вспоминая начальные леты
И первых князей!

Того ли старого Владимира
Нельзя пригвоздить было
К горам киевским!
И вот стяги ныне его
Стали Рюриковыми,

А другие — Давыдовыми;
Но врозь развеваются
Их бунчуки!

10

ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ

Не копья поют на Дунае, —
То слышен мне глас Ярославны:
Кукушкой неузнанной рано
Кукует она:

„Полечу я кукушкой,
Говорит, по Дунаю,
Омочу рукав я бобровый
Во Каяле-реке,
Оботру я князю
Раны кровавые
На застывающем
Теле его...“

Ярославна рано плачет,
На Путивльской стене
Причитая:

„О ветер-ветрило!
К чему, господине,
Веешь насильем?
Стрелы поганские
На крылах своих мирных
На воинство милого
Гонишь — к чему?
Тебе не довольно ли было б
Высоко под облаком веять
Да на синём море
Колыхать корабли?
К чему, господине,
По ковылю ты развеял
Веселье мое?“

Ярославна рано плачет,
Во Путивле-городе,
На стене причитая:

„О Днепр ты Славутич!
Каменные горы пробил ты
Сквозь Половецкую землю,
И на себе колыхал ты
Ладьи Святославовы
До стана Кобя́кова;
Прилелей на волнах, господине,
Моего ладу ко мне,
Чтобы не слала к нему я
Ранней зарею
Слезы на море“.

Ярославна рано плачет,
На Путивльской стене
Причитая:

„О светлое,
Трижды светлое
Солнце!
Тепло и отрадно ты всем!
Так к чему ж, господине,
На воинство милого
Свой луч простираешь
Горячий?
В поле безводном
Жаждой им луки стянуло,
Колчаны кручиной свело...“

11

БЕГСТВО ИГОРЯ И ПОГОНЯ КОНЧАКА

Вздыбилось море в полночь;
Идут смерчи мглами;
Игорю-князю
Бог путь кажет
Из земли Половецкой
На Русскую землю —
К отчему злату-столу.

Погасли вечерние зори.
Игорь спит —
Игорь не спит;

Игорь в мыслях своих
Мерит поля —
От великого Дону
До мала Донца.

Конь готов к полунóчи —
Свистнул Овлур за рекой,
Князю велит разуметь:
Дольше в палатке не быть!
Кликнул еще,
И от клича того —
Земля задрожала,
Зашумела трава,
Зашатались шатры половецкие.

А Игорь-князь
Поскакал к тростнику
Горностаем,
Белым гоголем — на воду;
Кинулся на борзá коня
И спрыгнул с него
Серым волком,
И понесся к лугам Донца.
И соколом полетел
Под туманами,
Избивая гусей-лебедей
К завтраку,
И обеду,
И ужину.

А как Игорь соколом полетит,
Так Овлур волком бежит,
Отрясая собою
Студеную росу;
Надорвали они
Борзых коней своих!

И Донец сказал:
„Игорь-князь!
Немало хвалы тебе,
А Кончаку огорчения,
А Русской земле веселия!“

Игорь сказал:
„О Донец!
И тебе немало хвалы:
Тебе,
Что лелеял
Князя на вóлнах;
Стлал ему
Зеленý-траву
На серебряных берегах своих;
Одевал его
Теплыми туманами
Под сению зелена-древа;
Стерег его —
Гоголем на воде,
Чайками на струя́х,
Чернетью на ветрá х.

Не такова-то, сказал,
Стýгна-река:
Беспокойные стрýи имея,
Пожравши чужие ручьи,
И стругú растирает она
По кустам;
Так и юноше-князю она —
Ростиславу —
Днепр затворила,
И на темном ее берегу
Плачется мать Ростиславова
По юноше-князе,
По Ростиславу,
И от жалости
Приуныли цветы,
И древо с кручиною
К земле приклонилось".

То не сороки застрекотали —
Едут по следу Игореву
Гза и Кончак.

И враны тогда не граяли,
И галки примолкли,

И сороки не стрекотали,
По веткам
Только лазили дятлы,
Носом долбя,
Стуком путь к реке указуя,
А соловьи
Веселыми песнями
Свет возглашают.

Молвит Кончаку Гза:

„Ежели сокол
Ко гнезду летит,
Так расстрелим мы
Соколича
Стрелами своими
Золочеными!“

И говорит Кончак Гзе:

„Ну, ежели сокол ко гнезду летит,
Так мы сокольца́ опутаем
Красною де́вицей“.

И говорит Кончаку Гза:

„А ежели его мы опу́таем
Красною девицей,
Так не будет нам
Ни сокольца,
Ни девицы красной нам,
Да почнут еще русские соколы
На́ поле половецком
Нас с тобой бить!“

И повернул он коня
На другого соколича —
На Святослава...

12
ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ „СЛАВА“ УЧАСТНИКАМ ПОХОДА: КНЯЗЬЯМ И ДРУЖИНЕ

Молвил так Боян,
Песнотворец давнего времени,
Княжьего —
Ярославова, Олегова:

„Хоть и тяжко тебе,
Голова, без плеч,
Но и зло же телу, тебе,
    Без головы“ —
Русской Земле
    Без Игоря!

Солнце светится
    На небе,
Игорь-князь —
На Русской Земле!

А девицы поют
На Дунае,
Вьются их голоса
Через море до Киева!
По Боричеву
Игорь едет
Ко святой богородице
Пирогóщей:
Страны рады!
Грады веселы!

Песню пропевши
Старым князьям,
Споем и молодым:

„Слава —
Игорю Святославичу,
Буй-тур Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!

Невредимыми будьте,
Князья и дружина,
В битвах грядущих —
За христиан
С полками погаными.

Князьям — слава!
А дружине,
Полегшей в бою, —
Вечная память!“

В. И. Стеллецкий

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВОМ, ИГОРЯ, СЫНА СВЯТОСЛАВОВА, ВНУКА ОЛЕГОВА

Перевод на современный русский язык с сохранением основ ритмического строя и наиболее характерных языковых, стилистически значимых особенностей оригинала

Не пора ли нам было б, братья,
начать старыми словами повесть ратную
о походе Игоревом, Игоря Святославича?
Начаться же той песни по былям нашего времени,
а не по замышлению Боянову.
Боян же вещий, коли хотел кому песнь творить,
растекался мыслию по древу,
серым волком пó-земи,
сизым орлом в подоблачье,
10 помнил он, молвят, прежних времен усобицы.
Тогда пускал он десять сóколов на стадо лéбедей,
которую сокол настигал,
та первая песню запевала,
старому Ярославу, храброму Мстиславу,
что зарезал Редéдю перед полками касожскими,
удалóму Роману Святославичу.
Боян же, братья, не десять сóколов пускал
на стадо лебединое,
но свои вещие персты возлагал на живые струны,
и сами князьям они славу рокотали.

20 Начнем же, братья, повесть сию
от старого Владимира до нынешнего Игоря,
который скрепил ум силою своею
и заострил сердце свое мужеством;

исполнившись ратного духа,
навел свои храбрые полки на землю Половецкую
за землю Русскую.

Тогда Игорь взглянул на светлое солнце
и видит: от него тьмою
все воины его прикрыты.
И сказал Игорь дружине своей:
30 „Братья и дружина!
лучше убитым быть,
чем полоненным быть —
сядем же на коней своих борзых,
поглядим, братья, синего Дона!“
Ратный пыл овладел умом князя,
и жажда изведать Дона великого
знамение ему заслонила.
„Хочу, — молвил, — копье переломить край поля
Половецкого;
с вами, русичи, хочу сложить свою голову
40 либо испить шеломом Дона!“

О Боян, соловей старого времени,
кабы ты эти полки воспел,
скача, соловей, по мысленному древу,
летая умом под облаком,
свивая славу по обе сто́роны сего времени!
Ры́ща тропой Трояновой чрез поля на́ горы,
так бы петь песнь Игореву Вел́есову внуку:
„Не буря со́колов занесла чрез поля широкие —
галки стадами бегут к Дону великому“.
50 Или так бы запеть, вещий Боян, Вел́есов внук:
„Кони ржут за Сулóю,
звенит слава в Киеве“.

Трубы трубят в Новгороде,
стоят стяги в Путивле,
Игорь ждет милого брата Всеволода.
И сказал ему буй-тур Всеволод:
„Один брат, один свет светлый ты, Игорь,
оба мы — Святославичи!

Седлай, брат, коней своих борзых,
50 а мои готовы, стоят под Курском осёдланы.
А мои куряне — бывалые воины:
под трубы боевые рóждены,
под шеломами взлелеяны,
концом копья вскормлены;
пути им ведомы,
овраги знаемы,
их луки напрÿжены,
колчаны отвóрены,
сабли изóстрены,
70 сами скачут, как серые волки в поле,
ища себе чести, а князю славы".

Тогда вступил Игорь князь в злат-стрéмень
и поехал по чистому полю.
Солнце ему тьмою путь заступало;
ночь стонала ему грозою, птиц пробудила,
свист звериный стада сбил.
Див кличет с вершины древа,
велит послушать земле незнаемой,
Волге, и Помóрию, и Посулию,
80 и Сýрожу, и Корсуню,
и тебе, Тмутороканский истукан!
А половцы неторенными дорогами
побежали к Дону великому:
кричат телеги в полýночи,
словно лебеди распуганные;
Игорь воинов к Дону ведет.

А уж беду его стерегут птицы по дубравам;
волки грозу накликают по оврагам;
орлы клёкотом на кости зверя зовут;
90 лисицы брешут на червлёные щиты.
О Руская земля! Уже за холмом сокрылась ты!

Долго ночь меркнет.
Заря свет зажгла,
мгла поля покрыла;
щёкот соловьиный умолк,
говор галочий пробудился.

Русичи широкие поля червлёными щитами
перегородили,
ища себе чести, а князю славы.

Рано с зарёй в пятницу они потоптали поганые
полки половецкие
100 и рассыпались стрéлами пó полю,
помчали красных дéвиц половецких,
а с ними злато, и атласы, и дорогие оксамиты.
Плащами, покрывалами, и óпашнями, и разным
узорочьем половецким
стали мосты мостить по болотам и топким местам.
Червлёный стяг, белая хоругвь,
червлёная чёлка, серебряный жезл —
храброму Святославичу!

Дремлет в поле храброе Олегово гнездо, далёко
залетело!
Не было оно на обиду рóждено ни соколу,
ни кречету,
110 ни тебе, черный ворон, поганый половчанин!
Гзак бежит серым волком,
Кончак за ним следом, по пути к Дону великому.

На другой день поýтру рано
кровавые зори свет возвещают;
черные тучи с моря идут —
хотят прикрыть четыре солнца,
и в них трепещут синие молнии.
Быть грому великому!
Идти дождю стрéлами с Дона великого!
120 Тут копьям преломиться,
тут саблям притупиться
о шеломы половецкие,
на реке на Каяле, у Дона великого.
О Русская земля! Уже за холмом сокрылась ты!

Вот ветры, Стрибожьи внуки, веют с моря стрелами
на храбрые полки Игоревы.
Земля гудит, реки мутно текут,
прах поля покрывает, речью стяги шумят,

половцы идут от Дона и от моря, со всех сторон
русские полки обступили.
Дети бесовы кликом поля перегородили,
130 а храбрые русичи — червлёными щитами.

Яр-тур Всеволод! Стоишь на поле брани,
прыщешь на воинов стре́лами,
гремишь о шеломы мечами харалужными.
Куда он, тур, ни поскачет, своим золотым шеломом
посвечивая,
там и лежат поганые головы половецкие.
Порублены саблями калёными шеломы аварские
тобою, яр-тур Всеволод!
Ран ли устрашится, братья,
забывший почести и богатство, и града Чернигова
отчий златой престол,
140 и своей милой жены, ясной Глебовны, свычаи
и обычаи!

Были века Трояновы,
миновались лета Ярославовы;
были походы Олеговы, Олега Святославича.
Тот Олег мечом крамолу ковал
и стрелы по земле рассеивал.
Вступает он в злат-стре́мень во граде
Тмуторокани,
звон же тот слышал давний великий Ярослав,
а Владимир сын Всеволодов всякое утро
затыкал себе уши в Чернигове;
150 Бориса же Вячеславича,
младого и храброго князя,
похвальба на смертный суд привела
и на Ка́нине зеленое ложе постлала за обиду
Олегову.
С той же, как ныне, Каялы повез Святополк отца
своего
между у́горскими иноходцами ко святой Софии
к Киеву.
Тогда при Олеге Гориславиче
засевалось и порастало усобицами,
погибало добро Даждьбожьего внука,
в княжьих крамолах век людской сокращался.

160 Тогда по Русской земле редко пахари кликали,
но часто вóроны каркали,
мертвечину деля меж собою,
а галки вели свои речи,
собираясь лететь на поживу.
То было в те бои и в те походы,
а такого боя не слыхано!

С рассвета до вечера,
с вечера дó света
летят стрелы калёные,
170 гремят сабли о шеломы,
трещат копия булатные
в поле незнаемом среди земли Половецкой.
Чернá земля под копытами костьми была засеяна,
а кровию зáлита;
тугóю взошли они по Русской земле!

Что там шумит, что там звенит издалёка рано пред
зóрями?
Игорь полки оборачивает:
жаль ему милого брата Всеволода.
Билися день, бились другой,
180 на третий день к пóлудню пали стяги Игоревы.
Тут два брата разлучились на береге быстрой
Каялы,
тут кровавого вина недостало,
тут докончили пир храбрые русичи:
свáтов напоили,
а сами полегли
за землю Русскую.
Никнет трава с жалости,
а древо с печалью к земле приклонилось.

Уже невеселая, братья, година настала,
190 уже Пустыня Силу прикрыла!
Встала Обида в полках Даждьбожьего внука,
вступила девою на землю Троянову,
заплескала лебедиными крыльями на синем море
у Дона;
плещучи, прогнала обильные времена.

Походы князей на поганых затихли,
ибо сказал брат брату: „то мое, а это — мое же!"
И начали князья про малое „вот великое" молвить,
а сами на себя крамолу ковать.
А поганые со всех сторон приходили с победами
на землю Русскую.
200 О! далекó залетел сокол к морю, птиц избивая!

А Игорева храброго полка не воскресить!
По нем кликнули Карна и Жля
и поскакали по Русской земле,
жар раскидывая погребальный пламенным рогом.
Жены русские расплакались, причитая:
„Уже нам милых своих ни мыслию не помыслить,
ни думой не вздумать,
ни очами не увидеть,
а серебром и златом подавно не потешиться".

210 И застонал, братья, Киев кручиною,
а Чернигов напáстями;
тоска разлилась по Русской земле,
печаль обильная потекла среди земли Русской.
А князья сами на себя крамолу ковали,
а поганые, с победами рыская по Русской земле
собирали дань по белке с двора.

Те ведь два храбрые Святославича,
Игорь и Всеволод,
пробудили кривду усобицей;
220 её усмирил грозою отец их, великий грозный
Святослав Киевский,
устрашил своими могучими полками и булатными
мечами,
наступил на землю Половецкую,
притоптал холмы и овраги,
замутил реки и озёра,
иссушил потоки и болота,
а поганого Кобякá из лукоморья,
из железных великих полков половецких, словно
вихрь, выхватил;
и пал Кобяк в граде Киеве,
в гриднице Святославовой.

230 Тут немцы и венедичи, тут греки и морава
поют славу Святославову,
корят князя Игоря,
что добро потопил на дне Каялы, реки половецкой.
Русского злата насыпали!
Тут Игорь князь пересел из златого седла да
в седло невольничье!
Приуныли по градам забрала, а веселие поникло.

А Святослав смутный сон видел в Киеве на
горах.
„В ночь сию с вечера одевали меня, — молвил, —
черным покрывалом на кровати тисовой,
черпали мне синее вино, с горем смешанное;
240 сыпали мне из пустых колчанов поганых толмачей
скатный жемчуг на грудь и нежили меня.
Уже доски без князька на моём тереме
златоверхом!
Всю ночь с вечера вещие вóроны каркали
у Плесньска на пойме,
были они из дебри Кияни
и понеслися к синему морю“.

И сказали бояре князю:
„Уже, князь, горе ум одолело:
вот два сокола слетели с отчего престола
златого
поискать града Тмуторокани
либо испить шеломом Дона.
250 Уже сóколам крылья подрезали поганых саблями,
а самих опутали силками железными.
Ибо темно стало в третий день: два солнца
померкли,
оба багряные столпа погасли,
а с ними два молодые месяца, Олег и Святослав,
тьмою заволоклися,
и в море погрузились,
и разбудили буйство поганых великое.
На реке на Каяле тьма свет покрыла;
на Русскую землю ринулись половцы, словно
пардусов гнездо.

Уже пало бесчестье на славу,
260 уже ударило насилье на волю,
уже бросился Див на землю.
Вот и готские пригожие девы запели на береге
синего моря,
звеня русским золотом;
поют время Бусово,
лелеют месть Шаруканову.
А уже мы, дружина, лишились веселия".

Тогда великий Святослав изронил златое слово,
со слезами смешанное, молвив:
„О сыны мои, Игорь и Всеволод!
270 Рано вы стали мечами терзать Половецкую землю,
а себе славы добиваться,
но не с честью побились,
не с честью вы кровь поганую проливали.
Ваши храбрые сердца из крепкого харалуга
скованы,
а в удали закалёны.
То ли сотворили моей серебряной седине?
А уж не выждали вы сильного и богатого
и многоратного брата моего Ярослава
с черниговскими боярами,
с воеводами, и с татра́нами, и с шельби́рами,
280 с топча́ками, с ревугами, и с ольберами;
они без щитов, с ножами засапожными,
кликом полки побеждают,
звеня прадедовой славой.
Но сказали: „Поратуем сами,
славу былую сами захватим, а грядущую сами
поделим!"
А диво ли, братья, старому молодым обернуться?
Когда сокол оперенье меняет,
высоко́ птиц взбивает,
не даст гнезда своего в обиду,
290 но вот зло: князья мне — непособники!
На худое годины обратились!"
Вот в Римове кричат под саблями половецкими,
а Владимир покрыт ранами,
горе и тоска сыну Глебову!

—

Великий князь Всеволод!
Не мыслию лишь тебе б прилететь издалёка отчий
престол золотой поблюсти!
Ты ведь можешь Волгу веслами расплескать, а Дон
шеломами вычерпать!
Если бы ты был, то рабыня была б по ногате,
а раб по резане.
Ты ведь можешь пóсуху живыми стрелять
шереширами,
300 удалы́ми сыновьями Глебовыми!

Ты, буй Рюрик, и Давыд!
Не у вас ли воины золочеными шеломами пó крови
плавали?
не у вас ли храбрая дружина рыкает, словно туры,
раненные саблями калёными, нá поле незнаемом?
Вступите, госудáри, во злат-стрéмень за обиду
сего времени,
за землю Русскую, за раны Игоревы,
удалóго Святославича!

Галицкий князь Осмомысл Ярослав!
Высокó ты сидишь на своём златокованном
престоле,
310 подперев горы ýгорские своими полками железными,
заступив путь королю, затворив Дунаю ворота,
метая клади под облако,
суды рядя до Дуная.
Грозы твои по землям текут,
отворяешь ворота Киеву,
стреляешь с отчего златого престола в султанов
за землями!
Стреляй, государь, в Кончакá, в поганого
кочевника,
за землю русскую, за раны Игоревы,
удалóго Святославича!

320 А ты, буй Роман, и Мстислав!
Храбрая мысль носит ум ваш на подвиги!
Высокó плаваешь на дело в доблести,
будто сокол, на вéтрах ширяясь,
задумавший птицу в смелости одолеть.

Есть ведь у вас железные панцыри
под шеломами латинскими.
От них дрогнула земля, и многие страны —
хинова, литва, ятвяги, деремéла и половцы —
копья свои побросали,
330 а головы свои преклонили
под те мечи харалужные.
Но уже, князь, для Игоря померк солнца свет,
а древо не к добру обронило листву!
По Рóси и Сулé грады поделили.
А Игорева храброго полка не воскресить!
Дон тебя, князь, кличет и зовет князей
на победу:
Ольговичи, храбрые князья, поспешили на брань!

Ингварь и Всеволод и все три Мстиславича!
Не худá гнезда о шести крылах соколы!
340 Не победным жребием себе волости добы́ли!
Где же ваши златые шеломы и копья ляшские
и щиты?
Загородите Полю ворота своими острыми стрéлами
за землю Русскую, за раны Игоревы,
удалóго Святославича!

Уже Сулá не течёт серебряными стру́ями для
града Переяслáвля,
и Двина болотом течёт грозным полочанам под
клики поганых.
Один лишь Изяслав, сын Васи́льков,
позвенел своими острыми мечами о шеломы
литовские,
приласкал славу деда своего Всеслава,
350 а сам под червлёными щитами на кровавой траве
приласкан литовскими мечами
и, с су́женою обручась, молвил:
„Дружину твою, князь, птицы крыльями приодели,
а звери кровь полизали!“
Не было тут ни брата Брячислава, ни другого —
Всеслава,
один изронил он жемчужную душу из храброго
тела чрез златое ожерелие.

Приуныли голоса, поникло весели́е,
трубы не трубят городенские.

Внуки Ярославовы и все внуки Всеславовы!
Уже опустите стяги свои,
360 в но́жны вложите мечи свои порубленные, —
уже выпали вы из дедовой славы!
Вы ведь своими крамолами
начали наводить поганых на землю Русскую,
на добро Всеславово;
из-за раздоров пришло к нам насилие
от земли Половецкой!

На седьмом веке Трояновом бросил Всеслав
жребий о девице ему лю́бой.
Он, лукавством подпёршись, оседлал коня
и скакнул ко граду Киеву
370 и коснулся жезлом золотого престола Киевского;
прянул, таясь, лютым зверем в полночь
из Белгорода
и сокрылся в синей мгле;
утром же вонзил секиры, отворил ворота
Новгороду,
разбил славу Ярославову,
скакнул волком до Немиги из Дудуток.
На Немиге из голов снопы стелют, молотят цепами
харалужными,
кладут жизнь на току, веют душу от тела.
Немиги кровавые берега не добром были засеяны —
костьми засеяны русских сынов.

380 Всеслав князь людей судил,
князьям грады рядил,
а сам в ночи́ волком рыскал,
Из Киева, ры́ща, доскакивал до петухов
в Тмуторокань,
великому Хорсу, волком ры́ща, путь перебегал.
Ему в Полоцке рано к заутрене позвонили
в колокола у святой Софии,
а он в Киеве звон слышал.
Хоть и вещая душа в храбром теле,
но часто страдал от напа́стей.

Ему вещий Боян еще встарь припевку, разумный,
сказал:
390 „Ни хитрому, ни гораздому,
ни вещуну́ гораздому
суда божьего не миновать!“

О! стонать Русской земле, вспоминая прежнюю
годину и прежних князей!
Того старого Владимира нельзя было пригвоздить
к горам Киевским!
А ныне стяги его — одни стали Рюриковы,
а другие — Давыдовы,
и розно их полотнища веют, порознь копья поют.

На Дунае Ярославнин голос слышится,
кукушкой незнаемой рано кличет:
400 „Полечу, — молвит, — кукушкою по Дунаю,
омочу бобровый рукав в Каяле реке,
отру князю кровавые его раны на могучем
его теле.“

Ярославна рано плачет в Путивле на забрале,
причитая:
„О Ветер-Ветрило! Зачем, господин, силой
встречною веешь,
зачем мчишь половецкие стрелы на своих лёгких
крыльях на моего лады воинов?
Мало ли тебе было высоко́ под облаками веять,
лелея корабли на синем море?
Зачем, господин, мое веселие по ковылю́ развеял?“

Ярославна рано плачет в Путивле городе
на забороле, причитая:
„О Днепр Словутич! Ты пробил волной каменные
горы сквозь землю Половецкую;
410 ты лелеял на стру́ях своих Святославовы ладьи
до полка Кобякова;
прилелей, господин, моего ладу ко мне, чтоб
не слала к нему слез на море рано“.

Ярославна рано́ плачет в Путивле на забрале́,
причитая:
„Светлое и тресветлое Солнце! Всем ты тепло
и пригоже!
Зачем, господин мой, простёр
горячие свои лучи на воинов лады;
в поле безводном жаждою им луки согнул,
тоскою колчаны замкнул?“

Всплеснулось море полу́ночью;
идут смерчи мглою.
Игорю князю бог путь кажет
420 из земли Половецкой в землю Русскую,
к отчему златому престолу.
Погасли вечером зори.
Игорь спит — Игорь глядит,
Игорь мыслию поля мерит
от великого Дона до малого Донца.
В полночь Овлур коня свистнул за рекою,
велит князю разуметь:
„Князю Игорю не быть!“ — кликнул,
дрогнула земля, зашумела трава;
430 вежи задвигались половецкие.
А Игорь князь поскакал горностаем к тростникам
речным,
слетел белым гоголем на́ воду;
вскинулся на борза́ коня,
соскочил с него серым волком,
и побежал к лугу Донца,
и полетел соколом под туманами,
избивая гусе́й и ле́бедей
к завтраку, и обеду, и ужину.
Когда Игорь соколом полетел,
440 тогда Овлур волком побежал,
отрясая студёную ро́су;
своих бо́рзых коне́й притомили!

Донец сказал: „Князь Игорь!
Немало тебе величия,
а Кончаку́ горевания,
а Русской земле веселия!“
Игорь сказал: „О Донец мой!

Немало тебе величия,
лелеявшему князя на волнах,
450 стлавшему ему зелену́ траву на своих берегах серебряных,
одевавшему его тёплою мглою под сенью зелёного древа;
стерёг ты его гоголем на воде,
чернетьми на волна́х,
чайками на ве́трах".

Не такова, молвят, река Сту́гна: скудную струю имея,
пожрав чужие ручьи и воды,
расширясь к устью,
юношу князя Ростислава скрыла на дне у тёмного берега.
Плачется мать Ростиславова
460 по юноше князе Ростиславе.
Приуныли цветы с жалости,
а древо с печалью к земле приклонилось.

А не сороки застрекотали:
по́ следу Игореву ездят Гзак с Кончако́м.
Тогда во́роны не каркали,
галки приумолкли,
сороки не стрекотали,
поползни стихли, ползали только.
Дятлы стуком путь к реке кажут,
470 соловьи весёлыми песнями свет возвещают.

Молвит Гзак Кончаку́:
„Коли сокол ко гнезду летит,
соколёнка расстреляем своими золочёными стре́лами".
Говорит Кончак Гзаку:
„Коли сокол ко гнезду летит,
соколёнка мы опутаем красною де́вицею".
И сказал Гзак Кончаку́:
„Коли его опутаем красною де́вицею,
не будет у нас соколёнка,
480 не будет и красной де́вицы,
и почнут нас птицы бить в поле Половецком!"

Молвил Боян о походах Святославовых,
песнотворец старого времени — Ярославова,
Олегова,
князьями чтимый:
„Тяжко тебе, голове, без плеч,
зло и телу без головы“ —
Русской земле без Игоря!
Солнце светится на небесах:
Игорь князь в Русской земле.
490 Дéвицы поют на Дунае,
вьются голоса через море до Киева.
Игорь едет по Боричеву ко святой богородице
Пирогóщей.
Веси рады, грады веселы.

Спевши песнь старым князьям, надобно и молодым
запеть:
слава Игорю Святославичу,
буй-туру Всеволоду,
Владимиру Игоревичу.
Здравье князьям и дружине,
что встают за христиан на поганые полки!
500 Князьям слава и дружине!
Аминь!

1938—1952

Алексей Югов

СЛОВО О БИТВЕ ИГОРЕВОЙ, ИГОРЯ СВЯТОСЛАВИЧА, ВНУКА ОЛЕГОВА

А было бы лепо нам, братья,
сказать стари́нною речью
скорбную повесть
о битве Игоревой,
Игоря Святославича!
Однако начаться песне
стро́ем нашего времени,
а не по замышлению Бояна.
Вещий Боян —
если о ком-либо
пропеть замыслил, —
то разлета́ется
мыслью-белкою по древу,
серым волком по земле,
сизым орлом под о́блаком.
Памятовал Боян
и праотцев древние войны!
Тогда пускает
десять соколо́в
на стаю ле́бедей:
которую лебедь настигнут —
та и песнь запевала:
старому Ярославу,
храброму Мстиславу,
тому, что сразил Редедю
перед полки Касожскими,
прекрасному Ро̣ману Святославичу.

Боян же, братья,
не десять со́колов
на стаю ле́бедей пускает —
десятери́цу вещих перстов
на живые струны воскладает.
И струны сами
князьям славу рокотали!

Начнем же, братья,
повесть сию
от старого Владимира —
до нынешнего Игоря,
в котором отвага
переборола разум,
чье сердце
воспламенилось мужеством,
кто, исполненный ратного духа,
навел свои храбрые полки
на землю Половецкую —
за землю Русскую!

Бояне!
Соловей старого времени!
Когда бы ты про эти битвы пропел,
носясь хвалою
по мы́сленну древу,
летая умом
под облаком,
свивая славу
для нашего времени,
рыща путем Бояна —
через поля на горы, —
та́к бы ты на́чал Игорю,
Олега
внуку:
„Не буря со́колов занесла
через поля широкие —
Галицкое войско несется
к Дону Великому!..“
Или бы та́к воспел ты,
вещий Боян,
бога Велеса вну́че:

„Кони ржут за Сулою,
звенит слава в Киеве,
трубы трубят в Новеграде,
стоят полки в Путивле!..“

Игорь ждет
мила брата Всéволода.
И сказал ему
буй-тур Всéволод:
„Один брат,
один мне свет светлый —
ты, Игорь!
Не оба ли мы — Святославичи!
Так седлай, брат,
своих ретивых коней —
а мои-те готовы,
оседланы:
У Курска — напереди́!
А мои ведь куряне —
тебе вéдомы вóины! —
под трубами пóвиты,
под шлемами возлелеяны,
с конца копья вскормлены!
Пути им вéдомы,
яруги им знáемы,
луки напряжены́,
колчаны отвóрены,
сабли изóстрены!
Сами ж мчатся,
как серые волки в поле, —
себе добыть чести,
а князю — славы!..“

... Тогда Игорь взглянул
на померкшее солнце
и видит,
как тьмою солнца
и у воинов
ду́ши затмились.
И воззвал Игорь
к дружине своей:

„Братья!
И вы, дружина!
А уж лучше убиту быть,
нежели пленену быть!
Сядем же,
братья,
на своих ретйвых коней
да позрйм Синего Дону!“

Спалила князю душу жажда
изведать Дону Великого —
и знаменье стало ему ни во что!
„Либо
копье изломаю
среди степей
Половецких,
с вами, Русичи,
либо голову свою сложить,
а либо испить
золотым шеломом Дону!“

Тут вступил Игорь-князь
в злат стремéнь
и поехал по чистому полю.
И солнце затмéньем
путь ему заступало,
И ночь,
ропща на него грозою,
птиц прибила!..

Взбились пóловцы, —
свищут свистом звериным,
кличут с вершин деревьев —
сзывают дикие
Землю Незнаемую —
и Волгу,
и Помóрье,
и по-Сулье,
и Сурож,
и — Корсунь,
и — тебя,
Тмутороканский хан!

И половцы —
без дорог,
яру́гами,
устремились к Дону Великому!
Кричат телеги в полуночи,
скажешь —
лебеди терзаемые.
... А Игорь к Дону
войско ведет!..

Уж вестник беды́ его —
птица слетается.
Добычу почуяли
волки в яругах.
Орлы
клёктом
на кости
зверя зовут.
Лисицы брешут
на красные щиты...
О Русская Земля!
уже за холмами ты!

Долго ночь меркнет.
Заря отпылала.
Мгла поля покрыла.
Соловьиный щекот уснул.
Говор галичан умолк...
Русичи в ночлег
большое поле
красными щитами оградили,
забылись дремой
жаждущие чести,
а князю — славы!

Наутро в пятницу
потоптала Русь
поганые полки Половецкие!
Рассыпались стрелами по́ полю
и помчали
красных де́виц половецких,

а с ними — и золото, и шелка,
и рытые бархаты!
Покровами,
                епанчáми,
                                кафтанами
начали мосты мостить —
по болотам и грязи́вым местам —
и всякими узорóчьями половецкими!..
Красное знамя — белый скипетр!
Красный бунчук — серебряное оружие
храброму Святославичу!..

Дремлет в поле
Олегово храброе гнездо —
далече залетело!
Не на обиду было порождено —
ни соколу, ни кречету,
ни тебе,
черный вóрон —
поганый половчанин!..
...Гзак бежит серым волком,
Кончак ему вслед мчится —
к Дону Великому.

Другого дня,
раны́м-рано,
зори кровавые
                свет предвещают,
тучи черные
                с моря идут —
хотят поглотить
                четыре солнца,
в тучах трепещут
                синие молнии.
Быть грому великому!
Итти дождю стрелами —
с Дону Великого!
Тут-то копьям потрещати!
Тут-то саблям позвяцати —
о шелóмы половецкие,

на реке на Каяле,
у Дону Великого!
О Русская земля,
когда бы только за холмами ты!..

Не ветры ль,
Стрибожьи внуки,
шумят с моря стрéлами
на храбрые полки Игоревы?!
Земля стонет!
Реки мутно текут!
Не бором ли темным
степь накрылась?!.
И заговорила рать:
„Половцы идут!..“
И ото всех сторон —
от Дона и от моря —
русскую рать обступили!..
Дети бéсовы
кликом поля перегородили,
а храбрые Русичи
красными перегородили щитами!

Ярый тур
Всéволод,
прáвишь боем!
Сыплешь в поганых стрелами,
грéмлешь о шлемы
мечами булатными!..
Где ни промчишься, Тур,
своим золотым шлемом посвечивая,
там и лежат
поганые головы половецкие!
Расколоты саблями калеными
шеломы аварские —
тобою,
ярый тур Всéволод!..
Чтó — раны!
дорогие братья,
тому, кто жизнь,
кто сан свой,
и город забыл Чернигов,

и отчий зо́лот престол,
и своей милой супруги,
светлой Глебовны,
любовь и ласку?!.

Ка́нул век Бояна,
мину́ли времена Ярослава,
отгремели войны Олега,
Олега Святославича!
Тот ли Олег
мечом крамолу ковал
и стрелы по Русской земле сеял.
Ступает в злат стремень
в городе Тмуторокани,
а звон тот слышал
и давний великий Ярославич —
Всеволод,
Владимир же
всякое утро
уши заклада́л в Чернигове!
Тогда же
и Бориса Вячеславича,
поднявшегося за Олега,
похвальба на бой привела
и на зе́лен саван,
той ли речки Кани́ны,
уложила юного и храброго князя...

Не от той ли Каялы
Святополк полелеял
убитого отца своего,
меж мадьярскими иноходцами —
ко святой Софии, к Киеву!
Тогда,
при Олеге Гориславиче,
разоряла, раздирала усобица,
погубляла добро земледельца.
В княжих крамо́лах
век человечий скоротился.
Тогда
по Русской земле
редко пахарь покликивал,

но часто вóроны граяли,
трупы меж собою деля,
да галки свою речь говорили,
сбираясь полететь на добычу.

То было в те войны,
в те битвы.
А этакой битвы не слыхано!
С рассвета и до вечера,
с вечера и до света
летят стрелы каленые,
гремлют сабли о шеломы,
трещат копья харалужные
в поле незнаемом,
среди земли Половецкой!
Чернá земля под копытами
костьмú была посеяна,
а кровью пóлита, —
бедою взошли они
для Русской земли!

Что мне шумит?
что мне звенит? —
издалече,
перед зóрями?
Игорь
полки заворочáет:
жалко ему
мила брата Всéволода!

Бились день,
бились другой —
на третий день, к пóлдню,
полегло войско Игорево!
Тут два брата разлучились
на брéге быстрой Каялы.
Тут кровавого вина недостало.
Тут покончили пир
храбрые Русичи:
и сватов напоили,
а и сами полегли
за землю Русскую!

Никнет трава от жалости,
и дерево с тоской
к земле припало!

Братья!
А невеселая година настала! —
уже степь-пустыня
Игорево войско прикрыла!
Восстала вражда
среди Дажьбожьих внуков, —
ринулся дикий
на зем́лю Бояна,
крыла́ми беды́
возгремел, —
там,
у Дона
на Синем море,
торжествуя!

Ка́нули добрые времена!
С погаными война
у князей поослабла!
Ибо брат брату молвил:
„То мое,
а и то́ — мое же!“
И принялися князья
о маленьком — „вот великое!“ — молвить
и сами промеж собою
крамолу ковать.
А поганые
отовсюду приходили
войною
на землю Русскую!..
О, далече,
бья птиц,
залетел сокол к морю!
А Игоревы храбрые полки
не воскресить уж!..

И, кликнув,
ханы Ка́рна и Жля́
поскакали по Русской земле,

пла́мя кида́я
в огненном роге.
Жены русские
восплакались, причитая:
„Уже нам своих милых лад
ни мыслию смыслити,
ни думою сдумати,
ни очами глянути!
А зла́том-се́ребром
и по́давно не позвяца́ти!..“
И застонал тут, братья,
Киев — от скорби,
а Чернигов — от поганых!
Насилье простерлось
по Русской земле!
Враг безудержу хлынул
к сердцу земли Русской!
Князья же сами
промеж собою крамолу ковали,
а поганые половцы
набеги творили на Русскую землю.
Брали дань —
горностая от двора!..

Не те ль
два отважные Святославича,
Игорь и Всеволод,
снова половцев по́дняли,
которых там,
на Каяле,
усмирил было
отец их Святослав,
грозный,
великий,
Киевский:
грозою было приустрашил,
своими булатными мечами,
своими могучими полками
попрал землю Половецкую,
потоптал холмы и яруги,
возмутил реки и озера,
иссушил потоки и болота.

А поганого Кобяка́
из Лукоморья
от железных бессчетных полков Половецких,
будто вихрем исторг!
А упал тот Кобяк
в граде Киеве,
в гриднице Святослава!..
Тут Немцы, Венециане,
тут Греки и Морава
поют славу Святославу,
поносят Игоря:
„Погубил, де, жизней
в злой день Каялы,
реки половецкой! —
богатырей русских
поуложи́ли там!"
„Высажен Игорь-князь
из седла золотого,
да в седло рабское!"

Почернели и градов стены!
Поникло веселье!
А Святослав
мутен сон видел
в Киеве, на горах!
„Сей ночи,
с вечера, —
сказал он, —
одевали меня
черными покровами
на кровати сосновой,
черпали мне
синее вино,
с черным тру́том
смешано;
сыпали мне
из тощих колчанов
нечестивых толкови́н
крупный жемчуг на грудь,
якобы ублажая мя.

А меж тем —
уже и кровля без князька
в моем тереме златоверхом!..
Всю ночь с вечера
черные вóроны грáяли...
А у Плеснеска, на пóречьи,
шли похоронные сани —
волокли их
к Синему морю".

И отмолвили бояре князю:
„Да уже, князь,
ведь скорбь душу обуяла! —
не двое ль соколов слетело
с золотого престола óтча —
чтобы града добыть Тмутороканя,
либо испить
золотым шлемом Дону!
А уже соколáм
крылышки подрезаны
саблями половецкими,
да и самих опутали
пýтом железным!"

На реке ль на Каяле
тьма свет прикрыла:
стало темно
в третий день! —
то два солнца померкли,
оба пламенные столпа погасли,
а с ними два молодые месяца —
Олег и Святослав —
тьмою поволоклися
и в море потонули,
словно барсово гнездо,
и великую дерзость
прúдали хановью!

По Русской земле
простерлися Половцы!
Уж пересилила
хула хвалý,

уже сразила
Неволя Волю —
ринулся дикий
на Русскую землю.
И вот уже Готские красные девы
запели на бреге Синего моря,
звоня русским зла́том!
Поминают смерть
князя русского Бо́жа,
славят и отмщенье за Шарухана.
А нам с вами, дружина,
только жаждать веселья!..

Тогда
тот ли великий Святослав
изронил золотое слово,
со слезами смешано,
и сказал:
„О мои чада!
Игорь и Всеволод!
В злой час приняли́сь вы
Половецкой земле
мечом обиду творить —
себе славы искать!
А и не в честь вы
сперва одолели,
не в честь
кровь поганых пролили!..
Храбрые ваши сердца
в жестоком пламени кованы,
отвагою закалены.
Но только сказали вы:
„Отважимся сами —
и грядущую славу стяжаем,
и с предками славу разделим!“
Это ли сотворили
моей серебряной седине?!
А разве бы диво было
ста́ру помолодеть?!
Когда сокол перемужает —
высоко́ птиц взбивает,

уж не даст
гнезда своего в обиду!
Но вот зло:
князья мне — не в помощь!
Даже и брата своего
Ярослава не вижу —
сильного властью, богатого,
многово́йского,
с Черниговцами его бояры,
с богатырями,
и с Татранами,
и Ольбе́рами,
и с То́рками ли —
с ревугами, —
с бойцами, что без щитов,
с одним ножом засапожным,
кликом полки побеждают,
звоня в прадедовскую славу...
Ни во что старейшинство обратилось!"

Не у Римова ль то́ кричат
под саблями половецкими?!
Князь Владимир — под ранами! —
Му́ка и скорбь — сыну Глебову!
Великий князь Всеволод!
И не в мыслях твоих
прилететь издалече —
отчий зо́лот престол защитить!..
А, ведь, Волгу мог бы
веслами бойцов разбрызгать,
Дон — шлемами вычерпать!
Если б ты пришел —
невольница была б ценой в ногату,
невольник — по ре́зане!
Ибо можешь ты посуху
не стрелы ли метать живые —
удалых сынов Глебовых!

Ты, буй Рюрик!
и ты, Давыд!
Не ваша ли храбрая дружина
по самые золотые шлемы

в крови вражьей шла?!.
Не ваша ли храбрая дружина
рыкает, будто туры
ранены саблями калеными
на поле незнаемом! —
Вступите ж, государи,
в золотое стремя,
отмстите
за обиды сего времени,
за землю Русскую,
за раны Игоревы —
бурного Святославича!

Галицкий
Осмомысл Ярослав!
Высо́ко сидишь ты
на златокованном престоле! —
подпер горы Карпатские
железными полками,
королю Мадьярскому заградил путь,
затворил Дуная ворота,
простер власть свою и в заоблачье,
суды́ творишь до Дуная!
Грозы твои по землям текут:
и Киева отворяешь врата!
Стреляешь султанов за землями
с золотого престола! —
стреляй же, государь, Кончака́,
поганого Кощея —
за землю Русскую,
за раны Игоревы,
бурного Святославича!

А ты, буй Роман,
ты, Мстислав!
Храбрая мысль
стремит ваше сердце
в битву!
Реешь высо́ко,
Роман,
на битву, в буести,

словно сокол,
на ве́трах ширяющий,
хотящий птицу,
буйный, одолеть!
Не у вас ли —
оплечья железные
под шеломами латинскими?!.
От них гремела земля,
и многие страны —
Хинова́,
Литва,
Ятвяги,
Дереме́ла и Половцы —
и копья свои повергли,
и головы свои подклонили
под те ль мечи
харалужные!
Но уже, князья,
Игорю померк солнца свет!
И дерево не добро́м
листву сронило! —
А Игорева храброго полку
не воскресить!..
Дон, ведь, князья,
к вам кличет —
сзывает князей войною!
Ольговичи,
храбрые кня́зи, —
те рьяны на бой!..

И́нгварь и Все́волод,
И все три Мстиславича!
А будто не худа́ гнезда́ шестикрыльцы!
Не Игоря ли злым жребием
себе волости расхитили?! —
По Роси́, по Суле́
города поделили?!
На то́ ль ваши златые шеломы,
и ко́пья ляшские, и щиты?!
Половцам
заградите ворота
своими острыми стрелами —

за землю Русскую,
за раны Игоревы,
бурного Святославича!

Уже и Сула
не серебряною течет струею
к городу Переяславлю!
И Двина
под кликом поганых
уже болотом течет
к Полоцку,
грозному когда-то.

Один лишь Изяслав,
сын Васильков,
позвонил чуть
своим острым мечом
о шеломы литовские
да и омрачил
славу деду своему Всеславу!
И сам
под багряным щитом
на кровавой траве,
сражен литовскими мечами,
лишь могилу добыл, юный!..
И пропел Боян:
„Князь!
Дружину твою
птицы крыльями приодели,
а звери кровь полизали!“
Не было тут
ни брата Брячислава,
ни другого — Всеслава:
один ты изронил
жемчужну душу
из храбра тела
через злато ожерелье!..

Бессильно слово!
Померкло веселье —
воют трубы в Гродно
по убиту!..

Ярослав,

и все внуки Всеслава,

преклонить вам знамя свое!
Спрячьте в нóжны
мечи посрамленные!
Ибо отвержены вы
от дедовской славы!

Это вы

своими крамолами

принялись наводить поганых
на землю Русскую,
отчизну Всеслава:
из-за рáспрей ведь ваших —

насилье

от земли Половецкой!

На том ли веке Бояна
метнул Всеслав жребий
о дéвице ему лю́бой.
На волшбý опираясь,
Всеслáв добыл-таки

града Киева

и доткнулся копьем
золотого престола киевского!
А и прянул от них

лютым зверем!

Во полýночи — из Бéлагрáда —
ухватил сине облако —
и наутро ж грянул в секиры —
разверз врата Новугрáду,
расшиб славу Ярославу!
Волком скакнул —

с Дудуток до Неми́ги!

А там,

на Немиге:

снопы стелют — головами!
молотят — цепами булатными!
на току — жизнь кладут!
веют — душу от тела!

Немиги кровавый берег
не житом
тогда был посеян —
посеян
костьми́ русских сынов!

Всеслав — князь
и суды творил,
и князьям города рядил, —
а сам ночью
волком рыскал:
из Киева, к петухам,
дорыскивал Тмутороканя!
Солнцу Великому
волком путь перерыскивал!
Ему в Полоцке
позвонили к заутренней —
рано,
у святой Софии
в колокола́,
а он
и в Киеве звон слышал!
Колдовска́я была душа
и не одним телом обладала! —
а в войнах много страдал он!
О нем вещий Боян,
еще и дре́вле,
песню, прозорливец, пропел:
„Ни колдуну,
ни удалому,
ни тому, кто птицы быстрей,
от судьбы Божьей не уйти!"

О!
стонать Русской земле,
вспомянув про старое время
и прежних князей!
Того старого Владимира
и пригвоздить нельзя было
к горам Киевским!
Увы! —

а нынче полки его:
те — Рюриковы,
а другие — Давыдовы!
И враждебно
их бунчуки реют,
врозь дружины поют!..

На Дунае
Ярославнин голос слышен...
Зегзи́цею
незнаемой
на зо́рях кычет.
„Полечу, —
рыдает, —
я зегзицей по Дунаю.
Омочу бебря́н рукав
у Каялы-реки,
утру́ князю кровавые его раны
на истерзанном теле!“
На зо́рях Ярославна кличет,
в Путивле,
на кремлевской стре́льнице,
рыдая:

„О Ветер-Ветрило!
пошто, государь мой,
враждебно веешь?
Кчему половецкие
мечешь стрелы
на своих неустанных крыльях
на моего лады войско?!
Или мало тебе —
там, под облаками, веять,
корабли лелея
в синем море?!
За что,
государь,
ты радость и счастье мое
по ковылию развеял?!.“
На зорях Ярославна кличет,
в Путивле,
на кремлевской стрельнице,
рыдая:

„О Днéпро Словутич!
Ты пробился
и сквозь каменные горы,
через землю Половецкую,
ты, лелея, нес на себе
корабли Святослава,
на сраженье с Кобя́ком, —
прилелей,
государь,
моего ладу ко мне! —
дабы́ не слала к нéму слез,
на зóрях, к морю!..“

Ярославна рано кличет
в Путивле,
на кремлевской стрельнице,
рыдая:
„Светлое
и пресветлое солнце!
Всем тепло и краснó еси́!
Что же ты,
государь мой,
жестокий луч обратило
против лады воинов?!
В степи безводной
жаждою тети́вы иссушило,
му́кою
колчаны замкнуло!“

В полночь море взбушевало!
Идет мрак облаками, —
не князю ли то Игорю
бог путь кажет
из земли Половецкой —
на землю Русскую,
к златоóтческому престолу?..
Погасли вéчера зóри.
Игорь спит — Игорь не спит:
Игорь мыслию поля мерит —
от Великого Дону
до малого Донца,

Коней во полýночи
свистнул Овлур за рекою —
велит князю разумети:
„Князю Игорю — пора!“
Кликнул,
топнул óб земь...
прошумела трава...
От кибитки половецкой
отдалились —
и поскакал Игорь-князь
в тростники — горностаем,
белым гоголем — нá воду!..
Пал на бóрза коня,
а спрыгнул с него
серым волком
и помчался к лугу Донца,
полетел соколом
под облаками,
избивая гусей-лебедей
к завтраку,
и обеду,
и — ýжину!..
А если Игорь соколом полетел —
тогда Овлур волком помчал,
кладя след по студеной росе! —
надорвали бо
своих ретивых коней!

Тут сказал Донец:
„О Игорь-князь!
А и не мало тебе хвалы,
а Кончаку — злой досады,
а Русской земле — веселия!“
Игорь — в ответ:
„Дон ты мой!
А не мало и тебе славы,
кто лелеял Князя на вóлнах,
постилал зеленую постель
на серебряном своем брéге,
одевал Князя
теплыми туманами
под сенью зéлена дрéва,

стерег его —
гоголем на во́де,
чернядьми — на стру́ях,
чайками — на ве́трах".

„Не такова, —

сказал, —

река Стугна:

тощую струю имела́,
но пожрала чужие струи
и погубила юного в па́сти:
юношу князя Ростислава

предала!..

...На бреге скорбном Днепра
плачется мати Ростислава
по юноше-князе Ростиславе...
Цветы почернели от скорби!
Дерево в тоске

к земле припало!..

То не сороки вострескотали —
то на следу Игореве
ездят Гзак с Кончако́м!
Тут во́роны не гра́яли,
галки позамолкли,
сороки не трескотали —
одни змеи ползали только!..
Дятлы стукотко́м

Игорю-князю

путь к реке кажут!
Соловьи

радостною песнею

свет возвещают!..

Тут промолвил Гза Кончаку:
„Если сокол в гнездо летит —
соколенка расстреляем-ка
своими золочёными стрелами!"

Отмолвил Кончак Гзе:
„Если сокол в гнездо летит,
опутаем-ка мы соколенка
красною де́вицею!"

И снова — Гза Кончаку:
„Если его опута́ем, де,
красною де́вицею —
ни сокольца́ нам тут будет,
ни нам — красной де́вицы!
Тут начнут нас
и птицы бить в поле Половецком!“

Спел Боян —
словно к походам Святославича! —
песнотворец старого времени,
Ярославова, Олегова,
княжой любимец:
„Тяжко и голове,
лишенной плеч,
а зло и телу
без головы!“ —
Русской земле — без Игоря!

...Солнце светится на небесах,
Игорь-князь — в Русской земле!
Де́вицы поют на Дунае —
голоса вьются
через море до Киева!
Игорь едет по Боричёву —
к святой богородице Пирогощей.
Страны рады!
Грады ве́селы!..

Спели песнь старым князьям,
а потом молодым споем!
Слава Игорю Святославичу!
Слава буй-тур Всеволоду!
Слава Владимиру Игоревичу!
Здрав,
здрав бу́ди
княже, и дружина,
поборая поганые полки
за землю Русскую!..

ПОЭТИЧЕСКИЕ ПЕРЕВОДЫ „СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ“ ПИСАТЕЛЕЙ XIX ВЕКА

В. А. Жуковский

ПЕРЕЛОЖЕНИЕ СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Не прилично ли будет нам, братия,
Начать древним складом
Печальную повесть о битвах Игоря,
Игоря Святославича!
Начаться же сей песни
По былинам сего времени,
А не по вымыслам Бояновым.
Вещий Боян,
Если песнь кому сотворить хотел,
Растекался мыслию по древу,
Серым волком по земли,
Сизым орлом под облаками.
Вам памятно, как пели о бранях первых времен:
Тогда пускались 10 соколов на стадо лебедей;
Чей сокол долетал, тот и первую песнь пел:
Старому ли Ярославу, храброму ли Мстиславу,
Сразившему Редедю перед полками касожскими,
Красному ли Роману Святославичу.
Боян же, братия, не 10 соколов на стадо лебедей
пускал,
Он вещие персты свои на живые струны вскладывал,
И сами они славу князьям рокотали.
Начнем же, братия, повесть сию
От старого Владимира до нынешнего Игоря.
Натянул он ум свой крепостью,

Изострил он мужеством сердце,
Ратным духом исполнился,
И навел храбрые полки свои
На землю Половецкую за землю Русскую.
Тогда Игорь воззрел на светлое солнце,
Увидел он воев своих, тьмою от него прикрытых,
И рек Игорь дружине своей:
„Братия и дружина!
Лучше нам быть порубленным, чем даться в полон.
Сядем же, други, на борзых коней
Да посмотрим синего Дона“.
Вспала князю на ум охота,
Знаменье заступило ему желание
Отведать Дона великого.
„Хочу, — он рек, — преломить копье
Конец поля Половецкого с вами, люди русские!
Хочу положить свою голову
Или испить шеломом Дона“.
О Боян, соловей старого времени!
Как бы воспел ты битвы сии,
Скача соловьем по мысленну древу,
Взлетая умом под облаки,
Свивая все славы сего времени,
Рыща тропою Трояновой через поля на горы!
Тебе бы песнь гласить Игорю, того Олега внуку!
Не буря соколов занесла чрез поля широкие —
Галки стадами бегут к Дону великому!
Тебе бы петь, вещий Боян, внук Велесов!
Ржут кони за Сулою,
Звенит слава в Киеве,
Трубы трубят в Новеграде,
Стоят знамена в Путивле,
Игорь ждет милого брата Всеволода.
И рек ему буй-тур Всеволод:
„Один мне брат, один свет светлый ты, Игорь!
Оба мы Святославичи!
Седлай, брат, борзых коней своих,
А мои тебе готовы,
Оседланы перед Курском.
А куряне мои — бодрые кмети,
Под трубами повиты,
Под шеломами взлелеяны,

Концем копья вскормлены,
Пути им все ведомы,
Овраги им знаемы,
Луки у них натянуты,
Тулы отворены,
Сабли отпущены,
Сами скачут, как серые волки в поле,
Ища себе чести, а князю славы".
Тогда вступил князь Игорь в златое стремя
И поехал по чистому полю.
Солнце дорогу ему тьмой заступило;
Ночь, грозой шумя на него, птиц пробудила;
Рев в стадах звериных;
Див кличет на верху древа,
Велит прислушать земле незнаемой,
Волге, Поморию и Посулию,
И Сурожу и Корсуню,
И тебе, истукан тьмутараканский!
И половцы неготовыми дорогами побежали к Дону великому:
Кричат в полночь телеги, словно распущенны лебеди.
Игорь ратных к Дону ведет.
Уже беда его птиц окликает,
И волки угрозою воют по оврагам,
Клектом орлы на кости зверей зовут,
Лисицы брешут на червленые щиты...
О Русская земля. Уж ты за горами
Далеко!
Ночь меркнет,
Свет-заря запала,
Мгла поля покрыла,
Щекот соловьиный заснул,
Галичий говор затих.
Русские поле великое червлеными щитами огородили,
Ища себе чести, а князю славы.
В пятницу на заре потоптали они нечестивые полки половецкие
И, рассеясь стрелами по полю, помчали красных дев половецких,
А с ними и злато, и паволоки, и драгие оксамиты;
Ортмами, епончицами, и мехами, и разными узорочьями половецкими

По болотам и грязным местам начали мосты мостить.
А стяг червленый с белой хоругвию,
А чолка червленая со древком серебряным —
Храброму Святославичу!
Дремлет в поле Олегово храброе гнездо —
Далеко залетело!
Не родилось оно на обиду
Ни соколу, ни кречету,
Ни тебе, черный ворон, неверный половчанин!
Гзак бежит серым волком,
А Кончак ему след прокладывает к Дону великому.
И рано на другой день кровавые зори свет поведают;
Черные тучи с моря идут,
Хотят прикрыть четыре солнца,
И в них трепещут синие молнии.
Быть грому великому!
Итти дождю стрелами с Дону великого!
Ту-то копьям поломаться,
Ту-то саблям притупиться
О шеломы половецкие
На реке на Каяле, у Дона великого!
О Русская земля, далеко уж ты за горами!
Уж ветры, Стрибоговы внуки,
Веют с моря стрелами
На храбрые полки Игоревы.
Земля гремит,
Реки текут мутно,
Прахи поля покрывают,
Стяги глаголют;
Половцы идут от Дона, и от моря, и от всех стран.
Русские полки отступили.
Бесовы дети кликом поля прегородили,
А храбрые русичи щитами червлеными.
Ярый тур Всеволод!
Стоишь на обороне,
Прыщешь на ратных стрелами,
Гремишь по шеломам мечем харалужным!
Где ты, тур, ни проскачешь, шеломом златым
посвечивая,
Там лежат нечестивые головы половецкие!
Порублены калеными саблями шлемы аварские
От тебя, ярый тур Всеволод!

Какою ранóю подорожит он, братья,
Он, позабывший о жизни и почестях,
О граде Чернигове, златом престоле родительском,
О красной Глебовне, милом своем желании, свычае
и обычае?
Были сечи Трояновы,
Миновались лета Ярославовы;
Были походы Олеговы,
Олега Святославича.
Тот Олег мечем крамолу ковал,
И стрелы он по земле сеял.
Ступал он в златое стремя в граде Тьмотораканe.
Молву об нем слышал давний великий Ярослав,
сын Всеволодов;
А князь Владимир всякое утро уши затыкал
в Чернигове.
Бориса же Вячеславича слава на суд привела
И на конскую зеленую попону положила
За обиду Олега, храброго юного князя.
С той же Каялы Святополк после сечи взял отца
своего
Меж угорскою конницей ко святой Софии в Киев.
Тогда при Олеге Гориславиче сеялось и вырастало
междоусобием,
Погибала жизнь Дажь-божиих внуков,
В крамолах княжеских век человеческий сокращался.
Тогда по Русской земле редко оратаи распевали,
Но часто враны кричали,
Трупы деля меж собою;
А галки речь свою говорили,
Сбираясь лететь на обед.
То было в тех ратях и тех походах,
Но битвы такой и не слыхано!
От утра до вечера,
От вечера до света
Летают стрелы каленые,
Гремят мечи о шеломы,
Трещат харалужные копья
В поле незнаемом
Среди земли Половецкия.
Черна-земля под копытами
Костьми была посеяна,

Полита была кровию,
И по Русской земле взошло бедой.
Что мне шумит,
Что мне звенит
Так задолго рано перед зарею?
Игорь полки заворачивает:
Жаль ему милого брата Всеволода.
Билися день,
Бились другой,
На третий день к полдню
Пали знамена Игоревы.
Тут разлучилися братья на бреге быстрой Каялы;
Тут кровавого вина недостало;
Тут пир докончали храбрые воины русские:
Сватов попоили,
А сами легли за Русскую землю.
Поникает трава от жалости,
А древо печалию
К земле приклонилось.
Уже не веселое время, братья, настало;
Уже пустыня силу прикрыла;
И встала обида в силах Дажь-божиих внуков,
Девой ступя на Троянову землю,
Встрепенула крыльями лебедиными,
На синем море у Дону плескаяся.
Прошли времена благоденствия,
Миновалися брани князей на неверных.
Брат сказал брату: то мое, а это мое же!
И стали князи про малое спорить, как бы про великое,
И сами на себя крамолу ковать,
А неверные со всех стран набежали с победами на землю Русскую!..
О! далеко залетел ты, сокол, сбивая птиц к морю!
А бесстрашному полку Игореву уже не воскреснуть!
Вслед за ним крикнули Карна и Жля и по Русской земле поскакали,
Мча разорение в пламенном роге.
Жены русские всплакали, приговаривая:
„Уж нам своих милых лад
Ни мыслию смыслить,
Ни думою сдумать,

Ни очами сглядеть,
А злата-сребра много потратить!"
И застонал, друзья, Киев печалию,
Чернигов напастию,
Тоска разлилася по Русской земле,
Обильна печаль потекла среди земли Русской.
Князи сами на себя крамолу ковали,
А неверные сами с победами врывались в землю Русскую,
Дань собирали по белке с двора.
Так то сии два храбрые Святославича,
Игорь и Всеволод, пробудили коварство,
Едва усыпил его мощный отец их,
Святослав грозный, великий князь киевский.
Гроза Святослав!
Притрепетал он врагов своими сильными ратями
И мечами булатными;
Наступил он на землю Половецкую,
Притоптал холмы и овраги,
Возмутил озера и реки,
Иссушил потоки-болота;
А Кобяка неверного из луки моря
От железных великих полков половецких
Вихрем исторгнул,
И Кобяк очутился в городе Киеве,
В гриднице Святославовой.
Немцы и Венеды,
Греки и Моравы
Славу поют Святославову,
Кают Игоря князя,
Погрузившего силу на дне Каялы, реки половецкия,
Насыпав ее золотом русским.
Там Игорь князь из златого седла пересел в седло Кощеево;
Уныли в градах забралы,
И веселие поникло.
И Святославу мутный сон привиделся:
„В Киеве на горах в ночь сию с вечера
Одевали меня, — рек он, — черным покровом на кровати тесовой;
Черпали мне синее вино, с горечью смешанное;

Сыпали мне пустыми колчанами
Жемчуг великий в нечистых раковинах на лоно
И меня нежили.
А кровля без князя была на тереме моем златоверхом.
И с вечера целую ночь граяли враны зловещие,
Слетевшись на склон у Пленьска в дебри Кисановой...
Уж не послать ли мне к синему морю?"
И бояре князю в ответ рекли:
„Печаль нам, князь, умы полонила;
Слетели два сокола с золотого престола отцовского
Поискать города Тьмутараканя
Иль выпить шеломом из Дону.
Уж соколам и крылья неверных саблями подрублены,
Сами ж запутаны в железных опутинах".
В третий день тьма наступила.
Два солнца померкли,
Два багряных столпа угасли,
А с ними и два молодые месяца, Олег и Святослав,
Тьмою подернулись.
На реке на Каяле свет темнотою покрылся.
Гнездом леопардов простерлись половцы по Русской
земле
И в море ее погрузили,
И в хана вселилось буйство великое.
Нашла хула на хвалу,
Неволя ударила на волю,
Вергнулся Див на землю.
Вот уж и готские красные девы
Вспели на бреге синего моря;
Звоня золотом русским,
Поют они время Бусово,
Величают месть Шураканову.
А наши дружины гладны веселием.
Тогда изронил Святослав великий слово златое,
с слезами смешанное:
„О сыновья мои, Игорь и Всеволод!
Рано вы стали мечами разить Половецкую землю,
А себе искать славы!
Не с честию вы победили,
С несчестием пролили кровь неверную!
Ваше храброе сердце в жестоком булате заковано
И в буйстве закалено!

То ль сотворили вы моей серебряной седине!
Уже не вижу могущества моего сильного, богатого,
многовойного брата Ярослава,
С его Черниговскими племенами,
С Монгутами, Татринами и Шельбирами,
С Топчаками, Ревутами и Ольберами.
Они без щитов с кинжалами засапожными
Кликом полки побеждали,
Звеня славою прадедов.
Вы же рекли: „Мы одни постоим за себя,
Славу переднюю сами похитим,
Заднюю славу сами поделим!“
И не диво бы, братья, старому стать молодым.
Сокол ученый
Птиц высоко взбивает,
Не даст он в обиду гнезда своего.
Но горе, горе! князья мне не в помощь!
Времена обратились на низкое!
Вот и Роман кричит под саблями половецкими,
А князь Владимир — под ранами.
Горе и беда сыну Глебову!
Где ж ты, великий князь Всеволод?
Иль не помыслишь прилететь издалеча отцовский
златой престол защитить?
Силен ты веслами Волгу разбрызгать,
А Дон шеломами вычерпать,
Будь ты с ними, и была бы чага по ногате,
А кощей по резане.
Ты же посуху можешь с чадами Глеба удалыми
Стрелять живыми самострелами.
А вы, бесстрашные, Рюрик с Давыдом,
Не ваши ль позлащенные шеломы в крови плавали?
Не ваша ль храбрая дружина рыкает,
Словно как туры, калеными саблями ранены в поле
незнаемом?
Вступите, вступите в стремя златое
За честь сего времени, за Русскую землю,
За раны Игоря, буйного Святославича!
Ты, галицкий князь Осмомысл Ярослав,
Высоко ты сидишь на престоле своем златокованном!
Подпер угорские горы полками железными,
Заступил ты путь королю,

Затворил Дунаю вороты,
Бремена через облаки мечешь,
Рядишь суды до Дуная,
Гроза твоя по землям течет,
Ворота отворяешь ты Киеву,
Стреляешь в султанов с златого престола отцовска
через далекие земли.
Стреляй же, князь, в Кончака, неверного кощея,
за Русскую землю,
За раны Игоря, буйного Святославича!
А ты, Мстислав, и смелый Роман!
Храбрая мысль носит ваш ум на подвиги,
Высоко взлетаете вы на дело отважное,
Словно как сокол на ветрах ширяется,
Птиц одолеть замышляя в отважности!
Шеломы у вас латинские, под ними железные панцыри!
Дрогнули ими многие земли и области хановы,
Литва, Деремела, Ятвяги,
И Половцы, копья свои повергнув,
Главы подклонили
Под ваши мечи харалужные.
Но уже для Игоря князя солнце свет свой утратило,
И древо свой лист не добром сронило;
По Роси, по Суле грады поделены,
А храброму полку Игоря уже не воскреснуть.
Дон тебя, князя, кличет,
Дон зовет князей на победу.
Ольговичи, храбрые князи, доспели на бой.
Вы же, Ингварь, и Всеволод, и все три Мстиславича,
Не худого гнезда шестокрильцы,
Не по жеребью ли победы власть себе вы похитили?
На что вам златые ваши шеломы,
Ваши польские копья, щиты?
Заградите в поле врата своими острыми стрелами
За землю Русскую, за раны Игоря, смелого
Святославича!
Не течет уже Сула струею серебряной
Ко граду Переяславлю;
Уж и Двина болотом течет
К оным грозным полочанам под кликом неверных.
Один Изяслав, сын Васильков,
Позвенел своими острыми мечами о шлемы литовские,

Утратил он славу деда своего Всеслава,
А сам под червлеными щитами на кровавой траве
Положен мечами литовскими,
И на сем одре возгласил он:
„Дружину твою, князь Изяслав,
Крылья птиц приодели.
И звери кровь полизали!“
Не было тут брата Брячислава, ни другого — Всеволода.
Один изронил ты жемчужную душу
Из храброго тела
Через златое ожерелие!
Голоса приуныли,
Поникло веселие,
Трубят городенские трубы.
Ты, Ярослав, и вы, внуки Всеславли,
Пришло преклонить вам стяги свои,
Пришло вам в ножны вонзить мечи поврежденные!
Отскочили вы от дедовской славы,
Навели нечестивых крамолами
На Русскую землю, на жизнь Всеславову!
Бывало нам прежде какое насилие от земли Половецкия!
На седьмом веке Трояновом
Бросил жребий Всеслав о девице милой.
Он, подпершись клюками, сел на коня,
Поскакал ко граду Киеву
И коснулся древком копья до златого престола
Киевского.
Лютым зверем в полночь поскакал он из Белграда,
Синею мглою обвешанный,
Поутру же, стрикузы водрузивши, раздвинул врата
Новугороду,
Славу расшиб Ярославову,
Волоком помчался с Дудуток к Немиге.
На Немиге стелют снопы головами,
Молотят цепами булатными,
Жизнь на току кладут,
Веют душу от тела.
Кровавые бреги Немиги не добром были посеяны —
Посеяны костями русских сынов.
Князь Всеслав людей судил,
Князьям он рядил города,
А сам в ночи волком рыскал;

До петухов он из Киева успевал к Тьмутаракани,
К Херсоню великому волком он путь перерыскивал.
Ему в Полоцке рано к заутрени зазвонили
В колокола у святыя Софии,
А он в Киеве звон слышал.
Пусть и вещая душа была в крепком его теле,
Но часто страдал он от бед.
Ему и вещий Боян древней припевкой предрек:
„Будь хитер, будь смышлен.
Будь по птичью горазд,
А божьего суда не минуешь!"
О, стонать тебе, земля Русская,
Вспоминая времена первые и первых князей!
Нельзя было старого Владимира пригвоздить к горам
киевским!
Стяги его стали ныне Рюриковы,
А другие Давыдовы;
Носят на рогах их, волы ныне землю пашут.
А копья поют на Дунае.
Голос Ярославнин слышится, на заре одинокой
чечоткою кличет:
„Полечу, — говорит, — кукушкою по Дунаю,
Омочу бобровый рукав в Каяле-реке,
Оботру князю кровавые раны на отвердевшем теле его".
Ярославна поутру плачет в Путивле на стене,
приговаривая:
„О ветер, ты ветер!
К чему же так сильно веешь?
На что же наносишь ты стрелы ханские
Своими легковейными крыльями
На воинов лады моей?
Мало ль подоблачных гор твоему веянью?
Мало ль кораблей на синем море твоему лелеянью?
На что ж, как ковыль-траву, ты развеял мое
веселие?"
Ярославна поутру плачет в Путивле на стене,
припеваючи:
„О ты Днепр, ты Днепр, ты Слава-река!
Ты пробил горы каменны
Сквозь землю Половецкую;
Ты, лелея, нес суда Святославовы к рати
Кобяковой:

Прилелей же ко мне ты ладу мою,
Чтоб не слала к нему по утрам, по зарям, слез я
на море!“
Ярославна поутру плачет в Путивле на стене
городской, припеваючи:
„Ты светлое, ты пресветлое солнышко!
Ты для всех тепло, ты для всех красно!
Что ж так простерло ты свой горячий луч на
воинов лады моей,
Что в безводной степи луки им сжало жаждой
И заточило им тулы печалию?“
Прыснуло море ко полуночи;
Идут мглою туманы;
Игорю князю бог путь указывает
Из земли Половецкой в Русскую землю,
К златому престолу отцовскому.
Приугасла заря вечерняя.
Игорь князь спит — не спит,
Игорь мыслию поле меряет
От великого Дона
До малого Донца.
Конь к полуночи;
Овлур свистнул за рекою,
Чтоб князь догадался.
Не быть князю Игорю!
Кликнула, стукнула земля;
Зашумела трава:
Половецкие вежи подвигнулись.
Прянул князь Игорь горностаем в тростник,
Белым гоголем на воду;
Взвернулся князь на быстра коня,
Соскочил с него бесом-волком,
И помчался он к лугу Донца;
Полетел он, как сокол под мглами,
Избивая гусей-лебедей к завтраку, и обеду,
и ужину.
Когда Игорь князь соколом полетел,
Тогда Овлур волком потек за ним,
Сбивая с травы студеную росу:
Притомили они своих борзых коней.
Донец говорит: „Ты, Игорь князь!
Не мало тебе величия,

А Кончаку нелюбия,
Русской земле веселия!"
Игорь в ответ: „Ты, Донец-река!
И тебе славы не мало,
Лелеявшему на волнах князя,
Подстилавшему ему зелену траву
На своих берегах серебряных,
Одевавшему его теплыми мглами
Под навесом зеленого дерева,
Охранявшего его на воде гоголем,
Чайками на струях,
Чернядьми на ветрах.
Не такова, — примолвил он, — Стугна река:
Худая про нее слава!
Пожирает она чужие ручьи,
Струги меж кустов раздирает.
А юноше князю Ростиславу
Днепр затворил брега темные.
Плачет мать Ростиславова
По юноше князе Ростиславе.
Увянул цвет жалобою,
А деревья печалию к земле приклонило".
Не сороки застрекотали —
Вслед за Игорем едут Гзак и Кончак.
Тогда враны не граяли,
Галки замолкли,
Сороки не стрекотали,
Ползком только ползали,
Дятлы стуком путь к реке кажут,
Соловьи веселыми песнями свет прорекают.
Молвил Гзак Кончаку:
„Если сокол к гнезду долетит,
Соколенка мы расстреляем стрелами злачеными!"
Гзак в ответ Кончаку:
„Если сокол к гнезду долетит,
Соколенка опутаем красною девицей!"
И сказал опять Гзак Кончаку:
„Если опутаем красною девицей,
То соколенка не будет у нас,
Не будет и красныя девицы,
И начнут нас бить птицы в поле половецком!"
Пел Боян, песнотворец старого времени,

Пел он походы на Святослава,
Правнука Ярославова, сына Ольгова, супруга
дщери Когановой:
„Тяжко, — сказал он, — быть голове без плеч,
Худо телу, как нет головы!“
Худо Русской земле без Игоря!
Солнце светит на небе —
Игорь князь в Русской земле!
Девы поют на Дунае,
Голоса долетают через море до Киева,
Игорь едет по Боричеву
К святой богородице Пирогощей.
Радуются земли,
Веселы грады.
Песнь мы спели старым князьям,
Песнь мы спели князьям молодым:
Слава Игорю Святославичу!
Слава буйному туру Всеволоду!
Слава Владимиру Игоревичу!
Здравствуйте, князья и дружина,
Поборая за христиан полки неверные!
Слава князьям, а дружине аминь!

А. Н. Майков

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Не начать ли нашу песнь, о братья,
Со сказаний о старинных бранях, —
Песнь о храброй Игоревой рати
И о нем, о сыне Святославле!
И воспеть их, как поется ныне,
Не гоняясь мыслью за Бояном!
Песнь слагая, он, бывало, вещий,
Быстрой векшей по лесу носился,
Серым волком в чистом поле рыскал,
Что орел, ширял под облаками!
Как воспомнит брани стародавни,
Да на стаю лебедей и пустит
Десять быстрых соколов вдогонку;
И какую первую настигнет,
Для него и песню пой та лебедь, —
Песню пой о старом Ярославе ль,
О Мстиславе ль, что в бою зарезал,
Поборов, Касожского Редедю,
Аль о славном о Романе Красном...
Но не десять соколов то было:
Десять он перстов пускал на струны,
И князьям, под вещими перстами,
Сами струны славу рокотали!..

Поведем же, братия, сказанье
От времен Владимировых древних,
Доведем до Игоревой брани,
Как он думу крепкую задумал,

Наострил отвагой храброй сердце,
Распалился славным ратным духом
И за землю русскую дружины
В степь повел на ханов половецких.

У Донца был Игорь, только видит —
Словно тьмой полки его прикрыты,
И воззрел на светлое он солнце,
Видит: солнце — что двурогий месяц,
А в рогах был словно угль горящий;
В темном небе звезды просияли;
У людей в глазах позеленело.
„Не добра ждать“, — говорят в дружине.
Старики поникли головами:
„Быть убитым нам или плененным!“
Князь же Игорь: „Братья и дружина,
Лучше быть убиту, чем плененну!
Но кому пророчится погибель —
Кто узнает, нам или поганым?
А посядем на коней на борзых,
Да посмотрим синего-то Дону!“
Не послушал знаменья он солнца,
Распалясь взглянуть на Дон великий!
„Преломить копье свое, — он кликнул, —
Вместе с вами, Русичи, хочу я,
На конце неведомого поля!
Или с вами голову сложити,
Иль испить златым шеломом Дону!“

О Боян, о вещий песнотворец,
Соловей времен давно минувших!
Ах, тебе б певцом быть этой рати!
Лишь скача по мысленному древу,
Возносясь орлом под сизы тучи,
С древней славой новую свивая,
В путь Троянов мчась чрез дол на горы,
Воспевать бы Игореву славу!

То не буря соколов помчала,
То не стаи галчьи побежали
Чрез поля-луга на Дон великий...
Ах, тебе бы петь, о внук Велесов!..

За Сулой-рекою да ржут кони,
Звон звенит во Киеве во стольном,
В Новеграде затрубили трубы;
Веют стяги красные в Путивле...
Поджидает Игорь мила брата;
А пришел и Всеволод, и молвит:
„Игорь, брат, един ты свет мой
светлый!
Святославли мы сыны, два брата!
Ты седлай коней своих ретивых,
А мои оседланы уж в Курске!
И мои Куряне ль не смышлены!
Повиты под бранною трубою,
Повзросли под шлемом и кольчугой,
Со конца копья они вскормлены!
Все пути им сведомы, овраги!
Луки туги, тулы отворены,
Остры сабли крепко отточены,
Сами скачут, словно волки в поле,
Алчут чести, а для князя славы!..“

И вступил князь Игорь во злат
стремень,
И дружины двинулись за князем.
Солнце путь их тьмою заступало:
Ночь пришла — та взвыла, застонала
И грозою птиц поразбудила.
Свист звериный встал кругом по степи;
Высоко поднявшися по древу,
Черный Див закликал, подавая
Весть на всю незнаемую землю,
На Сулу, на Волгу и Поморье,
На Корсунь и Сурожское море,
И тебе, болван Тмутороканский!
И бегут неезжими путями
К Дону тьмы поганых, и отвсюду
От телег их скрып пошел, — ты
скажешь —
Лебедей испуганные крики.

Игорь путь на Дон великий держит,
А над ним беду уж чуют птицы

И несутся следом за полками;
Воют волки по крутым оврагам,
Ощетинясь, словно бурю кличут;
На красны щиты лисицы брешут,
А орлы, своим зловещим клектом,
По степям зверье зовут на кости...

А уж в степь зашла ты, Русь,
далеко!
Перевал давно переступила!

Ночь редеет. Бел рассвет
проглянул,
По степи туман понесся сизый;
Позамолкнул щекот соловьиный,
Галчий говор по кустам проснулся...
В поле Русь, с багряными щитами,
Длинным строем изрядилась к бою,
Алча чести, а для князя славы.

И в пяток то было; спозаранья,
Потоптали храбрые поганых!
По полю рассыпавшись, что стрелы,
Красных дев помчали половецких,
Аксамиту, паволок и злата,
А мешков и всяких узорочий,
Кожухов и юрт такую силу,
Что мосты в грязях мостили ими.
Все дружине храброй отдал Игорь,
Красный стяг один себе оставил,
Красный стяг, серебряное древко,
С алой чолкой, с белою хоругвью.

Дремлет храброе гнездо Олега.
Далеко, родное, залетело!
„Не родились, знай, мы на обиду
Ни тебе, быстр сокол, пестер
кречет,
Ни тебе, зол ворон Половчанин..."

А уж Гзак несется серым волком,
И Кончак за Гзаком им навстречу...

И в другой день, полосой кровавой,
Повещают день кровавый зори...
Идут тучи черные от моря,
Тьмой затмить хотят четыре солнца...
Синие в них молнии трепещут...
Грому быть, великому быть грому!
Лить дождю калеными стрелами!
Поломаться копьям о кольчуги,
Потупиться саблям о шеломы,
О шеломы половчан поганых!

А уж в степь зашла ты, Русь,
далеко!
Перевал давно переступила!..

Чу! Стрибожьи чада понеслися,
Веют ветры, уж наносят стрелы,
На полки их Игоревы сыплют...
Помутились, пожелтели реки,
Загудело поле, пыль поднялась,
И сквозь пыли уж знамена плещут...
Ото всех сторон враги подходят,
И от Дона, и от синя моря,
Обступают наших отовсюду!
Отовсюду бесовы исчадья
Понеслися с гиканьем и криком:

Молча, Русь, отпор кругом готовя,
Подняла щиты свои багряны.

Ярый тур ты, Всеволод! стоишь ты
Впереди с Курянами своими!
Прыщешь стрелами на вражьих воев,
О шеломы их гремишь мечами!
Где ты, буй-тур, ни поскачешь
в битве,
Золотым посвечивая шлемом, —
Там валятся головы поганых,
Там трещат аварские шеломы
Вкруг тебя от сабель молодецких!
Не считает ран уж он на теле!

Да ему о ранах ли тут помнить,
Коль забыл он и Чернигов славный,
Отчий стол, честны пиры княжие
И своей красавицы-княгини,
Той ли светлой Глебовны, утехи,
Милый лик и ласковый обычай!

Были веки темного Трояна,
Ярослава годы миновали;
Были брани храброго Олега...
Тот Олег мечом ковал крамолу,
Сеял стрелы по земле по Русской...
Затрубил он сбор в Тмуторокани:
Слышал трубы Всеволод великий,
И с утра в Чернигове Владимир
Сам в стенах закладывал ворота...
А Бориса ополчила слава
И на смертный одр его сложила
На зеленом поле у Канина...
Пал млад князь, пал храбрый
Вячеславич,
За его ж, за Ольгову обиду!
И с того зеленого же поля,
На своих угорских иноходцах,
Ярополк увез и отче тело
Ко святой Софии в стольный Киев.
И тогда ж, в те злые дни Олега,
Сеялось крамолой и ростилось
На Руси от внуков Гориславы:
Погибала жизнь Дажьбожьих внуков,
Сокращались веки человекам...
В дни те редко ратаи за плугом
На Руси покрикивали в поле;
Только враны каркали на трупах,
Галки речь вели между собою,
Далеко почуя мертвечину.

Так в те брани, так в те рати
было,
Но такой, как Игорева битва,
На Руси не слыхано от века!

От зари до вечера, день целый,
С вечера до света реют стрелы,
Гремлют остры сабли о шеломы,
С треском копья ломятся булатны,
Середи неведомого поля,
В самом сердце Половецкой степи!
Под копытом черное все поле
Было сплошь засеяно костями,
Было кровью алою полито,
И взошел посев по Руси — горем!..

Что шумит-звенит перед зарею?
Скачет Игорь полк поворотити...
Жалко брата... Третий день уж
бьются!
Третий день к полудню уж подходит:
Тут и стяги Игоревы пали!
Стяги пали, тут и оба брата
На Каяле быстрой разлучились...
Уж у храбрых Русичей не стало
Тут вина кровавого для пира,
Попоили сватов да и сами
Полегли за отческую землю!
В поле травы с жалости поникли,
Дерева с печали приклонились...

Невеселый час настал, о братья!
Уж пустыня скрыла поле боя,
Где легла Дажьбожья внука сила —
Но над ней стоит ее Обида...
Обернулась девою Обида,
И ступила на землю Трояню,
Распустила крылья лебедины,
И, крылами плещучи у Дона,
В синем море плеща, громким гласом
О годах счастливых поминала:

„От усобиц княжьих — гибель Руси!
Братья спорят: то мое и это!
Зол раздор из малых слов заводят,
На себя куют крамолу сами,

А на Русь с победами приходят
Отовсюду вороги лихие!..

Залетел далече, ясный сокол,
Загоняя птиц ко синю морю, —
А полка уж Игорева нету!
На всю Русь поднялся вой поминок,
Поскочила скорбь от веси к веси,
И, мужей зовя на тризну, мечет
Им смолой пылающие роги...
Жены плачут, слезно причитают:
Уж ни мыслью милых нам не смыслить!
Уж ни думой лад своих не сдумать!
Ни очами нам на них не глянуть,
Златом, сребром нам уже не звякнуть!

Стонет Киев, тужит град Чернигов,
Широко печаль течет по Руси;
А князья куют себе крамолу,
А враги с победой в селах рыщут,
Собирают дань по белке с дыму...
А все храбрый Всеволод да Игорь!
То они зло лихо разбудили:
Усыпил было его могучий
Святослав, князь Киевский великий...
Был грозой для ханов половецких!
Наступил на землю их полками,
Притоптал их холмы и овраги,
Возмутил их реки и озера,
Иссушил потоки и болота!
А того поганого Кобяка,
Из полков железных половецких,
Словно вихрь, исторг из лукоморья —
И упал Кобяк во стольный Киев,
В золотую гридню к Святославу...
Немцы, Греки и Венецияне,
И Морава хвалят Святослава,
И корят все Игоря, смеются,
Что на дне Каялы половецкой
Погрузил он русскую рать-силу,
Реку русским золотом засыпал,

Да на ней же сам с седла златого
На седло кощея пересажен".

В городах затворены ворота.
Приумолкло на Руси веселье.
Смутен сон приснился Святославу.

„Снилось мне, — он сказывал боярам, —
Что меня, на кипарисном ложе,
На горах, здесь, в Киеве, ох, черным
Одевали с вечера покровом;
С синим мне вином мешали зелье;
Из поганых половецких тулов
Крупный жемчуг сыпали на лоно;
На меня, на мертвеца, не смотрят, —
В терему ж золотоверхом словно
Из конька повыскочили доски, —
И всю ночь прокаркали у Пленска,
Там, где прежде дебрь была Кисаня,
На подолье, стаи черных вранов,
Проносясь несметной тучей к морю..."

Отвечали княжии бояре:

„Ум твой, княже, полонило горе!
С злат-стола два сокола слетели,
Захотев испить шеломом Дону,
Поискать себе Тмуторокани:
И подсекли половцы им крылья,
А самих опутали в железа!
В третий день внезапу тьма настала!
Оба солнца красные померкли,
Два столба багряные погасли,
С ними оба тьмой поволоклися
И в небесных безднах погрузились,
На веселье ханам половецким,
Молодые месяцы, два света —
Володимир с храбрым Святославом!
На Каяле Тьма наш Свет покрыла,
И простерлись половцы по Руси,
Словно люты пардусовы гнезда!

Уж хула на славу нанеслася,
Зла нужда ударила на волю,
Черный Див повергнулся на землю,
Рад, что девы готские запели
По всему побрежью синя моря!
Золотом позванивают русским,
Прославляют Бусовы победы
И лелеют месть за Шарукана...
До веселья ль, княже, тут дружине!"

Изронил тогда в ответ боярам
Святослав из уст златое слово,
Горючьми слезами облитое:

„Детки, детки, Всеволод мой, Игорь!
Сыновцы мои вы дорогие!
Не в пору искать пошли вы славы
И громить мечами вражью землю!
Ни победой, ни пролитой кровью
Для себя не добыли вы чести!
Да сердца-то ваши удалые
На огне искованы на лютом,
Во отваге буйной закалены!
Что теперь вы, дети, сотворили
С сединой серебряной моею?
Нет со мной уж брата Ярослава!
Он ли сильный, он ли многоратный,
Со своей черниговской дружиной! —
А его Могуты и Татраны,
Топчаки, Ревуги и Ольберы,
Те — с ножами, без щитов, лишь кликом,
Бранной славой прадедам ревнуя,
Побеждают полчища и рати...
Вы ж возмнили: сами одолеем!
Всю сорвем, что в будущем есть, славу,
Да и ту, что добыли уж деды!..

Старику б помолодеть не диво!
Вьет гнездо сокол и птиц взбивает,
Своего гнезда не даст в обиду,
Да беда — в князьях мне нет помоги!
Времена тяжелые настали:

Крик в Ромнах под саблей половецкой!
Володимир ранами изъязвлен,
Стонет, тужит Глебович удалый...
Что ж ты, княже, Всеволод великий!
И не в мысль тебе перелетети,
Издалека поблюсти стол отчий?
Мог бы Волгу веслами разбрызгать,
Мог бы Дон шеломами расчерпать!
Будь ты здесь, да Половцев толпою
Продавали б — девка по ногате,
Смерд-кощей по резани пошел бы!
Ведь стрелять и посуху ты можешь —
У тебя живые самострелы —
Двое братьев, Глебовичей храбрых!

Ты, буй Рюрик, ты, Давид удалый!
Вы ль с дружиной по златые шлемы
Во крови не плавали во вражьей?
Ваши ль рати не рычат по степи,
Словно туры, раненные саблей!
Ой, вступите в золотое стремя,
Распалитесь гневом за обиду
Вы за землю Русскую родную,
За живые Игоревы раны!

Остромысл ты вещий, Ярославе...
Высоко на золотом престоле
Восседаешь в Галиче ты крепком!
Подпер ты своей железной ратью,
Что стеной, Карпатские угорья,
Заградив для короля дорогу,
Затворив ворота на Дунае,
Через тучи сыпля горы камней
И судя до самого Дуная!
И текут от твоего престола
По землям на супротивных грозы...
Отворяешь в Киеве ворота,
Мечешь стрелы за земли в салтанов!..
Ах, стреляй в поганого кощея,
Разгроми Кончака за обиду,
Встань за землю Русскую родную,
За живые Игоревы раны!..

Ты, Роман, с своим Мстиславом
верным!
Смело мысль стремит ваш ум на подвиг!
Ты, могучий, в замыслах высоко
Возлетаешь, что сокол ширяя
На ветрах, над верною добычей...
Грудь у вас из-под латинских шлемов
Вся покрыта кольчатою сеткой!
Перед вами трепетали земли.
Потрясались Хиновские страны,
Деремела ж, Половцы с Литвою
И Ятвяги палицы бросали
И во прах кидались перед вами!
Свет, о князь, от Игоря уходит!
Не на благо лист спадает с древа!
По Роси, Суле враг грады делит,
А полку уж Игорева нету!
Дон зовет, Роман, тебя на подвиг,
Всех князей сзывает на победу,
А одни лишь Ольговичи вняли
И на брань, на зов его, доспели...

Ингварь, Всеволод, и вы, три брата,
Вы, три сына храброго Мстислава,
Не худа гнезда птенцы крылаты!
Отчин вы мечом не добывали —
Где же ваши шлемы золотые?
Аль уж нет щитов и ляшских палиц?
Заградите острыми стрелами
Ворота на Русь с широкой степи!
Потрудитесь, князи, в поле ратном,
Все за землю Русскую родную,
За живые Игоревы раны!..

Уж не той серебряной струею
Потекла Сула к Переяславлю,
И Двина пошла уже болотом,
Взмущена врагом, под грозный Полоцк!
Услыхал и Полоцк крик поганых!
Изяслав булатными мечами
Позвонил один о вражьи шлемы,
Да разбил лишь дедовскую славу,

Сам сражен литовскими мечами
И изрублен на траве кровавой,
Под щитами красными своими!
И на том одре на смертном лежа,
Сам сказал: „Вороньими крылами
Приодел ты, князь, свою дружину,
Полизать зверям ее дал крови!“
И один, без брата Брячислава,
Без другого — Всеволода-брата,
Изронил жемчужную он душу;
Изронил, один, из храбра тела,
Сквозь свое златое ожерелье!..
И поникло в отчине веселье,
В Городне трубят печально трубы...

Все вы, внуки грозного Всеслава,
Опустите ваши красны стяги
И в ножны мечи свои вложите:
Вы из дедней выскочили славы!
В ваших сварах первые вы стали
Наводить на отчий край поганых!
И от вас, не лучше половецких,
Таковы ж насилья были Руси!
Загадал о дедине любезной
Тот Всеслав, на Киев жребий бросил,
На коня вскочил он и помчался,
Да лишь древком копия добился
До его престола золотого!
В ночь бежал оттуда лютым зверем,
Синей мглой из Белграда поднялся,
Утром бил уж стены в Новеграде,
Ярослава славу порушая...
Проскочил оттуда серым волком,
От Дудуток на реку Немигу...
Не снопы то стелют на Немиге —
Человечьи головы кидают!
Не цепами молотят — мечами!
Жизнь на ток кладут и веют душу,
Веют душу храбрую от тела!
Ох, не житом сеяны — костями!
Берега кровавые Немиги,
Все своими русскими костями!..

Днем Всеслав суды судил народу,
И ряды рядил между князьями,
В ночь же волком побежит, бывало,
К петухам в Тмуторокань поспеет,
Хорсу путь его перебегая!
Да! ему заутреню, бывало,
Зазвонят у Полоцкой Софии,
Он же звон у Киевской уж слушал!
А хотя и с вещею душою
Был, великий, в богатырском теле,
Все ж беды терпел-таки немало!
Про него и спел Боян припевку:
„Будь хитер-горазд, летай хоть птицей,
Все суда ты божьего не минешь!"

Ох, стонать земле великой, Русской,
Про князей воспоминая давних,
Вспоминая прежнее их время!
Да нельзя ж ведь было пригвоздити
Ко горам ко Киевским высоким
Старика Владимира навеки!
По рукам пошли его знамена
И уж розно машут бунчуками,
Розно копья петь пошли по рекам!..

Игорь слышит Ярославнин голос...
Там, в земле незнаемой, поутру
Раным-рано ласточкой щебечет:
„По Дунаю ласточкой помчусь я,
Омочу бебрян рукав в Каяле,
Оботру кровавы раны князю,
На белом его могучем теле!.."

Там она, в Путивле, раным-рано
На стене стоит и причитает:

„Ветр-ветрило! Что ты, господине,
Что ты веешь, что на легких крыльях
Носишь стрелы в храбрых воев лады!
В небесах, под облаки бы веял,
По морям кораблики лелеял,

А то веешь, веешь — развеваешь
На ковыль-траву мое веселье...“

Там она, в Путивле, раным-рано
На стене стоит и причитает:

„Ты ли, Днепр мой, Днепр ты мой,
Славутич!
По земле прошел ты Половецкой,
Пробивал ты каменные горы!
Ты ладьи лелеял Святослава,
До земли Кобяковой носил их...
Прилелей ко мне мою ты ладу,
Чтоб мне слез не слать к нему
с тобою
По сырым зорям на сине море!..“

Рано-рано уж она в Путивле
На стене стоит и причитает:

„Светлое, тресветлое ты солнце,
Ах, для всех красно, тепло ты, солнце!
Что ж ты, солнце, с неба устремило
Жаркий луч на лады храбрых воев!
Жаждой их томишь в безводном поле,
Сушишь-гнешь несмоченные луки,
Замыкаешь кожаные тулы...“

Сине море прыснуло к полночи.
Мглой встают, идут смерчи морские:
Кажет бог князь-Игорю дорогу
Из земли далекой Половецкой
К золотому отчему престолу.

Погасают сумерки сквозь тучи...
Игорь спит — не спит, крылатой мыслью
Мерит поле ко Донцу от Дона.
За рекой Овлур к полночи свищет,
По коня он свищет, повещает:
„Выходи, князь Игорь, из полона“.

Ветер воет, проносясь по степи,
И шатает вежи половецки:
Шелестит-шуршит ковыль высокий,
И шумит-гудит земля сырая...
Горностаем скок в тростник князь Игорь,
Что бел гоголь по воде ныряет,
На быстра добра коня садится;
По лугам Донца, что волк, несется;
Что сокол летит в сырых туманах,
Лебедей, гусей себе стреляет
На обед, на завтрак и на ужин.

Что сокол летит князь светлый Игорь,
Что сер волк Овлур за ним несется,
Студену росу с травы стряхая,
Уж лихих коней давно загнали.

Вран не каркнет, галчий стихнул говор,
И сорочья стрекота не слышно.
Только дятлы ползают по ветвям,
Дятлы тёктом путь к реке казуют,
Соловьин свист зори повещает...

Говорит Донец: „Ох, князь ты Игорь!
Величанья ж ты себе да добыл,
А Кончаку всякого проклятья,
Русской всей земле светла веселья!“

Отвечал Донцу князь светлый Игорь:
„Донче, Донче, ты ли, тихоструйный!
И тебе да будет величанье,
Что меня ты на волнах лелеял,
Зелену траву мне стлал в постелю
На своем серебряном побрежье;
Теплой мглою на меня ты веял
Под темной зеленою ракитой;
Серой уткой сторожил на русле,
На струях — чирком, на ветрах —
чайкой...
Вот Стугна, о Донче, не такая!
Как пожрет-попьет ручьи чужие,
По кустам, по долам разольется!..

Ростислава-юношу пожрала,
На Днепре ж, на темном побережье,
Плачет мать по юноше, по князе;
Приуныли с жалости цветочки,
Дерева с печали приклонились...“

Не сороки — чу! — застрекотали:
Едут Гзак с Кончаком в злу погоню.

Молвит Гзак Кончаку на погони:
„Коль сокол к гнезду летит, урвался,
Уж млада соколика не пустим,
А поставим друга в чистом поле,
Расстреляем стрелами златыми“.

И в ответ Кончак ко люту Гзаку:
„Коль сокол к гнезду летит, урвался,
Сокольца опутаем потуже
Крепкой цепью — красною девицей“.

Гзак в ответ Кончаку слово молвит:
„Коль опутать красною девицей,
Не видать ни сокольца младого,
Не видать ни красной нам девицы;
А их детки бить почнут нас в поле,
Здесь же, в нашем поле половецком“.

Стародавних былей песнотворец,
Ярослава певший и Олега,
Так-то в песне пел про Святослава:
„Тяжело главе без плеч могучих,
Горе телу без главы разумной“.
И земле так горько было Русской
Без удала Игоря, без князя...
Ан на небе солнце засветило:
Игорь-князь в земле уж скачет Русской.
На Дунае девицы запели;
Через море песнь отдалась в Киев.
Игорь едет, на Боричев держит,
Ко святой иконе Пирогощей.

В селах радость, в городах веселье;
Все князей поют и величают,
Перво — старших, а за ними — младших.
Воспоем и мы: свет-Игорь — слава!
Буй-тур-свету-Всеволоду — слава!
Володимир Игоревич — слава!
Святославу Ольговичу — слава!
Вам на здравье, князи и дружина,
Христиан поборцы на поганых!

Слава князьям и дружине!
Ами́нь.

Т. Г. Шевченко

* * *

С рассвета и до вечера,
А с вечера и до света
Летит стрела каленая,
Гремит сабля о шеломы,
Трещит копье булатное
Среди незнаемого поля,
Вокруг — земля половецкая.

Распахана копытами,
Лежит земля изрытая,
Костьми земля засеяна,
Вся кровию политая.
Тоска-печаль на этом поле
Взошла над русскою землей.

Что там шумит, что там звенит
Пред зорями? То Игорь войско
Вспять возвращает на подмогу
Буй-туру князю Всеволоду.

Сражались день,
Другой сражалися,
На третий, около полудня,
Поникли Игоревы стяги.

Вот так на берегу Каялы
Расстались братья: недостало

Вина кровавого! Кончала
Дружина русичей тот пир.
        Сватов напоили
        И полегли рядами
За землю русскую. В печали
Во прах легла плакун-трава,
Клонились долу дерева,
Клонились долу, тосковали.

(Перевод с укр.
А. Тарковского)

ПЕРЕВОДЫ ПЛАЧА ЯРОСЛАВНЫ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Н. А. Заболоцкий

ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ

Над широким берегом Дуная,
Над великой Галицкой землей
Плачет, из Путивля долетая,
Голос Ярославны молодой:

„Обернусь я, бедная, кукушкой,
По Дунаю-речке полечу
И рукав с бобровою опушкой,
Наклонясь, в Каяле омочу.
Улетят, развеются туманы,
Приоткроет очи Игорь-князь,
И утру кровавые я раны,
Над могучим телом наклонясь“.

Далеко в Путивле, на забрале,
Лишь заря займется поутру,
Ярославна, полная печали,
Как кукушка кличет на юру:

„Что ты, Ветер, злобно повеваешь,
Что клубишь туманы у реки,
Стрелы половецкие вздымаешь,
Мечешь их на русские полки?
Чем тебе не любо на просторе
Высоко под облаком летать,

Корабли лелеять в синем море,
За кормою волны колыхать?
Ты же, стрелы вражеские сея,
Только смертью веешь с высоты.
Ах, зачем, зачем мое веселье
В ковылях навек развеял ты?“

На заре в Путивле, причитая,
Как кукушка раннею весной,
Ярославна кличет молодая,
На стене рыдая городской:

„Днепр мой славный! Каменные горы
В землях половецких ты пробил,
Святослава в дальние просторы
До полков Кобяковых носил.
Возлелей же князя, господине,
Сохрани на дальней стороне,
Чтоб забыла слезы я отныне,
Чтобы жив вернулся он ко мне!“

Далеко в Путивле, на забрале,
Лишь заря займется поутру,
Ярославна, полная печали,
Как кукушка, кличет на юру:

„Солнце трижды светлое! С тобою
Каждому приветно и тепло.
Что ж ты войско князя удалое
Жаркими лучами обожгло?
И зачем в пустыне ты безводной
Под ударом грозных половчан
Жаждою стянуло лук походный,
Горем переполнило колчан?“

А. А. Прокофьев

ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ

Копья свищут на Дунае,
А Ярославна на ветру,
Что кукушка, что лесная,
В Путивле плачет поутру:

„Я кукушкою печальной
По Дунаю полечу,
И в реке Каяле дальней
Я рукав свой омочу.

Там, где бой начнется снова,
Встречу князя поутру,
Рукавом ему бобровым
Кровь с жестоких ран сотру“.

Так горько плачет Ярославна
В Путивле рано на стене:

„Ветер, ветер в чистом поле,
Быстролетный, милый друг,
По неволе иль по воле
Веешь сильно так вокруг?

Ты зачем, взметнув потоки
Дуновеньем легких крыл,
Тучей ханских стрел жестоких
Войско милого покрыл?

Мало ль оболок кисейных,
Кораблей по синь-морям,
Так зачем мое веселье
Разомчал по ковылям?“

Так горько плачет Ярославна
В Путивле рано на стене:

„Славный Днепр мой! Ты в просторы
Волны быстрые промчал
Через каменные горы,
Через землю половчан.

Без тревоги, без печали
Волны синие твои
Поднимали и качали
Святославовы ладьи.

Сжалься, Днепр мой, надо мною,
Над тоской наедине,
И с попутною волною
Друга ты примчи ко мне“.

Так горько плачет Ярославна
В Путивле рано на стене:

„Солнце, солнце золотое,
В небе ярко ты горишь,
Солнце красное, родное,
Всем тепло и свет даришь.

Что ж ты нынче золотые
Стрелы мечешь для того,
Чтоб палить и жечь в пустыне
Войско мужа моего?

Луки жажда им согнула,
И, взлетая от песка,
Им колчаны позамкнула
В поле лютая тоска.

Д. Н. Семеновский

ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ

Раным рано, в смутный час рассветный,
Ярославнин голос слышен мне.
Чу, она зегзицей бесприветной
Горько кличет в тишине:
„Я взовьюсь над полем, над дубровой,
По Дунаю быстро полечу
И в Каяле свой рукав бобровый
По дороге омочу.

Князь мой ранен. Кровью заалели
Злые раны на груди его,
Смою кровь на мужественном теле
У супруга моего!“

Раным-рано, далекó-далёко,
В городе Путивле на стене,
Ярославна плачет одиноко,
Причитая в тишине:
„Что ты, Ветер, веешь с буйной силой?
О Ветрило-Ветер, для чего
Мчишь ты стрелы хана, легкокрылый,
В воев лада моего?

Мало ль ты под облаками веял,
На морях лелея корабли?
Что ж мое веселье ты рассеял
В ковыле степной земли?“

Раным-рано, далекó-далёко,
На стене путивльской городской,
Ярославна плачет одиноко,
Восклицая вдаль с тоской:
„Днепр Словутич, каменные гряды
Ты сквозь землю половцев пробил,
Святослава легкие насады
В стан Кобяка ты носил.
О, когда бы, на волнах лелея,
Ты, могучий, лада мне принес,
Чтоб не слала рано по заре я
Вдаль, на море, горьких слез!“

Раным-рано, далекó-далёко,
На путивльской городской стене,
Ярославна плачет одиноко,
Восклицая в тишине:
„Солнце, трижды светлое светило!
Всем тепло, красно ты, Солнце, всем!
Что ж ты воев лада опалило
Огневым лучом? Зачем
В стороне безводной, незнакомой
Луки воям зноем ты свело
И глухой полуденной истомой
Им колчаны запекло?

ПЕРЕВОДЫ ПЛАЧА ЯРОСЛАВНЫ ПИСАТЕЛЕЙ XIX ВЕКА

В. В. Капнист

ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ

Ярославнин голос слышится. Она, как пустынная горлица, рано воркует: „Полечу,—вещает,— горлицею по Дунаю; обмочу бобровой рукав в Каяле реке, оботру князю кровавыя раны на твердом его теле".

Ярославна поутру плачет в Путивле на городской стене, приговаривая: „О ветер, буйный ветер! почто ты так сильно веешь? К чему наносишь ханския стрелы своим неутомимым крылом на воинов милого моего супруга? Мало ли тебе гор возвевать под облаками, качая корабли на синем море? Почто развеял ты по ковылю мое веселие?

Ярославна поутру плачет в Путивле на городской стене, приговаривая: „О славный Днепр! ты пробил каменныя горы сквозь землю половецкую, ты носил на себе Святославовы военные суда до стану Кобякова; принеси ко мне моего супруга, чтоб не посылать мне слез к нему на море".

Ярославна поутру плачет в Путивле на городской стене, приговаривая: „О светлое и пресветлое солнце! для всех ты тепло и красно; почто простерло ты горячий луч на воинов моего супруга? в поле безводном засушило луки их жаждою и горестию колчаны их затворило?"

И. И. Козлов

ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ

(Княгине З. А. Волконской)

То не кукушка в роще темной
Кукует рано на заре —
В Путивле плачет Ярославна
Одна на городской стене:
„Я покину бор сосновый,
Вдоль Дуная полечу,
И в Каяль-реке бобровый
Я рукав мой обмочу;
Я домчусь к родному стану,
Где кипел кровавый бой,
Князю я обмою рану
На груди его младой".

В Путивле плачет Ярославна,
Зарей, на городской стене:
„Ветер, ветер, о могучий,
Буйный ветер! что шумишь?
Что ты в небе черны тучи
И вздымаешь и клубишь?
Что ты легкими крылами
Возмутил поток реки,
Вея ханскими стрелами
На родимые полки?"

В Путивле плачет Ярославна,
Зарей, на городской стене:
„В облаках ли тесно веять
С гор крутых чужой земли?

Если хочешь ты лелеять
В синем море корабли,
Что же страхом ты усеял
Нашу долю? для чего
По ковыль-траве развеял
Радость сердца моего?"

В Путивле плачет Ярославна,
Зарей на городской стене:
„Днепр мой славный! ты волнами
Скалы половцев пробил;
Святослав с богатырями
По тебе свой бег стремил.
Не волнуй же, Днепр широкий,
Быстрый ток студеных вод, —
Ими князь мой черноокий
В Русь святую поплывет".

В Путивле плачет Ярославна,
Зарей, на городской стене:
„О река! отдай мне друга —
На волнах его лелей,
Чтобы грустная подруга
Обняла его скорей;
Чтоб я боле не видала
Вещих ужасов во сне,
Чтоб я слез к нему не слала
Синим морем на заре".

В Путивле плачет Ярославна,
Зарей, на городской стене:
„Солнце, солнце, ты сияешь
Всем прекрасно и светло!
В знойном поле что сжигаешь
Войско друга моего?
Жажда луки с тетивами
Иссушила в их руках,
И печаль колчан с стрелами
Заложила на плечах".

И тихо в терем Ярославна
Уходит с городской стены.

В. Г. Белинский

* * *

Ярославнин голос раздается рано поутру:

„Полечу я по Дунаю зегзицею, омочу бобровый рукав в Каяле-реке, отру князю кровавые раны на жестоком теле его!“

Ярославна рано плачет в Путивле на городской стене, аркучи: „О ветер, о ветер! зачем, господине, так сильно веешь? Зачем на своих легких крыльях мчишь ханские стрелы на воинов моей лады? Или мало для тебя гор, чтобы веять под облаками, лелеючи корабли на синем море? Зачем, господине, развеял ты мое веселие по ковыль-траве?“

Ярославна рано плачет в Путивле на городской стене, аркучи:

„О Днепр пресловутый! ты пробил каменные горы сквозь землю половецкую, ты лелеял на себе ладьи Святославовы до стану Кобякова: взлелей же, господине, мою ладу ко мне, чтобы не слала я к нему по утрам слез моих на море“.

Ярославна рано плачет в Путивле на городской стене, аркучи:

„Светлое и пресветлое солнце! всем и красно и тепло ты: зачем, господине, простер горячий луч свой на воинов моей лады, в безводном поле жаждою луки им сопряг, печалию им колчаны затянул?

(В. Г. Белинский, Древние российские стихотворения, статья III)

Л. А. Мей

ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ

Поют копья на Дунай-реке.
Ярославны голос слышен....
Перелетною кукушкой
Поутру она кукует:
„Полечу, — княгиня молвит, —
Я кукушкой по Дунаю,
Омочу рукав бобровый
Во Каяле во реке,
Вытру раны я у князя
На его кровавом теле!“

Ярославна рано плачет
Во Путивле на ограде,
Приговариваючи:
„Ох ты, ветер, буйный ветер!
Для чего насильно веешь,
Для чего на легких крыльях
Ты стрелков наносишь ханских
На удалую дружину
Моего милова друга?
Али мало тебе веять
Вверх, под облако, лелея
Корабли на синем море?
Для чего мое веселье
По ковыль-траве развеял?“

Ярославна рано плачет
Во Путивле на ограде,
Приговариваючи:

„Ох ты, Днепр мой пресловутый!
Через каменные горы
В Половецкую страну
Ты пробился, ты лелеял
Святославовы насады
До Кобякова полку;
Прилелей же мне милóва,
Чтобы нá море поýтру
Мне не слать к милóму слез!“

Ярославна рано плачет
Во Путивле на ограде,
Приговариваючи:
„Ох ты солнце, мое солнце,
Солнце светлое мое!
Всем светло и всем красно ты:
Для чего ж лучом горячим
Опалило ты дружину
Моего милóва друга,
И в безводном поле жаждой
У нее луки стянуло,
И колчаны ей истомой
Заложило, запекло?“

Н. Гербель

ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ

Звучный голос раздается
Ярославны молодой.
Стоном горлицы несется
Он пред утренней зарей:

„Я быстрей лесной голубки
По Дунаю полечу —
И рукав бобровой шубки
Я в Каяле обмочу:
Князю милому предстану
И на теле на больном
Окровавленную рану
Оботру тем рукавом“.

Так в Путивле, изнывая,
На стене на городской
Ярославна молодая
Горько плачет пред зарей:

„Ветер, что ты завываешь
И на крыльях на своих
Стрелы ханские вздымаешь,
Мечешь в воинов родных?
Иль тебе уж на просторе
Тесно веять в облаках,
Корабли на синем море
Мчать, лелеять на волнах?

Для чего ж одним размахом
Радость лучшую мою
Ты развеял легким прахом
По степному ковылю?"

Так в Путивле, изнывая,
На стене на городской
Ярославна молодая
Горько плачет пред зарей:

„Днепр мой славный! ты волнами
Горы крепкие пробил,
Половецкими землями
Путь свой дальний проложил;
На себе, сквозь все преграды,
Ты лелеяла, река,
Святославовы насады
До улусов Кобяка:
О, когда б ты вновь примчала
Друга к этим берегам,
Чтобы я к нему не слала
Слез на море по утрам!"

Так в Путивле, изнывая,
На стене на городской
Ярославна молодая
Горько плачет пред зарей:

„Солнце ясное трикраты!
Всем ты кра́сно и тепло!
Для чего лучом утраты
Войско милого сожгло?
Для чего в безводном поле
Жаждой луки им свело
И что гнет тоски-недоли
На колчаны налегло?"

Т. Г. Шевченко

ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ

В Путивле-граде утром рано
Поет и плачет Ярославна,
Поет кукушкою, скорбя,
И скорбью мучает себя.
Молвит: „Полечу зегзицею,
Сизой чайкою-вдовицею
Я вдоль по Дону полечу,
Рукав бобровый омочу
В Каяле. И на теле белом,
На теле княжьем омертвелом
Я кровь сухую оботру,
Глубокие омою раны...“

И стонет-плачет Ярославна
В Путивле рано на валу:
„Ты, ветер, ветер мой, ветрило!
Ты, господин мой легкокрылый!
Зачем крылом могучим ты
На войско наше с высоты,
На войско князя неустанно
Бросаешь злые стрелы хана?
Не мало ль неба и земли
И моря синего? На море
Качай насады-корабли.
А ты, прелютый... Горе! Горе!
Мое веселье ты украл,
В степи ковыльной разбросал...“

Тоскует, стонет, плачет рано
В Путивле-граде Ярославна
И молвит: „Сильный и седой,
Широкий Днепр! Своей волной
Пробил еси крутые скалы,
Катясь по землям половецким,
Носил еси на байдаках
На половцев, на Кобяка —
Носил дружину Святославлю!..
О мой Словутич достославный!
Мое ты ладо принеси,
Чтоб я постель ему постлала
И в море слез не посылала, —
Слезами моря не долить".

И плачет-плачет Ярославна
В Путивле, на воротах града...
Святое солнышко взошло,
И молвит: „Солнце пресвятое
На землю радость принесло
Земле и людям. Надо мною
Одной досель не рассвело.
Ты, господин мой, сжег долины,
Спалил еси траву степей,
Спалил и князя, и дружину,
Теперь вдову его убей!
Ты, солнце! Не свети, не грей, —
Мой князь погиб... я тоже сгину!"

*(Перевод с укр.
А. Тарковского)*

ВАРИАЦИИ НА ТЕМЫ „СЛОВА“ В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Александр Прокофьев

ЯРОСЛАВНА

Сохранен твой след осенним ливнем,
Грозами и русскою зимой,
Ярославна, свет мой, на Путивле,
Свет мой, день мой, век недолгий мой!

Где же, где же он, гонец крылатый,
С доброй вестью с грозных берегов:
Копьями, колчанами, булатом
Заслонен твой Игорь от врагов!

Видно, спор с ветрами не был равным.
Дальний друг, одно известно мне:
Плачем исходила Ярославна
На Путивля каменной стене.

Вот ко всем путям, тобой любимым,
Славословя, припадаю я:
К той земле, которой ты ходила,
К той воде, которая твоя!

Ты такая ясная, простая,
Ты такая русская в дому...
Пусть же никогда не зарастает
Торный путь к порогу твоему!

Наталья Болотова

СЛОВО

Одинокая кукушка куковала
На заре весенней жизни утром.
Плакала княгиня Ярославна
Сиротою на стенах Путивля.
Вдаль душой рвалась к реке Каяле,
Чтобы смыть на теле мужа раны,
Ветер, Днепр и солнце заклинала —
Быть добрее к воинам родного!
. . . .
Укрепил свой ум, наполнил сердце
Мужеством и духом ратным Игорь.
Со своею храброю дружиной
Он ушел бороться за отчизну.
Солнце тьмою путь их застилало,
Ночь грозой стонала, звери выли,
Слали страх деревья кличем Дивьим.
Орлий клекот, лай лисиц, — недоля!
...В первый день побиты вражьи стаи.
Серым волком Гзак уходит к Дону.
След ему Кончак степями правит.
...Русская земля! Ты за шеломом!
Новый день вставал зарей кровавой...
Вновь сбирались тучи с Дона, с моря...
...И не раз каймою алой запад
И восток богато наряжались —
Не смолкает треск булатных копьев,
Так же свищут стрелы каленые...
Покрывают кости поле битвы,
Поливает кровь посев печальный.

...Храбро бились русские дружины!
Но несметных полчищ половецких
Лютого напора не сдержали.
К полдню пали Игоревы стяги.
Пали стяги! Кончен пир кровавый!
Никнут травы в жалости. Деревья
Скорбные к земле сырой склонились...
...Не воскреснет Игорево войско...
Плачут жены русские о милых.
Стонет Киев от большой печали.
Зарыдала горькою кукушкой
На стенах Путивля Ярославна.

. . . .

Если враг и хищный и жестокий
Вновь нагрянет на мою отчизну —
Я не стану одиноко плакать,
Я не буду в горечи томиться.
Я надену шлем с звездою красной,
Тонкий стан теснее опояшу,
В руки девичьи возьму винтовку,
В бой пойду с своим любимым рядом.
Я не стану слезные моленья
К солнцу посылать, к воде и к ветру;
Знаю я: сильна моя отчизна —
Подчинит себе она стихию,
Крылья сильные мне даст для битвы.
Дерзким кречетом взметнусь в простор широкий,
Ветер стихнет, солнце путь осветит.
...Родина моя! Ты так прекрасна.
Лебедем разрежу воды моря,
Гордо в бой вступлю я с вражьей сворой.
Знаю я — наш путь к победе верен:
Рулевой, прищурясь, мудро правит.
Знаю я: в труде, в веселье, в битвах
Родина моя единой грудью дышит.
Закален в борьбе многовековой
Дух ее, могучий и свободный...
...Родина моя непобедима.
Этому порукой счастье наше,
Звезд кремлевских пламень лучезарный
И вождя большое сердце...

Платон Воронько

ЯРОСЛАВНА

Со мною с поры стародавней
Путивля родная земля.
Я слышу твой плач, Ярославна,
И тень застилает поля.

Затмения вещего полог
Все небо закрыл и пути.
Зачем не схватила ты повод,
Сказала: „Иди, коль итти!

Иди, не смотри на приметы,
Их много на ратных путях!"
А тучи лилового цвета
Вставали грозой на холмах.

Не в отчем Путивле — в чужбине,
В степях, где колюча стерня,
Зачем, поклонившись дружине,
Ты крикнула: „Князю коня!"

И взор твой, летящий в просторы,
На солнце дивится: ушло!..
Лишь каркает, кружится ворон
Да тьмы распростерлось крыло.

Затих перед теремом гомон,
Дружинники строго молчат.

А князь твой, сверкая шеломом
И бросив, как молнию, взгляд

Во тьму, что закрыла поляны,
Вскочил, не помедлив, в седло.
Пути на Лучищу, Спадщаны
Песчаной пургой замело.

И звоны затихли глухие,
Лишь эхо гудит средь полей
Про князя дела боевые
И свет его ясных очей...

Давно разошлись путивляне,
Осела дорожная пыль,
Сверкает роса на поляне,
Да гнется помятый ковыль.

Но ты не дошла до светлицы,
Не села за прялкой резной.
Пока не сверкнули зарницы,
Глядела ты в сумрак ночной.

А после за башнями стала —
Как эти века далеки! —
Вода замутилась Каялы,
Неведомой ныне реки.

И крыльями птицы-зегзицы
Еще не разбужена тишь.
На месте заветной криницы
Шумит еле слышно камыш.

Где все эти стены, ворота,
В высоких венцах терема,
Где солнечных глав позолота
И в тяжких сугробах зима?

Проходит весна молодая,
И вновь суховей на полях
Заносит в кустах молочая
Прославленный Игоря шлях,

Где высятся стены в тумане,
Пески на курганном горбе,
Где слышали плач путивляне
И падали в ноги тебе.

*

Века за веками, сгорая,
Ушли навсегда на закат.
Летит журавлиная стая,
И нет ей дороги назад.

Ты в вечном своем ожиданьи,
В великой, безмерной любви
Стоишь на высоком кургане
И смотришь на тучи в крови.

Ложатся на плечи, на руки
Туманы от Сейма-реки,
И росы как слезы разлуки,
И слезы, как росы, тяжки.

Меня из карпатских походов
Ты, воина, ждешь в тишине —
Вот-вот, переехавший бродом,
Я встану из тьмы на коне.

И видятся сердцу средь ночи,
На розовой зорьке и днем
Заплаканной девушки очи,
Согретые счастья огнем.

Ты тянешься думами всеми
Навстречу — до боли, до слез! —
И рвется железное стремя,
И гнется густой верболоз.

Рассыпались светлые косы
На плечи весенним дождем.
Плывет суховей на откосы
За каждым примятым кустом.

Он кружит до самого Сана,
Где стонет от боя земля,

Я слышу твой плач, Ярославна,
Покрывший печалью поля.

Он тучей на западе стынет,
Он солнце затмил по горам,
Чтоб нам, партизанской дружине,
Пробиться к тем Черным борам.

Я вывел отряд под Ославну,
Взрывая мосты на пути.
Спасибо, что ты, Ярославна,
Сказала: „Иди, коль итти!

Иди, не смотри на приметы,
Их много на ратных путях!“
О верная, нежная, где ты
В овеянных бурей годах?

В Путивле ты горе встречаешь,
Летя в крутоверти войны,
Иль в прусских полях наступаешь,
Забыв про привалы и сны?

Где б ты ни была, неустанно
Я слышу рыданье твое.
Ведь вновь из за Буга и Сана
Туманное солнце встает.

Туманное солнце!..
Но скоро
Лучом оно темень пробьет,
И брызнет в степные просторы,
И тучи вокруг разметет.

И песнею плач твой польется
Над всей нашей дружной семьей, —
Ведь конь мой безудержу рвется
На солнечный путь золотой!

И вырвутся птицы-зегзицы,
Вернется родимая рать,
И воды заветной криницы,
Как песнь твоя, станут звучать!..

*

Победным огнем осиянна,
Путивля родная земля!
Спасибо тебе, Ярославна,
За плач, что сердца окрылял.

За верность, что в каждом столетьи
Венчала наш путь боевой,
За песню, что первой на свете
Сменила твой плач вековой!

*(Перевод с укр.
Вс. Рождественского*

Андрей Малышко

* * *

Ярославна, Игорь кличет снова,
Шлет гонца из дальнего полка,
Буйным жаром солнца золотого
Смуглая опалена щека.

То не Игорь, не его дружина —
От меня лишь весточка пришла,
Ты ждала, гадала, ворожила —
Забывать, пожалуй, начала.

Вновь вода заплещется в кринице,
Бубны грома снова зазвучат,
Молодые, робкие синицы
Крыльями о стекла застучат.

И тебе приснится, беспокоя,
Мой блиндаж, мой рай земной и дом,
Где в кипеньи яростного боя
Мне защита — в имени твоем.

*(Перевод с укр.
Б. Турганова)*

В. Звягинцева

ЯРОСЛАВНА

Тихо мерцает серьга голубая,
Косам завидует ива любая,
Ветви купая в озерной воде.

Спится — не спится... и князь
не приснится.
Давеча билась в окошко синица:
Словно бы к новой какой-то беде.

Солнце в оконце глядит слюдяное...
Скучное солнце сегодня какое!
Нету доселе от князя гонца.

Очи отерла холщовою тканью
Да потихонечку, раннею ранью,
Тяжко вздыхая, спустилась с крыльца.

Легкой стопою на тропку ступила.
Чу!.. где-то кличет кукушка уныло.
„Ой, горемычная, словно как я".

Тих опустевший Путивль. Недалеко
Спит городская стена одиноко.
Скорбь посетила родные края.

Бьется за русскую землю дружина,
Чтобы над ней воронье не кружило,
Бьется далече родимая рать.

По́ небу тучи плывут и уходят, —
Доблесть высокая в юном народе
Будет с веками расти и мужать.

Век ли кручиниться нам по светлицам,
Косам неприбранным по ветру виться,
Бисеру слезному очи мутить?

Утро росистое. Пахнет как славно!
Ветер платочек сорвал с Ярославны.
„Все бы тебе, господине, шутить“.

Встала над тихой путивльской стеною,
Запричитала кукушкой лесною,
Слышат — не слышат в степи ковыли.

Руки простерла в печали-кручине:
„Ветер, ветрило, к чему, господине,
Мечешь хиновские стрелы вдали?“

Утренний ветер в ответ ей крепчает,
Ветер полыни седые качает,
Треплет кустарник, ветлою шумит.

Воды днепровские там, за холмами,
Плещут, встают буревыми волнами:
„Чей это голос нас горько корит?“

Солнце малиной зарделось далече,
Слушает женские смелые речи,
Спряталось в облачном легком дыму.

Слышит князь Игорь: не копья запели —
Ветер поет, как над вешней капелью,
Голосом лады в далеком дому.

Л. Татьяничева

ЯРОСЛАВНА

Снова дует неистовый ветер,
Быть кровавому, злому дождю.
Сколько дней, сколько длинных столетий
Я тебя, мой единственный, жду.

Выйду в поле, — то едешь не ты ли
На запененном верном коне.
Я ждала тебя в древнем Путивле
На высокой, на белой стене.

Я навстречу зегзицей летела,
Не страшилась врагов-басурман.
Я твое богатырское тело
Столько раз врачевала от ран.

Проходили согбенные годы
Через горы людской маяты,
И на зов боевой непогоды
Откликался по-воински ты.

Не считал ты горячие раны,
И на землю не падал твой меч.
Откатилась орда Чингис-Хана
Головою, скошенною с плеч.

И остался на вечные веки
Ты грозой для пришельцев-врагов.
Омывают российские реки
С рук твоих чужеземную кровь.

...Снова ветер гудит, неспокоен,
Красный дождь прошумел по стране,
Снова ты, мой возлюбленный, воин,
Мчишься в бой на крылатом коне.

Труден путь твой, суровый и бранный,
Но нетленной останется Русь,
И тебя я, твоя Ярославна,
В славе подвигов ратных дождусь.

ВАРИАЦИИ НА ТЕМЫ „СЛОВА“ В ЛИТЕРАТУРЕ XIX—НАЧАЛА XX ВЕКА

А. Н. Радищев

ИЗ ПЕСЕН, ПЕТЫХ НА СОСТЯЗАНИЯХ В ЧЕСТЬ ДРЕВНИМ СЛАВЯНСКИМ БОЖЕСТВАМ

Тогда пущает 10 соколов на стадо лебедей;
которой дотечаше, та преди песнь пояше...
(Песнь на поход Игоря на Половцев, стр. 3)

ПЕСНИ ДРЕВНИЕ

Певец лет древних славных, певец времени Владимира, коего в громе парящая слава быстро пронеслась до Геллеспонта, Боян, певец сладчайший, коего глас, соловьиному подобный, столь нежно щекотал слухи твоих современников; возложи, Боян, благозвонкие твои персты на одушевленные, на живые твои струны; ниспошли ко мне песнь твою из горних чертогов света, где ты в беседе Омира и Оссиана торжество поешь ироев древних или славу богов; ниспошли, и да звук ее раздается во всех краях, населяемых потомками колен славянских.

А. С. Грибоедов

СЕРЧАК И ИТЛЯР

Серчак

Ты помнишь ли, как мы с тобой, Итляр,
На поиски счастливые дерзали,
С коней три дня, три ночи не слезали;
Им тяжко: градом пот и клубом пар,
А мы на них — то вихрями в пустыне,
То вплавь по быстринам сердитых рек...
Кручины, горя не было вовек,
И мощь руки не та была, что ныне.
Зачем стареют люди и живут,
Когда по жилам кровь едва струится!
Когда подъять бессильны ратный труд
И темя их снегами убелится!
Смотри на степь — что день, то шумный бой,
Дух ветреный, другого превозмогший,
И сам гоним... сшибутся меж собой
И завивают пыль и злак иссохший:
Так человек рожден гонять врага,
Настичь, убить иль запетлить арканом.
Кто на путях не рыщет алчным враном,
Кому уже конь прыткий не слуга,
В осенней мгле, с дрожаньем молодецким,
Он, притаясь, добычи не блюдет, —
Тот ляг в сыру землю́: он не живет!
Не называйся сыном половецким!

Итляр

Мы дряхлы, друг, но ожили в сынах,
И отроки у нас для битвы зрелы.
Не празднен лук — натянут в их руках;
Недаром мещут копья, сыплют стрелы.
Давно ль они несчетный лов в полон
Добыли нам, ценою лютых браней,
Блестящих сбруй, и разноцветных тканей,
И тучных стад, и белолицых жен.
О, плачься, Русь богатая! Бывало,
Ее полки и в наших рубежах
Корысть деля́т. Теперь не то настало!
Огни ночной порою в камышах
Не так разлитым заревом пугают,
Как пламя русских сел, — еще пылают
По берегам Трубе́жа и Десны...
Там бранные пожары засвечают
В честь нам, отцам, любезные сыны.

Серчак

В твоих сынах твой дух отцовский вне́дрен!
Гордись, Итляр! Тебя их мужественный вид,
Как в зимний день луч солнечный, живит.
Я от небес лишь дочерью ущедрен,
И тою счастлив... Верь, когда с утра
Зову ее и к гру́ди прижимаю —
Всю тяжесть лет с согбенных плеч стрясаю.
Но ей отбыть из отчего шатра:
Наступит день, когда пришельцу руку
Должна подать на брачное житье;
Душой скорбя, я провожу ее,
И, может быть, на вечную разлуку...
Тогда приди всем людям общий рок!
Закройтесь, очи, — не в семье чад милых...
Наездник горький: ветх и одинок,
Я доживу остаток дней постылых!
Где лягут кости? В землю их вселят
Чужие руки, свежий дерн настелят,
Чужие меж собой броню, булат
И все мое заветное разделят!..

А. Н. Островский

ПЕСНЬ ГУСЛЯРОВ ИЗ „СНЕГУРОЧКИ“

Вещие, звонкие струны рокочут
Громкую славу царю Берендею.
Долу опустим померкшие очи,
Ночи
Мрак безрассветный смежил их навечно,
Зрячею мыслью, рыскучей оглянем
Близких соседей окрестные царства.

Чтó мне звенит по заре издалече?
Слышу и трубы, и ржание кóней,
Глухо стези под копытами стонут.
Тонут
В сизых туманах стальные шеломы,
Звонко брякают кольчатые брони,
Птичьи стада по степям пробуждая.

Луки напряжены, тулы открыты,
Пашут по ветру червленые стяги,
Рати с зарания по полю скачут.
Плачут
Жены на стенах и башнях высоких:
Лад своих милых не видеть нам боле,
Милые гибнут в незнаемом поле.

Стоны по градам, притоптаны нивы.
С ýтра до ночи и с ночи до свету
Ратаи черными вранами рыщут.

Прыщут
Стрелы дождем по щитам вороненым,
Гремлят мечи о шеломы стальные,
Сулицы скрозь прободают доспехи.

Чести и славы князьям добывая,
Ломят и гонят дружины дружины,
Топчут комонями, копьями нижут.
Лижут
Звери лесные кровавые трупы,
Крыльями птицы прикрыли побитых,
Тугой поникли деревья и травы.

Веселы грады в стране берендеев,
Радостны песни по рощам и долам,
Миром красна Берендея держава.
Слава
В роды и роды блюстителю мира!
Струны баянов греметь не престанут
Славу златому столу Берендея.

Иван Франко

НА СТАРЫЕ ТЕМЫ

Из книги „Semper tiro"

* * *

Не лѣпо ли ны бяшеть, братіе?..

Не пора ль начать нам, братья, слово,
Слово скорбное в глухое время,
Не бренчать, как дети, а пред всеми,
Как мужчины, выступить сурово?

Снарядим мы слово для похода
Не на половецкие равнины, —
В тайные сердечные глубины,
Где куется будущность народа.

Мы потопчем там полки поганых,
Что летят к нам в душу, как тревога,
Сыплют жар из огненного рога,
Нож переворачивают в ранах.

Справимся с неправдою тяжелой,
С той, что малый грех в большой
вменяет,
Брата братом злобно угнетает,
Чтоб с врагами сесть за пир веселый.

Разве мало мы в цепях стонали
И друг друга пожирали мало?
Разве мало толпами нас гнали,
Мало в одиночку умирало?

* * *

Се у Римѣ кричять подъ саблями половецкими.

Полночный крик звучит среди степных раздолий.
Иль это родичи рыдают по родному?
Иль раненый зовет на помощь в чистом поле?
Иль плачут сироты об их жестокой доле
Без матери-отца, без хлеба и без дома?

Неведомый певец похода удалого...
Тетивы вместо струн натянуты, багряны,
Он будит воинов от сна их векового
И храбрые полки зовет на битву снова
„За землю русскую, за Игоревы раны“.

Давно забытые, в степи стоят могилы,
Спит Игорь-князь и с ним дружина удалая;
И лишь в словах певца гремят былые силы,
Столетья протекли, дремотны и унылы,
А кровь из русских ран течет, течет, пылая.

(Перевод М. Зенкевича)

И. А. Бунин

КОВЫЛЬ

Что ми шумить, что ми звенить
давеча рано предъ зорями?

(Сл. о Пл. Игор.)

I

Что шумит-звенит перед зарею?
Что колышет ветер в темном поле?

Холодеет ночь перед зарею,
Смутно травы шепчутся сухие, —
Сладкий сон их нарушает ветер.
Опускаясь низко над полями,
По курганам, по могилам сонным,
Нависает в темных балках сумрак.
Бледный день над сумраком забрезжил,
И рассвет ненастный задымился...

Что шумит-звенит перед зарею?
Что колышет ветер в темном поле?

Холодеет ночь перед зарею,
Серой мглой подернулися балки...
Или это ратный стан белеет?
Или снова веет вольный ветер
Над глубоко спящими полками?
Не ковыль ли, старый и сонливый,
Он качает, клонит и качает,
Вежи половецкие колышет
И бежит-звенит старинной былью?

II

Ненастный день. Дорога прихотливо
Уходит вдаль. Кругом все степь да степь.
Шумит трава дремотно и лениво,
Немых могил сторожевая цепь
Среди хлебов загадочно синеет,
Кричат орлы, пустынный ветер веет
В задумчивых, тоскующих полях,
Да тень от туч кочующих темнеет.

А путь бежит... Не тот ли это шлях,
Где Игоря обозы проходили
На синий Дон? Не в этих ли местах,
В глухую ночь, в яругах волки выли,
А днем орлы на медленных крылах
Его в степи безбрежной провожали
И клектом псов на кости созывали,
Грозя ему великою бедой?
— Гей, отзовись, степной орел седой!
Ответь мне, ветер буйный и тоскливый!

...Безмолвна степь. Один ковыль сонливый
Шуршит, склоняясь ровной чередой...

1894

Валерий Брюсов

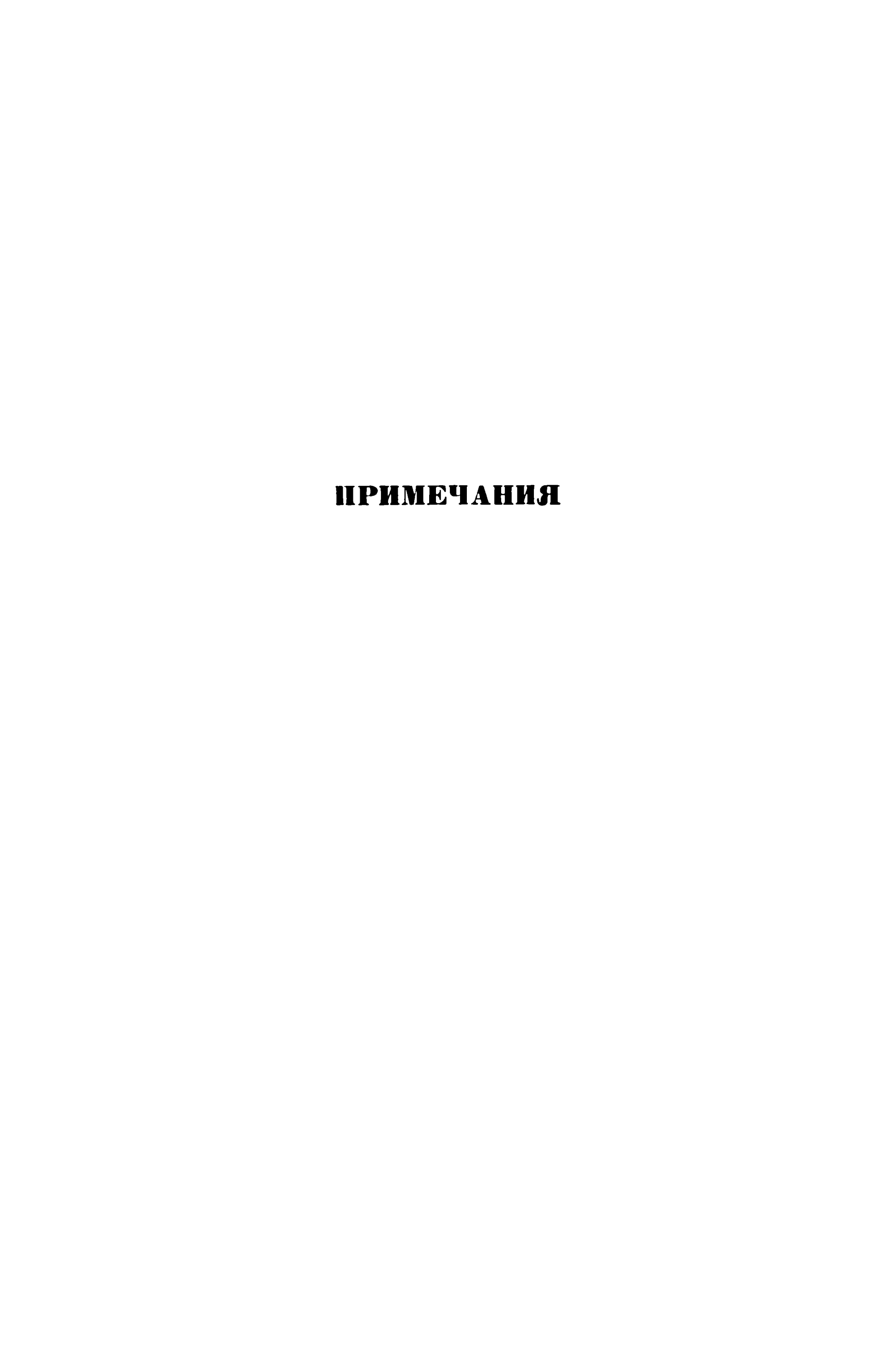
ПЕВЦУ СЛОВА

Стародавней Ярославне тихий ропот струн.
Лик твой скорбный, лик твой бледный, как и прежде, юн.
Раным-рано ты проходишь по градской стене,
Ты заклятье шепчешь солнцу, ветру и волне,
Полететь зегзицей хочешь в даль, к реке Каял,
Где без сил, в траве кровавой, милый задремал.
Ах, о муже-господине вся твоя тоска!
И, крутясь, уносит слезы в степи Днепр-река.

Стародавней Ярославне тихий ропот струн.
Лик твой древний, лик твой светлый, как и прежде, юн.
Иль певец безвестный, мудрый, тот, кто Слово спел,
Все мечты веков грядущих тайно подсмотрел?
Или русских женщин лики все в тебе слиты?
Ты — Наташа, ты — и Лиза, и Татьяна — ты!
На стене ты плачешь утром... Как светла тоска!
И, крутясь, уносит слезы песнь певца — в века!

1912

(Из цикла „Голубой"
отдела „В наших чертогах")

ПРИМЕЧАНИЯ

ОТ РЕДАКТОРА

Об интересе советского читателя к „Слову о полку Игореве" говорят многочисленные издания этого произведения, вышедшие в годы советской власти.

Последнее издание „Слова о полку Игореве" вышло в 1950 году, к 150-летнему юбилею его первого издания в серии „Литературные памятники".

Но многочисленные статьи и исследования, написанные о „Слове" за последние годы, и сессия в Академии наук СССР, посвященная переводам его на современный русский язык, состоявшаяся осенью 1951 года, дали ряд новых материалов к изучению „Слова о полку Игореве" и вызвали необходимость нового издания его.

Издание „Слова о полку Игореве" в большой серии „Библиотеки поэта" ставит своей целью отразить и современное состояние изучения „Слова о полку Игореве" и тот интерес к нему, который наблюдался в русской культуре и литературе XIX века и наблюдается в них и в наше время.

В новом издании „Слова" шире, чем обычно это делается в изданиях, посвященных ему, показана жизнь его в советскую эпоху в литературе и искусстве: в переводах советских поэтов, в созданных на его мотивы произведениях, в отражении его в советской поэзии и прозе.

Основной цели нового издания „Слова о полку Игореве" — показать его актуальное общественно-воспитательное и художественное значение в нашей современности — служит и принятый в нем порядок расположения материала: от современных произведений — в прошлое.

В первом разделе книги мы помещаем фототипическую копию первого издания „Слова о полку Игореве", текст памятника, с внесением в него конъектурных поправок, и прозаический перевод „Слова" академика А. С. Орлова.

Текст „Слова о полку Игореве" мы даем с теми поправками, которые, на наш взгляд, являются наиболее правильными и необходимыми. Оправдание избранных нами прочтений аргументируется в комментариях к тексту. В подстрочных примечаниях приводятся разночтения по Мусин-Пушкинскому тексту „Слова" и

Екатерининской копии. Чтения первого текста обозначаются буквой П, а второго — К.

Давая лучший прозаический перевод „Слова о полку Игореве", сделанный акад. А. С. Орловым, мы в примечаниях к нему помещаем наш перевод тех мест „Слова", которые, по нашему мнению, должны быть прочтены иначе.

Во втором разделе книги даются переводы „Слова о полку Игореве" И. А. Новикова, В. И. Стеллецкого и А. К. Югова, вновь переработанные авторами для настоящего издания. Переводы эти отличаются рядом индивидуальных особенностей не только в художественной трактовке „Слова", но и в понимании его отдельных мест. Мы считаем необходимым сохранить это своеобразие художественных переводов советских переводчиков.

Но во вступительной статье и в комментариях к тексту памятника мы даем толкование тех или иных мест в „Слове о полку Игореве" согласно с данными современной филологической науки. В некоторых случаях мы говорим о своем отношении к толкованию этими переводчиками отдельных мест из „Слова". Кроме этих, характерных для нашего времени переводов „Слова", публикуются лучшие переводы его XIX века — В. А. Жуковского и А. Н. Майкова. Здесь же дается перевод отрывка из „Слова о полку Игореве", сделанный великим украинским поэтом Т. Г. Шевченко.

Третий раздел книги посвящен переводам плача Ярославны и произведениям, написанным под влиянием „Слова о полку Игореве".

Плач Ярославны неоднократно привлекал поэтов XIX века и нашего времени своим лиризмом и высокой художественностью. Многие поэты переводили из всего „Слова" лишь плач Ярославны или создавали под его влиянием свои оригинальные поэтические произведения.

Этот раздел книги делится на две части — в первой даются переводы „плача", во второй — вариации на темы „Слова".

И в этом разделе книги, так же как и во втором, на первом месте стоят произведения нашего времени, а затем писателей XIX и начала XX века.

После основных комментариев к тексту памятника даются примечания к переводам И. А. Новикова и В. И. Стеллецкого, написанные авторами их для этого издания. С принципами перевода А. К. Югова и комментариями его к „Слову" можно ознакомиться в книге — А. К. Югов «Слово о полку Игореве» Советский писатель, 1945.

КОММЕНТАРИИ К ТЕКСТУ „СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ“

Слово. Вопрос о том, к какому литературному жанру относится „Слово о полку Игореве“, нельзя считать окончательно разрешенным. В заглавии памятник назван „словом“, в тексте — и „повестью“ („почнемъ же повѣсть сію...“) и „песнью“ („начати же ся тъй пѣсни по былинамь сего времени...“). Первые издатели назвали памятник „Ироическая песнь“, но многочисленные исследования ритмики „Слова“ с достаточной убедительностью говорят, что это произведение не стихотворное. Некоторые исследователи считают, что „Слово“ — памятник героического эпоса, „героическая поэма“, но против этого предположения имеются два возражения: 1) все эпические произведения (во всяком случае, эпос европейский) написаны стихами, а „Слово“ не стихотворное произведение; 2) героический эпос воспевает события далекого прошлого. „Слово“ же было создано еще при жизни героя. Так же неубедительно предположение, что „Слово“ — историческая повесть, так как художественные приемы автора противоречат методу и всему строю древнерусского исторического повествования. Окончательно отвергнута в настоящее время гипотеза о том, что „Слово“ является былиной XII века. Наконец, существует предположение, что „Слово о полку Игореве“ — памятник политического красноречия. (См. И. П. Еремин. — «„Слово о полку Игореве“ как памятник политического красноречия Киевской Руси» в сборн. „Слово о полку Игореве“, изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 93—129.) То, что „Слово о полку Игореве“ одновременно называется и „словом“, и „повестью“, и „песнью“, говорит в пользу последней гипотезы, ибо только произведения ораторской прозы одновременно назывались этими тремя терминами. Если считать „Слово“ памятником политического красноречия, то термины „слово“, „песнь“ и „повесть“ имеют вполне определенное значение: „Слово“ как термин в ораторской прозе обозначало принадлежность произведения к **торжественному красноречию**, в отличие от памятников дидактического, учительского красноречия. „Песнь“ как термин «обозначал не столько литературную принадлежность произведения, сколько его содержание, его направленность, а потому и употреблялся не в прямом, а

в переносном значении: „песнь“ в смысле „хвала“, „похвала“, „слава“» (И. П. Еремин, назв. соч., стр. 94). „Повесть“: „в торжественном красноречии Киевской Руси слово это приобрело значение термина, обозначающего центральную, повествовательную часть речи и в этом именно смысле не раз употреблялось, обычно при переходе от вступления к этой повествовательной части“ (там же, стр. 95). В таком значении и можно понимать в „Слове о полку Игореве“ слова „слово“, „повесть“ и „песнь“.

плъкъ — полк. В древнерусском языке слово „полк“ означало: войско, поход, бой, война. „Слово о полку Игореве“ рассказывает не только о битве Игоря, но и о всем его походе, и поэтому в заглавии памятника это слово нужно понимать как п о х о д (С л о в о о п о х о д е). В тексте произведения „полк“ употребляется и в значении „поход“: „... были плъци Олговы...“ (были походы Олега) и в значении „войско“: „...наведе своя храбрыя плъкы...“ (навел свои храбрые войска).

Игорь. Игорь Святославич князь Новгород-Северский, сын Святослава Ольговича Черниговского, внук Олега Святославича („Гориславича“ „Слова о полку Игореве“).

Родился Игорь в 1151 году. До 1179 года Игорь оставался без собственного удела; лишь после смерти старшего брата Олега он получает в 1179 году Новгород-Северское княжество. До середины 80-х гг. Игорь придерживается характерной для Ольговичей политики: в борьбе за княжеско-удельные интересы он широко пользуется помощью половцев, заключая военные союзы с половецкими ханами. Но с середины 80-х гг. XII века политика Ольговичей резко меняется: участившиеся в 70-80-х гг. набеги половцев заставляют князей задуматься о необходимости объединиться для совместной борьбы с общим врагом.

В 1180 году Игорь потерпел жестокое поражение в междоусобной борьбе Ольговичей с Ростиславичами: у Долобска войска Игоря и его союзников, ханов Кобяка и Кончака, были наголову разбиты, сам Игорь, вскочив с Кончаком в лодку, едва спасся от пленения.

После этого поражения Ольговичей Рюрик Ростиславич, несмотря на свою победу, все же уступил великое Киевское княжение Святославу Всеволодовичу (старшему князю среди Ольговичей). Святослав Всеволодович начинает вести активную борьбу с половецким полем. Игорь принимает деятельное участие в этой борьбе. Он порывает союзные отношения с ханами Кобяком и Кончаком.

В 1183 году русские князья под предводительством Святослава Всеволодовича совершили успешный поход против половцев. Игорь в этом походе участия не принимал.

На следующий год Игорь в союзе с младшими князьями — братом Всеволодом Святославичем Курским, сыном Владимиром (князем Путивльским), племянником Святославом Ольговичем Рыльским и с дружинами коуев, присланными от Ярослава Всеволодовича Черниговского, предпринял поход в половецкую степь. Об этом походе сохранилось два летописных рассказа: один — в Ипатьевской летописи, другой — в Лаврентьевской. Этому же событию посвящено и „Слово о полку Игореве“. В 1190 году Игорь сел на кня-

жение в Чернигове. В 1191 году он предпринял поход в половецкую степь: „сдумавъ Игорь с братьею ити на половци и шедше ополонишася скотомъ и конями, и возвратишася восвояси“ (Ипатьевская летопись). Зимой того же года он снова идет в половецкую степь, но битвы не произошло. Начиная с 1194 года деятельность Игоря из летописного рассказа выпадает, — очевидно, с этого времени его княжение не представляет более общерусского значения и летописец молчит о нем. Умер Игорь в 1202 году.

трудныхъ повѣстiй. Слово „труд“ в древнерусском языке имело следующие значения: работа, деятельность, забота, подвиг (в частности — воинский подвиг), скорбь, горе, боль, болезнь. Такое же значение имело и прилагательное от труд — трудный. „Трудные повести“ можно перевести двояко: 1) печальные, скорбные повести; 2) ратные, воинские повести.

Былина — в древнерусском языке это слово встречается лишь в „Слове о полку Игореве“ и в „Задонщине“, куда оно попало из „Слова“. Поэтому объяснить значение этого слова можно из всего контекста фразы: „былины сего времени“ противопоставляются „замышлению Бояню“ — значит, слово „былина“ в древнерусском языке означало „правда“, „быль“.

Боян. „Так назывался славнейший в древности стихотворец русской, которой служил образцом для бывших после него писателей...“ Так был охарактеризован Боян первыми издателями „Слова“. Все наши сведения и предположения о Бояне ограничиваются только тем, что мы можем почерпнуть из „Слова о полку Игореве“, ибо больше нигде о нем не говорится. Боян — собственное имя, имя певца, который создавал свои поэтические произведения задолго до появления „Слова о полку Игореве“. Автор „Слова“ перечисляет князей, которым Боян пел славу: Старому Ярославу (ум. в 1054 году), Храброму Мстиславу (ум. в 1036 году), Роману Святославичу (умер в 1079 году); Бояну же принадлежит припевка про Всеслава Полоцкого (ум. в 1101 году) и припевка: „Тяжко ти головы кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ головы“, приводимая автором „Слова“ в конце памятника. Исходя из этого можно предполагать, что Боян жил во второй половине XI — начале XII века. То, что автор „Слова“ так часто и с таким уважением вспоминает Бояна, говорит о большой популярности этого певца в древней Руси.

вѣщiй — в древнерусском языке это слово имело те же значения, что и сейчас: предвидящий, предсказывающий будущее, мудрый, проницательный. Исходя из этих значений слова, вещими называли кудесников, волхвов (колдун). В этой фразе (Боян бо вѣщiй) вещий значит — мудрый. В тексте памятника это слово встречается и в значении — кудесник, колдун; „аще и вѣща душа въ дръзѣ тѣлѣ“, — говорит автор о Всеславе Полоцком (см. ниже), что значит: хотя и колдовская душа в отважном теле...

Растѣкашется мыслiю по древу... Сопоставляя это сравнение с двумя следующими („серым волком“ и „сизым орлом“), комментаторы считали, что в слове „мыслiю“ допущена ошибка первыми издателями и нужно читать „мысiю“, т. е. белкою: мысь — псковская огласовка слова мышь, а мышью, как указал Карелкин

в рецензии на перевод „Слова“ Н. Гербелем („Отечественные записки“, 1854, т. 93, стр. 9–10), в Псковской области называют белку-летягу. В поддержку такого толкования говорит трехчленная форма сравнения с животным миром в былине про Вольгу: „Стал Вольга растеть-матереть. // Похотелося Вольге много мудрости:// Щукой-рыбою ходить ему в глубоких морях, // Птицей соколом летать под оболока, // Серым волком рыскать во чистых полях“. И. А. Новиков переводит это место так: „...носилася мысль его — летягою-векшей по дереву“; А. К. Югов: „...мыслью-белкою по дереву...“ Но есть ряд возражений против такого толкования: в „Слове“ белка не называется мысью („емляху (собирая) дань по бѣлѣ отъ двора“). В „Слове“ мы встречаем выражение „мыслено древо“. Как показал в своих разысканиях Н. В. Шарлемань („Из реального комментария к „Слову о полку Игореве“, Труды Отдела древнерусской литературы Института литературы АН СССР, т. VI, М.—Л., 1948, стр. 111—124), на юге, где было написано „Слово“, нет и не было такого зверька, как белка-летяга.

Можно предположить, что в этой фразе пропущено одно слово, стоявшее после „мыслiю“ и обозначавшее название какого-то зверька. „Мыслiю“, так же как и „мысленно древо“ ниже, значит — мыслью, в своем поэтическом воображении, в своей поэтической фантазии: (Боян) носился (летал) в своем поэтическом воображении (белкой?) по дереву, серым волком — по земле, сизым орлом — под облаками.

шизымъ орломъ — сизым орлом. Написание вместо „С“ — „Ш“ — отражение псковского диалекта, для которого характерна мена Ш и С. Такое написание слова „сизый“ могло быть сделано псковским переписчиком списка „Слова о полку Игореве“.

първыхъ временъ. Слово „первые“ значит — старые, древние, давнишние.

Тогда пущашеть 10 соколовь на стадо лебедѣй; которыи дотечаше, та преди пѣснь пояше. Метофорическая картина, изображающая игру Бояна на гуслях: 10 соколов — 10 пальцев. стадо лебедей — струны. Ниже автор „Слова“ раскрывает эту метафору — символ (Боянъ же, братiе, не 10 соколовь...). Хотя в тексте памятника нигде не говорится, на каком инструменте играл Боян, тем не менее можно утверждать, что это были гусли.

В „Задонщине“ (произведение XIV — XV вв., посвященное битве русских с татарами на Куликовом поле в 1380 году и написанное под сильным влиянием „Слова о полку Игореве“) Боян назван „гораздым гудцом“, воспевающим князей „гусельными буйными словесы“. Из древних текстов и миниатюр мы знаем, что „гудцами“ в древней Руси называли именно гусляров (Айналов Д. В. Заметки к тексту „Слова о полку Игореве“, Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР, т. IV, М.—Л., 1940, стр. 151 — 158).

старому Ярославу. Это говорится о князе Ярославе Владимировиче Мудром (978—1054). Политическую деятельность он начал с княжения в Ростове, после Ростова княжил в Новгороде. С 1015 года, когда умер великий князь Киевский Владимир, по 1019 год Ярослав ведет борьбу за Киевский стол со своим братом

Святополком. Лишь после битвы на реке Альте в 1019 году, когда Святополк потерпел окончательное поражение, Ярослав сел на Киевское княжение. Но вскоре выдвинулся новый соперник на великокняжеский стол — Мстислав Тмутороканский. После битвы при Листвене в 1024 году, в которой победу одержал Мстислав, князья по договору 1026 года поделили Киевскую Русь: к Мстиславу отошли земли по левому берегу Днепра, а Ярославу правый берег. Лишь после смерти Мстислава в 1036 году Ярослав стал единовластным правителем Киевской державы. При Ярославе Киевское государство достигло наивысшего расцвета. Он осуществляет ряд мероприятий, направленных к усилению Руси и упрочению княжеского единовластия: укрепляются границы, создаются новые окраинные укрепленные города: Юрьев (Тарту), Ярославль на Волге; в 1036 году печенегам был нанесен сокрушительный удар, в том же 1036 году Ярослав заключает в поруб (темница) брата Судислава (был князем в Пскове) для усиления своей власти, боясь его соперничества. О росте политического могущества Киевской Руси говорит то, что в 1037 году создается Киевская митрополия, а в 1051 году Ярослав сажает на митрополичий стол первого митрополита из русских — Иллариона. Развитие судебно-правовой деятельности при Ярославе нашло свое отражение в краткой редакции „Русской правды". При Ярославе развертывается бурное строительство в Киеве, Новгороде и других городах. Ко времени Ярослава относится постройка знаменитого Софийского собора и Золотых ворот в Киеве. Пышно расцветает культура: при Ярославе зарождается русское летописание; широко развивается книжное дело. О любви Ярослава к книгам, о переписке книг при нем летопись под 1037 годом рассказывает так: „... (Ярослав) книгамъ прилежа и почитая е (их) часто въ нощи и въ дне. И собра письцѣ (писцов) многы, и прекладаше (переводили) отъ грекъ на словѣньское писмо. И списаша книгы многы..." При Ярославе усилились международные связи Руси, подкрепленные семейными союзами Ярослава и его детей с королевскими дворами других стран. От своих современников Ярослав получил прозвище — Мудрый. Умер он в возрасте 76 лет.

Из этой характеристики Ярослава становится понятен эпитет „старый", данный ему автором „Слова": старый не только по своим летам и по отдаленности от автора „Слова" (130 лет), но и старый в смысле — мудрый, великий человек и государственный деятель.

храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы касожьскыми. Мстислав Владимирович, сын Владимира Святославича, брат Ярослава Мудрого. Сначала он княжил в Тмуторокани (Тмуторокань — русское княжество XI века на Таманском полуострове, в районе современной Тамани. Подробнее см. ниже), а затем в Чернигове. Год рождения Мстислава неизвестен, но известно, что он был моложе Ярослава. В 1024 году Мстислав пришел из Тмуторокани к Киеву. „. .и не прияша его кыяне. Онъ же шедъ сѣде на столѣ Черниговѣ..." Ярослав призывает на помощь варягов и идет против Мстислава. В битве при Листвене победу одержал Мстислав, но он отказывается от Киева в пользу Ярослава, говоря ему: „сяди въ своемъ Кыевѣ: ты еси старѣйшей братъ, а мнѣ буди си (эта) сторона". После этого, в 1026 году, Мстислав

с Ярославом „створи (заключает) мир", по которому Мстислав становится черниговским князем. Умер Мстислав в 1036 году. Лишь после этого „...перея власть (волость) его всю Ярославъ и бысть самовластець Русьстѣй земли". О битве Мстислава с Редедей, очевидно пользуясь каким-то устным преданием об этом событии, рассказывает и Повесть временных лет под 1022 годом. Редедя — Касожский князь. Касоги — древнерусское название черкесов, какого-то племени этого народа, жившего на северо-восточном побережье Понта (Черного моря). В 1022 году Мстислав пошел против касогов. Когда дружины противников сошлись, Редедя предложил Мстиславу выйти с ним на поединок, говоря: „Да аще (если) одолѣеши (победишь) ты, то возмеши имѣнье (богатство) мое, и жену мою, и дѣти моѣ, и землю мою. Аще ли азъ (я) одолѣю, то възму твое все". Мстислав соглашается. Начинается бой: „...и яста ся (взялись) бороти (биться) крѣпко, и надолзѣ борющемася има (и после того, как они долго боролись), нача изнемагати Мьстиславъ: бѣ бо (ибо был) великъ и силенъ Редедя. И рече (сказал) Мьстиславъ: „О пречистая богородице! помози ми (помоги мне). Аще бо одолѣю сему (если одолею этого), съзижю (построю) церковь во имя твое". И се рекъ (и, сказав это) удари имъ (Редедей) о землю. И вынзе (вынул) ножь, и зарѣза Редедю". В летописи сохранилось описание внешнего облика Мстислава: „Бѣ же Мьстиславъ дебелъ (дороден) тѣломъ, черменъ лицемъ (румян), великыма очима (с большими глазами), храборъ на рати, милостив, любяше дружину повелику (очень), имѣнья (богатства) не щадяше (не жалел), ни питья, ни ѣденья браняше (не возбранял пить и есть дружине вволю)".

красному Романови Святъславличю. Роман Святославич — внук Ярослава Мудрого, сын Святослава Ярославича, брат Олега Святославича („Гориславича" в „Слове о полку Игореве"). Роман Святославич княжил в Тмуторокани. Сведения о Романе Святославиче в летописи очень скудны. В 1079 году он был убит половцами. Летопись описывает это так: „Приде Романъ с половци къ Воину (название города). Всеволодъ же ста у Переяславля, и створи миръ съ половци и възвратися Романъ съ половци въспять (назад), и убиша и (его — Романа) половци, мѣсяца августа 2 день. Суть кости его и доселѣ тамо лежаче, сына Святославля, внука Ярославля". Последняя фраза этой летописной записи дает основание предполагать, что об этом событии существовало устное предание, осколок которого попал в летописную запись. Красный значит — красивый, прекрасный.

отъ стараго Владимера. О каком Владимире говорит автор „Слова"? О Владимире Мономахе или о Владимире I, Святославиче? В „Слове о полку Игореве" упоминаются князья XI века и говорится о событиях более раннего периода, чем княжение Владимира Мономаха. В „Слове" фигурируют главным образом предки черниговских князей, а Мономах был их врагом. Автор рассказывает о событиях своего времени или о событиях до Владимира Мономаха, а о периоде, непосредственно следовавшем за княжением Владимира Мономаха, автор „Слова" ничего не говорит: все это дает основание утверждать, что „старый Владимир" „Слова" не

Владимир Мономах, а Владимир I Святославич (см. подробнее А. В. Соловьев. Политический кругозор автора „Слова о полку Игореве", Исторические записки 1948, № 25, М., стр. 71—103).

иже истягну умь крѣпостію своею и поостри сердца своего мужествомъ... Это одно из труднопереводимых мест „Слова о полку Игореве". Иже — который, что; умь — ум, душа, разум, мысль; истягнути — судя по фразе из „Хождения за три моря" Афанасия Никитина — „ложиться ниц на землю, да весь ся истягнеть по земли", значение этого слова такое: вытягивать, растягивать. И. Д. Тиунов предложил следующее толкование этого слова: „Утолстившееся, притупленное от долгого употребления лезвие стального орудия (топора, косы) кузнец разогревает на огне и отковывает тоньше — оттягивает (современный технический термин), вытягивает, а затем оттачивает на бруске. Здесь образ из кузнечного дела, и оба глагола „истягнути — поострити", без насилия над их основным значением, выступают в профессионально-реалистическом смысле" („Несколько замечаний к „Слову о полку Игореве". В сборн. „Слово о полку Игореве", АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 196). Мы полагаем, что автор „Слова" вполне мог употребить термин из производственной практики (см. ниже объяснение фразы — „...ваю храбрая сердца .. в буести закалена"), но не в „профессионально-реалистическом смысле", а как образ, который имеет переносное значение, — закалить, укрепить. Некоторые комментаторы предлагают читать „истягну" как „и стягну" („Иже и стягну умъ..."), стягнути — стянуть, затянуть, связать. В метафорическом смысле — препоясать: „крѣпостию бѣ препоясан" (Ипатьевская летопись о Владимире Волынском). „Поострити" — глагол этот в древнерусском языке употреблялся и в материальном смысле (заострить какой-либо предмет) и в метафорическом; „поострить же гнѣвъ свой" (Паремия XIII века) — возбудить гнев свой; „подострити душа ваша на мсти" — возбудите свои души к мести. Если переводить „истягнуть" как одно слово, то смысл первых слов фразы будет такой: „который закалил (укрепил) душу свою крепостью своею"; если же читать „и стягну", то: „который стянул (препоясал) душу свою своей крепостью". К какому слову относится в этой фразе глагол „поострити" — к „сердца" или к „умь"? Если отнести к „умь", то перевод всей фразы будет такой: „...который закалил (препоясал) душу крепостью своею и возбудил ее (душу) мужеством своего сердца..." (Так переводит И. А. Новиков — „Что мысль напряг // Крепостию своею// и поострил ее // сердца своего мужеством".) Если к „сердцу", то: „...который закалил (препоясал) душу крепостью своею и возбудил сердце свое мужеством..." (Так переводит В. И. Стеллецкий: „...который скрепил ум силою своею и заострил сердце свое мужеством").

на землю Половѣцькую... Половцы впервые появились на Руси в 1054 году. Они сменили печенегов и были, по своей исторической роли, предшественниками татар и монголов. Этногенез этого народа до сих пор не вполне ясен. С полной достоверностью в настоящее время можно лишь говорить, что это народ тюркского происхождения. В восточных документах (арабских и персидских)

половцы называются кыпчаки, а степь, где они жили, — Дешт-и-Кыпчак; в западноевропейской анналистике половцы называются куманами. Некоторые половцы переходили на Русь, где их охотно принимали, расселяя в землях, пограничных со степью. На Руси этих половцев, в отличие от степных, называли „своими погаными" или „своими половцами". Коуи в летописном рассказе — племенное название „своих половцев". Хорошо организованные, опытные наездники, хорошо вооруженные, половцы в XI—XII вв. представляли собою серьезную и опасную силу для Киевской Руси. Особенно ожесточенный характер борьба с половцами приобретает во второй половине XII века, когда половцы отрезали Русь от ее восточных рынков. Половецкая земля в конце XI и в XII веке занимала причерноморские степи между Дунаем и Волгой, крымские степи и берега Азовского моря. Половцы кочевали также в степях Предкавказья и за нижней Волгой, до Яика (см. подробнее в книге: Кудряшов К. В. Половецкая степь, М., 1948).

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты... Прежде чем говорить о значении этой фразы, остановимся на вопросе о ее местоположении. А. И. Соболевский предложил абзац: „тогда Игорь възрѣ... а любо испити шеломомь Дону" перенести в другое место, а именно — после абзаца: „Игорь ждетъ мила брата Всеволода... ищучи себе чти, а князю славѣ". Такая перестановка оправдывается логическим развитием действия: картина солнечного затмения не разорвана вставкой о Бояне и речью Всеволода о своих воинах (эта речь по содержанию и смыслу, казалось бы, должна быть помещена перед началом рассказа о выступлении Игоря в поход, а не в середине рассказа о походе). Обоснованная и палеографически, эта перестановка принимается многими переводчиками и исследователями „Слова". Н. К. Гудзий в статье «О перестановке в начале текста „Слова о полку Игореве"» подтверждает необходимость такой перестановки не только палеографическими и логическими в развитии действия соображениями, но и тем, что при этой перестановке „время солнечного затмения в „Слове" и в летописных рассказах о походе Игоря совпадает, на что не обратили внимания те, кто предложил перестановку".[1]

Мы считаем, что поэтический характер всего памятника, нарушение автором в тексте исторической последовательности в изложении некоторых событий, как поэтический прием, — все это говорит о том, что перестановка в тексте „Слова" в данном случае не нужна. После вступления автор начинает рассказ сразу же с описания солнечного затмения и выступления Игоря в поход; затем он прерывает свой рассказ и говорит о том, как начал бы воспевать этот поход Боян; после этого он вновь возвращается к современным событиям и рассказывает о встрече Игоря с Всеволодом перед походом, характеризует устами Всеволода мужество и доблесть курян и только тогда снова продолжает повествование о походе. Фраза „Солнце ему тъмою путь заступаше; нощь стонущи ему грозою

---

[1] См. названную статью Н. К. Гудзия в сборн. „Слово о полку Игореве". Сборн. исследований и статей. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. АН СССР. М.—Л. 1950. Стр. 251.

птичь убуди...“ не является продолжением картины солнечного затмения: здесь автор лишь напоминает о солнечном затмении, о котором он уже говорил выше, перечисляя все те зловещие предзнаменования которые сопутствуют походу Игоря; и ночь, о которой говорит здесь автор, это не ночь, наступившая от солнечного затмения, а первая ночь похода. Поэтическая манера автора „Слова“ (ниже мы особенно отчетливо увидим это в рассказе о Всеславе Полоцком) такова, что он рассказывает о событиях не с летописной точностью, а обрисовывает их общими штрихами, не заботясь о хронологической точности; постоянно делает отступления, которые у него как бы вклиниваются в основную нить рассказа. Все это только подтверждает вероятность того, что, начиная рассказывать о походе, автор прерывает свой рассказ рассуждениями о Бояне и воспоминанием о встрече Игоря с Всеволодом, а затем вновь продолжает повествование. Все это говорит против перестановки в тексте „Слова“. В этом месте рассказывается о солнечном затмении, которое произошло на самом деле 1 мая 1185 года, на восьмой день после того, как Игорь вышел в поход (из Новгород-Северского он выступил 23 апреля). Ипатьевская летопись так говорит об этом событии: „Идущимъ же имъ к Донцю рѣцѣ в годъ (время) вечернии, Игорь же возрѣвъ на небо и видѣ солнце, стояще яко мѣсяць...“ Автор „Слова“ не случайно, вопреки исторической действительности, перенес солнечное затмение к самому началу похода, — этим он подчеркивает мужество и отвагу Игоря: солнечное затмение в средние века считалось зловещим предзнаменованием, и если (как это было на самом деле) после восьми дней похода все равно уже было поздно возвращаться назад, несмотря на роковое знамение, то пренебрежение этим зловещим предупреждением, когда поход еще не начался, говорит с особой силой о храбрости и непреклонной воле героя.

Луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти... Луце — лучше; потяту, потяти — ударить, убить, срубить.

Вся фраза является поэтическим видоизменением обычного обращения князя к дружине перед битвой. Насколько она короче и вместе с тем ярче и образнее, чем подобные формулы в летописи, можно увидеть из сравнения ее с подобной по смыслу фразой, приписываемой Игорю Ипатьевской летописью: „оже ны будеть не бивщися возворотитися, то соромъ ны будеть пущеи смерти“.

бръзыя комони... Бръзыи — борзые. Борзый — эпитет быстроты и резвости боевого коня. Этот эпитет часто встречается в средневековой литературе: „Мьстислав... — дары даеть ему (Даниилу) великыи и конь свой борзый сивый“ (Ипатьевская летопись). Встречается это слово и в народном творчестве: „Вы впрягите борзых коней иноходных“ (Барсов. Причитания, т. III, стр. 21), и в русской классической литературе: „Черкес на борзом скакуне“ (Лермонтов, Хаджи-Абрек).

Спала князю умь похоти, и жалость ему знаменіе заступи, искусити Дону великаго. Мы даем чтение этого предложения по первому изданию. Не останавливаясь на различных толкованиях и чтениях этого темного места в тексте „Слова о полку Игореве“, мы попытаемся передать смысл этой фразы, основываясь на чтении ее

И. П. Ереминым, высказанным им в лекциях по „Слову о полку Игореве“ в Ленинградском государственном университете. Прежде всего И. П. Еремин присоединяется к поправкам в тексте, сделанным Вс. Миллером и некоторыми другими комментаторами „Слова“: „похоти и жалость... — конечное „и“ в слове похоти ассимилируется со следующим за ним союзом „и“ и в подлиннике, очевидно, было похоть (мы имеем многочисленные примеры в рукописных текстах, когда последняя буква предшествующего слова ассимилируется (уподобляется) первой букве последующего слова). Между словами „князю“ и „умь“ можно добавить союз „у“, который был выпущен, так как следующее слово начинается с буквы „у“ (примеры подобных ошибок очень многочисленны в древнерусских рукописях). Если принять эти поправки, то начало этой фразы должно читаться так: „спала князю у умь похоть, и жалость...“ и т. д.

Ум — душа, разум, мысль. Похоть — в древнерусском языке это слово имело такие значения: воля, желание, страсть, охота, прихоть. Например: „(дружина) похоть имѣяшеть Еладою обладати“ — дружина имела страстное желание овладеть Элладою; „похоть посѣчения нападе на нихъ...“ — желание, жажда битвы напала на них... и т. п. Спала. — В украинском языке до сих пор сохранился глагол „спадати“; одно из его значений — приходить, прийти чему-либо в голову, запасть чему-нибудь на мысль („Ти ізнов чогось сумуєш, Наталко... Ізнов тобі щось на думку спало“. Котляревский, Наталка Полтавка). В таком же значении это „спала“ и в „Слове о полку Игореве“ — пало (запало) на душу князю желание. Жалость — горе, ревность (ревностное желание). Искусити — попробовать, испытать, испробовать. Заступити — заслонить, загородить.

Смысл всей фразы при принятых нами поправках и при приведенных нами значениях слов такой: Запало князю в душу (страстное) желание, и стремление напиться из Дона великого заслонило ему небесное знамение.

копіе приломити конець поля Половецкаго. Эта фраза является своего рода символической картиной: „Поскольку копье было оружием первой стычки и почти всегда ломалось в ней, нам становится понятным и обычный в летописи термин — „изломить копье“, употреблявшийся для обозначения того что воин первым принял участие в битве“ (Д. С. Лихачев. Устные истоки художественной системы „Слова о полку Игореве“, „Слово о полку Игореве“, сборн. исследований и статей АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 74). Таким образом, эти слова Игоря говорят о его желании первым вступить в единоборство на половецком поле.

хощу главу свою приложити... Эти слова имеют тот же смысл, что и крылатое выражение — „лечь костьми“: биться до победного конца или умереть. „Путьша же рече: княже, мы вси можемъ за тебе головы своя сложити“ (Житие Бориса и Глеба). Много примеров подобной формулы в древнерусской литературе приведено в книге В. Н. Перетца: „Слово о полку Ігоревім“, Київ, 1926.

Испити шеломомь Дону... Эта фраза также имеет символическое значение: пить шлемом из реки — значит завоевать ту местность, где эта река протекает. Летописец, вспоминая о победе Владимира Мономаха над половцами, пишет: „Тогда Володимеръ Мономахъ

пилъ золотом шеломомъ Донъ" (Ипатьевская летопись, под 1201 годом). В Новгородской первой летописи под 1224 годом говорится, что князь Юрий Всеволодович сказал новгородским послам: „...я поилъ есмь коне Тьхвѣрью, а еще Волховомь напою...", т. е. — я победил Торжок (на реке Тверце) и Новгород покорю. „Испити шеломомь Дону" — значит победить половцев.

ущекоталъ. Щекотать — петь (о соловье, сороке и некоторых других птицах). Ущекотать — воспеть.

Скача, славію, по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы... Славію — соловей, мысленный — прилагательное от существительного мысль; мысленный значит — воображаемый, духовный, иносказательный. В одном из памятников XII века (Апокалипсис, список XII—XIII вв.) об ангелах говорится что они „невидимы и мысльни суть" — невидимы и воображаемы. Всю эту фразу можно понимать так: Боян здесь сравнивается с соловьем, и он, как соловей, летает умом, т. е. не реально, а в своем воображении, в своем поэтическом представлении, и скачет, как соловей, по „мыслену древу", т. е. по воображаемому им дереву. Первые издатели правильно передали смысл этого не вполне ясного места, переведя его: „скача соловьем мысленно по дереву, летая умом под облаками".

свивая славы оба полы сего времени... Некоторые комментаторы (Буслаев и Тихонравов) считали, что здесь нужно читать вместо „славы" — „славию", как обращение — соловей. Если читать вместо „славы" — „славию", то смысл этой фразы будет такой: „свивая, соловей, обе половины этого времени" (объединяя вместе прошлое и настоящее), а если оставить без изменения — „славы", то: „свивая славу обеих половин этого времени", т. е. — объединяя славу и прошлого и настоящего. Большинство переводчиков читают „славы", а не „славию".

рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы. В „Слове" еще три раза упоминается Траян: „были вѣчи Трояни", „на землю Трояню" и „на седьмомъ вѣцѣ Трояни". Кто такой Траян? Вероятнее всего, это римский император Ульпий Траян (98—117 гг. н. э.), прославившийся своими воинскими подвигами. Имя Траяна очень распространено на Балканском полуострове: целый ряд географических названий — Траяновы ворота, дороги, мосты, валы и т. п. Траяновым путем до сих пор у южных славян называется знаменитая в древности и в средние века дорога, которая соединяла Белград с Константинополем. Славянскому фольклору известны сказки и сказочные песни о царе Траяне. Собственные имена и топографические названия, связанные с именем Траяна, встречаются и на территории Руси. В пантеоне русских языческих богов существовал бог по имени Траян: „Трояна, Хърса, Велеса, Перуна на богы обратиша" (Апокриф „Хождение богородицы по мукам", список XII века). Был на Руси хорошо известен и исторический Траян: „Во временехъ Трояна царя бысть нѣкая отроковица именемъ Евдокия..." (Житие преподобной мученицы Евдокии.) В зависимости от толкования тем или иным исследователем Траяна, объясняется и смысл тех предложений „Слова", в которых он упоминается. Все гипотезы можно разделить на четыре основных направления. Во-первых, мифологическое направление. Это направление исходит из данных южнославянского

фольклора. Траян — славянское божество, и все те места, где он упоминается в „Слове", по мнению ряда ученых, связаны с каким-то божеством. В наше время Траяна в „Слове" древнерусским божеством считает Д. С. Лихачев. Он так объясняет все те места в „Слове", где упоминается Траян: „земля Трояна" — Русская земля. „Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля: были плъци Олговы, Ольга Святьславличя" — были языческие времена, времена бога Траяна, затем наступило Ярославово время... и т. д.; „на седьмом вѣцѣ Трояни" — на последнем веке языческом, так как „седьмой" как последний определяется средневековым представлением о числе семь; „рища въ тропу Трояню" — это означает, что Боян рыщет не по каким-то конкретным путям, а по путям божественным (Д. С. Лихачев. „Комментарий исторический и географический" в книге: „Слово о полку Игореве", серия „Литературные памятники", АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 385—386). Во-вторых, символическое направление. Сторонники этого направления видят в Траяне некий символ или иносказательную замену других объектов. Полевой считал, что под Траяном нужно подразумевать великого князя Владимира. Некоторые исследователи этого направления считали, что Траян — это производное от „триглава" (мифическое существо с тремя головами). В наше время к этой точке зрения отчасти примыкает И. П. Еремин, который считает, что Траян „Слова" имеет метафорическое значение. Так, „тропа Трояна" — это метафорическая фраза, которая имеет тот же смысл, что и современная поговорка „Язык до Киева доведет", где Киев значит не определенный город, а город вообще; так и „тропа Трояна" — символ дальности. И смысл всего выражения „рища в тропу Трояню" может быть передан так: „скача, волку уподобляясь в быстроте бега, так далеко, куда рядовой человек достигнуть не может". Затем „были вѣци Трояни..." — это метафорическое обозначение временнóй отдаленности, — были древние, стародавние времена... „На 7-м вѣцѣ Трояни" — также обозначение временнóй давности. „Земля Трояна" — русская земля (И. П. Еремин. «„Слово о полку Игореве" как памятник политического красноречия», в сборн.: „Слово о полку Игореве", сборн. исследований и статей под ред. В. П. Адриановой-Перетц, АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 118—119). Представителем третьего, историко-литературного направления в истолковании имени Траяна был П. П. Вяземский, который в Траяне „Слова" видел отражение сказаний о Троянской войне. Наконец, представители четвертого, исторического направления видят во всех случаях исторического Траяна. В наше время на этой точке зрения стоит Н. С. Державин, который так толкует Траяна в „Слове": „тропа Трояна" — это Tropaeum Traiani — один из памятников, основанных историческим Траяном на полуострове в области Добруджи. По его мнению, „Земля Трояна" не образ или символ, а политическая характеристика Киевской Руси. Этим обозначением русской земли в годы внешних и внутренних осложнений автор „Слова" хотел подчеркнуть значение Руси как мировой державы и тем самым еще резче осудить княжеские раздоры. „Седьмой век Трояна" — здесь речь идет о Всеславе Полоцком (ум. в 1101 году), и седьмой век обозначает здесь седьмой век после падения римского владычества в Киево-Дунайской области. С другой стороны, к седьмому же веку после Траяна (ум. в 117 году) относится и образование Киевской державы.

Пѣти было пѣснь Игореви, того внуку: „Не буря соколы занесе...“ К кому относятся слова — „того внуку“? Исходя из контекста предыдущей фразы, здесь имеется в виду внук Трояна или Бояна. Большинство комментаторов и издателей „Слова“ считает, что здесь автор „Слова“ говорит о самом себе, называя себя внуком Бояна. О Боян, говорит автор „Слова“, если бы ты пел песнь Игорю, то тогда так надо было бы ее петь: „не буря...“ или так — „кони ржут...“ Перед зачинами „Слова“ в духе Бояна вставлены слова „того внуку“, и если видеть здесь автора „Слова“, то непонятно, почему он тут называет себя: ведь речь все время идет о Бояне. Первые издатели после „того“ поставили в скобках „Олгу“ (Олега), считая, что здесь „внуку“ относится к Игорю, который был внуком Олега: О Боян, если бы ты пел песнь Игорю, внуку Олега, то тогда так надо было бы ее петь... Такое толкование этого места выглядит проще и логичнее. Слово „Олег“ могло быть пропущено при переписке текста; но его могло и вообще не быть в тексте: для современников автора „Слова“, для Ольговичей было хорошо известно, что Игорь — внук Олега и здесь „того“ — обозначение хорошо всем известного, почитаемого и прославленного человека. Внук, как в этом случае так и в других, где это слово встречается в памятнике, означает — потомок.

Бояне, Велесовъ внуче... Велес — Волос. Имя Волоса, древнерусского божества, встречается в договорах русских с греками 907 и 971 гг. Так, в договоре 971 года мы читаем: „...да имѣемъ клятву от бога, въ его же вѣруемъ в Перуна и въ Волоса, скотья бога...“ Судя по „Слову о полку Игореве“, Волос был покровителем не только скотоводства, но и искусства.

Комони ржуть за Сулою, звенить слава въ Кыевѣ; трубы трубять въ Новѣградѣ, стоять стязи въ Путивлѣ. Первая часть этой фразы — рассказ о победе над половцами во время похода 1184 года. Сула — левый приток Днепра. „Сула с ее городами являлась крайней военно-оборонительной линией на левом берегу Днепра“ (К. В. Кудряшов. Половецкая степь, М., 1948, стр. 128). Войско половцев — войско конное, и разбитые половцы прогнаны далеко в степь — их кони ржут за Сулой. Звенит слава в Киеве — торжество в Киеве по случаю победы над врагом. Вторая часть фразы рисует сборы Игоря в поход: трубы трубят в Новгороде — здесь имеется в виду Новгород-Северский, стольный город Северского княжества. Эти слова — метафорическая картина готовности войск Игоря выступить в поход. Стоят стяги в Путивле — символическое изображение того, что войска сына Игоря, Владимира Игоревича, который княжил в Путивле (город в Северской земле на реке Сейме), также готовы выступить в поход.

Игорь ждетъ мила брата Всеволода... О какой встрече Игоря с Всеволодом говорит автор „Слова“? Судя по содержанию рассказа Всеволода, встреча эта произошла еще до начала похода. Сведений из летописей о встрече Игоря с Всеволодом перед походом у нас нет. Летописный рассказ (Ипатьевская летопись) рассказывает об ожидании Игорем Всеволода уже в пути, во время похода: „И тако (Игорь) приида ко Осколу и жда два дни брата своего Всеволода: тотъ бяше шелъ инѣмь путем ис Курьска.

И оттуда поидоша к Салницѣ". Разумеется, во время этой встречи Всеволод не мог говорить, что кони его курян „...готови, осѣдлани у Курьска напереди", ибо Курск по отношению к Осколу был уже позади и прошло уже около десяти дней с начала похода (Игорь вышел 23 апреля, Всеволод, очевидно, немного позже, а встреча произошла 3 мая). Все это дает право предполагать, что в „Слове" рассказывается о какой-то встрече Игоря с Всеволодом до начала похода.

Всеволод. Всеволод Святославич, родной брат Игоря, князь Трубчевский и Курский. Он принимал участие в походах Игоря на половцев в 1183 году, 1185 и в 1191 гг. Он отличался среди Ольговичей храбростью и мужеством, о чем летописец записал, рассказывая о его смерти в 1196 году: „...и тако спрятавше тѣло его вся братья во Олговичѣхъ племени, съ великою честью и съ плачемъ великымъ и рыданиемъ — понеже бо во Олговичѣхъ всихъ удалѣе рожаемъ и воспитаемь и возрастомъ и всею добротою и мужьственою доблестью и любовь имѣяше ко всимъ" (Ипатьевская летопись).

буй туръ. Буй — отважный, сильный, храбрый, гордый. В значении „гордый" это слово вошло в фольклор: „Я клоню да свою буйную головушку..." „буйну голову носить надо низешенько" (Барсов. Причитания Северного края). Тур — „Под этим названием в древних источниках, повидимому, фигурируют два вида диких быков: первобытный бык, настоящий тур (*Bos primigenus* Bojan), от которого произошел домашний бык (ближайшим потомком тура считают серого украинского быка), и зубр (*Bison bonasus* L.). На Украине еще недавно крупных быков называли местами турами („погнав турів", „напувати турів" — вблизи Умани)" (Н. В. Шарлемань. Назв. соч., стр. 117). Во время написания „Слова" туров уже не было, но зубры существовали на Украине до XVII века, и они-то и фигурируют в древнерусских памятниках под названием тур. Тур в древней Руси являлся символом мужества, отваги и силы: о князе Романе Мстиславиче Ипатьевская летопись говорит: „Храборъ бѣ яко и туръ". Буй тур — смысл: храбрый, отважный, герой.

Осѣдлани у Курьска напереди... Напереди — можно перевести двояко: 1) впереди и 2) давно, раньше. По смыслу всей фразы здесь „напереди" употреблено во втором значении.

...Куряни свѣдоми къмети... В первом издании написание этой фразы было иным: куряни — свѣдоми къ мети... и переводилась она так: „...курчане в цель стрелять знающи" (меть — цель). Но уже Н. М. Карамзин заметил, что первые издатели неправильно произвели словоразделение (в древней Руси слова писались в сплошную строку, без разделения на слова; так же был написан и список „Слова о полку Игореве"). Нужно писать не „къ мети", а вместе: „къмети". Къметь — воин, дружинник — слово, очень часто встречающееся в древнерусских памятниках. В этом случае смысл данного предложения уже иной, — мои куряне — опытные воины.

яругы, яруга — овраг. В древнерусских произведениях это слово встречается только в „Слове о полку Игореве", но оно до сих пор известно украинскому языку, обозначая — глубокий овраг, балка; в сербском языке „аруга" также значит овраг.

Луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени. Луци напряжени — луки натянуты; тули отворени — колчаны (сумка для стрел) раскрыты. Натянутый лук, раскрытый колчан, наточенная сабля — все это характеризует готовность воинов к бою.

Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремень, и поѣха по чистому полю. Вступить в стремя — символическое обозначение начала похода. В „Слове" еще встречается этот образ: Олег „ступаетъ въ златъ стремень въ градѣ Тьмутороканѣ" (выступает в поход из города Тмуторокани) и — „вступита, господина, въ злата стремень" (призыв автора „Слова" к князьям выступить в поход). Золотое стремя — здесь соединение реального образа и фольклорного: предметы княжеского обихода были золотыми или золотились; золотой — обычный фольклорный эпитет. В народных песнях мы встречаем: „стремена з бiлого золота" (украинская песня), „струмена позолочены" (русская народная песня). Чистое поле — в летописях „полем" обычно называются половецкие степи — „ѣха в поле къ Половцемъ" (Ипатьевская летопись). Образ этот характерен также и для народного творчества, где для поля обычен эпитет — чистое.

свистъ звѣринъ въста, збися Дивъ, кличетъ връху древа... В первом издании эта фраза читается так: „Свистъ звѣринъ въ стазби; Дивъ кличетъ"... Существует несколько поправок в чтении этого текста и различные его толкования. Многие комментаторы предлагают читать так: „Свистъ звѣринъ въста. Дивъ кличетъ връху древа"... (Поднялся звериный свист. Див кричит на вершине дерева.) При этой поправке выпадает „зби". А. С. Орлов, вслед за Н. Тихонравовым и В. Щепкиным, считал, что в этом месте на полях какой-то промежуточной рукописи „Слова" стояло: „зри" (в древнерусских книгах около того места, на которое хотели обратить внимание, ставили это „зри"), которое позже при переписке памятника попало в текст. В. Ф. Ржига предложил читать: ...въста близ... свист зверей поднялся вблизи (палеографическое обоснование такого чтения В. Ф. Ржига дает в статье „Из текстологических наблюдений над „Словом о полку Игореве": что такое „въ стазби". В сборн. „Слово о полку Игореве", АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 188—191). Вс. Миллер читал: ...„въста зълъ Дивъ"... (злой Див). Наиболее убедительной и правильной мы считаем поправку, предложенную Яковлевым и поддержанную В. Н. Перетцом. Он предположил, что в рукописи было написано: зби^с^, т. е. „с" выносное, и нужно читать не зби, а збися, от глагола збитися — встрепенуться, сбиться. В этом случае вся фраза читается так: „свистъ звѣринъ въста; збися дивъ, кличетъ връху древа" (свист звериный поднялся; встрепенулся Див, кричит на вершине дерева...) О каких зверях тут идет речь? Известно, что единственные звери, которые свистят, — это байбаки и суслики. Н. В. Шарлемань пишет по этому поводу: „Байбаки и суслики — дневные животные — показываются из нор и начинают свистеть только после восхода солнца. Поэтому фраза: „свистъ зверинъ въста" означает, что ночь прошла и наступило утро" (Н. В. Шарлемань. Из реального комментария к „Слову о полку Игореве". Труды отдела древнерусской литературы, т. VI, М.—Л., 1948, стр. 121). Но по смыслу этого места в „Слове" речь идет о ночи, — перед этим автор говорит о ночи, и, таким образом,

„свист зверин", очевидно, — общее обозначение крика зверей вообще, а не каких-то определенных животных. Див. — Вопрос о том, кто такой этот Див, до сих пор вызывает споры и различные толкования. Большинство исследователей „Слова" считает, что это какое-то мифическое существо, враждебное русским. Существует точка зрения, что Див — это филин, — птица, в представлении народа считавшаяся зловещей. В Сибири в некоторых местах филина до сих пор зовут дивом.

В 1902 году Бицын (А. М. Павлов) высказал предположение, что это существительное происходит от глагола „дивитися" — смотреть — и означает дозорного вражеской стороны, т. е. половца, который, видя приближение русских войск, оповещает об этом степь.

В наше время А. К. Югов считает, что див — дивь — собирательное существительное дикие, произв дное от прилагательного „дивый" — дикий, т. е дивь — дикие — половцы.

Прежде всего, слова „див" со значением „половец" или „дикий" в древнерусском языке не зарегистрировано вообще. Необходимо сказать, что в древнерусских летописях, кроме Киевской, половцы не назывались дикими. И в Киевской летописи под этим эпитетом упоминаются только те половцы, которые назывались также „своими погаными", т. е. те половцы, которые служили русским князьям. Таким образом, у нас нет никаких фактов для заключения, что „див" — это половец.

Кроме того, весь этот образ — половец, кричащий с вершины дерева всем половецким землям о приближении русских, — надуман и на фоне всей художественной системы „Слова" выглядит искусственно.

Подробные возражения против этой гипотезы Югова см. в рецензии Н. К. Гудзия на перевод А. К. Югова в журнале „Советская книга" 1946, № 6—7, стр. 98—110.

велитъ послушати земли незнаемѣ, Влъзѣ, и Поморію, и Посулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ Тьмутораканьскый блъванъ. Земля незнаемая — чужая земля, земля половцев; Влъзе — Волге; Поморію — поморие — побережье Азовского и Черного морей; Посулію — земли по реке Суле назывались Посулием; Сурож — город Сурож, современный Судак, в Крыму. В средние века этот город был важным торговым центром. Отсюда идет былинное — „гости (купцы) сурожане". Корсунь — греческая колония Херсонес в Крыму. До сих пор сохранились развалины этого древнего города (в 2—3 км от Севастополя). Тьмутораканьскый блъванъ. — Болван — идол, истукан, статуя. В древнерусских текстах это слово очень часто встречается в указанных нами значениях. „Жена же его (Лота) бълванъ бы сланъ" (Изборник Святослава 1073 года). „Ув одной вѣре с нимъ покланяяся скверным болваном" (Мучения Дмитрия Солунского) и т. п. Предполагают, что „тьмутораканский болван" — это одна из двух статуй, воздвигнутых божествам Санергу и Астарте за 300 лет до нашей эры на Таманском полуострове, близ Тмуторокани, и сохранявшихся до XVIII века. Все перечисленные земли — места кочевий половцев, которых Див предупреждает о походе Игоря.

неготовами дорогами — непроторенными, неезжеными дорогами. Предупрежденные Дивом половцы заспешили навстречу Игорю.

крычатъ тѣлѣгы полунощы, рци лебеди роспужени. Дубенский исправил чтение первого издания — „роспущени“ на „роспужени“. Этой конъектуре следуют очень многие издатели и переводчики „Слова“. Роспужени, от глагола роспудити — распугать, разогнать (ср. украинское розпужені). С такой конъектурной поправкой эта фраза переводится так: кричат в полночь телеги (половцев), как распуганные лебеди. Но можно оставить и чтение первого издания — „роспущени“: в Ипатьевской летописи есть такое выражение — „а они несмѣша ся по нихъ распустити“ (а они не смели их преследовать). В этом случае перевод разбираемого текста такой: кричат в полночь телеги, как преследуемые лебеди. Н. В. Шарлемань, комментируя это место из „Слова“, говорит, что автор, сравнивая скрип половецких телег с криком лебедей, имеет в виду определенную породу лебедей — лебедя-кликуна. Он пишет: „Лебедь-кликун прославился своим мелодичным криком — „лебединой песней“. Одно из научных названий этого вида лебедя — *Cygnus musicus* — отмечает его крик. Воспоминанием о нем навеян и образ „Слова“: „крычатъ тѣлѣгы полунощы, рци, лебеди роспужени“. Осенью, когда лебеди-кликуны тысячами летят зимовать на Черное или отчасти на Азовское моря, темными ночами от криков этих могучих птиц и в наше время порою нельзя уснуть в приморских селах, над которыми лебеди пролетают“ (Н. В. Шарлемань. Назв. соч., стр. 113).

Уже бо бѣды его пасетъ птиць по дубію влъци грозу въсрожатъ, по яругамъ. В первом издании вместо слов „По дубію“ читается „подобию“, но при таком чтении фразы смысл ее неясен. Сейчас, после внесенных конъектур и изменений в расстановке знаков препинания, эту фразу читают так, как она у нас приведена выше. Дубие — деревья; в древнерусском языке очень часто „дуб“ обозначал понятие дерева вообще; пасти — в древнерусском языке это слово значило не только пасти кого-либо, но и стеречь, подстерегать кого-либо; въсрожат — это слово встречается только в „Слове о полку Игореве“. Были предложены такие поправки в чтении этого слова: ворожать (от глагола — ворожить, колдовать), въгрожати — наводить грозу. Близко по чтению к „въсрожатъ“ глагол въсрашати — сбивать, возбуждать: „съмятено вьсе и въсрашено“ — все перепутано и сбито в одну кучу. Смысл всего предложения такой: Игорь ведет войска к Дону, а уже птицы (вороны — которые будут поедать трупы убитых воинов) на деревьях подстерегают его несчастья, волки грозу поднимают (возбуждают, накликают) по оврагам. Гроза, буря в системе поэтической символики древнерусской литературы — образ надвигающейся войны.

орли клектомъ на кости звѣри зовутъ; лисици брешутъ на чръленыя щиты. Орлы своим клекотом созывают зверей к месту предстоящей битвы, где их ожидает богатая добыча — трупы убитых на поле брани. „...В выражении: „орли клектомъ на кости звѣри зовут“ предположительно можно определить другую птицу — орлана-белохвоста (*Haliaëtos albicilla* L.), чаще других видов питающегося падалью; его клекот приходится слышать чаще, чем других орлов. Белохвосты еще гнездятся в последние годы в долинах Донца и Дона, т. е. в районе действий войска Игоря“ (Н. В. Шарлемань. Назв. соч., стр. 114). Лисье бреханье, лисий лай, по народным поверьям, предрекает несчастья. Чръленые щиты — красные

щиты: это реальная картина — в XI—XII вв. русские щиты были окрашены красной краской — черленью. Черлень — яркая розово-красная краска, которая приготовлялась из особого насекомого — червеца. Как первая половина этого большого предложения (см. предыдущий комментарий), так и вторая — картина зловещих символических предзнаменований русскому войску. Но вместе с тем все эти символические образы проникнуты глубоким реализмом: в средние века по лесам и степям вслед за воинскими отрядами продвигались многочисленные стаи птиц и зверей, которые питались отбросами, остающимися от проходящего войска, а затем „пировали" на поле битвы, где, по обычаям того времени, победители погребали лишь своих соотечественников, оставляя неубранными трупы побежденных.

О, Руская земле! уже за шеломянемъ еси! У первых издателей слово „шеломянемъ" было написано с большой буквы, как имя собственное, и к нему сделано такое примечание: „Русское село в области Переяславской, на границе к половцам лежащее близь реки Ольты — Татищ., часть III, стр. 120". Но на самом деле шеломя — это холм, возвышенность. Слово это очень часто встречается как в письменных, так и в устных произведениях: „нечестивый же царь Мамай съ петьмя князи большими взыде на мѣсто высоко, на шоломя и ту сташа..." (Никоновская летопись). „А поедешь ты, Михайло, во чисто поле, выедешь ты на шеломя на окатисто, А по русскому — на гору на высокую" (Былина о Даниле Игнатьевиче). Вполне возможно, что автор „Слова" имеет в виду совершенно определенное место — Изюмский курган, который был как раз на границе между Русской и Половецкой землями, и поэтому слова „О Русская земля, ты уже за холмом" означают то, что Русь осталась позади и войска Игоря вошли в поле половецкое. П. Я. Черных считает, что выражение „за шеломянем" первоначально читалось — „за соломянем". За вероятность такого чтения говорит фраза из „Задонщины": „Русская земля, то ты есть как за Соломономъ царем побывало", где „шеломянемъ" „Слова о полку Игореве" было понято в конце XIV века как Соломон. „Соломянем" в некоторых древнерусских памятниках и в диалектах называется залив, пролив. Это слово до нашего времени сохранилось в некоторых географических названиях (на Онежском озере название пристани — Соломенное — отнюдь не от соломы, а именно от соломя — пролив). П. Я. Черных считает, что „за соломянем" значит — за Керченским проливом (П. Я. Черных. О выражении „за шеломянем" в „Слове о полку Игореве", Ярославский государственный педагогический институт, Ученые записки, вып. 1, 1944, стр. 47 — 61). Но эта конъектура П. Я. Черных находится в противоречии с историей похода 1185 года, как она теперь восстанавливается исследователями, — так далеко Игорь не заходил. Это лирическое восклицание автора — „О, Руская земля! уже за шеломянемъ еси", дважды повторяющееся в „Слове", проникнуто глубоким сочувствием к русским воинам, которые вышли за пределы русской земли и которых ждет гибель в „поле незнаемом".

Дльго ночь мрькнетъ. Заря свѣтъ запала, мъгла поля покрыла; щекотъ славій успе, говоръ галичь убудися. Русичи вели-

кая поля чрьлёными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а князю славы. Мы дали чтение этого места с поправками и с иной расстановкой знаков, чем в первом издании, прочно вошедшими в науку о „Слове" и в настоящее время общепризнанными. Но несмотря на это, до сих пор смысл всей фразы в целом вызывает различные толкования. Меркнути — темнеть, становиться темным, меркнуть. Некоторые читают „заря" и „свет" как два различных слова, а некоторые — как одно выражение: заря-свет, типа — путь-дорога. „Запала" — одни исследователи считают, что это прошедшее время от глагола „запати" — упасть, в данном контексте — погаснуть; другие производят этот глагол от глагола палати, полети с приставкой „за" — гореть, пламенеть, заниматься пламенем, вспыхивать. В зависимости от того, как переводится это слово, меняется временное значение всей фразы: в первом случае вечерняя заря — заря свет уронила, заря свет погасила (т. е. после зари наступила темнота, ночь). Или, если читать заря-свет как одно слово, то перевод — заря погасла; во втором случае утренняя заря: заря свет зажгла; заря занялась. О какой же заре тут идет речь? Решить этот вопрос окончательно невозможно, так как оба толкования достаточно убедительно аргументированы. За то, что тут речь идет о заре вечерней, говорит следующее: фраза: „русичи великая поля чрьлеными щиты прегородиша" — очевидно, реальная картина расположения войска на отдых в поле. Воинские щиты были очень большой величины и их было так много, что, поставленные в ряд со стороны возможного нападения врага, они образовывали стену для защиты от стрел. Кроме этого, следующий за этой картиной рассказ о первой битве начинается словами: „съ заранія въ пятокъ", т. е. рано утром в пятницу, — это продолжение, развитие действия, и, казалось бы, логически — утру должна предшествовать ночь, и автору, если бы он только что говорил об утренней заре, нет смысла начинать следующее предложение словами — рано утром. Подтверждением предположения, что тут говорится о заре утренней, могут служить такие соображения: автор говорит, что вместе с зарей затих соловьиный щекот и пробудился говор галок. Хорошо известно, что соловьи как раз умолкают на утренней заре, а все остальные птицы, в том числе и галки, начинают свое пение. Затем: сначала автор говорит о ночи — „долго ночь меркнет", а потом уже о заре, но ведь после ночи наступает утренняя, а не вечерняя заря. Таким образом, обе точки зрения одинаково правомерны, и, пожалуй, вернее всего компромиссное решение этого вопроса, считающее, что здесь целая картина весенней ночи в степи — и вечерняя заря, и ночь, и утренняя заря.

Съ заранія въ пятокъ потопташа поганыя плъкы Половецкыя... Это рассказ о первом столкновении войск Игоря с половцами на реке Сюурлий. Эта битва окончилась победой русских. В Ипатьевской летописи рассказ об этой битве начинается так: „Заутра же пятъку наставшу, во обѣднее время усретоша полкы половѣцъкиѣ..." В летописном рассказе дается подробное описание расположения войск Игоря перед боем.

красныя дѣвкы Половецкыя... Здесь эпитет „красные", как и в словосочетании „красному Романови Святъславличю" значит — красивые, прекрасные, красавицы.

паволокы и драгыя оксамиты. Паволока — шелковая ткань, которая ввозилась на Русь из Византии и мусульманских стран; оксамит, аксамит — бархатная ткань. „Преобладающим для аксамита был „звериный" орнамент (стилизованные грифоны, львы, орлы и пр., расположенные обычно в круглых медальонах), тона — красный и фиолетовый" (История культуры древней Руси, АН СССР, т. I, М. — Л., 1948, стр. 252 — 53). Обе эти ткани очень ценились на Руси и обычно подносились в числе дорогих даров: „многы дасть дары брату своему златомъ, и серебромъ, и порты разноличными, и конми, и оружиемъ, аксамиты, и паволоками и белью" (перечень даров князя Юрия Всеволодовича брату Святославу в Воскресенской летописи).

Орьтъма (слово тюркского происхождения) — покрывало, покрышка, попона; *япончица* (турецкое япанча, япунча) — накидка, плащ; *кожух* — одежда из дубленых мехов: „от кож устроеныя ризы же и мантие яже кожюхы есть нарицяти обычай" (Студийский устав в переводе XII века); *узорочие* — общее определение драгоценных вещей вообще.

Хоруговь — знамя особого вида: *чрълена чолка* — бунчук: конский хвост на древке, окрашенный в красный цвет. Бунчук — „символ власти турецких пашей, польских и украинских гетманов, атаманов; имеет вид длинной трости с шаром, под которым прикреплялись волосы из конского хвоста" (Словарь современного русского литературного языка, АН СССР, М. — Л., 1948, стлб. 693).

сребрено стружіе. Судя по тем древнерусским текстам, где это слово встречается, предполагают, что стружием называлось древко копья. Это слово еще раз встречается в „Слове": Всеслав „дотчеся стружіемъ злата стола Кіевьскаго". Д. В. Айналов высказал догадку, что стружие — это название одной из регалий княжеской власти: на древнерусских монетах того времени „изображается сам великий Киевский князь, сидящий на троне, т. е. на кресле с подушкой, которое в надписи и называется столом. Но ни в надписях, ни в других письменных источниках нет точного обозначения того длинного жезла с крестом поверх него, который держит великий князь у правого плеча опущенным к подножию трона своим нижним концом" (Д. В. Айналов. Замечания к тексту „Слова о полку Игореве", Труды Отдела древнерусской литературы Института литературы, т. II, М. — Л., 1935, стр. 86). Д. В. Айналов считает, что этот жезл назывался стружием. Толкование стружия, таким образом, в соответствующей фразе о Всеславе весьма заманчиво, но почему тогда стружие, как символ власти русского князя, оказалось в числе добычи, захваченной у половцев? Те древнерусские тексты, где встречается это слово (см. примеры в книге: В. Н. Перетц. „Слово о полку Ігоревім", у Київі, 1926, стр. 185), также заставляют видеть в стружии копье, а не регалию княжеской власти. Большинство переводчиков переводит стружие как копье или как древко копья. В. И. Стеллецкий, очевидно под влиянием статьи Д. В. Айналова, переводит „стружие" как „жезл".

Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо. Далече залетѣло! После первой битвы Игорь предлагал сразу же уходить из степи

назад, но на это не согласились Святослав Ольгович и Всеволод Святославич, и было решено переночевать в поле. Ольгово хороброе гнѣздо — Ольговым гнездом автор называет всех князей — участников похода, — все они потомки Олега Святославича.

обида. В XII веке это слово в княжеской феодальной среде имело специфическое значение. „Его значение не покрывается понятием „оскорбление" или современным значением слова „обида". Его основное значение в XII — XIII вв. — нарушение права, несправедливость. Это значение выработалось в обстановке усиленных феодальных счетов" (Д. С. Лихачев. Назв. соч., стр. 84). Но если в летописях это слово имеет специфически феодальное значение — нарушение прав князя, княжества, города, то в „Слове" во всех тех многочисленных случаях, когда оно употребляется, оно характеризует „обиду" не одного князя, а „обиду" всей русской земли в целом, в обиде Игоря автор видит обиду всего русского народа.

поганый Половчине! Смысл слова „поганый" в древнерусском языке, во-первых, — язычник, исповедывающий иную веру (от латинского paganus — язычник) и во-вторых, — в таком же бранном значении, как это слово употребляется сейчас. Вот как летописец характеризует половцев: „При насъ половци законъ дѣржать отець своихъ, кровь проливати, а хвалящеся о семъ, и ядуще мертвечину и всю нечистоту, хомякы и сусолы, и поимають мачехы своя и ятрови и ины обычая отець своихъ" (Ипатьевская литопись).

Гзак и Кончак — половецкие ханы. Особенно известен Кончак, заклятый враг Руси. Летописец называет его „окаянным, богостудным; безбожным, треклятым". Кончак во время княжеских междоусобных войн обычно заключал союз с кем-либо из враждующих князей, используя таким образом в своих интересах феодальные распри между русскими князьями. Кончак постоянно возглавляет походы половцев на Русь. Летопись дает ему эпически-богатырскую характеристику: „от него (хана Отрока) родившуюся Кончаку, иже снесе Сулу, пѣшь ходя, котелъ нося на плечеву" (Ипатьевская летопись).

Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ, Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону великому. Кончак бежит впереди, вслед за ним Гзак. „«След править» — значит передвигаться друг за другом, след в след" (Н. В. Шарлемань. Назв. соч., стр. 123). Пока войска Игоря отдыхают в поле, к ним приближаются основные силы половцев во главе с Кончаком и Гзой.

чръныя тучя съ моря идутъ. Черная туча — символ вражеского войска — „что не облаки подымалися, // Не грозны тучи сохodилися, // Собирались тьмы неверных враг" (Примеры см. в цит. книге В. Н. Перетца, стр. 189). С моря — половцы подходили к стану Игоря с юга, со стороны Азовского моря.

хотятъ прикрыти 4 солнца. 4 солнца — Игорь, Всеволод, Владимир Игоревич и Святослав Ольгович. В эпической поэзии князья иногда называются солнцем. Вспомним хотя бы Владимира Красное солнышко русских былин. Неоднократно этот эпитет князя встречается и в древнерусских письменных памятниках — „уже бо

солнце наше зайде ны" (Ипатьевская летопись про смерть князя Мстислава Ростиславича).

Итти дождю стрѣлами. Это очень удачная перефразировка часто встречающейся в воинских памятниках формулы, характеризующей жестокость битвы — „Идяху стрѣлы аки дождь". — Заметим, что в основе этого поэтического образа лежит реальная действительность: „В разгаре боя или приступа стрелы сыпались дождем. Это сравнение возникло уже в древней Руси" (А. В. Арциховский. Русское оружие X — XIII вв., Доклады и сообщения исторического факультета Московского гос. ун-та, вып. 4, М., 1946, стр. 13).

Каяла. Река Каяла упоминается в „Слове" шесть раз: 1) „Ту ся копіемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти о шеломы половецкыя на рѣцѣ на Каялѣ у Дону великаго"; 2) „Съ тоя же Каялы Святоплъкѣ полелѣя отца своего междю Угорьскими иноходьцы ко святѣй Софіи къ Кіеву"; 3) „Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы"; 4) „Каютъ князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы рѣкы половецкыя"; 5) На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла"; 6) „Омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ". Однажды река Каяла названа в рассказе Ипатьевской летописи о походе Игоря. Больше ни в одном из древнерусских памятников не встречаем мы реки с таким названием. Существует обширная литература, посвященная выяснению вопроса, что это за река. В районе Азовского моря есть целый ряд рек, по названию сходных с Каялой: Кальмиус, Кагальник, Сухие и Мокрые Ялы. Каждая из этих рек связывается различными гипотезами с Каялою, но недостатком всех теорий, отождествляющих Каялу с какой-либо из вышеупомянутых рек, является то, что каждая из них в чем-либо противоречит общему ходу летописного рассказа о походе Игоря (подробно см. в цит. книге К. В. Кудряшова, стр. 42 — 90). Для того чтобы найти Каялу, нужно было определить ее местонахождение по отношению к рекам Сальнице и Сюурлий. Этот вопрос был удачно разрешен К. В. Кудряшовым, определившим местонахождение рек Сальницы и Сюурлий. Уточнив разыскания К. В. Кудряшова, украинский ученый Н. В. Сибилев определил, что Каялой в „Слове" названа река Макатиха, существующая и в наше время. Она находится в районе реки Тора. „Речка Макатиха глубокая, берега очень высокие для ручья, края балки близки один к другому, и она похожа на миниатюрный каньон, по дну которого быстро бежит небольшая, но полноводная речка" (Н. В. Сібільов. Археологічні памятки на Дінці в зв'язку з походами Володимира Мономаха та Ігоря Сіверського, журн. „Археологія", АН УССР, вып. IV, Київ, 1950, стр. 110). Река Каяла — имя нарицательное, а не собственное. Это название было дано автором „Слова" той реке, на которой произошло поражение войск Игоря, как производное от глагола „каяти". Глагол „каяти" имел в древнерусском языке следующие значения: жалеть, оплакивать, исповедовать, порицать, укорять. Возвратная форма этого глагола — „каяться" — имеет два значения: в церковном контексте — осуждать себя за грехи, а в литературных памятниках — сожалеть: „Женитва всякому человѣку печал. Оженивыися человѣк скоро раскается" (Даниил Заточник). Также только в значении сожалеть, жалеть этот глагол употреблялся в народной речи — „не

радуйся нашот, не кайся потеряв". В диалектах до нашего времени сохранился переходный глагол „каять" в значении — исповедовать перед смертью, оплакивать (Слова старика — „Пока мне глаза лечат, меня уже самого каять нужно будет". Дер. Шуерецкое, Кемский район Карело-Финской ССР, 1950). Река Каяла — место поражения Игоревых войск, несчастное для русских место. Автор назвал его Каялой, произведя это слово от глагола „каяти" в его значении — жалеть, сожалеть, оплакивать. Таким образом, река Каяла — значит река смерти, печали, скорби, гибельное место. Возможность образования от глагола „каяти" имени „каяла", как обозначения места скорби, печали, плача, подтверждается образованием в древнерусском языке слов „желя" (обряд плача над умершим) и „жальник" (место погребения, кладбище) — от глагола „жалеть".

вѣтри, Стрибожи внуци. Стрибог — один из языческих русских богов: „(Владимир в Киеве) постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а усъ златъ, и Хърса, Дажьбога и Стрибога и Симарьгла, и Мокошь" (Повесть временных лет.). Судя по „Слову о полку Игореве", Стрибог — бог ветров. Вся картина в целом — „Се вѣтри, стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя плъкы Игоревы" — поэтический образ, проникнутый глубоко реалистическим смыслом: ветер, направление ветра играло большую роль в ходе боя — с попутным ветром стрелы летели дальше, сильнее и прицельнее, а против ветра стрельба из луков была значительно хуже; поэтому та сторона, которой ветер дул в спину во время боя, находилась в наивыгоднейшем положении. Как мы знаем, половцы наступали с юга, „с моря", и во время боя ветер благоприятствовал им, а не Игорю (ветры веют с моря).

Земля тутнетъ. — Тутнети — греметь, гудеть. Земля гудит.

рѣкы мутно текуть. В народной поэтической символике образ мутнотекущей реки символизировал печаль, близость войны, приход врагов:

> Ой, ты наш батюшка, тихой Дон!
> Ой, что же ты, тихой Дон, мутнехонек течешь?
> Ах, как мне, тиху Дону, не мутному течи —
> Поверх меня, Дона, три роты прошли...

У автора „Слова" эта фраза, кроме символизирования приближающегося несчастья для русских воинов, дает представление о многочисленности идущих войск: их прошло так много, что в реках замутилась вода.

Яръ туре Всеволодѣ! стоиши на борони... Яр Тур — то же самое, что и „буй тур", т. е. смелый, отважный. Стоиши на борони — здесь „борони" от слова брань — битва, бой. Стоять на борони — значит стоять в центре боя.

мечи харалужными. Харалужные, очевидно — булатные. Слово это встречается только в „Слове о полку Игореве", и судить о его значении можно лишь по контексту всей фразы. Происхождение этого слова до сих пор неясно — очевидно, из тюркского языка. В. Ф. Ржига предполагает, что „харалужный" произошло от узбек-

ского слова „хараблик" — гибель, разрушение. В таком случае „мечи харалужные" значит — мечи гибельные; мечи, несущие гибель (В. Ф. Ржига. Восток в „Слове о полку Игореве", сборн. Государственного литературного музея „Слово о полку Игореве", М., 1947, стр. 169 — 189).

своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая... Княжеский золотой шлем — реалия. Из золота шлем не делался, так как он был бы тогда слишком мягок, но княжеские шлемы орнаментировались различными украшениями и золотились — отсюда и выражение „золотой шлем". До нашего времени сохранился шлем Ярослава Всеволодовича (начало XIII века), который дает наилучшее представление о княжеском шлеме в древней Руси.

поскепаны саблями калеными шеломы Оварьскыя... Поскепать — расколоть, рассечь. Этот глагол употреблялся в том случае, когда речь шла о деревянном предмете. Причину того, почему здесь употреблен именно этот глагол, В. Ф. Ржига объясняет следующим: шлемы половцев были не сплошь металлическими, а составлялись из деревянных лубков, которые скреплялись железными ребрами, связанными наверху металлическим шишом. Об этом мы можем судить по изображению воина на золотой кружке, найденной в 1799 году в Венгрии (В. Ф. Ржига. Назв. соч., стр. 169 — 189).

каленая сабля — сабля из закаленной стали.

Кая рана дорога, братіе, забывъ чти и живота, и града Чрънигова отня злата стола и своя милыя хоти, красныя Глѣбовны, свычая и обычая! „Кая" здесь местоимение — „какой", „какая" (какая рана дорога, братья, забывшему честь и жизнь... — что тому раны, кто забыл...). „Забыв чти" значит — „забыв почесть", „забыв свое княжеское достоинство". Из летописного рассказа видно, что Всеволод действительно сражался наряду с простыми дружинниками: „добри бо вси бьяхуться идуще пѣши и посреди ихъ Всеволодъ не мало мужьство показа". Живот — жизнь. „Града Чрънигова отня злата стола" — отец Игоря и Всеволода Святослав Ольгович был до 1164 года Черниговским князем. Хоть — жена. Глебовна — Ольга Глебовна, жена Всеволода. Она была дочерью Глеба Юрьевича (родной брат Всеволода Юрьевича, к которому автор „Слова" ниже обращается с призывом встать на защиту Русской земли), внучкой Юрия Долгорукого. Перевод всей фразы будет такой: что тому раны, кто забыл свое княжеское достоинство, и богатство, и города Чернигова отцовский золотой стол, и своей милой жены, прекрасной Глебовны, любовь и ласку.

были плъци Олговы, Ольга Святьславличя. Олег Святославич — родоначальник „Ольгова хороброго гнезда", сын Святослава Ярославича, внук Ярослава Мудрого. В 1076 году умер отец Олега, Святослав Ярославич князь Черниговский. В Киеве в это время княжил старший брат Святослава Ярославича, дядя Олега — Изяслав Ярославич. После смерти Святослава на черниговский стол сел его брат Всеволод. Во время похода Всеволода на Изяслава в 1077 году (окончившегося соглашением и миром) Черниговский стол занял Борис Вячеславич (сын Вячеслава Ярославича, племянник Всеволода и Изяслава), но княжил он всего лишь восемь дней,

а затем бежал в Тмуторокань к своему двоюродному брату Роману Святославичу (родной брат Олега Святославича), княжившему там в это время („Красный Роман Святославич" „Слова о полку Игореве"). Изяслав и Всеволод прекрасно понимали, что самым опасным претендентом на Черниговский стол будет Олег Святославич. Для того чтобы обезопасить себя от его притязаний на Чернигов, Всеволод и Изяслав пригласили племянника, княжившего во Владимире Волынском, переехать в Чернигов. Хотя Олег был встречен в Чернигове очень радушно, он сразу же понял, что его пребывание там есть не что иное, как почетный плен. И в 1078 году он бежит из Чернигова в Тмуторокань, к своему старшему брату Роману. В том же 1078 году, вместе с князем Борисом Вячеславичем, заключив союз с половцами, Олег пошел против Всеволода: „Приведе Олегъ и Борисъ поганыя на Русъскую землю, и поидоста на Всеволода с половци" (Повесть временных лет). 25 августа на реке Сож произошла битва, Всеволод потерпел поражение и бежал к Изяславу в Киев. Олег сел на Черниговское княжение. „Изяславъ съ Ярополъком, сыномъ своим, и Всеволодъ с Володимеромъ, сыномъ своимъ", собрав сильное войско, двинулись из Киева на Чернигов. Союзники взяли Чернигов. Олег и Борис, которых во время этих событий в Чернигове не было, собрали дружину и пошли к городу. Изяслав и Всеволод вышли им навстречу. Олег, прекрасно понимая, что противники сильнее его, предлагал Борису в бой не вступать, но тот не согласился, сказав, что если Олег не хочет воевать, то он будет биться один. После этого Олег был вынужден принять участие в сражении. „И поидоста противу, и бывшимъ им на мѣстѣ у села на Нѣжатинѣ Нивѣ и сступившимся обоимъ, бысть сѣча зла. Первое убиша Бориса, сына Вячеславля, похвалившагося велми. Изяславу же стоящю въ пѣшцих, и внезапу приѣхавъ единъ, удари и копьемъ за плече. Тако убьенъ бысть Изяславъ, сынъ Ярославль" (Повесть временных лет). Олег снова бежал в Тмуторокань. Так как князь Изяслав Ярославич погиб, Киевский стол освободился и политическая ситуация изменилась: Всеволод больше не был заинтересован в Чернигове, ибо теперь он садился на Киевский стол, а на Черниговское княжение он посадил своего сына Владимира Всеволодовича Мономаха. Олег в это время был взят в плен козарами, очевидно, подкупленными Владимиром или Всеволодом. Но ему удалось бежать из этого плена, и через пятнадцать лет после битвы на Нежатиной Ниве он снова идет на Чернигов. Мономах добровольно уступает ему Черниговское княжество: „...И вдахъ брату отца его мѣсто, а сам идох на отця своего мѣсто Переяславлю", — пишет Владимир Мономах об этом событии в своем „Поучении". С 1094 года начинается княжение Олега в Чернигове. В 1096 году произошло столкновение между Олегом с одной стороны и Владимиром и Святополком — с другой. Олег бежал из Чернигова в Стародуб, где сидел в осаде 33 дня, после чего сдался на том условии, что он поедет вместе с братом Давидом в Киев для заключения договора со всеми русскими князьями. Олег не выполняет взятого на себя обязательства и начинает вести ожесточенную борьбу с Мономаховичами. В битве за Муром был убит сын Владимира Изяслав. Олег подчинил себе всю Муромскую и Ростовскую земли. Начинаются битвы Олега с другим сыном

Владимира — Мстиславом, в которых Олег в конце концов терпит поражение. После Любечского съезда в 1097 году политика Олега несколько меняется: хотя и неохотно, он все же начинает принимать участие в борьбе с половцами. Если во время похода против половцев в 1103 году он отказался от участия в нем, сославшись на болезнь, то в походе 1107 года против Шарукана и Боняка он участвует. Но все же до самого конца Олег не хотел подчиниться воле Владимира Мономаха. Умер Олег в 1115 году, 1 августа.

Тъй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше. Крамола — то же, что и „котора“ — междоусобная борьба. Меч в древней Руси имел несколько символических значений: прежде всего, это был символ войны, затем он являлся эмблемой княжеской власти, на мечах клялись. Автор этой фразой характеризует Олега как зачинщика бесконечных междоусобных войн. В словосочетаниях: мечом (символ войны) к о в а т ь, стрелы с е я т ь слышен упрек автора „Слова“ князьям за то, что они, вместо мирного труда, вместо борьбы с половцами, в междоусобных распрях губят „жизнь Даждьбожа внука“.

Ступаетъ въ златъ стремень въ градѣ Тьмутороканѣ, той же звонъ слыша давный великый Ярославль сынъ Всеволодъ; а Владимiръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ. В первом издании было не „той же“, а „тоже“ и „Ярославь сынъ Всеволожъ: а Владимiръ...“, что требовало поправок, так как смысл при таком чтении неясен. Мы присоединяемся к конъектуре, предложенной Снегиревым: ... „Звонъ слыша давный великий Ярославль сынъ Всеволодъ“ —... звон слышал давний великий сын Ярослава Всеволод, т. е. при этой поправке речь идет о Всеволоде Ярославиче, отце Владимира Мономаха. Другие вслед за Бутковым читают эту фразу так: ... „Звон слыша давный великый Ярославь, а сынъ Всеволожь Владимiръ“...— звон слышал давний великий Ярослав, т. е. при таком прочтении получается, что звон слышал Ярослав Мудрый. При чтении по первому варианту смысл всего этого предложения можно передать так: когда Олег Святославич вступал в золотое стремя в Тьмуторокани, то этот звон (вступать в стремя — значит выступать в военный поход) слышал давний великий сын Ярослава Всеволод (очевидно, намек на события 1078 года — первый поход Олега против Всеволода), и Владимир (Мономах) каждое утро ждал Олега в Чернигове (очевидно, автор „Слова“ имеет здесь в виду события 1094 года). По второму варианту смысл такой: Олег Святославич вступает в золотое стремя в городе Тмуторокани, а этот звон (звон междоусобных битв) уже слышал (в смысле — уже предугадал) давний великий Ярослав (Ярослав Мудрый перед смертью предостерегал своих наследников от междоусобиц), а сын Всеволода Владимир (Владимир Мономах) от этого звона уже вынужден был затыкать себе уши (так разросся при нем звон междоусобных войн). М. В. Щепкина полагает, что «если читать эту фразу так: „той звон слыша давныи великии Ярославль сын Всеволожь а Владимиръ“; т. е. „тот же звон слышал давний великий Ярославль (внук) Всеволожь сын, Владимир“, то тогда здесь можно говорить лишь об одном князе — Мономахе Владимире Всеволодовиче Ярославиче, — величание князей двойным отчеством по отцу и деду

обычно для древней Руси; мы постоянно находим его в летописи, особенно в дотатарский период. Так, под 1079 годом сказано о Романе Святославиче: „суть кости его и доселе тамо лежаче сына Святославля, внука Ярославля“. Под 1093 годом: „преставися великый князь Всеволод сын Ярославль, внук Володимерь“. Тот же оборот находим мы и в таком древнем памятнике, как „Хождение игумена Даниила“».

Мы наиболее убедительной считаем первую конъектуру и соответственно ей принимаем чтение по первому варианту, приведенному нами выше. В раскрытии смысла второй части этого прочтения — Мономах „по вся утра уши закладаше въ Чернигове“ — мы присоединяемся к предположению, высказанному еще Д. Багалеем и в наше время поддерживаемому Мавродиным, — Мономах затыкал уши, чтобы не слышать ропота черниговской знати, которая поддерживала притязания Олега на Черниговский княжеский стол.

Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе, и на Канину зелену паполому постла, за обиду Олгову храбра и млада князя. Здесь речь идет о битве на Нежатиной Ниве, во время которой погиб Борис Вячеславич (см. комментарий к Олегу). Слава на судъ приведе. На суд — на смерть, это типичный феодальный термин. В древней Руси битва, особенно междоусобная, рассматривалась как „суд божий“, — тот, кто будет побежден, того осудил на смерть сам бог; победитель прав, а побежденный был неправ. Таким „божьим судом“ Олега и Бориса с Изяславом и Всеволодом и была битва на Нежатиной Ниве. Канина. — К этому слову был предложен целый ряд самых разнообразных поправок („каялина“, „на ткань ину“, „и на казнь ину“ и т. п).

М. В. Щепкина так объясняет это место: „Одни исследователи принимают слово Канин за название черниговского ручья (впадает в реку Десну, упомянут в летописи под 1152 годом). Другие, исходя из текста „Задонщины“, читают „на кавылу зелену“. Повидимому, написание к а н и н у представляет искажение слова „кавы(л)ну“ с выносной, позднее утраченной буквой „л“. Глагол „постлать“ надо понимать здесь в смысле „уложить“. Возможно, в древности глагол этот мог применяться как к неодушевленному существительному, так и к одушевленному“.

Исходя из этого объяснения, М. В. Щепкина так переводит рассматриваемую фразу: „Бориса же Вячеславича, молодого и храброго князя, слава на суд привела и на кавыльную зеленую паполому уложила за обиду Ольгову“. До М. В. Щепкиной предложение о возможности употребления глагола „постлать“ по отношению к человеку в смысле „уложить на смерть“ было высказано А. К. Юговым, и соответственно этому был сделан перевод (только Югов считает, что Канина — название реки).

Так как примеров из древнерусского языка, подтверждающих возможность употребления глагола „постлать“ как уложить человека (убить его) нет, то мы не можем принять прочтение этого места ни в варианте А. К. Югова, ни в варианте М. В. Щепкиной.

Паполома — погребальное покрывало. Здесь, очевидно, подразумевается под этим словом поле битвы, на котором лежат убитые: трава — зеленое погребальное покрывало. И тогда смысл фразы такой: Бориса Вячеславича слава на суд привела и на Канине (мы

примыкаем к мнению тех исследователей, которые считают Канину названием реки) за обиду Олега (слава) постлала храброму и молодому князю (Борису Вячеславичу) зеленое погребальное покрывало.

Съ тоя же Каялы... Весь этот эпизод, в котором находятся эти слова, рассказывает, как мы знаем, о битве на Нежатиной Ниве, и на первый взгляд непонятно, почему автор, рассказывая о событии 1078 года, упоминает Каялу, т. е. реку, на которой произошло поражение Игоря, находящуюся далеко от Чернигова. Но если считать Каялу не географическим названием, а именем нарицательным, обозначающим место скорби, печали, то станет ясной и эта фраза: „Съ тоя же Каялы" — с такой же каялы, т. е. с такого же губительного, несчастного места, с места побоища.

Святоплъкь полелѣя отца своего междю Угорьскими иноходьцы ко святѣй Софіи къ Кіеву. В первом издании читается не „полелѣя", а „повелѣя". Имеется два варианта исправлений этого слова: 1) полелѣя и 2) повелѣ яти. Мы присоединяемся к первой поправке. Оба варианта палеографически вполне обоснованны. Обычай переносить мертвых и тяжело раненных в носилках между лошадьми, идущими гуськом, был широко распространен в средние века. В Радзивилловской летописи есть миниатюра, изображающая перевозку человека таким образом. Если читать „полелѣя", то смысл фразы такой: „Святополк полелеял (полелеять — укачать, в переносном смысле — осторожно перенести) отца своего между венгерскими иноходцами..." Если „повелѣ яти", то „Святополк повелел (приказал) взять отца своего между..." О каком событии тут говорится? Долгое время этот вопрос был неясен, и так как здесь говорится о святой Софии, то считали, что речь идет о событии 1093 года — о битве русских с половцами на реке Трубеж, во время которой был убит тесть (отец жены) Святополка Тугоркан, которого Святополк перевез с поля боя и похоронил в Киеве, а не о битве на Нежатиной Ниве, так как отец Святополка Изяслав, убитый во время боя, был похоронен, по данным Киевской летописи, не у святой Софии, а в Десятинной церкви. Недавно И. М. Кудрявцевым была указана запись в Софийской первой летописи, говорящая, что Изяслав был погребен „в святой Софии в Киеве" (И. В. Кудрявцев. Заметка к тексту „С тоя же Каялы Святоплъкъ..." в „Слове о полку Игореве", Труды отдела древнерусской литературы, т. VII, М. — Л., 1949, стр. 407—409). Таким образом, теперь нет причин сомневаться, что здесь говорится о гибели Изяслава на Нежатиной Ниве и о перенесении его тела в Киев.

Тогда при Олзѣ Гориславличи... Большинство исследователей полагает, что в прозвище Олега „Гориславич" звучит ирония и насмешка над ним автора „Слова". Некоторые комментаторы предполагали, что в этом прозвище скрыто сочувственное отношение автора к Черниговскому князю. Мы считаем, что в прозвище, данном Олегу автором „Слова", скрыто и осуждение им этого князя и одновременно выражается в какой-то мере и сочувствие. Автор осуждает Олега и его междоусобицы, но он и сочувствует ему. Только вторым чувством можно объяснить фразу о том, что Борис Вячеславич погиб „за о б и д у Ольгову".

жизнь. В древнерусском языке понятие „жизнь" выражалось словом живот („не на живот, а на смерть"), а слово „жизнь" значило достаток, достояние, богатство.

Даждьбожа внука. Даждьбог — один из богов русского языческого пантеона. Внуками Даждьбога автор называет русский народ. „Погыбашеть жизнь Даждьбожа внука" следует переводить — погибало богатство русских людей.

ратаевѣ кикахуть. Ратай — землепашец (см. в былине „Орет в поле ратай, понукивает. // Говорил Вольга таковы слова: // Божья ти помочь, оратаюшко..."). Кикахуть — в письменных памятниках такое слово встречается лишь в „Слове о полку Игореве", но мы находим его в народных песнях: „Уж как стали гуси серые // Что лебедушку щипати, // А лебедушка кикати", т. е. кикать — кричать, покрикивать, перекликиваться.

То было въ ты рати и въ ты плъкы, а сицеи рати не слышано. Здесь автор кончает свои воспоминания о междоусобных войнах прошлого и переходит к рассказу о битве Игоря, говоря, что такого сражения, как битва Игоря с половцами, еще не бывало.

стрѣлы каленыя. Очевидно, наконечники к стрелам делались из закаленной стали.

Чръна земля подъ копыты, костьми была посѣяна, а кровію польяна; тугою взыдоша по Руской земли. Сравнение битвы с земледельческими работами очень широко распространено в народной эпической поэзии, например:

Чорна роля заорана,
Кулями засіяна,
Білым тілом зволочена,
Кров'ю сполощена.

(Максимович, Украинские народные песни, стр. 154)

Многочисленные параллели к этому месту „Слова" из народного творчества приведены в цит. книге В. Н. Перетца.

Игорь плъкы заворочаетъ: жаль бо ему мила брата Всеволода. В основе этого эпизода лежит следующее действительное событие: первыми побежали с поля боя наемные войска коуев; Игорь, пытаясь удержать их, поскакал вслед за ними. Вот как рассказывает об этом событии Ипатьевская летопись: „Бысть же свѣтающе недѣлѣ (в „Слове" — „рано предъ зорями") возмятошася Ковуеве въ полку, побѣгоша. Игорь же бяшеть въ то время на конѣ, зане раненъ бяше, и поиде къ полку ихъ, хотя возворотити къ полкомъ. Уразумѣвъ же, яко далече шелъ есть от людий, и соимя шоломъ погънаше опять къ полкомъ того дѣля, что быша познали князя и возворотилися быша; и тако не возворотися никто же, но токмо и Михалко Гюргевичь, познавъ князя, возворотися... И яко приближися Игорь къ полкомъ своимъ, и переѣхаша поперекъ и ту яша единъ перестрѣлъ одалѣ отъ полку своего (и когда Игорь приближался к своим войскам, ему пересекли дорогу и взяли в плен на расстоянии полета стрелы от его полка). Держимъ же

Игорь видѣ брата своего Всеволода крѣпко борющася и проси души своей смерти, яко да бы не видилъ падения брата своего".

ту кроваваго вина не доста; ту пиръ докончаша храбріи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую. Сравнение битвы с пиром встречается как в древнерусском письменном творчестве, так и в устном. Д. С. Лихачев считает, что половцы названы сватами потому, что и на самом деле русские князья были связаны с ними родственными отношениями. Предполагают, что дочь Кончака была просватана за сына Игоря Владимира еще до событий 1185 года, и, таким образом, уже во время боя Игорь и Кончак были сватами. Но в общей картине — битва — свадебный пир — автор „Слова" мог назвать противников сватами независимо от реальных между ними отношений. Мы полагаем, что здесь половцы названы сватами (полегли-то ведь как раз не князья, а главным образом рядовые воины) не из-за родственных связей русских князей с половецкими ханами, а потому, что битва сравнивается со свадебным пиром.

уже пустыни силу прикрыла. Сила — войско, русские воины. Пустыни — пустыня, запустение, степь, степные кочевые народы, степь (в смысле населяющих эту территорию кочевников). Пустыни силу прикрыла — степь покрыла павшее на поле боя войско Игоря; или же можно понимать и так — кочевники одолели войска Игоря.

Въстала Обида въ силахъ Дажьбожа внука, вступила дѣвою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крылы на синѣмъ море... Здесь понятие „обида", относимое ко всей русской земле, значит — горе, печаль, несчастье всей Русской земли. Лебедь в народной традиции символизирует несчастье: „Ой крикнула та лебедонька на синьому морю; // Заплакали черноморці та об своїм горю". Образ девы-лебеди очень часто встречается в народных причитаниях.

У автора „Слова" обида воплощается в фольклорном образе девы-лебеди, олицетворяющей собой горе, несчастье.

упуди жирня времена. В первом издании было „убуди". Значение глагола „убудить" в древнерусском языке — пробудить, поднять. Жир — достаток, довольство, счастье, обилье. Жирные времена — счастливые времена. Если оставить слово „убудить" без конъектурной поправки, то смысл фразы совершенно не соответствует всему содержанию этого места: „дева Обида", как олицетворение несчастья, горя, никак не могла пробудить, поднять счастливое время, а наоборот — несчастья прогнали, прекратили счастливые времена. Поэтому была предложена поправка вместо „убуди" читать „упуди". Глагол „упудити" значит — гнать, прогонять. При такой конъектуре смысл фразы совершенно иной, — дева Обида прогнала счастливые времена.

Усобица князем на поганыя погыбе... В эту фразу никаких поправок вносить не нужно. Усобица — не обязательно внутренняя междоусобная распря. Этим словом могла называться и вообще борьба, война, в том числе и с внешним врагом. Смысл всей фразы такой: борьба князей с погаными прекратилась, утихла. Так это место переводит и А. С. Орлов.

За нимъ кликну Карна и Жля, поскочи по Руской земли, смагу людемъ мычючи въ пламянѣ розѣ. Первые издатели считали, что это имена половецких ханов: „Карна и Жля — предводители хищных половцев, без милосердия разорявших тогда землю Русскую“, — писали они в примечании. Но ни в каких источниках таких имен половецких ханов мы не встречаем, и в настоящее время в науке утвердилось мнение, что карна и жля — это не имена собственные, а нарицательные, образованные от глаголов „карити“ — причитать по покойному и „жля“ — то же, что и „желя“ — плач, скорбь, печаль об умершем человеке. Это такие же символически-обобщающие образы печали, плача, скорби, как и образ девы Обиды. Смага — сухость, жар, пламя, огонь, пожар; мыкати — кидать, бросать, разбрасывать. „Христианство на Руси утвердилось не сразу и не всюду одновременно, а потому, надо думать, память о погребальном костре в XII веке была еще жива в народе. Костер разводили горящей головней, горящими углями (смага). Возможно, что жар этот приносили с домашнего очага, притом в каком-то традиционном сосуде. Не мог ли служить для этого рог, древний сосуд для питья? Если это так, то становится понятным его эпитет: пламенный, т. е. объятый огнем, пылающий. Это очень характерный эпитет, — рог, наполненный жаром, должен был „заняться“ или воспламениться и, надо полагать, сгорал вместе с костром. Тогда нам становится понятен второй образ: „желя поскочи по Руской земли смагу людемъ мычючи в пламянѣ розѣ“ — печаль устремилась по Русской земле, разбрасывая людям жар из пылающего рога. Иными словами, печаль в каждой осиротевшей семье зажигает погребальный костер, заставляя всех справлять тризну и оплакивать близких“ (М. В. Щепкина. К вопросу о неясных местах „Слова о полку Игореве“, сборн. „Слово о полку Игореве“, АН СССР, М. — Л., 1950, стр. 195).

А въстона бо, братіе, Кіевъ тугою, а Черниговъ напастьми. Автор „Слова“ говорит здесь о нападениях половцев, которые устремились на Русскую землю после поражения Игоря: Кончак осадил Переяславль Русский, захватил город Римов; Гза действовал со своими войсками в районе Путивля и по реке Суле.

Игорь и Всеволодъ уже лжу убудиста, которую то бяше успилъ отецъ ихъ Святъславъ грозный великый Кіевьскый грозою. Ложь — коварство, беда. Это место в „Слове“ читают двояко: если вместо союза „который“ в винительном падеже читать в творительном падеже существительное „котора“ — „которою“: распрью, раздором, а частичку „то“ заменить указательным местоимением тъ — ту, тогда смысл этой фразы такой: Игорь и Всеволод разбудили беду (несчастья) раздором, а ее (беду) усыпил отец их Святослав (Святослав, двоюродный брат Игоря и Всеволода, назван отцом, так как он был в то время самым старшим среди Ольговичей). Если не вносить никаких конъектур в чтение этой фразы, то все это место читается так: Игорь и Всеволод уже беду (под бедой можно подразумевать половцев) разбудили, которую усыпил отец их Святослав. Если читать, придерживаясь первого толкования, то мы видим упрек Игорю автора „Слова“, — он обвиняет Игоря и Всеволода в том, что они разбудили распрю, междоусобицу. Если

же читать это место, придерживаясь второго толкования, то этого упрека нет. Мы считаем, что здесь нужно оставить без перемен чтение первого издания.

(Святослав) наступи на землю Половецкую; притопта хлъми и яругы; взмути рѣкы и озеры; иссуши потокы и болота. А поганаго Кобяка изъ луку моря отъ желѣзныхъ великихъ плъковъ половецкыхъ, яко вихръ выторже... В этом месте автор „Слова" имеет в виду поход русских князей на половцев в 1183 году, во время которого половцам было нанесено жестокое поражение и пленен половецкий хан Кобяк Карлыевич (см. об этом подробнее во вступительной статье).

гридница. „Слово гридница происходит от слова „гридь" (дружинник). Гридницей назывался большой зал, где собиралась дружина и где вообще могло поместиться много народа" (История культуры древней Руси, т. I, М. — Л., 1949, стр. 220). Очевидно, гридница была обособленной от дворца постройкой. В военное время в гридницу часто помещали пленных.

Ту нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поютъ славу Святъславлю, каютъ князя Игоря... Ту — не обозначение места (тут — здесь), а времени — в это время. Каютъ. — Как мы уже говорили выше, глагол „каютъ" имел два основных значения: осуждать и жалеть. Большинство переводчиков переводит в этом тексте слово „каютъ" как „осуждают", „корят" и даже „проклинают", но также правомерно переводить „жалеют" (в смысле „сочувствуют"). Нам кажется, очень удачно это место перевел И. А. Новиков: „...осуждают, жалея, Игоря князя..."

Ту Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощіево. Кощей — раб; седло кощеево — рабское седло. Пересел из золотого (княжеского) седла в седло рабское, — Игорь взят в плен.

Уныша бо градомъ забралы. Забрало — часть крепостной стены. „Наверху стены делался помост, огражденный с внешней стороны „заборолами" — бруствером. „Заборола" были иногда рубленые, иногда тесовые" (История культуры древней Руси, т. I, М. — Л., 1948, стр. 451).

Святослав. Святослав Всеволодович, сын Всеволода Ольговича, внук Олега Ярославича, двоюродный старший брат Игоря и Всеволода. Сначала Святослав получил в княжение Туров, а затем центр Волыни — Владимир. После смерти отца Всеволода Ольговича Святослав долгое время находился в положении князя-вассала, несколько раз меняя сюзеренов. В 1158 году он получил в княжение Новгород-Северский. В 1164 году, после смерти Святослава Ольговича, отца Игоря и Всеволода, Святослав Всеволодович в союзе с черниговским епископом овладевает Черниговом. После этого начинается борьба Святослава Всеволодовича с двоюродным братом Олегом (старший родной брат Игоря и Всеволода). С 1180 года Святослав надолго утвердился на Киевском столе. Святослав проводит целый ряд походов на половцев, самым удачным из которых был поход 1183 года. Умер Святослав в 1194 году. Он был старшим среди

Ольговичей, и поэтому автор „Слова“ называет его отцом Игоря и Всеволода.

въ Кіевѣ на горахъ. Резиденция Киевского князя была расположена на возвышенном месте Киева, у храма святой Софии.

на кровати тисовѣ. Тис — кедр, драгоценное дерево. В русском фольклоре „тисовый“ заменился словом „тесовый“, что было понятнее и ближе к крестьянскому быту.

синее вино съ трудомь смѣшено. Синее вино соответствует более позднему „зеленое вино“. Труд — горе, печаль, скорбь; горечь, яд, отрава.

поганыхъ тльковинъ. Судя по записи Лаврентьевской летописи — „Поя же (Олег) множество Варягъ и Словенъ и Чюдь и Кривичи и Мерю и Деревляны и Родимичи и Поляны и Сѣверо и Вятичи и Хорваты и Дулѣбы и Тиверци, яже суть толковины“, толковины — общее название иноплеменников.

великый женчюгь. Жемчуг очень ценился и был широко распространен в древней Руси — украшения из жемчуга на одежде, ожерелье из жемчуга и пр. Видеть во сне жемчуг — плохая примета, знак того, что придется проливать горькие слезы. Эти представления нашли свое отражение и в народнопоэтическом творчестве. Например:

> Ты рассыпься, крупен жемчуг,
> Что по атласу да по бархату;
> Ты расплачься, невестушка,
> Перед батюшком стоячи.

дьскы безъ кнѣса въ моемъ теремѣ златовръсѣмъ. Кнес — „конек“ или „князек“ — продольный верхний брус крыши. В древней Руси с коньком были связаны суеверные представления и приметы: разрушенный князек дома символизировал его гибель, несчастья. Видеть во сне сломанный конек — предсказание горя: должно произойти какое-нибудь несчастье с этим домом. Таков смысл и этой фразы в „Слове“, — князь Святослав видит княжеский дом без кнеса: дом Ольговичей постигло несчастье — поражение Игоря (см. подробнее М. П. Алексеев. К „Сну Святослава“ в „Слове о полку Игореве“, сборн. „Слово о полку Игореве“, АН СССР, М. — Л., 1950, стр. 226—248).

Босув, босый. Приводим объяснение этих слов, данное М. В. Щепкиной: «„Босув“ (может быть, „босов“) — прилагательное относительное, показывающее принадлежность кому-нибудь. „б о с ы й“ — прилагательное качественное. Но оба слова восходят к одному корню и родственны по значению. В. Ф. Миллер решил, что здесь было искажение текста, и предположил, что первоначально стояло „б у с ы й“ — слово тюркского происхождения, означающее „серодымчатый“. Но слово „бусый“ не подходит к ворону, который в поэме, как и в народном эпосе, имеет постоянный эпитет „черный“ и излишне для волка, постоянный эпитет которого в „Слове“ — „серый“. Следовательно, прилагательные „б о с у в и“, „б о с ы й“ означают какие-то особые, необычные качества, роднящие ворона и волка.

По древним поверьям всех европейских народов, волк мог быть человеком-оборотнем, — ср. русское „волкодлак“, „волколака“, сербское и болгарское „вукодлак“, „въркола к“ с измененным значением вампира, упыря; у французов — loup garou, у англичан — Were-wolf, у немцев — Wehrwolf. Князь Игорь босым волком, т. е. волком-оборотнем, соскочил с коня. Ворон у всех европейских народов слывет вещей птицей. Арабский писатель X века Масуди сохранил нам известие, что у славян ворон был посвящен божеству, считался священной птицей; позднее из вещего ворон становится зловещим; но в сказках он сохраняет прежнее значение священной и благодетельной птицы, — он приносит мертвую и живую воду, чтобы оживить убитого. Значение слов „босуви“, „босый“ забылось с утратой древних верований. Однако Срезневский приводит в своем словаре слово бос (множественное число босове), означающее демон — демоны в значении языческого божества. Следовательно, „босуви врани“ означает „священные вороны“. Максимович и Буслаев близко подошли к такому же пониманию этого слова, предлагая читать „бесови врани“. „Босый волк“ — волшебный, демонский, т. е. в языческом смысле — „божественный волк“».

Босуви врани — „священные или вещие вороны“.

У Плѣсньска. Плесеньск — город в Галицком княжестве, недалеко от Владимира Волынского. Но едва ли тут речь идет об этом городе. Вероятнее всего, что это название какой-то местности около Киева. Н. В. Шарлемань пишет по этому вопросу: „Я предполагаю, что Плесенск был там, где в середине XIX века была „Плоская часть“. Народ называл эти урочища Плоское или Плеске, очевидно, потому, что здесь холмы носили характер плоскогорья: на вершинах их были большие ровные пространства. Кроме того, к холмам примыкала обширная плоская пойма Днепра“ (Н. В. Шарлемань, „Дебрь Кисаню“ — „дебрь Киянь“, сборн. „Слово о полку Игореве“, АН СССР, М. — Л., 1950, стр. 211).

на болони. Болонь — низкое, плоское место. Очевидно, поэтому это слово означало — предградье, местность около городской стены: „Володимер... ста исполчивъся передъ городомъ на болоньи...“ (Ипатьевская летопись).

бѣша дебрь Киянь, и несошася къ синему морю. В первом издании это место читалось так: „Бѣша дебрь Кисаню и не сошлю къ синему морю“. Это место в тексте „Слова“ до сих пор остается непонятным. Пытались осмыслить его таким образом: „Бѣша дебрьски сани и несошася къ синему морю“ (дебрь — овраг, пустыня, лес, лесное место) — „Были в расселинах змеи (сань — змея) и понеслись к синему морю“, но смысл этого перевода все равно остается непонятным. Н. В. Шарлемань предложил читать это место так: „Бѣша дебрь Киянь, и несошася къ синему морю“. Он пишет: „Есть основание думать, что „дебрь Кисаня“ — это „дебрь Киянь“, лес в овраге, прорытом речкой, а впоследствии ручьем Киянью (потом Киянкой)“ (Н. В. Шарлемань. „Дебрь кисаню“ — „дебрь киянь“, сборн. „Слово о полку Игореве“, АН СССР, М. — Л., 1950, стр. 211). В таком случае все это место можно понимать так: „Всю ночь

с вечера граяли вороны у Плесенска в предгорье (Киева), (где) была дебрь Киянь, и понеслись (вороны) к синему морю (к месту поражения Игоря)".

поискати града Тьмутороканя. Тмуторокань, греч. Ταματαραχα. Город на Таманском полуострове и прилегающая к нему область. В XI веке Тмуторокань принадлежала Руси. Впервые Тмуторокань упоминается в Повести временных лет под 988 годом — о распределении земель между детьми Владимира I: „...Мстислава Тмуторокани". По своему положению Тмуторокань занимала исключительно важное место как в стратегическом, так и в торговом отношении. Это был богатый и большой город. Арабский географ Идриси писал о Тмуторокани XII века: „Матарха — весьма древний город, а имя его основателя неизвестно. Матарха окружена возделанными полями и виноградниками, цари ее весьма отважны, мужественны, предприимчивы и весьма грозны соседним народам. Город этот густо населен и весьма цветущ; в нем бывают ярмарки, на которые стекается народ из всех близких и дальних краев". И в XI веке Тмуторокань процветала и была важным торговым городом. „Прежде всего, это поселение было княжеской резиденцией русского тмутараканского князя и его дружины. Об этом свидетельствуют с достаточной полнотой русские летописи. Из археологических памятников, характеризующих эту сторону, можно указать на камень с надписью о деятельности князя Глеба, монеты князя Олега — Михаила, печати посадника Ратибора, костяную пластинку от лука со знаком Рюриковичей, найденные в разное время на территории Таманского городища. Из свидетельств Патерика Печерского мы можем заключить, что здесь находился центр Тмутараканской епископии" (И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения IX—XII столетий на Дону и Тамани, Материалы и исследования по археологии СССР 1941, № 6, М. — Л., стр. 241). По материалам археологических раскопок, как сообщает в этой же статье И. И. Ляпушкин, можно предположить, что и русские в Тмуторокани занимались главным образом торговлей. В Тмуторокани сидели на княжении обычно Черниговские князья, поэтому-то Игорь смотрел на Тмуторокань как на вотчину Черниговских князей.

а самаю опуташа въ путины желѣзны. Путины — путы, тенета, которые надевались на ноги охотничьим птицам; позже они назывались ногавками.

Темно бо бѣ въ 3 день: два солнца помѣркоста, оба багряная стлъпа погасоста и съ нима молодая мѣсяца тъмою ся поволокоста... По средневековому мировоззрению, несчастью обязательно должно было предшествовать зловещее предзнаменование природы: „знаменья бо на небеси или в звездах или в солнци, или птицами, или етером чимь не на благо бываюіь, но знаменья сица на зло бывают",— пишет летописец. Заход солнца в народной поэзии обычно символизирует чью-нибудь гибель, какое-нибудь несчастье. Тот же символ связан и с месяцем, только с последним обычно уподобляется более молодой герой:

А лежит же тут Добрыня во чистом поли,
А плеча его да испрострелены,

Голова его да испроломлена, —
Закатывается да млад светел месяц.

(Онежские былины)

В первом издании между словами „молодая мѣсяца“ и „тъмою ся поволокоста“ вставлены два имени: „Олегъ и Святъславъ“. Два солнца — без сомнения, Игорь и Всеволод, но кто такие Олег и Святослав, символически названные молодыми месяцами? Святослав — это Святослав Рыльский, племянник Игоря, но кто Олег? У Игоря был сын Олег, которому во время похода на половцев в 1185 году исполнилось всего 10 лет. Об его участии в походе в Ипатьевской летописи не говорится. Д. С. Лихачев считает, что Олег принимал участие в походе и что здесь (в картине поражения русских князей) говорится о нем, а не о Владимире потому, что в Киеве знали о женитьбе Владимира на Кончаковне и поэтому неуместно было бы искать его среди жертв похода (комментарии к книге: „Слово о полку Игореве“, серия „Литературные памятники“, АН СССР, М. — Л., 1950, стр. 428).

И. П. Еремин в лекциях, прочитанных в Ленинградском государственном университете о „Слове о полку Игореве“, высказал предположение, что имена Святослава и Олега отсутствовали в оригинале и были добавлены поздними переписчиками в качестве расшифровки, при этом ошибочно был назван младший сын Игоря — Олег. Искусственность этой вставки, раскрывающей символический образ, доказывается тем, что такой прием — единственный случай во всем памятнике. Мы принимаем точку зрения И. П. Еремина.

Хинова. До сих пор вопрос об этом слове окончательно не решен. Вс. Миллер предполагал, что хинова — это древнерусское собирательное название финнов. Но судя по контексту, это скорее всего общее название восточных народов, кочевников.

пардуже гнѣздо — гнездо гепардов. Гепарды не водились на территории древней Руси, их привозили с юго-востока. Гепарды приручались и дрессировались для охоты. „Охотничьи гепарды, или пардусы, как их называли в древности, широко применялись для охоты. Иосиф Барбаро в 1471 году видел у князя Армении сотни этих зверей; владетельные лица Монголии имели такое большое количество гепардов, что порою их брали до тысячи на одну охоту“ (Н. В. Шарлемань. Из реального комментария к „Слову о полке Игореве“, Труды Отдела древнерусской литературы, т. VI, М. — Л., 1948, стр. 120). В диком состоянии гепарды на охоту выходят не стаями (так неправильно переводят некоторые переводчики слово „гнездо“), а именно гнездами, т. е. семьями.

връжеса Дивъ. Връжеса — кинулся, бросился (сверху). Этот глагол характеризует очень стремительное, резкое падение с высоты. Это скорее можно сказать о птице или птицеподобном существе, но не о половце.

Готьскыя красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю. Это крымские готы или готы тетракситы, жившие в XII веке на Таманском полуострове и по берегу Черного моря. Очевидно, эти готы имели торговые связи с половцами, и часть добычи, захваченной

последними в боях с русскими, попадала и к ним. Кроме того, готы, особенно жившие в районе Тмуторокани, могли опасаться победы русских, так как последние в случае успеха и дальнейшего продвижения могли угрожать и им. Поэтому-то готские девы так рады поражению Игоря (см. подробнее: В. В. Мавродин. Очерки истории Левобережной Украины, Л., 1940, стр. 267).

Поютъ время Бусово, лелѣютъ месть Шароканю. Время Бусово. — Наибольшее хождение в науке получила точка зрения О. Огоновского, считавшего, что здесь имеется в виду князь антов Бос, Боус или Бооз, который в IV веке н. э. был побежден готским королем. Поражение Игоря среди крымских готов и готов тетракситов вполне могло сравниваться с поражением древнеславянского предводителя, с событием, о котором еще помнили в XII веке. Вторая часть этой фразы — лелеют мечту о мести за Шарукана. Шарукан — половецкий хан, дед хана Кончака. В 1107 году он потерпел жестокое поражение от объединенных русских войск: „Томъ же лѣтѣ приде Бонякъ и Шаруканъ старый и ини князи мнози, и сташа около Лубьна. Святополкъ же, и Володимеръ, и Олегъ, Святославъ, Мстиславъ, Вячеславъ, Ярополкъ идоша на половци к Лубну, и в 6 часъ дне бродишася чресъ Сулу, и кликнуша на нихъ. Половци же ужасошася, отъ страха не възмогоша ни стяга поставити, но побѣгоша, хватающе кони, а друзии пѣши побегоша. Наши же почаша сѣчи, женущи я (нагоняя их), а другыѣ руками имати, и гнаша ноли до Хорола. Убиша же Таза Бонякова брата, а Сугра яша и брата его, а Шаруканъ едва утече“ (Повесть временных лет).

изрони злато слово с слезами смѣшено. Летопись также сообщает, что Святослав, узнав о поражении Игоря, опечалился и сказал: „О люба моя братья и сыновѣ и мужѣ землѣ Рускоѣ! Дал ми богъ притомити поганыя, но не воздержавше уности, отвориша ворота на Русьскую землю. Воля господня да будеть о всемь; да како жаль ми бяшеть на Игоря, тако нынѣ жалую болми по Игорѣ братѣ моемь“ (Ипатьевская летопись). Как и в „Слове о полку Игореве“, так и здесь мы видим и упрек Игорю и Всеволоду со стороны Святослава и сожаление о их участи. Состав „Золотого слова“ Святослава неоднократно являлся предметом изысканий различных ученых. Последняя работа по этому вопросу принадлежит Н. К. Гудзию, который считает, что „Золотое слово“ должно быть ограничено той частью текста памятника, в которой содержатся упреки Святослава Игорю и Всеволоду. Все остальное обращение к князьям должно считаться принадлежащим самому автору, который в „Слове“ неоднократно выступает от своего лица (Н. К. Гудзий. О составе „Золотого слова“ Святослава в „Слове о полку Игореве“, Вестник МГУ 1947, № 2, М., стр. 19—32).

И. П. Еремин, рассматривая „Слово о полку Игореве“ как памятник политического красноречия, высказал также мнение о составе „Золотого слова“ Святослава.

Для памятников художественной ораторской прозы характерно смешение речи героя с речью автора, так что иногда невозможно различить границ авторской речи и речи того или иного персонажа. „В „Слове о полку Игореве“ типичным примером такого „вольного“ перехода прямой речи героя в речь „автора“ может служить, прежде

всего, „злато слово“ князя Святослава. Здесь „автор“ систематически перебивает речь своего героя, то отбирая у него это „злато слово“, то возвращая назад. Вот почему попытка ряда исследователей „Слова о полку Игореве“ т о ч н о указать, где именно кончается „злато слово“ Святослава, представляется мне бесплодной; нельзя искать в тексте художественного произведения того, чего в нем нет“ (И. П. Еремин. „Слово о полку Игореве“ как памятник политического красноречия, сборн. „Слово о полку Игореве“, исследования и статьи, под ред. В. П. Адриановой-Перетц. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 110). Интересны наблюдения В. Ф. Ржиги над глаголом „изронити“: „Изронить“, — пишет он, — глагол, означающий невольное действие. „Изронить злато слово“ — значит „непроизвольно, неожиданно для себя сказать что-то прекрасное, дорогое для всех, идущее прямо от сердца и волнующее до глубины души“ (В. Ф. Ржига. Из очерков по „Слову о полку Игореве“, Доклады и сообщения филологического факультета Московского государственного университета, вып. 3, М., 1947, стр. 71—75).

сыновчя. Сыновчями назывались дети брата — племянники. Но Святослав — двоюродный брат Игоря и Всеволода, и называет он их сыновьями не в силу родственных отношений, а как старший среди Ольговичей.

нечестно одолѣсте, нечестно бо кровь поганую проліясте. Здесь слово „нечестно“ не имеет того оскорбительного значения, которое оно содержит в наше время. Нечестно — без чести, без славы для себя.

Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буести закалена. О значении слова „харалуг“ мы уже говорили выше. „Въ жестоцемъ“ — в крепком, в могучем. Если толковать „харалужный“ как булатный, то перевод такой: „Ваши храбрые сердца из крепкого булата выкованы, а в смелости закалены“. В. Ф. Ржига (толкование им слова „харалужный“ см. выше) так переводит это место: „Ваши храбрые сердца под ударами жестокой гибели выкованы и в отваге закалены“. Интересное объяснение словам „въ буести закалена“ дает Б. А. Рыбаков в своей книге „Ремесло древней Руси“ (М., 1948). Закален в буести значит — закален в струе ветра: всадник скачет с раскаленным клинком, поставленным вертикально лезвием вперед, и клинок в воздушной струе получает особо прочную закалку (см. стр. 236—237 названной работы).

брата моего Ярослава. Ярослав Всеволодович Черниговский, родной брат Святослава Всеволодовича Киевского. Ярослав принимал активное участие во всех походах Святослава как во время междоусобиц, так и в боях с половцами. Но в 80-е гг., т. е. в период „Слова о полку Игореве“, его действия противоречат политике Святослава по отношению к половцам. В 1183 году он отговаривает Святослава и Рюрика от похода в половецкую степь, хотя все для похода было готово и ожидали лишь его присоединения. Перед походом Святослава в 1184 году Ярослав Всеволодович ведет переговоры с Кончаком, несмотря на то, что брат предупреждал его о готовящемся на Кончака наступлении. Во время похода в 1184 году он участвовать в нем отказался, говоря, что у Кончака находится его посол

и он не может итти против него. Во время похода 1187 года Ярослав, дойдя до Снепорода, отказался итти дальше, говоря: „Не могу ити далѣ от Днѣпра, земля моя далече, а дружина моя изнемоглася". И Святослав и Рюрик упрашивали его не срывать похода, но он остался неумолим, и из-за этого сорвался весь поход. Умер он в 1198 году. Некоторые исследователи предполагают, что обращение к Ярославу — поздняя вставка, сделанная автором после отказа Ярослава итти на половцев в 1187 году.

съ Черниговьскими былями, съ Могуты, и съ Татраны, и съ Шельбиры, и съ Топчакы, и съ Ревугы, и съ Ольберы. Большинство исследователей „Слова" считает, что были, могуты, татраны, шельбиры, топчаки, ревуги и ольберы — названия различных тюркских племен, которые служили русским князьям (так же, как и коуи). С. Е. Малов, исследователь тюркизмов в русском языке, считает, что это „перечисления титулов, чинов или, скорее, прозвания высоких лиц из тюрков" (С. Е. Малов. Тюркизмы в языке „Слова о полку Игореве", Известия АН СССР, Отделение литературы и языка, 1946, т. V, № 2, стр. 129—140).

засапожникы. Особый вид боевого ножа, который держался за голенищем сапога. Очевидно, именно таким ножом Мстислав Тмутороканский зарезал Редедю — „И вынзе ножь, и зарѣза Редедю". Ножи применялись в бою лишь в рукопашной схватке.

Коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ, не дастъ гнѣзда своего въ обиду. „Выражение „въ мытехъ" и до настоящего времени сохранилось кое-где среди охотников; этим термином обозначают линьку, главным образом тот период, когда молодая птица надевает оперение взрослой птицы, т. е. достигает половой зрелости. Птицеводам хорошо известно, с какой отвагой прогоняет сокол от своего гнезда даже значительно более сильного, чем он сам, орла-беркута" (Н В. Шарлемань. Из реального комментария к „Слову о полку Игореве". Труды Отдела древнерусской литературы, т. VI, М.—Л., 1948, стр. 112).

Се у Римѣ кричатъ подъ саблями Половецкыми. В первом издании читалось „Уримъ" и было дано такое примечание к этому слову: „Один из воевод или из союзников князя Игоря, в сем сражении участвовавший". В настоящее время принято читать: „Се у Римѣ кричатъ..." „Римѣ" — город Римов на реке Суле, подвергшийся нападению половцев, пошедших на Русь после поражения Игоря. Половцы напали на Римов, разграбили город и, захватив богатый полон, ушли в степь. Ипатьевская летопись так рассказывает о битве за Римов: „(Половцы)... возвратишаяся от Переяслава, идущи же мимо приступиша к Римови. Римовичи же затворишася в городѣ .. да которѣи же гражанѣ выидоша изъ града и бьяхуть ся ходяще по Римьскому болоту, то тѣи избыша плѣна, а кто ся осталъ в городѣ, а тѣ вси взяти быша..."

Володимиръ подъ ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову. Владимир Глебович, князь Переяславский, был ранен во время боя под Переяславлем. Владимир Глебович „бися с ними (половцами) крѣпко и обьступиша и (его) мнозии половцѣ. Тогда прочии, видивше князя своего крѣпко бьющеся, выринушася из города и тако отъяша князя

своего язьвена суща (раненного) треми копьи". В 1187 году он принял участие в походе Святослава на половцев, в пути разболелся (очевидно, от ран, полученных перед этим в битве под Переяславлем) и вскоре умер (в 1187 году, 18 апреля). Летопись с большим сочувствием говорит об этом князе, подчеркивая его воинскую доблесть и хорошее отношение к дружине.

Великый княже Всеволоде. Всеволод Юрьевич, князь Владимиро-Суздальский, сын Юрия Долгорукого, внук Владимира Мономаха. В 80-х гг. XII века это был один из самых могучих князей на Руси. Владимиро-Суздальская земля во время его княжения достигла наибольшего расцвета. Всеволод распространил свое влияние на Рязанскую и Новгородскую земли, где на княжеских столах сидели его ставленники. Всеволод вел непримиримую борьбу с местным боярством за укрепление единодержавной княжеской власти. Он первым из Владимирских князей принял титул великого князя. Во время его княжения во Владимире продолжается начатое его братом, Андреем Юрьевичем Боголюбским, строительство. При нем строится новый княжеский дворец с знаменитым Дмитриевским собором. Летописец дает Всеволоду такую характеристику: „... Много мужствовавъ и дерзость имѣвъ, на бранехъ показавъ, украшенъ всѣми добрыми нравы, злыя казня, а добромысленыя милуя: князь бо не туне мечь носить в месть злодѣемъ, а в похвалу добротворящимъ. Сего имени токмо трепетаху вся страны и по всей земли изиде слухъ его..." (Лаврентьевская летопись под 1212 годом). Княжил он в Суздальской земле 36 лет (с 1176 по 1212 год). Всеволод, как и его предшественник, брат Андрей Боголюбский (убитый в 1174 году), совершенно не интересовался Киевом, а стремился перенести центр всей Русской земли из Киева во Владимир на Клязьме. Очевидно, эту тенденцию Всеволода в его политике по отношению к Киеву и подразумевает автор „Слова", когда говорит, обращаясь к нему: „Не мысліши прелетѣти издалеча отня злата стола поблюсти" (неужели ты не думаешь прилететь издалека, чтобы поблюсти отчий золотой стол). Действительно, Киевский стол был для Всеволода отчим столом: в Киеве княжил его дед Владимир Мономах, его отец Юрий Долгорукий всю жизнь добивался Киева и в конце концов добился и умер в нем. И поэтому автор „Слова" призывает его прийти на помощь Киеву, так как судьба всей Руси зависит от судьбы каждого княжества.

Ты бо можеши Волгу веслы раскропити. В этой гиперболической картине могущества Всеволода — намек на очень удачный поход Всеволода против волжских болгар в 1183 году, когда им была взята столица Волжско-Болгарского царства и потоплены суда болгар на Волге.

чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ. Чага — рабыня, невольница, полонянка; кощей — раб, невольник. Ногата и резана — древнерусские денежные единицы незначительной стоимости: ногата — двадцатая часть гривны, резана — пятидесятая. По „Русской правде", средняя цена холопа равнялась 5 гривнам, т. е. 100 ногатам или 250 резанам. Таким образом, смысл этой фразы, гиперболизирующей могущество Всеволода, в том, что если бы он стал воевать против половцев, то он захватил бы так много пленных, что они продава-

лись бы — женщины в 100 раз, а мужчины в 250 раз дешевле обычного.

Ты бо можеши посуху живыми шереширы стрѣляти удалыми сыны Глѣбовы. Шереширы. — До сих пор мы не знаем, что это такое. Некоторые ученые предполагают, что слово это происходит от греческого „сарикса" — копье. В. Ф. Ржига, вслед за Мелиоранским, выводит шерешир из тîр-î-чäрх (персидское) — стрела или снаряд черха, т. е. особого рода катапульты в виде огромного самострела (В. Ф. Ржига. Восток в „Слове о полку Игореве", сборн. „Слово о полку Игореве", Государственный литературный музей, М., 1947, стр. 169—189). Ясно одно: что „шерешир" — какое-то оружие.

удалыми сыны Глѣбовы — здесь имеются в виду сыновья Глеба Ростиславича Рязанского — Роман, Игорь, Владимир, Всеволод, Святослав, принимавшие участие в походе Всеволода на болгар в 1183 году. Все они находились в полной политической зависимости от Всеволода.

Буй Рюриче и Давыде. Рюрик и Давид — сыновья Ростислава Мстиславича, внуки Мстислава Владимировича. Рюрик Ростиславич до 1180 года борется с Святославом Всеволодовичем за Киев. В 1180 году, несмотря на победу над Ольговичами, Рюрик отдает Киев Святославу, как старшему по возрасту князю, а себе берет всю Киевскую землю. Он вместе с Святославом принимает самое активное участие в борьбе с половцами. В период „Слова о полку Игореве" он был более сильным князем, чем Святослав, так как, в сущности, вся Киевская земля находилась в его власти, а Святослав владел только Киевом. После смерти Святослава в 1194 году Рюрик торжественно садится на Киевский стол. В 1202 году Роман Мстиславич Галицкий, его зять, недовольный Рюриком, идет на Киевскую землю и выгоняет Рюрика из Киева. Через год Рюрик в союзе с Ольговичами захватывает Киев и подвергает его страшному разгрому. В 1205 году он, уже в союзе с Романом Мстиславичем, совершает удачный поход на половцев; на обратном пути из-за дележа добычи между ним и Романом происходит ссора, Роман насильно постригает Рюрика в монахи, а его сыновей увозит к себе в Галич. После смерти Романа в 1206 году Рюрик „смета съ себѣ чернечьскыѣ порты и сѣде Кыевѣ". Но из Киева ему вскоре приходится уйти. Он княжит в Чернигове, где и умирает в 1215 году. Рюрик был инициатором многочисленных построек в различных городах Киевщины.

Давид княжил в Смоленске. Когда Святослав с Рюриком пошли против половцев, хлынувших на Русь после поражения Игоря, Давид нарушает все их планы, так как, сначала согласившись итти в поход, он затем отказывается и возвращается в Смоленск. Автор назвал его рядом с Рюриком и по их родственным отношениям и из-за их политического значения, — Смоленское княжество было в то время одним из самых значительных.

За раны Игоревы. Игорь на самом деле во время боя был ранен в левую руку: „уязвиша Игоря в руку и умертвиша шюйцу его и бысть печаль велика в полку его" (Ипатьевская летопись).

Но здесь, без сомнения, „раны“ нужно понимать шире — как поражение Игоря.

Галичкы Осмомыслѣ Ярославе. Ярослав Владимирович, князь Галицкий. Галицкое княжество было одним из могущественнейших русских княжеств. Ярослав Владимирович пользовался большим авторитетом и влиянием среди русских князей. Внутри своего княжества он все время вел борьбу с местным боярством. В Галиче Ярослав княжил с 1153 по 1187 год. Летопись дает ему такую характеристику: „Бѣ же князь мудръ и рѣченъ языкомъ, и богобоинъ, и честенъ в земляхъ и славен полкы“... (Ипатьевская летопись под 1187 годом). Евфросинья Ярославна, жена Игоря, была дочерью Ярослава Галицкого. Прозвище Ярослава — „Осмомысл“ — встречается лишь в „Слове о полку Игореве“. Оно вызвало самые различные толкования. У него восемь мыслей, т. е. у него много забот военных и политических. В. Н. Перетц приводит к этому прозвищу параллели из народной речи: „бiдная удiвонька сорок думок має“, т. е. у бедной вдовы много забот (В. Н. Перетц. „Слово о полку Iгоревiм“, у Київi, 1926, стр. 277). Н. М. Карамзин высказал предположение, что Ярослав был прозван Осмомыслом в том смысле, что был очень умен, — умен за восьмерых. Существует и ряд других догадок.

Ярослав Владимирович умер 1 октября 1187 года. То, что автор „Слова“ обращается к нему как к князю живому, доказывает, что „Слово“ было написано при его жизни, т. е. не позже 1187 года.

высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ. Галич, город на реке Днестре, где был княжеский стол Галицкого княжества, действительно был расположен на возвышенности.

горы Угорскыи. Угорские — венгерские. Венгерские горы (т. е. Карпаты) были границей Галицкого княжества с Венгрией.

заступивъ королеви путь. Когда в летописи упоминается король без обозначения его имени, то это всегда король Венгрии. Так в данном случае следует понимать это слово и в „Слове о полку Игореве“. Венгерские короли, современники Ярослава Галицкого, — Гейза II (ум. в 1161 году), Стефан III (ум. в 1173 году) и Бела III. Смысл этой фразы таков: могучее Галицкое княжество загораживает путь венгерскому королю на Русь.

затворивъ Дунаю ворота. Владения Ярослава Галицкого с запада граничили с Венгрией по Карпатам, затем по реке Серет до Дуная; начиная от места впадения реки Серет в Дунай граница шла по Дунаю до Черного моря. Мы уже говорили выше, что определение какой-либо земли, местности по протекающей в ней реке характерно для средневековья. „Затворить Дунаю ворота“ значило, что Галицкое княжество с юга было неприступно для вражеского войска.

меча бремены чрезъ облакы. Уже давно предложено вместо „времены“ первого издания читать „бремены“. Бремены, бремя — тяжесть. Е. В. Барсов высказал предположение, что „автор „Слова“ мог воспользоваться образом богатырского бросания громадных тяжестей для характеристики воинского могущества Галицкого Ярослава“ (Е. В. Барсов. Слово о полку Игореве как художествен-

ный памятник Киевской дружинной Руси, т. III, М., 1889, стр. 48). Такое толкование этого образа („бросая тяжести через облака“) наиболее удачно.

суды рядя до Дуная. Рядити — опекать, руководить, судить, наводить порядок, договариваться. „Суды рядить“ в применении к князю значило — управлять княжеством. Именно в таком значении — руководить, управлять народом — дошло до нас это словосочетание в былинах:

Ай же ты русский могучий богатырь,
Стань-ко к нам суды судить,
Суды судить — ряды рядить.

Суды рядить до Дуная значит — управлять всей землей до Дуная.

отворяеши Кіеву врата. Отворить ворота города значит — подчинить себе этот город, завоевать его. Ярослав Осмомысл так могуч, что имеет власть даже над Киевом.

стрѣляеши съ отня злата стола сальтани за землями. Д. Дубенский в 1844 году высказал предположение, что эта фраза — намек на возможное участие Ярослава Галицкого в третьем крестовом походе против египетского султана Саладина. Третий крестовый поход произошел в 1189—1192 гг., но подготовка к нему началась как раз около 1185 года, и автор „Слова“ еще в 1187 году мог знать о предполагаемом участии Ярослава в походе против „султана за землями“.

буй Романе и Мстиславе. Роман Мстиславич — князь Владимиро-Волынский и Галицкий. Это один из самых энергичных и деятельных князей в конце XII века. Летописец сравнивает его с Владимиром Мономахом. В период „Слова о полку Игореве“ Роман Мстиславич княжил во Владимире Волынском. Он был женат на дочери Рюрика. В 1198 году (через год после смерти Ярослава Осмомысла Галицкого) он при содействии галицкого боярства сгоняет с галицкого стола сына Ярослава Владимира и садится сам в Галиче, отдав Владимир Волынский своему брату Всеволоду. Но Владимир с помощью венгерского короля изгоняет Романа из Галича, и Роман остается без княжества. Всеволод под давлением Рюрика возвращает Роману Владимир Волынский, а в 1199 году, после смерти Владимира Галицкого, Роман захватывает Галич и объединяет Галицкое и Волынское княжества. В 1202 году происходит его ссора с тестем, Рюриком Киевским (см. об этом подробнее в комментарии к фразе — „буй Рюриче и Давыде“). Роман Мстиславич прославился своими походами на половцев и на пограничные с юго-западной Русью владения — главным образом на Литву. Летописец дает ему такую характеристику: „Устремил бо ся бяше на поганыя яко и левъ, сердитъ же быст яко и рысь, и губяше яко и коркодилъ и прехожаше землю ихъ яко и орелъ, храбъръ бо бѣ яко и туръ, ревноваше бо дѣду своему Мономаху, погубившему поганыя Измалтяны, рекомыя половци“... (Ипатьевская летопись под 1205 годом). Его имя попало в древнерусскую пословицу —

„Романе, Романе, худымъ живеши, Литвою ореши". Вот как об этом сообщает хроника 1672 года: „Роман... Литвы и ятвѣжовъ поймалъ, и запровадивши ихъ до Киева, вязанемъ морилъ и якъ воловъ окованыхъ, въ плуги запрагаючи, казалъ ими поля орати и корчи на ковинахъ выорувати" (цит. по книге: В. Н. Перетц „Слово о полку Ігоревімъ", у Киіві, 1926, стр. 279). 19 июня 1205 года Роман погиб во время похода в Польшу.

Решить вопрос о том, кто такой Мстислав, трудно. С Романом близко связаны были два Мстислава: Мстислав Всеволодович Городенский и Мстислав Ярославич Пересопницкий. Первый был неоднократным союзником в походах Романа на половцев; его княжество соседило с западными землями, и он постоянно, как и Роман, воевал с литовцами, ятвягами и деремелой (А. В. Соловьев. Политический кругозор автора „Слова о полку Игореве", Исторические записки 1948, № 25, стр. 80—81). Второй — двоюродный брат Романа, принимавший участие во многих его походах.

на дѣло. Это слово в обычном словоупотреблении означало такое же понятие, как и сейчас, но если говорилось о военных событиях, то оно приобретало иной характер: дело в этом случае означало — военный подвиг. Это дошло до нашего времени: „Получил два чина за дело против горцев" (Лермонтов).

яко соколъ на вѣтрехъ ширяяся. „Ширятися" — охотничий термин, разъясненный Н. В. Шарлеманем: „Крупные хищные птицы могут „ширяться", т. е. парить преимущественно тогда, когда есть течение воздуха... Термин „ширяться" сохранился в украинском языке, как единственное слово для обозначения парения" (Н. В. Шарлемань. Из реального комментария к „Слову о полку Игореве", Труды Отдела древнерусской литературы, М.—Л., 1948, стр. 112).

желѣзныи папорзи подъ шеломы латиньскыми. Папорзи — слово, известное только по „Слову о полку Игореве". Были предложены различные толкования этого слова: Ф. И. Буслаев изменил „папорзи" на „паперси", где „па" — предлог и „перси" — грудь, и „паперси" значит — нагрудник, кольчуга. Но это слово искусственное, созданное самим Буслаевым, так как древнерусским памятникам оно вообще неизвестно. В. Н. Перетц указал на такую фразу в „Хронике" Георгия Амартола: „на красоту же ему и на лѣпоту мѣдяны обручи прекова и мнози поперсьци". Греческое слово, соответствующее этому „поперсьци", переводится на современный русский язык как панцырь, нагрудник. „Поперсьци" очень близко к „папорзи" „Слова" и поэтому можно предположить, что „папорзи" означает — нагрудник, панцырь, и автор „Слова", обращаясь к Роману и Мстиславу, говорит: „имеются у вас железные панцыри под шлемами латинскими". Слово „панцыри" здесь нужно понимать не в буквальном, а в переносном значении. Защитников княжества, земли, как бы прикрывающих своего князя и свое княжество от врагов, автор символически называет „панцырями". При таком осмыслении этого образа сочетание „панцыри под шлемами" не вызывает никакого недоумения.

А. С. Орлов предложил читать вместо „папорзи" — „паропци". „В древней русской книжности есть слово паробок, множественное число паробци и паропци; оно означало в XI — XIII вв. младшего

члена дружины (= отроци, кмети) или слугу князя, посадника, владыки" (А. С. Орлов. „Слово о полку Игореве", АН СССР, М.—Л., 1946, стр. 127). Перевод А. С. Орлова такой: „Ведь у вас железные молодцы под шлемами латинскими..."

Литва, Ятвязи, Деремела. Литва — здесь не как название страны, а как название народа. Ятвязи — ятвяги. Одно из литовских племен. Деремела — судя по тексту „Слова", — это одно из древнелитовских племен. В прусских источниках XIII века упоминается ятвяжское племя Dernen, Dermne, — очевидно, это и есть „деремела" „Слова" (А. В. Соловьев. Деремела в „Слове о полку Игореве", Исторические записки 1948, № 25, М. — Л., стр. 100—103).

сулици. „Сулица, в противоположность копью, рогатине и оскепу, была оружием метательным. Самый термин появляется сравнительно поздно: впервые сулицы названы в „Слове о полку Игореве" у русских и половцев... Самое слово „сулица" производят от глагола „сулить" (в значении „совать", „толкать"). Видимо, аналогичным „сулице" оружием была „совь", только раз упомянутая в летописи..." (История культуры древней Руси, т. II, М.—Л., 1948, стр. 431).

по Рсі. Рось — правый приток Днепра, впадает в Днепр ниже Киева.

Инъгварь и Всеволодъ и вси три Мстиславичи. Ингварь и Всеволод — сыновья Ярослава Изяславича Луцкого, князья Волынские.

Сложнее обстоит вопрос о том, кто такие три Мстиславича. Некоторые исследователи считают, что три Мстиславича — это волынские князья: Ингварь, Всеволод и их брат Мстислав, не названный в первой части фразы. Но, во-первых, у них был еще четвертый брат — Изяслав, а во-вторых, Мстиславичи они по прадеду, по отцу же Ярославичи, а по деду Изяславичи, и, кроме того, если даже и считать их по прадеду Мстиславичами, то Мстиславичей в таком случае было гораздо больше чем трое. Вероятнее всего, что здесь имеются в виду, как предполагали еще П. Вяземский и О. Огоновский, Роман, Всеволод и Святослав — дети Мстислава Изяславича (двоюродные братья Ингваря и Всеволода), так же как и Ингварь с Всеволодом, князья Волынские (поэтому-то они и упоминаются вместе). Как указал Д. С. Лихачев, год смерти Святослава Мстиславича, считавшийся раньше 1171-м (это препятствовало отождествлению этих Мстиславичей с Мстиславичами „Слова"), был указан в генеалогических таблицах русских князей неверно, так как Святослав Мстиславич упоминается как живой в Ипатьевской летописи под 1173 годом, а когда он умер — неизвестно.

не худа гнѣзда шестокрилци. Шестокрилци — соколы: „Шестокрилци, повидимому, тоже соколы, у которых обычное для большинства птиц (кроме страусов, киви и пингвинов) деление оперения крыла на три части... особенно ясно видно во время парения. Таким образом, весь летательный аппарат сокола состоит как бы из шести частей, отсюда — шестокрилци" (Н. В. Шарлемань. Из реального комментария к „Слову о полку Игореве", Труды Отдела древнерусской литературы, т. VI, М.—Л., 1948, стр. 113).

Кое ваши златыи шеломы и сулицы Ляцкіи и щиты. То, что у Мстиславичей „ляцкии“ (польские) сулицы и щиты, не случайно, так как, кроме того что Мстиславичи были по матери полуполяками, волынские князья всегда пользовались военной помощью поляков (А. Е. Пресняков. Лекции по русской истории, т. II, вып. I, М., 1939, стр. 23—24). Автору „Слова“ в призыве к князьям объединиться вместе и постоять за Русскую землю было очень важно упомянуть о их связях с другими народностями, чтобы еще больше подчеркнуть этим осуждение их „розных“ действий: вместо союза с соотечественниками — союзы с иноплеменными народами против своих соотечественников.

Уже бо Сула не течетъ сребреными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ Полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ. Мутная вода, как мы уже говорили выше, — народный символ печали. Реки, текущие мутно, символизируют обычно приход вражеского войска.

Сула — река, граничащая с половецкой степью, Двина — с Литвой. Поэтому мутная вода в этих реках символизирует нападение на Русскую землю половцев и Литвы.

Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ. Имя этого полоцкого князя в летописи не встречается, так же неизвестен летописи и упоминаемый ниже князь Всеволод. В летописи говорится лишь о полоцких князьях — Брячеславе Васильковиче, Всеславе Васильковиче и их отце Васильке Рогволодовиче; больше никаких полоцких князей Васильковичей мы не знаем. Высказывались многочисленные предположения и догадки о Изяславе и Всеволоде, но трудно не согласиться с суждением по этому вопросу В. Н. Перетца: „...по сути эти генеалогические догадки для нас не имеют значения: важна поэтическая картина, которая рисует, как погиб один из мелких князей, который, вместо междоусобиц, боролся с „погаными“ и трагически погиб в бою“ (В. Н. Перетц. „Слово о полку Ігоревім“, у Київі, 1926, стр. 286).

и схоти ю на кровать, и рекъ. Были предложены многочисленные поправки этого темного места в „Слове о полку Игореве“, которое остается неясным до сих пор, и мы оставляем его в тексте без конъектурных поправок. Мы приведем самые последние толкования этого места. И. Д. Тиунов предлагает такое чтение: „съ хотию на кров, а тъи рекъ“ и толкует это следующим образом: «„Хоть“ здесь не в женском, а в мужском роде и значение этого слова — „ближник“, т. е. приближенное к князю лицо, „меченоша“; позднее такие люди назывались наперсниками. Смысл этих слов такой — „с ближником на крови, а тот сказал“» (И. Д. Тиунов. Несколько замечаний к „Слову о полку Игореве“, сборн. „Слово о полку Игореве“, АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 197—198). М. В. Щепкина так читает его: «„Исхоти юна кров, а тьи рек“. „Исхоти“ является сказуемым первого предложения. Слово это искажено; всего ближе подходит здесь „исхыти“ — третье лицо единственного числа прошедшего (аориста) от глагола „исхытить“ — исхитить, исторгнуть, употребленного в смысле извергнуть, источить, излить. Слова „юна кровь“ являются прямым дополнением к нему. Возможно, глагол этот искажен, однако, надо полагать, он начинался с предлога „из“,

так как фраза эта в стилистическом отношении представляет параллель к следующей за этим „изрони жемчужну душу".

Предложение „а тьи рек", по всему судя, должно относиться к Бояну. Возможно, здесь некогда стояло условное наклонение: „а тьи (тъи) рекл бы" „источил юную кровь, а тот сказал бы"».

Дружину твою, княже, птиць крилы прiодѣ, а звѣри кровь полизаша. „По фразе: „дружину твою, княже, птиць крилы приодѣ" можно догадаться, что речь идет тоже о хищниках, питающихся трупами. Когда орлан-белохвост или гриф, паря „под облакы", увидит труп, он камнем бросается на землю и, опустившись на свою находку, как бы прикрывает ее, „приодевает", по образному выражению „Слова", своими широко распростертыми крыльями. Этим движением хищник заявляет свое право на добычу, удерживает на известном расстоянии других зверей и птиц" (Н. В. Шарлемань. Из реального комментария к „Слову о полку Игореве". Труды Отдела древнерусской литературы, т. VI, М.—Л., 1948, стр. 116).

изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла чресъ злато ожерелiе. Княжеская одежда, надевавшаяся под корзно (плащ), „имела разрез во всю длину и застегивалась выше пояса характерными для русской одежды петлями. Круглый или квадратный глубокий вырез ворота обшивался золотом и драгоценными камнями, образовывавшими по краю широкую кайму, получившую название „оплечья" или „ожерелья" (История культуры древней Руси, т. I, М.—Л., 1948, стр 247). Изронить душу — значит умереть: „До изрону души моей" (Даль), т. е. до смерти. По древним верованиям, душа человека, как только он умирал, отлетала от него через горло и уста, ожерелье облегало шею, отсюда и этот образ — изронил душу через золотое ожерелье.

Ярославе и вси внуце Всеславли. Некоторые комментаторы предполагали, что Ярослав — это Ярослав Всеволодович Черниговский, внук Олега, двоюродный брат Игоря, другие — что это Ярослав Владимирович, внук Мстислава Владимировича. М. А. Максимович предполагал, что это Ярослав Юрьевич Пинский, владения которого граничили с Полоцким княжеством. Так как внуки Всеслава — полоцкие князья, то предположение Максимовича наиболее верно. В этой фразе говорится о междоусобной борьбе полоцких князей, о которой мы не имеем никаких летописных данных.

Очень заманчива поправка этой фразы, предложенная Д. С. Лихачевым: он предложил читать вместо „Ярославе" — „Ярославли" — „Ярославли и вси внуци Всеславли...", т. е. обращение к потомкам Ярослава и Всеслава. Он пишет по этому поводу: „Перед нами — призыв прекратить вековые „которы" Ярославичей и полоцких Всеславичей. В самом деле, родовое гнездо полоцких князей противостоит в сознании людей XII в. всему потомству Ярослава Мудрого. Летопись противопоставляет полоцких князей другим русским князьям, называя последних Ярославичами. Под 1128 г. в Лаврентьевской летописи мы читаем рассказ о причинах вражды полоцких князей с Ярославичами. Это — известное повествование о Рогнеде и Владимире. Заключается рассказ Лаврентьевской летописи следующими словами: „И оттоле мечь взимаютъ Рогволожи внуци противу Ярославлим внуком". Через 50 с лишним лет автор

„Слова“ имел право говорить не о Рогволожьих внуках, а о „внуках Всеславлих“, но „Ярославли внуки“ остались все те же... Итак, в этом месте „Слова“ речь идет не о какой-то мелкой вражде одного из русских „Ярославов“ 80-х годов XII в. с полоцкими князьями, вражде настолько мелкой, что она даже не была отмечена летописью и только предполагается комментаторами „Слова“, а о большом длительном историческом явлении: о длительной вражде полоцких князей со всеми остальными русскими князьями“ (Д. С. Лихачев. Комментарии исторический и географический, в кн.: „Слово о полку Игореве“, серия „Литературные памятники“, АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 451—452).

Но против чтения, предложенного Д. С. Лихачевым, есть возражения, из-за которых мы оставляем эту фразу в ее первоначальном виде.

Обращаясь ко всем русским князьям, автор не мог им сказать: „уже понизите стязи свои, вонзите свои мечи вережени“; кроме того, в конце XII века потомков Ярослава называли уже не Ярославичами, а Ольговичами и Мономаховичами; затем фраза ниже: „вы бо своими крамолами начяста наводити поганыя на землю Рускую, на жизнь Всеславлю“ могла быть обращена лишь к какой-то группе князей, а не ко всем русским князьям, в данном случае к полоцким князьям, так как говорится о Всеславе.

Уже понизите стязи свои. Опустить знамена — признать себя побежденным. Автор призывает полоцких князей признать себя побежденными в междоусобной войне с Ярославом Пинским, чтобы, объединившись, поднять знамена на борьбу с внешним врагом, который разоряет богатства полоцкой земли („жизнь Всеславлю“).

вонзите свои мечи вережени. Вонзите — опустите, вложите. „Рече же Петрови въньзі ножъ въ ножница“ (вложи нож в ножны); „вережени“, от глагола „вередити“ — портить, повреждать. „Невережени доидохом Переяславлю“ (Невредимыми дошли до Переяславля. Поучение Владимира Мономаха). Мечи вережени — испорченные, негодные мечи. Такое презрительное определение автором „Слова“ русских мечей могло быть сделано только потому, что он говорит о междоусобных битвах: в честной битве меч может притупиться, сломаться, но не испортиться.

выскочисте из дѣдней славѣ — очень далеко отошли от славы дедов; недостойны, лишились славы дедов, так как навели поганых на Русскую землю.

Которою бо бѣше насиліе отъ земли Половецкыи. Которою — творительный падеж от существительного котора — распря, междоусобица. Автор прекрасно понимает, в чем причина половецких нашествий на Русскую землю. Из-за княжеских раздоров Русь терпит насилие от половцев.

Всеславъ. Всеслав Брячиславич, сын Брячислава Изяславича, внук Изяслава Полоцкого (Изяслав Полоцкий — сын Владимира I от Рогнеды). Вся жизнь Всеслава Полоцкого насыщена междоусобными распрями с Ярославичами. Еще при жизни он получил славу князя-чародея, вещего человека. О рождении его летописец говорит: „...его

же роди мати от влъхования"... В 1067 году Всеслав занял Новгород. Из Киева против Всеслава пошла целая коалиция князей Ярославичей — Изяслав, Святослав и Всеволод. Между ними и Всеславом произошла битва на реке Немиге. Всеслав потерпел поражение. После этого «Изяслав, Святослав и Всеволод, цѣловаше кресть честный (поклялись) къ Всеславу, рекше ему: „приди к нам, яко не створимъ ти зла"», но лишь только Всеслав переехал Днепр, как сразу же был схвачен по приказанию Изяслава, привезен в Киев и посажен там в поруб вместе с сыновьями. В 1068 году на Русь пришли половцы, и в битве на реке Альте русские были разбиты. Киевляне потребовали у Изяслава коней и оружия, чтобы пойти против врага вновь, но Изяслав отказал им; тогда киевляне восстали против князя. Изяслав бежал из Киева в Польшу, а Всеслав был освобожден горожанами из поруба и посажен на Киевский стол. В 1069 году Изяслав пошел на Всеслава в союзе с Болеславом. Всеслав вышел навстречу им в Белгород (городок недалеко от Киева), но не дожидаясь прихода врага, тайно бежал в Полоцк. Но Изяслав вскоре выгоняет его и оттуда. В 1071 году Всеслав вновь вернул себе Полоцкое княжество. С этого года и до самой смерти он княжит в Полоцке. Об этом периоде его жизни в летописи никаких сведений нет. Умер Всеслав 14 апреля 1101 года.

връже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу. „Връже", от глагола „врѣщи" — бросать, кидать, метать. Метание жребия для разрешения спора было очень широко распространено в средние века, но жребием выяснялась и судьба человека: „И рѣша старци и боляре: мечемъ жребій на отрока и дѣвицю; на него же падетъ, того зарѣжемъ богомъ" (Лаврентьевская летопись). Так же бросался жребий о любимой — станет ли она женой или нет. Здесь „девица люба" — поэтический образ Киева.

Тъй клюками подпръ ся окони, и скочи къ граду Кыеву. Клюка — хитрость, обман. „Бѣ же Изяславъ мужь взоромъ красен, клюкъ же в немь не бѣ" (Ипатьевская летопись). „Переклюкала мя еси, Ольга" (перехитрила меня, Ольга) (Повесть временных лет). Д. С. Лихачев так толкует слова „о кони": киевляне просили у Изяслава коней, которых он им не дал: этим воспользовался Всеслав, освобожденный из поруба, — он обещал им коней и за это был посажен на Киевский стол. Так нужно понимать слова „подпръ ся о кони". Существует и другое толкование этого места: „о кони" читают вместе — „окони". В древнерусском языке такое слово не встречается, но мы находим его в украинском языке, где „оконити" значит — сделать конным, как опешити — пешим. „Де мого сина нагониш, там його окониш, добрим лицарам настановиш" (Украинская дума про Ивася Коновченко). При таком чтении смысл такой — тот (Всеслав) хитростями подперся и сел на коня и скакнул к Киеву (поруб, в котором был заключен Всеслав, находился в Подоле). Князь-оборотень, кудесник, садится из поруба на коня и одним прыжком достигает Киевского стола.

дотчеся стружіемъ злата стола Кіевьскаго. Дотчеся — коснулся; стружие — объяснение этого слова см. выше. Коснулся стружием золотого стола Киевского, — этим автор „Слова" намекает на то, что Всеслав княжил в Киеве всего семь месяцев.

Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи изъ Бѣлаграда. В летописи так рассказывается о бегстве Всеслава из Белгорода „И приде Бѣлугороду Всеславъ, и бывши нощи, утаивъся кыянъ бѣжа из Бѣлагорода Полотьску".

обѣсися синѣ мьглѣ. Обѣситься — повиснуть, обнять. Объятый ночной мглой, туманом.

утрѣ же вознзи стрикусы. Утрѣ — на другой день, назавтра: „утрѣ ти дамъ" — завтра тебе дам. Вознзи — вонзить; стрикусы — ни в одном из древнерусских памятников подобного слова не найдено; предполагают, что это секиры или во всяком случае какое-то оружие.

отвори врата Новуграду — взял Новгород. Автор рассказывает о событиях из жизни Всеслава не в хронологическом порядке. Новгород Всеслав захватил и разорил в 1067 году, а на Киевский стол он сел в 1068. О том, что здесь говорится о событии 1067 года, свидетельствует окончание этой фразы — упоминание Немиги.

разшибе славу Ярославу. В Новгороде по 1016 год княжил Ярослав Мудрый, который ослабил зависимость Новгорода от Киева, с именем Ярослава Мудрого связывалась независимость Новгорода. Таким образом, „разшибе славу Ярославу" означает ,что Всеслав, разорив Новгород, разбил славу, принесенную этому городу Ярославом.

скочи влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ. Точно неизвестно, какое место имеется здесь в виду. Вероятнее всего предположение, высказанное Н. М. Карамзиным, что это монастырь на Дудутках вблизи Новгорода. Можно предположить, что из Дудуток Всеслав вышел навстречу трем Ярославичам на Немигу.

На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чепи харалужными. Мы уже говорили выше, что в народной эпической поэзии очень часто битва сравнивается с земледельческими работами. Здесь в образах молотьбы и посева рассказывается о битве на реке Немиге.

Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше. В этой характеристике Всеслава автор показывает, что наряду со своими княжескими делами Всеслав занимался волхвованием, колдовством, рыская по ночам, как волк, из одного города в другой. Ниже в целом ряде образов дается характеристика этой чудесной быстроты передвижения Всеслава Полоцкого.

изъ Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя, великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше. Из Киева он добегал еще до кур — до петухов, т. е. до пения петухов, до рассвета, в Тмуторокань. О пребывании Всеслава в Тмуторокани сведений нет; в Киеве он был очень недолго и оттуда бежал в Полоцк. Все это говорит о том, что Тмуторокань здесь названа лишь как очень дальнее место, чтобы показать, какое огромное расстояние Всеслав мог пробежать за ночь. Хръсови. — Хорс — древнерусский языческий бог солнца. Всеслав успевал пробегать огромные расстояния до восхода солнца — перебегал солнцу путь.

Тому въ Полотьскѣ позвониша заутренюю рано у святыя Софеи въ колоколы, а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша. Здесь идет дальнейшее развитие гиперболических картин, характеризующих быстроту ночного рысканья Всеслава: вечером он еще в Полоцке, а утром на заутрене он уже в Киеве. И здесь Киев, как перед этим Тмуторокань, должен лишь образно представлять величину расстояния, которое Всеслав успевает пробежать за ночь, а не его реальное пребывание в Киеве. Эта гипербола подтверждается параллелями из народного творчества:

Молодой боярин Дюк Степанович
Отстоял дома раннюю заутрению.
Стал-то я заутреню во Муроме,
Поспевал-то к обеденке в стольно Киев град.

Аще и вѣща душа въ дръзѣ тѣлѣ нъ часто бѣды страдаше. Хоть и вещая душа в храбром теле, говорит автор, но все равно Всеслав часто страдал от бед. Здесь „вещая" уже в значении — колдовская, а не мудрая, как это слово употреблялось по отношению к Бояну.

Того стараго Владиміра нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ кіевьскымъ. Одни исследователи считают, что здесь говорится о Владимире Мономахе, которого нельзя было удержать в Киеве — он все время проводил в походах против половцев. А. В. Соловьев считает, что здесь нужно видеть не Владимира Мономаха, а Владимира I Святославича и что имеются в виду его многочисленные походы против врагов Русской земли.

Сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзіи — Давидовы, нъ розно ся имъ хоботы пашутъ. Здесь автор имеет в виду следующее обстоятельство: после поражения Игоря в 1185 году половцы пошли на Русскую землю. Против них выступили Святослав и Рюрик. Должен был принять участие в этих действиях и брат Рюрика Давид, но дойдя до Треполя, он вернулся назад в Смоленск. Этими действиями Давида был сорван весь поход. Стяги Владимира стали теперь одни — Рюриковы, а другие — Давида, и в разные стороны развиваются они (хоботы — концы; здесь — концы знамен, стяги). Автор всем этим хочет сказать, что Владимира нельзя было удержать в Киеве — так он стремился в бой против врагов, а между его потомками уже нет согласия, и поэтому они не могут действовать единодушно против общего врага. Рюрик и Давид — правнуки Владимира Мономаха, и это отчасти говорит в пользу того, что в предыдущей фразе подразумевается Владимир Мономах.

На Дунаи Ярославнынъ гласъ ся слышитъ. Евфросинья Ярославна, дочь Ярослава Владимировича, князя Галицкого, — вторая жена Игоря, на которой он женился в 1184 году, после смерти первой жены. Почему на Дунае? — Во время поражения Игоря Ярославна находилась в городе сына Игоря — Путивле. Дунай в плаче Ярославны — это символ реки вообще: в народном творчестве эпическая река очень часто называется Дунаем.

зегзицею незнаема рано кычеть... Обычно „зегзицу" „Слова" считают кукушкой, так как хотя „зегзица" встречается лишь в этом

памятнике, многочисленные примеры народного творчества свидетельствуют, что плачущая, горюющая женщина символизируется образом кукушки. Н. В. Шарлемань высказал следующее новое предположение по этому поводу: „...следует напомнить, что на Десне между Коропом и Новгород-Северским крестьяне называют местами „гігічкой", „зігзічкой" — чайку, по-русски пигалицу, или чибиса (*Vanellus vanellus* L.). Может быть, в данном случае и автор „Слова" сравнил Ярославну с той птицей, которая издавна на Украине была эмблемой печали, т. е. с чайкой, как в песне: „Ой біда біда чайці небозі, що вивела діток при битій дорозі". Может быть, эту чайку автор „Слова" назвал именем „зигичка", которое в его время, возможно, было более распространено, а позднее переписчиками было славянизировано и превратилось в „зегзицу". Названия зигичка, гигичка — звукоподражательные, передающие отчасти крик птицы — хи-ги, отчасти звуки, слышимые при взмахе ее крыльев во время полета, — зиг, зиг. О пигалице на Украине говорят, что она „кигикает" — ср. „кычеть" в „Слове" (Н. В. Шарлемань. Из реального комментария к „Слову о полку Игореве", Труды Отдела древнерусской литературы, т. VI, М.—Л., 1948, стр. 115).

омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ. Женские одежды в древней Руси (княжеские), как можно судить по миниатюрам, состояли из двух платьев: короткого верхнего и длинного нижнего. У верхнего платья были очень длинные и широкие рукава. На Руси был широко распространен бобровый мех — из него делали опушку на богатой одежде, отсюда — „бебрянъ рукавъ" „Слова". Эта фраза подтверждает правильность предположения, высказанного Н. В. Шарлеманем, что „зегзица" — это чайка: образ чайки, во время полета над водой как бы омачивающей в ней свои крылья, ближе всего к этой картине „Слова" — „полечу, рече, зегзицею по Дунаеви, омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ..." Может быть, весь этот образ — омочу рукав в Каяле реке и утру князю раны — навеян автору „Слова" сказочным представлением о живой и мертвой воде. Каяла, как река гибели, печали, как символ гибельного смертного места, могла представляться рекой, в которой течет мертвая вода и поэтому-то хотя Ярославна и собирается лететь по Дунаю-реке, но рукав она омочит в Каяле и утрет им кровавые раны князя — именно мертвой водой залечиваются, затягиваются раны.

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ... Почему Ярославна в Путивле, — ведь ее княжеской резиденцией был Новгород-Северский, а Путивль — город старшего сына Игоря, Владимира. Путивль был очень хорошо защищен и мог выдержать длительную осаду. После поражения Игоря, когда половцы хлынули на Русь, Ярославна переехала из Новгорода-Северского в Путивль. Автор, говоря, что Ярославна плачет на забрале, подчеркивает этим, что Путивль — защищенный город, крепость.

о, вѣтрѣ, вѣтрило... Обращение Ярославны к ветру — лирическая картина. Но если мы вспомним описание в „Слове" сражения русских с половцами: „се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣют съ моря стрѣлами на храбрыя плъкы Игоревы", то обращение Ярославны

только подтверждает предположение о том, что и на самом деле ветер не благоприятствовал Игорю.

мое веселіе по ковылію развѣя. Ковыль — травянистое степное растение, но „ковылие" — это шире, чем просто название травы: «„Ковылие" — это не просто название растения в его массе, — это царство ковыля, безграничное, волнующееся, как море, и грозящее бедою. В таком смысле „ковылие" в „плаче Ярославны" стоит на своем месте, в одном ряду с другими стихийными явлениями: подоблачная высь, море и ковылистая степь — вот, где веет ветер» (В. В. Данилов. Заметки к тексту „Слова о полку Игореве", Сборн. „Слово о полку Игореве", АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 205).

О! Днепре Словутицю! Ты пробилъ еси каменныя горы. Славутич — славный, славящийся. В украинских песнях Днепр очень часто называется — Днепр Славутич. Пробил каменные горы, пробился сквозь каменные горы — днепровские пороги.

Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли насады до плъку Кобякова. Это намек на поход Святослава в 1183 году (подробнее об этом походе см. выше). Насад — особый вид речного судна. Это ладья с высокими бортами и палубным перекрытием, предохраняющим гребцов и воинов от стрел в случае неожиданного нападения. Приведенные нами слова свидетельствуют о том, что часть войска Святослава передвигалась в половецкую степь по воде, в насадах.

Комонь въ полуночи Овлуръ свисну за рѣкою: велить князю разумѣти: князю Игорю не быть пленну. Стукну земля... Мы принимаем в этой фразе конъектуру Д. В. Айналова, который заменил „кликну" первого издания словом „пленну". Тогда смысл такой: Овлур свистнул за рекой, давая этим разуметь князю, что он должен уйти из плена — „князю Игорю не быть пленну" (Д. В. Айналов. Заметки к тексту „Слова о полку Игореве", Труды Отдела древнерусской литературы, т. IV, М.—Л., 1940, стр. 151—158). Пользуясь неизвестными нам источниками, В. М. Татищев в III книге своей „Истории Российской"; рассказывая о походе Игоря, сообщает такие сведения об Овлуре или Лаворе, как его называет летопись: „... был муж твердый, но оскорблен от некоторых Половцев, мать же была его русская из области Игоревы". После возвращения из плена Игорь, как сообщает там же В. М. Татищев, „Лавра же учинил вельможею; окрестя его, выдал за него дочь тысяцкого Рагуйла и многим имением наградил, которого дети ныне суть вельможами в Северской земли".

А Игорь князь поскочи горнастаемъ къ тростію и бѣлымъ гоголемъ на воду; въвръжеся на бръзъ комонь, и скочи съ него босымъ влъкомъ. И потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подъ мьглами, избивая гуси и лебеди завтроку, и обѣду и ужинѣ. В. Н. Перетц в своей работе „Слово о полку Ігоревім" (у Киïві, 1926) приводит многочисленные параллели к этому месту „Слова" из русского и украинского фольклора (стр. 314 — 316). „... царь Афромей Афромеевич скоро он вражду чинил: обернетца гнедым туром, чистыя поля туром перескакал, темныя лесы

соболемъ пробежал, быстрыя реки соколом перелетал". Волх Сеславьевич:

Он обернется ясным соколом,
Полетел он далече на Сине море,
А бьет он гусей, белых лебедей,
А и серым малым уткам спуску нет.

Донецъ рече: „Княже Игорю..." — Игорь рече: „О, Донче..." Разговор героя с рекой — мотив, очень часто встречающийся в фольклоре.

Как ты батюшка, славный Тихий Дон,
Ты кормилец наш, Дон Иванович:
Про тебя лежит слава добрая...
Как бывало ты все быстер бежишь,
Ты быстер бежишь, все чистехонек;
А теперь ты, кормилец, все мутен течешь?
Помутился ты, Дон, с верху до низу.
Речь возговорит славный тихий Дон:
„Уж как то мне все мутну не быть,
Распустил я своих ясных соколов,
Ясных соколов, Донских казаков..."

стрежаше его гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чрьнядьми на ветрѣхъ. Все перечисленные здесь птицы очень чутки, и при приближении человека они сразу же улетают. „... гоголь — одна из наиболее осторожных птиц: держась на открытой воде, он еще издали замечает человека и улетает, громко свистя крыльями. Точно так же чутки чайки... встречающие весною назойливыми криками всякого, кто приближается к реке. Весьма чутки и „чрьняди на ветрѣхъ". Чернеть (Nyroca) — сборное родовое название нескольких видов нырковых уток (Fuligulinae). Перечисленные птицы, по нашему пониманию, должны были предупреждать Игоря о приближении людей, когда он во время бегства отдыхал на берегу Донца („стрежаше")" (Н. В. Шарлемань. Из реального комментария к „Слову о полку Игореве", Труды Отдела древнерусской литературы, т. VI, М.—Л., 1948, стр. 113).

Стугна. Стугна — небольшая речка, впадающая в Днепр с правой стороны, немного южнее Киева.

Не тако ти, рече, рѣка Стугна: худу струю имѣя, пожрьши чужи ручьи, и стругы ростре на кусту. Уношу князю Ростиславу затвори Днѣпрь темнѣ березѣ... Эту фразу мы даем в чтении по первому изданию. Эпизод, о котором здесь рассказывается, не вызывает никаких сомнений: это совершенно определенное историческое событие. В 1093 году, во время битвы русских с половцами у Треполя, русские потерпели поражение и стали отступать. Во время перехода через реку Стугну утонул брат Владимира Мономаха Ростислав. „И прибѣгоша к рѣцѣ Стугнѣ, и вбреде Володимеръ с Ростиславомъ, и нача утапати Ростиславъ предъ очима Володимерима. И хотѣ похватити брата своего и мало не утопе самъ. И утопе Ростиславъ, сынъ Всеволожь" (Повесть временных лет). Но смысл этой фразы в „Слове" до сих пор непо-

нятен. Существуют многочисленные исправления и толкования ее, но ни одно из них нельзя признать окончательным. Так, например, А. С. Орлов читает эту фразу так: „...Стугна; худу струю имѣя, пожръши чужи ручьи и стругы, ростреиа къ устью, уношу князю Ростиславу затвори днѣпрь темнѣ березѣ“ и переводит таким образом: „Стугна; имея мелкое течение, поглотив чужие ручьи и потоки, расширенная к устью, заключила она на дно у темного берега юношу князя Ростислава“. М. В. Щепкина полагает, что всего правильнее в данном случае принять объяснение, данное П. П. Вяземским. Она пишет по этому вопросу: „Максимович указал, что слово „струга“, „стругы“ в украинском языке до сих пор означает струя, струи. Позднее П. П. Вяземский предложил новое чтение, с иным делением на слова: „Уношу князя Ростислава затвори дне при темне березѣ“ — „Простерла струи на кусты (по кустам) и юношу князя Ростислава затворила на дне при темном береге“. Сравнение идет между недоброй рекой Стугной и благодетельной — Донцом. Поэтому вряд ли можно ожидать в этом месте название третьей реки Днепра, — это нарушило бы художественный образ противопоставления. При этом надо принять во внимание, что обычные эпитеты берега — крутой, зеленый. Берег может быть назван темным только когда он под водой“.

Плачется мати Ростиславля по уноши князи Ростиславѣ. Ростислав погиб очень молодым — на 22-м году жизни. Тело его было привезено в Киев: „Ростислава же искавше обрѣтоша в рѣцѣ; и098 вземше принесоша и Киеву, и плакася по немь мати его, и все людье пожалища си по немъ повелику, уности его ради“.

Тогда врани не граахуть, галици помлъкоша, сорокы не троскоташа, по лозію ползоша только. Дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажуть, соловіи веселыми пѣсньми свѣтъ повѣдаютъ. В этих немногих словах дана очень яркая картина сочувствия природы Игорю во время его бегства: все птицы молчат, чтобы Гза с Кончаком, преследующие Игоря, не могли определить по их крику его местонахождение. Особенно характерна в этом отношении, как указал В. В. Данилов (Заметки к тексту „Слова о полку Игореве“, сборн. „Слово о полку Игореве“, АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 207 — 208), фраза „сороки не троскотоша“, — в лесу вслед за человеком летят стаей сороки с громкими криками, и по этому крику всегда можно определить, где идет человек.

„По лозію ползоша только“... Эти слова вызвали самые различные толкования: если не вносить никаких поправок и читать „по лозію“, то смысл этой фразы такой: сороки не стрекотали, лишь ползали по ветвям (лозіи — ветви). Н. В. Шарлемань предложил читать „полозие“ — полозы, змеи:... сороки не стрекотали, только ползали змеи. Но образ ползающих змей, по нашему мнению, нарушает поэтическую цельность всей картины, в которой дается изображение поведения только птиц. Заслуживает внимания объяснение Н. В. Шарлеманем предложения „дятлове тектомъ путь к рѣцѣ кажутъ“: „В степи деревья растут только в балках — долинах речек. Издали не видно речки, запрятавшейся в ложбине, не видно и деревьев, растущих по ее берегам, однако издали слышен стук, издаваемый дятлами. Понимая значение этого признака

присутствия деревьев, а следовательно, и реки, Игорь во время бегства из плена легко находил путь к воде, к зарослям, в которых можно укрыться" (Н. В. Шарлемань. Из реального комментария к „Слову о полку Игореве", Труды Отдела древнерусской литературы, т. VI, М.—Л., 1948, стр. 115).

Млъвитъ Гзакъ Кончакови: „Аже соколъ къ гнѣзду летитъ, соколича ростриляевѣ своими злачеными стрѣлами". Рече Кончакъ ко Гзѣ: „Аже соколъ къ гнѣзду летитъ, а вѣ соколца опутаевѣ красною дѣвицею..." Гза предлагает Кончаку убить Владимира Игоревича, сына Игоря, за побег из плена его отца, но Кончак с этим несогласен и советует для того, чтобы удержать в плену молодого князя, женить его на половчанке. „Соколца опутаевѣ", — опутать — термин свадебных песен:, опутать значит — оженить, засватать. В подблюдной песне:

Ах ты мати, ты мати, порода моя,
Еще взгляни, мати, в окошечко,
Ах ты выкини, мати, опутинку,
Еще чем мне опутать ясна сокола.

Сын Игоря Владимир женился в плену на дочери хана Кончака. На Русь он вернулся в 1187 году вместе с женой и ребенком, и уже post factum на Руси был совершен церковный обряд венчания. В. М. Татищев сообщает в своей истории, что Кончаковна по прибытии на Русь перед свадьбой была крещена и ей было наречено христианское имя Свобода.

Рекъ Боянъ исходьны Святъславля пѣснотворца стараго времени Ярославля Ольгова коганя: „Хоть и тяжко ти головы, кромѣ плечю; зло ти тѣлу, кромѣ головы"; Руской земли безъ Игоря. В науке о „Слове" неоднократно предлагалось „И ходы на" читать „и Ходына". Таким образом, получалось, что во времена Бояна был еще какой-то песнотворец — Ходына. Все это место в таком случае переводилось так: Сказали Боян и Ходына, песнотворцы старого времени.

Мы даем чтение этой фразы с конъектурой, предложенной М. В. Щепкиной, которая, вместо слова первого издания — „и ходы на", читает: „исходьны". Она пишет по этому поводу: «„И ходы на", повидимому, есть ошибочно написанное в самой рукописи слова „и(с)ходьны", т. е. исходный, заключительный стих; ср. позднейший термин „исход былины" — заключение. „Пѣстворца", повидимому, неправильно раскрытое сокращение рукописи „пѣ(с)-твор(ц)" — в данном тексте следует читать „пѣснотворец". Слова „Святъславля Ярославля Ольгова коганя" служат приложением к выражению „старого времени" и содержат имя Олега когана с обычным для древнерусского языка двойным отчеством. Следовательно: „рекъ Боянъ исходьны Святъславля пѣснотворец стараго времени, Ярославля Ольгова коганя", т. е. „сказал Боян исходный (стих) песнотворец старого времени коганова Ольгова Святославича Ярославича"».

Мы принимаем поправку М. В. Щепкиной, как одну из возможных гипотез.

Дѣвици поютъ на Дунаи. Обычно считают, что этим автор подчеркивает радость русских по случаю возвращения Игоря из плена в самых отдаленных местах, где только были русские (на нижнем течении Дуная были русские поселения). Но вероятнее всего, что здесь, как и в плаче Ярославны, Дунай — эпическая река.

Игорь ѣдетъ по Боричеву къ святѣй Богородици Пирогощей. Боричев — подъем из Подола на гору в Киеве. Богородица Пирогощая — название церкви в Киеве, которая была основана в 1132 году. Эта церковь названа так по находившейся в ней иконе богородицы „Пирогощей" (пирогощая — слово греческого происхождения, в переводе на русский язык значит — башенная). Эта икона была привезена на Русь вместе с иконой Владимирской богоматери, которая находится сейчас в Третьяковской галерее в Москве.

аминь. Это слово греческого происхождения, и значит оно — „да будет так", „истинно". Им в средние века нередко заканчивались не только церковнослужебные тексты, но и литературные.

М. В. Щепкина

РУКОПИСЬ „СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ"

В тексте „Слова о полку Игореве" встречается ряд неясных мест. Они двоякого происхождения. Одни непонятны нам, так как касаются лиц, событий, верований и обычаев давно забытых; эти места постепенно раскрываются на основании данных археологии, истории и языкознания. Другие обязаны своим происхождением или ошибкам древних писцов, или ошибкам первых издателей, которые в конце XVIII века местами неверно прочитали подлинник „Слова".

Чтобы раскрыть неясные места текста, образовавшиеся в результате ошибок, как старых так и новых, надо попытаться восстановить правописание Мусин-Пушкинской рукописи и начертания ее. Тогда мы сможем уяснить себе, как могли возникнуть эти ошибки и какие приемы исправления закономерны и допустимы в тексте „Слова".

Полного описания рукописи „Слова" мы не имеем. Однако до нас дошли свидетельства нескольких очевидцев, записанные К. Ф. Калайдовичем уже после гибели рукописи „Слова". Приведем наиболее важные из них. Из предисловия к первому изданию мы узнаем, что это был сборник листового размера, включавший летопись и ряд древнерусских повестей. Позднее владелец рукописи А. И. Мусин-Пушкин заявлял: „Песнь Игорева написана на лощеной бумаге в конце летописи, довольно чистым письмом. По почерку и по бумаге должно отнести оную переписку к концу XIV или началу XV века. „Песнь" в подлиннике хотя довольно ясным характером была написана, но разобрать ее было весьма трудно, потому что не было ни правописания, ни строчных знаков, ни разделения слов, в числе коих множество находилося неизвестных и вышедших из употребления. Прежде всего должно было разделить ее на периоды и потом добираться до смысла".

А. И. Ермолаев, один из хранителей Публичной библиотеки, имевший большой опыт в чтении древних памятников, считал, что рукопись написана полууставом XV века. Историк Н. М. Карамзин полагал, что она не старше конца XV века, и лишь издатель „Слова" С. Н. Селивановский заявлял, что поэма была „написана белорусским письмом не так древним, похожим на почерк Димитрия Ростовского".

Кроме печатного текста 1800 года, до нас дошла еще одна рукописная копия конца XVIII века, которая была изготовлена, как полагают, для Екатерины II (так называемый Архивный список).

На основании разночтений, а также на основании очевидных ошибок Пушкинского и Архивного списков исследователями было высказано предположение, что в сгоревшем оригинале „Слова" буквы „а" и „о" местами мало отличались друг от друга, что позволяло их путать; что буква „ю" имела, повидимому, особое начертание, дававшее возможность прочитать ее как слог „го". Возможно, что имелось сходство в написаниях букв „ъ" и „ѣ". Установлено, что в рукописи встречалось „очное" „о", т. е. двойное „оо" в слове „очима". Отмечено также слитное написание (лигатура) „тр", сперва прочитанная как „з". В рукописи встречен случай гаплографии, т. е. пропуск одного из двух рядом стоящих одинаковых написаний. Ср. „стрежаше е гоголем" вместо „стрежаше его гоголем".

Вот, в основном, все данные, которые по памяти указаны очевидцами или предположительно установлены учеными, не видавшими рукописи.

Мнение Мусина-Пушкина и Малиновского, что рукопись относится к концу XIV — началу XV века, приходится отвергнуть: русские рукописи даже конца XIV — начала XV века на бумаге редки; кроме того, ряд вышеприведенных написаний также не характерен для этого времени. Всего важнее для нас мнение специалистов — Ермолаева и Карамзина, относивших рукопись к XV веку. За это говорит и возможность смешения „ъ" и „ѣ", и двойное „о", и лигатура „тр"; такие написания характерны для русского полуустава со второй четверти XV века до середины XVI. О том же времени говорит и правописание памятника, в котором, наряду с остатками орфографии XII века, надо видеть архаизирующую моду XV—первой половины XVI века (ср. написания влъкомъ, плъки, бръзыи).

Из русских ученых, не видавших самой рукописи, к тому же времени (к XV—XVI веку) относит ее Ф. И. Буслаев. Странное, на первый взгляд, заявление Селивановского надо рассматривать как беглое и неправильно осмысленное впечатление человека без специальных знаний.

Попробуем теперь представить себе те трудности, которые стояли перед первыми издателями при прочтении и транскрипции текста „Слова о полку Игореве".

Надо полагать, что рукопись, ввиду своего состава (летопись и повести) была написана деловым, а потому некрупным беглым полууставом с достаточным количеством сокращений и выносных надстрочных букв. Можно предполагать, что к XVIII веку она успела несколько обветшать и ряд ее начертаний, особенно выносные буквы, могли побледнеть и даже стереться, а потому могли быть пропущены при списывании. Затем Мусин-Пушкин отмечает трудность разделения слитно написанного текста на слова. Не менее затруднительным было раскрытие сокращений оригинала. Сокращения эти или обозначались над строкой только титлом (дуга или черточка), или имели под титлом одну из пропущенных согласных. Наконец, в XV и XVI вв. они могли обозначаться только надстроч-

ной буквой, уже без титла. Постоянство приемов при сокращении облегчало узнавание слова. Ср. по(д)клониша; пя(т)к = пяток; ч(с)ть= честь; Плѣ(с)ньск = Плѣсньск.

При этом надо заметить, что выносная буква „с" принимала вид точки под легкой дугой или черточкой; этот вынос легко можно было спутать с надстрочными значками в виде легких наклонных черточек или запятых, которые ставились в определенных случаях над гласными. Так могли возникать невразумительные написания. Ср., например, слово „и(с)ходьны", давшее „и ходы на" после утраты выносного „с".

Кроме того, принято было сокращать конец слова. Ср. ре(ч) = рече; е(с) = есть; бы(с) = бысть; пѣ(с) = пѣснь, переданное в издании как „пѣсь". Конечные выносы могли применяться в любом слове; первоначально они применялись в конце строк; с течением времени, для ускорения письма, они стали допускаться и в середине строки: вступи(л) = вступила; понизи(т) = понизите; у Ри(м) = у Риме или Римове. Окончание слова устанавливается в зависимости от контекста. Ошибочное раскрытие окончания могло повести к неверному пониманию текста — ср. слово пѣ(с)творь(ц), раскрытое как „пѣстворца", тогда как следовало раскрыть, как „пѣснотворец". Ряд разночтений Пушкинского и Архивного списков, как указал И. И. Козловский, объясняется тем, что они по-разному раскрывают конечные выносы. При стечении согласных допускались сокращения и в начале слова. Такое сокращение можно предполагать в словах „струги (п)ростре на кусту", где выносное „п" или утратилось с течением времени, или не было замечено издателями.

Кроме того, надо иметь в виду, что в рукописи уже имелись ошибки и утраты, накопившиеся в тексте за время с XII по XV век. Тут могли быть пропуски, искажения, неверное осмысление непонятного слова. Мы лишены возможности учесть эти ошибки. Легче установить ошибки, восходящие к новгородско-псковскому произношению писца. Некоторые из них узнаются легко и не затемняют текста, таковы: „дивицею", вместо „дѣвицею; „шизый", вместо сизый. Другие, вроде лучи (лучи), вместо „луци" (луки), уже меняют самый смысл; а такое написание, как „бѣша", вместо „биша", вносит в текст явное искажение. Принимая во внимание необычность текста, можно удивляться что ошибок этих не так много. Это как будто говорит о том, что со времени своего возникновения до времени написания Мусин-Пушкинской рукописи „Слово о полку Игореве" имело не так много списков. О том же, может быть, свидетельствуют следы древнего правописания, отмеченные в памятнике.

Итак, к ошибкам самой рукописи прибавились ошибки издателей. При этом надо принять во внимание, что в XVIII веке к изданию не предъявляли таких требований, как в настоящее время. Систему транскрипции не указывали и не давали примечаний ко всем неясным или спорным местам. Однако, по всему судя, издатели стремились передать текст самым добросовестным образом. Об этом свидетельствует Карамзин. Поэтому при разъяснении непонятных мест приходится держаться текста первого издания и исходить из тех возможностей, которые в данном случае допустимы, а именно:

1) новое деление на слова;

2) восстановление отдельных утраченных или не на месте поставленных выносных букв;

3) более правильное и соответствующее смыслу текста раскрытие сокращений;

4) исправление ошибок диалектологического порядка;

5) выяснение старого утраченного или измененного значения некоторых слов.

Но при исправлении текста нельзя исходить из „возможных случайностей“ — они недоказуемы. Нельзя также предполагать всякий раз накопление ошибок. Такие случаи возможны, но найти ключ к ним чрезвычайно трудно.[1]

---

[1] Ср. замечание А. С. Пушкина относительно „Слова о полку Игореве“: „Толкователи наперерыв затмевали неясные выражения своевольными поправками и догадками, ни на чем не основанными“.

И. А. Новиков

ПРИМЕЧАНИЯ К ПЕРЕВОДУ „СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ“

В печатаемый здесь перевод „Слова“ внесены значительные изменения по сравнению с предыдущими его изданиями. Это или простые поправки, или изменения, внесенные в результате нового понимания того или другого места в тексте подлинника. Эти последние требуют хотя бы самых кратких поясняющих примечаний. Подробно и обстоятельно они даны в другой нашей работе по „Слову“, еще не вышедшей в свет.

1. — К главе второй. „Спáла у князя и думка // О милой жене своей“.

В первопечатном тексте: „Спала Князю умь похоти“. Ранее я переводил близко к обычному пониманию: „И запала охота — Князю на ум“. Между тем выражение „похоти“ переводится как „охота“ лишь с большою натяжкой. В Екатерининской же копии это слово написано раздельно: „по хоти“, а это значит, что мысль Игоря была — „о хоти“ — о желанной, о жене своей. Слово „спала“ также получает при таком понимании текста точное свое значение. А в целом новое это чтение крепит структуру всей поэмы, перекликаясь с тем, как Всеволод совсем уже в пылу боя забыл „свычаи и обычаи“ своей жены („милыя хоти“) — красавицы Глебовны. Возникает, наконец, параллель и между „думкой“ Игоря о Ярославне и думами ее о своем раненом муже.

2. — К главе третьей. „А моим-то курянам“ // Поведано // Куда им итти“.

В первопечатном тексте: „А мои ти Куряни сведоми къ мети“. Сначала переводили: „в цель стрелять знающи“, потом стали считать ошибкой разделение слов „къ мети“ и читали как одно слово: „кмети“, вкладывая в него понимание особого рода воинов, отважных и „знающих“. Однако слово „сведоми“ не значит „знающие“, оно значит — „осведомленные“, слово же „мéта“ значит „цель“. Таким образом, точный смысл этой фразы сводится к тому, что цели похода были им, курянам, ведомы! Это понимание мы и дали в своем переводе. И здесь, так же как и в предыдущем случае, возникает характерная параллель: и сам Игорь также осведомлял свою дру-

жину о цели похода. Подробнее обо всем этом говорится в нашей книге „Пушкин и Слово о полку Игореве". (Издательство „Советский писатель", 1951.)

3. — К главе третьей. 1) „И с дрёвка он кличет". // 2) „Игорь к Дону войско ведет, // А птицеподобный // Пасет его // От беды охраняет".

Что такое „Див" — неизвестно. Множество предположений сводится к тому, что это или мифическая птица, враждебная нам, или „дикий", т. е. половец; и в том и в другом случае это наш враг. Ближайшее рассмотрение текста позволило мне предложить противоположную гипотезу. Див нам не враждебен. Его клич „земле незнаемой" скорее подобен кличу древнего Святослава: „Иду на вы!" Заслышав его, половцы, подобно распуганным лебедям, кинулись назад — к Дону Великому.

Див не сидит на каком-либо дереве, встретившемся Игорю на пути. Он входит как деталь, как своеобразная часть его похода. Отсюда мысль, что он не на дереве, а „на древке" знамени, что он „изображение". Напрасно спрашивать, почему изображение на знамени может издавать клич: ведь и один из тех, к кому он обращается и кто должен его слушать, также всего лишь „изображение" — Тмутороканский болван. Все это поэтический образ; так и дальше у автора „Слова": стязи глаголют".

В первопечатном тексте: „Игорь к Дону вои ведет: уже бо беды его пасет птиць; подобию..." Это слово „подобию", никак не связанное с последующими словами: „влъци грозу въ срожатъ" и произвольно оторванное точкою с запятой от предшествующего ему слова „птиць", вызывало большое недоумение и, в конце концов, уступило свое место другому выражению — „по дубию": так возник образ загадочных птиц, враждебно рассевшихся по дубам. Предыдущая наша поправка о том, что Див есть изображение на знамени, помогла нам увидеть и здесь птицеподобное его изображение, оберегающее от бед русских воинов.

Кто же это птицеподобный Див? Каково самое значение этого слова? Значение его, по нашему мнению, верно понято автором „Задонщины": это именно Диво, нечто чудесное. Это наш друг и союзник. Это человек с крыльями. Это птицеподобное изображение „архистратига небесных сил", вождя небесного воинства — архангела Михаила. Такое его изображение сохранилось от конца XII—начала XIII века. Что в „Слове" имеется в виду именно такое изображение — это, конечно, всего лишь наше предположение. Но за него говорят и данные Сказания о Мамаевом побоище, и то, что это „Диво" совсем не враждебно, а благожелательно русским, и то, что это изображение носит определенный христианский характер в борьбе против поганых-язычников.

Подробное обоснование этой новой гипотезы о „Диве" дано нами в другой нашей работе о „Слове". Здесь же вспомним только характеристику гениальной поэмы, данную Карлом Марксом: „Вся песнь носит христиански-героический характер, хотя языческие элементы выступают еще весьма заметно".[1] Но ведь до сих пор именно

---

[1] Письмо К. Маркса Ф. Энгельсу от 5 марта 1856 года, с. с. XXIII т., стр. 122—123.

христианские элементы в „Слове" находились с таким трудом, что порою утверждалось, будто в нем вообще „отсутствует церковно-религиозный налет". Дальнейшая судьба этого знамени с изображением воинствующего архангела, которому пришлось низвергнуться наземь (глава седьмая), показывает нам великий реализм поэта, создавшего „Слово о полку Игореве".

Такое понимание „Дива" делает понятным и то место из „Задонщины", которое до сей поры казалось весьма странным: „А уже Диво кличет под саблями татарскими". Ясно теперь, что и здесь это „Диво" („Див") не какой-либо наш таинственный враг, и уж, конечно, и не татарин: это зарубили татары русское знамя с изображением „Дива".

4. — К главе третьей. „О земля моя Русская! // Уже за холмами ты!"

В первопечатном тексте: „О руская земле! уже за Шеломянем еси". Нам кажется, что здесь имеется в виду не какой-либо отдельный холм, хотя бы и пограничный. Здесь дан совершенно точный образ: Русская земля скрылась за целою грядою холмов — водоразделом между речками, бегущими на Русь и бегущими в землю Половецкую.

5. — К главе шестой. „Усобица князем на поганыя погыбе". При передаче этого места подлинника нами приняты исправления Барсова. При таком понимании этого места интересы князей резко отделяются от интересов народа. Автор прямо говорит от имени этого последнего: „Нам же поганые — гибель!"

6. — К главе седьмой. „...поганых тльковин". Наше понимание слова „тльковин" как толмачей, толковников, переводчиков требует хотя бы самого краткого пояснения.

Начать с того, что сон Святослава очень реалистичен и совсем не является „литературным приемом" нарочитого „вещего сна". И действительно, в приведенной выше картине — в выступлениях иноземцев при дворе Святослава — есть уже все элементы будущего сна: и сладкие речи во славу Святослава, и „слезы" по поводу Игоря. Так вот кто были эти, не названные в изложении сна люди: это были иноземцы, и, как таковые, они в своих выступлениях пользовались, конечно, услугами переводчиков — толмачей, толковников. Таким образом, и самое слово „толковин" становится на свое надлежащее место: вспомним хотя бы священное писание в переводе семидесяти двух толковников. Этот же пример приводится и у Даля — после соответствующего пояснения: „Толковник, толмач, переводчик, толкующий с одного языка на другой» (Даль, т. 4, стр. 783).

7. — К главе восьмой. Переводы различных названий войск Ярослава, даваемые мною, являются одною из возможных гипотез для их осмысления. По другим предположениям, это или названия родовых подразделений тюркского племени ковуев, живших на границе с Киевской Русью, или же перечисление титулов, чинов или прозвищ высоких лиц из этого племени тюрков. И в том и в другом случае интересующие нас слова производятся от тюркских корней, порою, на наш взгляд, с бо́льшею трудностью, чем мы переводим их, осмысляя старинные русские слова, что и по сути дела, нам кажется, естественнее и более отвечает всему словарному характеру великой нашей национальной поэмы.

Подробное обоснование перевода этого места дано в первом издании моего перевода „Слова“. (Государственное издательство „Художественная литература“, Москва, 1938.)

8. — К главе восьмой. „Коли был бы ты там...“

В первопечатном издании: „Аже бы ты был“. Уже в первом переводе (1800) было добавлено слово „здесь“, и только наиболее осторожные переводчики не прибавляли этого слова, оставляя неясным, где же именно должен был быть Всеволод, чтобы пленные половцы продавались на Руси за самую дешевую плату. Эти слова в устах великого князя Киевского были бы более чем странны: ведь „здесь“ — значило: в Киеве, и, собственно говоря, даже — на Киевском великокняжеском столе! Откуда взялось это „здесь“, когда началу фразы предшествует восклицание, что Всеволод мог бы „Дон шеломами // Вычерпать!“ Поэтому совершенно ясно, что если бы Всеволод был именно там, на Дону, то все обстояло бы иначе. Поэт счел даже лишним поставить это уточняющее слово „там“, как само собой разумеющееся. За него делаем это мы в своем переводе.

9. — К главе восьмой. О размерах „Злата Слова“ Святослава.

В этой главе одно место, которое раньше казалось нам репликою бояр на слова Святослава, мы включили в его речь. Самый размер „Злата Слова“ Святослава мы оставляем таким же, как и в прежних изданиях нашего перевода. Подробная мотивировка этого была бы здесь чересчур обширна. Скажем только, что нельзя ограничивать его одними только „слезами“, с которыми „Злато Слово“ было всего лишь „смешано“. Поэт создал гораздо более величественный образ, вложив в уста Святослава свои высокие мысли о единстве князей в защиту единой Родины. Он был заинтересован прежде всего в действенности этого призыва и потому, естественно, вложил его в уста великого князя, придав его словам и соответственную форму высокого стиля. Собственные обращения автора к князьям звучат уже значительно иначе и часто принимают форму определенных упреков. Основной же, чисто литературный довод, который говорит за размеры, принятые нами, — это строгое поэтическое единство всех обращений от имени Святослава с троекратным призывом — „За землю Русскую, // За раны Игоревы — // Храброго Святославича!“

10. — К главе одиннадцатой. „И повернул он коня // На другого соколича — // На Святослава“.

11. — К главе двенадцатой. „А дружине, // Полегшей в бою — // Вечная память!“

Обе эти „поправки“ к неясному тексту сделаны в порядке „реставрации“, предполагающей совершенно испорченное состояние рукописи „Слова“ — либо той, которая была в распоряжении первых издателей, либо той, более древней, с которой был сделан этот, более поздний список.

В первом случае мы предположили, что фраза „Рек Боян“ заскочила на одну фразу раньше, будучи уставшим переписчиком сначала пропущена, а потом сбоку вставлена не вполне убедительно точно. Вообще же это место в подлиннике — так, как оно там изображено, — столь непонятно, что позволяет делать самые разные варианты в его понимании и передаче. Нам показалось вполне

вероятным, что это Гза „ходы на Святъславля“, и притом с целью его расстрелять: не удалось Владимира, так хотя б Святослава! И притом не откладывая дела в долгий ящик, а тотчас же (таков кровожадный характер этого хана). И ведь именно этому племяннику Игоря, участнику похода, не поют заключительной „славы“, а в „поколенной росписи князей“, приложенной к первому изданию „Слова“, значится, что Святослав Рыльский скончался в 1186 году.

Что же касается второй из этих двух „реставрационных“ поправок, то „Слово“ в конце явно обрывается: князьям — слава, а дружине — что? Обычно считают, что союз „а“ употреблен в значении союза „и“, а потому дают заключительную „славу“ князьям и дружине. Мною дано подробное обоснование понимания этого союза как противополагающего „а“ в первом издании моего перевода „Слова“. (Государственное издательство „Художественная литература“, Москва, 1938.) Рукопись, с которой переписывалась сгоревшая в Москве копия, видимо, буквально была оборвана в конце — кусочек от нее был оторван. Очень возможно, что и слова „Сказал Боян“, вставленные позже, были также сначала обтрепаны, измохмачены и оторваны на том же листке, на обороте которого был написан и конец поэмы. И когда думаешь, что же все-таки было сказано в самом конце — уже не о той дружине, которой только что было пропето пожелание здравия и которая заменила собою погибшую в походе, а о тех именно воинах, которых уже нет в живых, то прежде всего ощущаешь, что поэма их не забыла. Мы чувствуем эту скорбь о погибших. Таков этот двукратный вздох из глубины души: „А Игорева храброго полку не воскресить!“ Это место — самый конец „Слова“ — также открылось нам далеко не сразу. Но разве в самом деле автор поэмы мог бы забыть о погибших в походе воинах, когда воздается слава уцелевшим в бою князьям? А „вечная память“ для людей, отдавших жизнь свою Родине, это и есть их лучшая и подлинная слава!

12. — В переводе моем имеются в разных местах текста перестановки слов по сравнению с первопечатным изданием. Объясняется это тем, что уже простая замена одного слова другим нарушает ритм подлинника, его внутреннюю музыку. Этим определяется с необходимостью — уже иная, так сказать параллельная музыка по-новому возникающего поэтического текста перевода и воплощение ее в этом новом тексте. Нужно только одно — чтобы это новое звучание (у каждого поэта-переводчика, естественно, свое) находилось в таком же ладу со всем художественным строем поэмы, с живущими в ней благородными мыслями и высокими чувствами, как это осуществлено в подлиннике.

Второе общее замечание сводится к тому, что подробное пояснение некоторых своих „новшеств“, равно как и определение значения их для всей поэмы в целом, а следовательно и для общей поэтики ее, даны будут в моей работе «„Слово о полку Игореве“ в современном его понимании».

В. И. Стеллецкий

ПРИМЕЧАНИЯ К ПЕРЕВОДУ „СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ“

При исправлениях текста до сих пор в самой незначительной мере учитывались стилистические и ритмические особенности памятника и почти никогда не принимались во внимание звуковые. Между тем учет всей стилистической системы и поэтической формы памятника в каждом отдельном случае совершенно необходим. Игнорирование этого принципа многими исследователями приводило к грубейшим ошибкам; допустимыми казались произвольные вставки в текст и т. д. Учет стиля, ритмического строя и звуковой организации памятника, несомненно, может предохранить от целого ряда ошибок.

1. Стр. 62. „Подъ трубами повити“, в моем переводе „под трубы боевые рóждены“, т. е. рождены под звуки боевых труб; см. Срезневский: „повити“ — повить, принять младенца при рождении“, в украинском языке „повити“ переносно — „родить“.

2. Стр. 103. „кожухы“ — в моем переводе „опашни“; верхняя одежда, долгополые кафтаны с короткими широкими рукавами, носилась без пояса („опашь“).

3. Стр. 154. „Съ тоя же Каялы Святополъкъ полелѣя отца своего“. Принимаю поправку Потебни „полелѣя“. Старая конъектура Пожарского („повелѣ яти“), как она ни заманчива с точки зрения исторической, должна быть окончательно отвергнута, по нашему мнению, если принять во внимание моменты ритмики. Слова „повелѣ яти“ здесь естественно фонетически, согласно движению ритма, сливающиеся в одно слово, приходится произносить раздельно по семантическим условиям. Создается искусственная пауза, которая ощущается совершенно невозможной в речи ритмически высокоорганизованной.

4. Стр. 277. „А уже не вижду власти сильнаго, и богатаго и многовоя брата моего Ярослава“. Поправка, предложенная Барсовым — „не выждала есте“, — не принимается ни одним из современных комментаторов. Между тем с этой поправкой, по нашему мнению, весь текст начала „Золотого слова“ приобретает логическую и синтаксическую стройность и правильность. Иначе текст остается

неясным с логической точки зрения. Необъяснимым остается также синтаксически „нъ рекосте", и неясно, в чем именно упрекает Святослав Игоря и Всеволода.

5. Стр. 296. „Не мыслію ти прелетѣти издалеча отня злата стола поблюсти!.." Данное место всегда вызывало много затруднений при переводе. Большинство комментаторов полагало, что текст здесь испорчен. Предлагали несколько конъектур. Из старых комментаторов правильно поняли это место, по-моему мнению, только Максимович („Не мыслию тебе прилететь...") и Огоновский („Не думкою тільки тобі перелетіти здалека сюди..."). К сожалению, их переводы были забыты.

Полагаю, что здесь мы имеем безличное инфинитивное предложение со значением желательности и с дательным падежом „ти" при инфинитиве.

При таком понимании текст становится совершенно ясным, надобность в конъектурах отпадает. Перевожу „Не мыслию лишь тебе б прилететь издалека..."

6. Стр. 349. „притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подъ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ литовскыми мечи..."

В оригинале подвиги и смерть Изяслава раскрыты следующим образом: 1) он „позвони своими острыми мечи о шеломы литовские" и, тем самым, 2) „притрепа славу... Всеславу", 3) а самъ... притрепанъ литовскыми мечи", 4) „и с хотию на кровати рекъ" и, наконец, 5) „изрони жемчюжну душу", что является тематической и композиционной концовкой.

События в оригинале выражены иносказаниями и поэтической игрой слов. Смертное ложе дается как брачное ложе. Если сказать „побит", „сражен" (согласно толкованию Срезневским слова „притрепати"), т. е. „умерщвлен", то нарушается последовательное развертывание образа. После „сражен", „умерщвлен" следуют „с хотию", т. е. с желанною „на кровати", т. е. обручась — умирая, сказал. Смерть же разъясняется в самом конце иносказанием.

Обратим внимание, что „потрепати" в „Слове" (стр. 58) означает что-то положительное — „побряцать", „позвенеть", „поиграть", „потрогать", „поласкать". „Трепати" в древнерусском языке означало какое-то очень легкое (ласковое) движение. Срезневский приводит: „Младою дланію по ланитѣ треплѣши дѣтища, оуспиті и хотящи".

Возможно, что глагол „притрепати" имел двоякое значение в древнерусском языке, перекликаясь, благодаря одинаковой основе, с глаголом „потрепати", какого не имеет ни один из современных близких по значению глаголов. Во всяком случае, только глагол „приласкать" (перевод Келтуялы) передает правильно смысл игры слов, которая, несомненно, имеется в оригинале и которую необходимо сохранить во всяком переводе, тем более художественном. С. К. Шамбинаго также рекомендовал именно такой перевод (в последнее время также и Л. А. Булаховский. „Слово о полку Игореве", сборн. статей, АН, М.—Л., 1950, стр. 153).

7. Стр. 352. „И схоти ю на кровать, и рекъ". Принимаю чтение Потебни: „и с хотию на кровати рекъ". При этом чтении в текст почти не вносится поправок, все дело в членении текста на слова.

8. Стр. 357. „Трубы трубять Городеньскіи", Решаюсь на поправку, предложенную С. К. Шамбинаго. придающую предложению обратный смысл, основываясь на семантических, стилистических и ритмических соображениях, а также опираясь на текст „Задонщины", и читаю: „трубы не трубять городеньскіи".

В начале памятника есть выражение „трубы трубять в Новѣградѣ"; это выражение употреблено в том месте „Слова", которое выдержано ритмически в мажорных тонах. перед описанием похода Игоря. Со слов „уже бо Сула не течеть" преобладает минорная интонация, продолжающаяся до описания побега Игоря. Стилистически невероятно здесь повторение слов „трубы трубять", особенно, когда этой строке предшествует строка „уныли голоси, пониче веселіе". Эти две строки звучат как стихи. Слог „не" в стихе „трубы не трубять городеньскіи" увеличивает количество неударных слогов и изменяет мажорную интонацию стиха на минорную не только семантически, но и ритмически, приближая его по ритму к предыдущему стиху.

Уныли голоси, пониче веселіе,
трубы не трубять городеньскіи.

Такое соответствие, повторение ритмического рисунка в примыкающих строчках, в отдельных особенно ритмичных местах— не редкое явление в „Слове". Такой же правильностью отличается место, где встречается выражение „трубы трубят":

Комони ржуть за Сулою,
звенить слава въ Кыевѣ.
Трубы трубять въ Новѣградѣ,
стоять стязи въ Путивлѣ...

Здесь в третьей строке почти точно повторяется ритмический рисунок первой, а в четвертой строке — второй.

С точки зрения общей композиции „Слова", перекличка „трубы трубять" в мажорном начале его и „трубы не трубять" в минорной второй половине его более естественна, чем необъяснимое повторение мажорной строки.

Текст „Задонщины" дает точные указания на правильность этой конъектуры. В списке Государственного Исторического музея № 2060, в списке Ундольского, в Синодальном и Кирилло-Белозерском списках в мажорном начале встречается также выражение „трубы трубят":

На Москвѣ кони ржут, звѣнит слава по всей земли Русской, в трубы трубят на Коломнѣ, в бубны бьют в Серпугове... (список Ундольского).

В трех списках встречается также выражение „трубы не трубят" в характерном минорном лексическом окружении, близком к тексту „Слова о полку Игореве":

Уже поганые оружия своя повергоша на землю, а главы своя подклониша под мечи русские. И трубы их не трубят и уныша гласи их. (Список Ундольского.)

Особенно выразителен текст в списке Ундольского, непосредственно отображающий текст „Слова о полку Игореве".

Естественнее всего предполагать, что в данном случае в „Задонщине" имеем прямое использование образов „Слова о полку Игореве".

9. Стр. 391. „Ни птицю горазду" — в редакциях моих переводов 1940—1950 гг. „Ни по птице гораздому" — т. е. не только хитрому и ловкому, но искусному в птицегадании, т. е. „вещуну гораздому". Так, повидимому, понимал это выражение Жуковский. Он перевел: „будь по птице горазд".

10. Стр. 425. „Князю Игорю не быть!" кликну..." Это место в тексте не было понято исследователями и вызывало немало затруднений при попытках грамматического и смыслового разъяснения перевода. При наиболее распространенном понимании „Князя Игоря нет" неразъясненным остается дательный падеж. Я понимаю эти слова как слова Овлура, оставляю его в переводе без изменения. Семантическую емкость этого выражения нет надобности нарушать конкретным указанием: „здесь не быть" и т. п. Грамматически это место в тексте разъясняется как безличное инфинитивное предложение со значением желательности и с совершенно закономерным в этом случае дательным падежом („Князю Игорю") при инфинитиве. Подобно тому как это мы имеем в „Плаче Ярославны", я предполагаю здесь генетическое родство с устным народным творчеством, в частности с народными заклинаниями. Выражение „Князю Игорю не быть" сжато передает основную часть часто встречающейся концовки народного заклинания: „тут тобі не бути", „тебе тут не быть" и т. п.

11. Стр. 458. „Уношу князю Ростиславу затвори Днѣпрь темнѣ березѣ". Принимаю поправку Вяземского и Вс. Миллера и читаю это место таким образом: „уношу князя Ростислава затвори днѣ при темнѣ березѣ".

Большинство современных комментаторов не принимает этой поправки, но в таком случае текст остается неясным как со смысловой, так и с грамматической точки зрения. Мысль осложняется упоминанием о второй реке, а именно о Днепре, и тем самым теряет в своей выразительности. Неясен здесь местный падеж без предлога. Поэтому мне кажется чтение Вяземского и Вс. Миллера более естественным. Ошибка в разделении слов, обычная в первоначальном издании, здесь особенно возможна, так как сочетание „Днѣпр" должно было обязательно остановить внимание издателей.

Стилистически маловероятно упоминание о Днепре в этом второстепенном отступлении, наряду с незначительной рекой Стугной, после того как Днепр в „Слове" был воспет в „Плаче Ярославны" с эпитетом „Словутичь".

12. Стр. 468. „полозію ползоша только..." Принимаю поправку Вс. Миллера, энергичным защитником которой выступил в настоящее время только один И. А. Новиков, и читаю текст: „полозіе ползоша только". Птицы, называемые теперь „поползни" (Sitta), составляют одно из самых распространенных семейств и посейчас в СССР, в старые же годы они были еще более распространены. Эти птицы действительно ползают по деревьям (движения их напоминают движения мыши) и являются лучшими пернатыми лазунами. В лесах они производят сильный стук своим клювом. Принадлежат они к группе настоящих певчих, и указание,

что „полозіе ползоша только“, т. е. не стучали и не свистели, хорошо сочетается с указанием, что „галици помлъкоша, сорокы не троскоташа“. Поползни упоминаются рядом с дятлами, с которыми они имеют много общего в образе жизни.

13. Стр. 482. „Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пѣстворца...“ Самое темное место в „Слове“. Все до сих пор предложенные конъектуры не являются достаточно доказательными.

Наименее искусственной мне кажется конъектура А. И. Лященко, которая здесь и принята: „Рекъ Боянъ на ходы на Святъславля, — пѣснотворецъ...“ В моем переводе „Молвил Боян о походах Святославовых, песнотворец...“ Одно из обычных значений „ходити“ — ходить в поход. Отсюда „ходы“ — походы (ср. ловы — ловити). „На ходы на Святъславля“ — повторение предлога (ср. „на рѣцѣ на Каялѣ“). „Пѣснотворецъ“ — конъектура, приложение, относится к Бояну (ср. „Бориса же Вячеславича слава на судъ приведе за обиду Олгову, храбра и млада князя“). См. „Пояснення одного місця в „Слові о плъку Ігоревѣ“, „Ювіл, збірн. на пошану ак. М. С. Грушевського“, ч. II, Київ, 1928, стр. 187—189.

14. Задачу выяснения ритмического строя „Слова“ переводчики не ставили как научную проблему и полагались на слух, что и приводило к ошибкам. К сожалению, исследования некоторых авторитетных ученых в области ритмики „Слова“ не помогали переводчикам, а только затемняли вопрос, так как исходили из тенденциозного подхода к проблеме. При определении ритмического строя „Слова“ необходимо быть свободным от тенденции и традиции, нельзя членить „Слово“ на „стихи“, так как мы не знаем, имеем ли мы перед собой стих; нельзя задаваться никакой предвзятой мыслью о подобии ритма „Слова“ тем или иным дошедшим до нас от прошлых веков и известным нам произведениям литературы или фольклора.

Но наличие ритма в „Слове“ легко ощущается. Неизбежно он создается чередованием определенных ритмических единиц. Не только изучение, но даже внимательное ознакомление с текстом с очевидностью подтверждает это положение. Одномерность строк принимал сознательно, как возможный критерий при членении текста, Максимович (1835). Бессознательно или сознательно этот критерий, применение которого ведет, по сути дела, к априорному решению вопроса, принимали почти все последующие исследователи и переводчики. В самом деле, сравнительно легко решается вопрос, если принять этот критерий: стоит только с достаточной долей достоверности определить несколько ритмических отрезков, и задача кажется решенной, так как по образцу их трактуется ритмический строй всего текста. Но это разрешение проблемы оказалось только кажущимся. Оно привело к созданию ложной традиции, господствовавшей в течение столетия и даже и по настоящее время.

Если учесть возможность наличия в „Слове“ неравномерных ритмических единиц, задача разыскания их значительно усложняется. Мне казалось, что к данному вопросу необходимо подойти следующим образом: неоспоримые связи „Слова“ с народной устной поэзией давали возможность опереться на следующее положение А. А. Потебни: „Размер народной песни первоначально возникает

с напевом, почему синтаксическое членение стиха совпадает с естественным делением напева".[1] Следовательно, опорными пунктами при расчленении текста на ритмические единицы могут служить композиционные отрезки — строфы, рефрены, законченные предложения. Эти отрезки текста отделяются один от другого большими, длительными паузами. Исходя из этих соображений, ключом к ритму „Слова" приходится признать определение пауз, значительных по длительности, которые членят „Слово" на ритмические единицы. Оставалось лишь найти критерии для определения этих основных длительных пауз, а тем самым, стало быть, и для определения ритмических единиц. Мне представлялось, что критериями этими являются: 1) смысловая и синтаксическая завершенность, 2) синтаксический параллелизм, 3) скопление безударных слогов, так как в этом случае ощущается замедление или перерыв ритма, 4) дактилические окончания, 5) рифма и другие аналогичные звуковые соответствия, 6) анафора, наконец, также и соотносительность ритмических единиц между собой и общая синтаксическая структура памятника в целом.

Посредством этих критериев мною найдены были композиционные строфические куски (которых я насчитываю 44) и ритмические единицы в тексте (в количестве 500). Ритмические единицы представляют собой или синтагмы, или группы синтагм. Их соотносительность и размеренность создавали речь настолько близкую к стиху, в нашем понимании, что она могла произноситься напевно. Можно с известным приближением говорить о том, что „Слово" состоит из ритмической полупрозы, полупрозы с напевной риторической интонацией и высокоорганизованной в ритмическом отношении речи, подобной „стихам", находящимся в количественном взаимоотношении 1 : 3 : 4.

Слабонапевным, полупрозаическим, малоэмоциональным ритмом начинается „Слово". Но вот автор воодушевляется, говоря о Бояне, неожиданно появляется синтаксический параллелизм, неударные слоги отчетливее объединяются вокруг ударных, число слогов в смежных ритмических единицах (строках) подравнивается, звучит рифма, нейтральная интонация сменяется эмоциональной и напевной — и мы ощущаем стих.

Композиционно все „Слово" представляет собой мозаику, каждый кусок которой искусно сочетается с другим. Эта мозаичность композиции не нарушает целостности всего произведения. Ритмически каждый отрывок „Слова" закончен и ритмическими переходами связан с другим и искусно вплетается в общую ритмическую ткань.

Общая ритмичность „Слова" (в совокупности всех отдельных строфических кусков его) повышается в центральной главной части: в описании горя на Руси, сна Святослава, в рассказе бояр, в „Золотом Слове" Святослава, в обращении к князьям. Местами в центральную часть „Слова" вкраплены отрывки, которые мы ощущаем как стихи, причем иногда в этих „стихах" выражены обобщающие мысли. В третьей части, особенно ритмичной, „стихи" идут почти

[1] А. А. Потебня. Объяснение малорусской песни XVI века. „Слово о полку Игореве". Харьков. 1914. Стр. 192.

сплошь. Таким образом, мы видим, что общая ритмичность и целостность „Слова“ возрастает от начала к концу. Это связано с общим повышением эмоционального напряжения и лиричности „Слова“ к концу его. И везде, где мы видим наибольшее поэтическое напряжение, оно разрешается в восклицаниях, оформленных в „стих“.

Основным ритмообразующим элементом и элементом ритмической изобразительности является распределение пауз. Ритмические единицы (строки) с большим и малым количеством слогов распределяются в „Слове“, по крайней мере местами, с известной закономерностью в зависимости от содержания.

В наибольшем относительном количестве многосложные ритмические единицы встречаются в описании „Сна Святослава“, в „Плаче Ярославны“, где они идут сплошь одна за другой. Плавный ритм, который получается в результате редких пауз, в первом случае акцентирует то обстоятельство, что передается рассказ великого князя Киевского. Плавность придает его рассказу величие. Во втором случае плавность ритма придает речи мягкость и женственность. В обоих случаях чередование более многосложных ритмических периодов с менее многосложными, неравносложность их вызывают известное нарушение плавности ритма, которое как бы передает взволнованность речи говорящего. И „Сон Святослава“ и „Плач Ярославны“ заключаются короткими ритмическими периодами, служащими как бы концовкой.

Короткие строки встречаются в описании курских воинов и побега Игоря. В обоих случаях частотой пауз достигается стремительность ритма, соответствующая содержанию.

Таким образом найденные и так понимаемые ритмический строй „Слова“ и его форму я и старался воспроизвести в своем втором переводе.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРЕВОДЫ ПЛАЧА ЯРОСЛАВНЫ ПИСАТЕЛЕЙ XIX ВЕКА

ВАРИАЦИИ НА ТЕМЫ „СЛОВА" В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

ВАРИАЦИИ НА ТЕМЫ „СЛОВА" В ЛИТЕРАТУРЕ XIX—НАЧАЛА XX ВЕКА

ПРИМЕЧАНИЯ

Редактор М. Скрипиль

Художник И. Серов

Техн. редактор С. Брусиловская

Корректоры З. Петрова и Н. Тырса

М 33385. Подп. к печати 17/IX 1952 г. Формат бумаги 82×108/32—5,68 бум. л.=18,65 печ. л. Авт. л. 16,87. Уч.-изд. л. 20,0. Тираж 10000. Заказ № 1104. Цена 12 р. (по прейскуранту 1952 г.)

Типография № 3 Ленгорполиграфиздата

В настоящем томе по техническому недосмотру в списке членов редколлегии пропущена фамилия
А. Т. Твардовского

Слово о полку Игореве

